ИСТОРІЯ
РЕЛИГІЙ

Istoriia Religii ...

ИСТОРІЯ

РЕЛИГІЙ

И

ТАЙНЫХЪ РЕЛИГІОЗНЫХЪ ОБЩЕСТВЪ

И НАРОДНЫХЪ ОБЫЧАЕВЪ

ДРЕВНЯГО И НОВАГО МІРА

ДРЕВНІЙ МІРЪ

ТОМЪ ШЕСТОЙ

ГРЕЦІЯ И РИМЪ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
Типографія М. Хана, Графскій переулокъ № 5
1872

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вступленіе. — Географическій очеркъ Греціи. — Древніе и нынѣшніе нравы.—Острова и колоніи.—Области.—Ихъ заселеніе.—Первый періодъ.—Просвѣтители страны.—Второй періодъ. — Спарта и Аѳины. — Колоніи. — Третій періодъ.—Войны.—Покореніе Греціи. — Начало религіозной поэзіи. — Рапсоды. — Поэзія лирическая. — Философія и ея школы.—Исторія. — Краснорѣчіе.—Науки. —Нравственное вліяніе Греціи на ея поработителей.

Умственное развитіе каждаго народа въ прямой зависимости отъ климатическихъ и географическихъ условій обитаемой имъ страны и отъ событій политическихъ. Это аксіома, не подлежащая ни малѣйшему сомнѣнію. Вотъ почему, приступая къ обзору исторіи цивилизаціи древней Греціи, ея законодательства, нравовъ, обычаевъ, философскихъ школъ и біографій философовъ и мудрецовъ, мы считаемъ долгомъ бросить бѣглый взглядъ на географію древней Эллады и въ короткихъ словахъ разсказать о важнѣйшихъ политическихъ событіяхъ этой страны героевъ, даровитѣйшихъ поэтовъ, художниковъ и ученыхъ; страны, которую по всей справедливости можно назвать колыбелью европейской цивилизаціи, точно такъ-же какъ Индію—колыбелью цивилизаціи древняго міра.

Элладою или Греціею въ глубочайшей древности назывался юговосточный полуостровъ Европы, отдѣленный отъ материка съ сѣвера Камбунскими горами, съ запада ограниченный Іоническимъ моремъ, съ востока—Эгейскимъ, съ юга—Средиземнымъ. Нынѣ на этомъ участкѣ Европы находится—имперія турецкая—постепенно разрушающаяся и королевство Эллинское или греческое—слишкомъ безсильное, чтобы воскреснуть изъ подъ древнихъ раз-

валинъ. Въ нынѣшнихъ туркахъ точно такъ-же трудно узнать прежнихъ мусульманъ, какъ въ нынѣшнихъ грекахъ—потомковъ Мильціада и Ѳемистокла. Долговременное рабство измѣнило нравы жителей древней Эллады къ худшему и современный эллинъ, утративъ традиціональныя добродѣтели предковъ, богатъ единственно своими пороками. Горе странѣ, которая въ нравственномъ отношеніи оскудѣла до такой степени, что не можетъ обойтись въ гражданскомъ своемъ быту безъ иноземнаго ига, и призываетъ къ себѣ въ правители иноземца и иновѣрца. Ея удѣлъ—непрерывные мятежи и неурядицы, ведущія ее, шагъ за шагъ, къ конечному разрушенію. До двадцатыхъ годовъ текущаго столѣтія, Греція была порабощена Турціею и лежала засыпанная прахомъ славнаго минувшаго, блеклыми лавровыми листьями своей прежней славы и орашенныя кровью своихъ сыновъ, лежала она подобно античной статуѣ, поросшей мохомъ и обезображенной временемъ. Не сама она возстала въ началѣ двадцатыхъ годовъ: ее подняли христіанскія державы Европы; ее вызвали изъ ничтожества восторженные поэты (всегда плохіе политики), вообразивъ, что Греція—эта мраморная статуя, можетъ воскреснуть; приподнявъ ее изъ праха и напѣвая ей о подвигахъ героевъ древности, надѣялись вдохнуть въ нее живую душу... Увѣнчались-ли успѣхомъ эти благородныя усилія? Въ наше время на ряду съ европейскими державами, Греція остается все той-же бездушной, античной статуей, которую не оживитъ ни какой Пигмаліонъ, точто такъ-же какъ и Италію и Египетъ и Персію... Всѣ эти страны отжили свое время: не то статуи, не то набальзимированные трупы, онѣ не воскреснутъ для новой жизни и не явятся въ блескѣ минувшей славы. Въ настоящее время жизнь государствъ отжившихъ— судорожныя подергиванія труповъ подъ вліяніемъ гальваническаго тока. Вся Греція обширное кладбище давно минувшаго; кладбище, покрытое обломками гробницъ и памятниковъ, давно поросшихъ травою, мохомъ и лопушникомъ, осѣненныхъ обнаженными вѣтвями когда-то зеленѣвшихъ лавровъ, въ которыхъ современный эллинъ и не нуждается. Всѣ лавры былаго времени онъ охотно отдастъ за оливы, такъ какъ изъ нихъ можно добывать прованское и деревянное масло—доходныя статьи торговли.

„Оно хотя не видно.
Да сытно!“

какъ говоритъ пѣтухъ въ баснѣ, нашедшій жемчужное зерно, и говоритъ великую, практическую истину. Развалины древней Греціи не та-ли самая жемчужина на грудахъ навоза? Въ современной Греціи и до нынѣ есть Ѳемистоклы, Леониды, Мильціады, Аристиды (эти имена тамъ въ большомъ употребленіи), но Ѳемистоклы и Леониды—занимаются торговлею и ростовщичествомъ, Мильціады содержатъ харчевни, а Аристиды за деньги способны на какую вамъ угодно низость... Эти потомки, носящіе славныя имена предковъ, похожи на карликовъ, вырядившихся въ одежду гигантовъ.... Возвратимся, однако, къ географіи древней Греціи.

Берега полуострова изобилуютъ множествомъ заливовъ, мысовъ и перешейковъ. На юго-востокѣ Архипелагъ съ группами острововъ Спорадъ (разсѣянныхъ) и Цикладъ или Кикладъ (круговыхъ). Изъ первыхъ назовемъ: Лемносъ, Гефестію, Самоѳракію, Ѳазосъ, Эвбею, Эгину, Саламинъ, Аморгосъ, Іосъ и Мелосъ. Группу Цикладъ составляли острова: Ортигія, Теносъ, Андросъ, Кіонъ, Паросъ, Антипаросъ, Наксосъ и Делосъ. У западныхъ береговъ Греціи на Іоническомъ морѣ находилась группа острововъ, нынѣ именующихся Іоническими, въ древности-же называвшими Киѳера (Чериго), Сфагія, Закинфъ (Занте) Кефалонія или Саме, Корцира (Корфу), Итака (Ѳеаки) и Левкадія. Къ Греціи причислялись также Критъ (Кандія) и острова малоазіатскіе: Лесбосъ, Хіосъ и Родосъ. По географическому своему положенію Греція была призвана къ воспринятію просвѣщенія путемъ торговыхъ сношеній съ берегами Малой Азіи и Африки, и очертаніемъ своихъ береговъ напоминающая развѣтвленія корней древесныхъ, Греція для Европы была дѣйствительно (въ отношеніи нравственномъ) тѣмъ-же, чѣмъ бываетъ корень для дерева: какъ животворный сокъ по вѣтвямъ, такъ такъ изъ Греціи, по всѣмъ странамъ Европы,—распространились начатки гражданскаго благоустройства, наукъ и искуствъ.

Въ древности эта страна дѣлилась на сѣверную, среднюю и южную. Первую составляли двѣ области: Ѳессалія и Эпиръ.

Θессалія славилась плодородіемъ почвы, не смотря на гористое свое положеніе. Изъ ея горъ назовемъ: Олимпъ, Пиндъ, Θіамъ, Оссу и Пеліонъ; изъ рѣкъ: Пеней, вмѣстѣ съ Апиданомъ, орошавшій Темпейскую долину; Онхестъ, Ахелой, Инахъ. Эллада или средняя Греція состояла изъ четырехъ областей: Аттики, Віотіи или Беотіи, Фокиды и Локриды. Здѣсь, достойны упоминанія горы: Эта, Парнассъ, Кнемидъ, Геликонъ, Киθеронъ, Гиметтъ, Лаврій; рѣки: Кефисъ, Θермиссъ, Азопъ, Илиссъ. Въ южной Греціи или Пелопонезѣ находились области: гористая и богатая пастбищами Аркадія; Лаконія, Элида, Ахаія, Сикіонія и Коринθъ. Изъ рѣкъ достойны упоминанія: Алфей и Эвротасъ; изъ горъ — Тайгетъ.

Климатъ древней Греціи могъ назваться, по всей справедливости, благорастворенными: теплый, ароматный воздухъ, ясная лазурь; богатая разнообразнѣйшими произведеніями почва... всѣ эти блага были по достоинству оцѣнены первобытными жителями Греціи, Пеласгами. Такъ именовались выходцы изъ Финикіи, Египта и Ливіи, заселившіе Пелопонезъ около 1800 г. до Р. X. Отсюда они, мало по малу, распространились по средней и по южной Греціи и, покоривъ туземныхъ дикарей, внушили имъ первыя понятія о необходимыхъ ремеслахъ, о гражданскомъ благоустройствѣ и о религіи. Въ послѣднемъ случаѣ, именно въ религіозныхъ вѣрованіяхъ Греціи, видимъ смѣсь всѣхъ религій древняго міра и иначе не могло быть въ странѣ, заселенной инородцами и иновѣрцами, которымъ дикіе туземцы, наряду съ мнимыми божествами, воздавали божескія почести. Сравнительно, просвѣщенные пришельцы вызвали туземцевъ изъ пещеръ и лѣсныхъ чащъ, научили ихъ строить жилища и группировать ихъ въ селенія; изъ селеній возникли города. Тѣ же самые переселенцы обучили туземцевъ прирученію дикихъ животныхъ, обработкѣ земли; горшечному, кузнечному и ткацкому мастерствамъ. Явились первые города: Аргосъ, Сикіонъ, Эфира (Коринθъ), Спарта, Микены. Около 1600 г. до Р. X. въ Греціи появились новые переселенцы: Θракіяне и Эллины съ сѣвера, африканскіе и азіатскіе выходцы съ юга. Пеласги, тѣснимые ими, переселялись въ Италію, на сосѣдніе острова, частію покорились новымъ властителямъ. Эллинами предводилъ Дев-

каліонъ, о которомъ мы уже говорили въ миѳологіи; отъ двухъ его внуковъ: Дора и Эола произошли племена Дорянъ и Эолянъ, отъ двухъ правнуковъ: Ахая и Іона—Ахаяне и Іоняне. Кромѣ этихъ племенъ существовали еще потомки третьяго сына Девкаліона, именовавшагося Амфиктіономъ, и бывшаго основателемъ перваго судилища для всей Греціи. Изъ пришельцевъ съ юга особенно прославились: египтянинъ Кекропсъ, поселившійся въ Аттикѣ (въ 1550 г. до Р. X.); финикіянинъ Кадмъ—въ Віотіи; египтянинъ Данай — въ Аргосѣ (оба въ 1500 г. до Р. X) и фригіецъ Пелопсъ—въ Пелопонезѣ (1400 г. до Р. X).

Кекропсъ, основатель Аѳинъ, былъ первымъ законодателемъ; учредилъ судилище Ареопагъ и ввелъ служеніе Юпитеру. Изъ его потомковъ особенно прославились: Тезей и Кодръ.

Кадмъ основалъ Ѳивы (сначала именовавшіеся Кадмеею) и ознакомилъ грековъ съ кузнечнымъ мастерствомъ и съ употребленіемъ письменъ.

Данай обучилъ грековъ земледѣлію, строительному искуству и сопряженнымъ съ послѣднимъ наукамъ и ремесламъ. Изъ его потомковъ особенно прославился Геркулесъ. Изъ потомковъ Пелопса—Агамемнонъ. Пятый переселенецъ въ Грецію—Девкаліонъ былъ современникомъ Кекропса.

Въ теченіе почти семи вѣковъ (1800—1185 г. до Р. X.) Греція—до того времени пустынная, безлюдная, заселилась и въ ней появились города и первые признаки гражданскаго благоустройства, а жители ея, сравнительно, развились и просвѣтились. Области, заселенныя разными племенами, были подчинены правителямъ (царямъ); земледѣліе и скотоводство были главными источниками народнаго богатства. Походъ Аргонавтовъ и походъ троянскій доказали древнему міру до какой степени силенъ и могучъ греческій флотъ и на сколько опасны сосѣднимъ царствамъ воинственныя племена Греціи, во время обоихъ походовъ ополчавшіяся въ одну огромную рать — мужественную, непобѣдимую.

Второй періодъ греческой исторіи—отъ временъ разоренія Трои до начала персидскихъ войнъ (1185—500 л. до Р. X.) былъ періодомъ высшаго умственнаго развитія Греціи. Третій періодъ — отъ начала персидскихъ войнъ до покоренія Греціи

македонянами (500—333 г. до Р. X.) представляетъ картину воинской славы этой страны и постепеннаго склоненія ея къ упадку.

Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ десятилѣтняго троянскаго похода былъ переворотъ въ политическомъ составѣ Греціи. Цари, возвратившіеся изъ похода, принуждены были силою оружія отнимать свои области у самозванцевъ, овладѣвшихъ ими. Геракліды, потомки Геркулеса, ополчась вмѣстѣ съ доріанами и эллинами, вторгнулись въ Пелопонезъ и въ теченіе ста лѣтъ вся Греція была опустошена междоусобными войнами (1100 л. до Р. X.). Многіе жители принуждены были бѣжать въ Малую Азію, въ Италію, въ южную Испанію и Францію. Всѣ греческія области, кромѣ Эпира, перемѣнили правленіе монархическое на республиканское. Изъ множества республикъ, могущественнѣйшими явились: Спартанская и Аѳинская. Виновникомъ славы и могущества первой, мудрымъ ея законодателемъ, преобразователемъ нравовъ и обычаевъ былъ Ликургъ (880 л. до Р. X.). Аѳины, бѣдствовавшіе сначала подъ кровавыми законами Дракона, въ кроткомъ Солонѣ обрѣли справедливаго и мудраго блюстителя ихъ нравственности и умственнаго развитія. Спарта была славна, благодаря воинскимъ доблестямъ суровыхъ своихъ гражданъ; науки и искуства были источниками славы и могущества Аѳинъ. Родственникъ Солона Пизистратъ, благодаря чрезмѣрному своему богатству, дарованіямъ и хитрости присвоилъ верховную власть и возстановилъ въ Аѳинахъ правленіе монархическое, на что ни мало не сѣтовали аѳиняне, такъ какъ въ царствованіе Пизистрата, подъ кровомъ мира, процвѣтали науки, искуства и торговля. Сыновья его Гиппій и Гиппархъ наслѣдовали ему, но аѳиняне, опасаясь утвержденія династіи, а съ нею и тираніи, возмутились: Гиппархъ былъ убитъ; Гиппій бѣжалъ въ Персію. Вмѣшательство Спарты во внутреннія дѣла Аѳинъ было причиною столкновенія между собою обѣихъ республикъ, однако же враждовавшія стороны примирились въ виду угрожавшаго имъ вторженія персовъ.

Въ теченіе втораго періода, греческіе эмигранты и торговцы основали многія колоніи на берегахъ малой Азіи, морей: Мраморнаго, Чернаго и Азовскаго; въ южной Италіи, Франціи, Испаніи и Африкѣ. Изъ малоазіатскихъ колоній назовемъ: Митилене,

Хіо, Самосъ, Патмосъ, Косъ, Смирну, Эфесъ, Милетъ. Въ нынѣшнемъ Крыму и въ Новоросейскомъ краѣ: Танъ (нынѣшній Азовъ), Мелитополь (нынѣшній Берделавль), Пантикапея (Керчь), Херсонисъ Таврическій. Въ Кавказскомъ краѣ: Фанагорія (Тамань), Фазисъ. Въ южной Италіи: Тарентъ, Сибарисъ, Кротона, Реджіо, Куми, Неаполь, Сиракузы, Агригентъ. Въ Испаніи: Сагунтъ. Въ южной Франціи: Массилія (Марсель). Въ Африкѣ: республика Киренейская.

Начало третьяго періода ознаменовалось длиннымъ рядомъ непрерывныхъ войнъ: съ персами (500 — 450 л. до Р. X.) междоусобною Пелопонезскою (431—404), съ Артарксерксомъ Мнемономъ (387 до Р. X.), Ѳиванскою (370—361), наконецъ священною или Фокейскою (338 г. до Р. X.), слѣдствіемъ которой было покореніе Греціи Филиппомъ, царемъ македонскимъ. Во все продолженіе этого кроваваго періода, встрѣчаемъ въ исторіи Греціи имена героевъ, незабвенныхъ въ памяти потомства; таковы: Мильціадъ побѣдитель Дарія Гиспаспа на поляхъ Мараѳонскихъ; Ѳемистоклъ и Аристидъ; Леонидъ, обезсмертившій себя геройскою смертью въ ущельяхъ Ѳермопильскихъ; Павзаній побѣдитель Ксеркса при Платеѣ: Кимонъ, Периклъ, Алкивіадъ, Лизандръ, Ксенофонтъ, Агезилай, Пелопидъ и Эпаминондъ. Предъ этими именами меркнутъ имена героевъ Аргонавтовъ и славныхъ завоевателей Трои, къ разсказамъ о подвигахъ которыхъ примѣшано такъ много баснословной мишуры, что трудно отдѣлить правду отъ лжи!

Съ окончаніемъ политическаго бытія Греціи не прекратилась ея умственная жизнь; тѣло политическое обратилось въ прахъ, но съ нимъ не истлѣла безсмертная душа, втеченіе многихъ вѣковъ еще продолжавшая свою дѣятельность подъ игомъ македонскимъ и римскимъ. Наконецъ Греція и Римъ слились въ одну державу; и тотъ и другая отступились отъ язычества, чтобы воспринять ученіе евангельское. Когда же честолюбіе первосвященниковъ римскихъ увлекло ихъ до искаженія догматовъ вѣры Христовой — Византія отложилась отъ ихъ власти и явилась ревностною за-

щитницею церкви единой, апостольской и хранительницею православія (871 г. по Р. Х. раздѣленіе церквей).

Бѣглый очеркъ политической исторіи Греціи, представленный нами, можно назвать остовомъ великой страны, историческія событія — ея плотью и кровью. Согласно программѣ, предвзятой нами, мы по возможности будемъ уклоняться отъ разсказовъ, касающихся, такъ сказать, органическаго бытія Греціи, такъ какъ главный предметъ нашего труда ея умственная дѣятельность, ея духовное развитіе. И это бытіе, подобно политическому, можно раздѣлить на четыре періода слѣдующимъ образомъ:

Первый періодъ. Начало поэзіи религіозной. Космогоніи, ѳеогоніи и герогоніи воспѣвали таинства религіи, происхожденіе міровъ и божествъ, празднества, жертвоприношенія и подвиги героевъ. Изъ этихъ произведеній младенческаго лепета новорожденной поэзіи сложилась вся греческая миѳологія. Творенія первобытныхъ поэтовъ утрачены и только ихъ имена сохранились отъ забвенія, благодаря ихъ позднѣйшимъ преемникамъ. Первыми греческими поэтами были: Линъ, Памфъ, Амфіонъ, Эвмолпъ Мелампъ, Филаммонъ, Тамирисъ, Палефатъ, Орфей и Музей, жившіе между 1800 и 1000 г. до Р. Х.

Періодъ второй. Начало эпопеи, т. е. поэзіи героической. Страсть грековъ къ прославленію подвиговъ ихъ предковъ образовала особенный классъ странствующихъ пѣвцовъ рапсодовъ — живыхъ лѣтописей, разсказывавшихъ народу о временахъ давно минувшихъ и о герояхъ, прославившихся великими подвигами. Рапсоды распѣвали пѣсни, сложенныя другими поэтами, иногда импровизировали сами. Барды у древнихъ кельтовъ и каледонянъ, миннензенгеры въ средне-вѣковой Германіи, трубадуры и менестрели въ Провансѣ и южной Франціи, кобзари въ Малороссіи — то же самое, что были рапсоды въ древней Греціи. У насъ, въ Россіи, рапсодами были калики перехожіе и нищіе, пѣвшіе Лазаря, или иныя, но всегда духовныя пѣсни. Существенная разница между рапсодами древней Греціи и нашими доморощенными, заключается въ томъ, что рапсоды, напоминая правнукамъ о подвигахъ ихъ предковъ, внушали имъ благородную гордость и поддерживали въ нихъ традиціональное мужество, наши

же нилы только распространяли превратныя понятія о религіозныхъ догматахъ и служили невольными орудіями расколовъ. Представителями рапсодовъ греческихъ, во второмъ періодѣ умственнаго развитія Греціи являются: Гомеръ и Гезіодъ. Вслѣдствіе благоговѣнія грековъ къ памяти Гомера въ Іоніи появились Гомериды, поколѣнія рапсодовъ, посвящавшія всю жизнь на распространеніе его пѣснопѣній. Изъ подражателей великому поэту образовалась школа циклическихъ поэтовъ, въ пѣсняхъ своихъ подражавшихъ размѣру благозвучныхъ гекзаметровъ Иліады и Одиссеи. Гезіодъ жилъ двумя вѣками позже Гомера; его послѣдователи образовали особую школу поэтовъ гезіодическихъ, избиравшихъ предметами своихъ пѣсенъ гимны богамъ, теогонія, космогоніи, гигантомахіи, титаномахіи и проч. Къ этому же времени относится и появленіе сатиры. Первыя произведенія въ этомъ родѣ принадлежали Архилоху, уроженцу паросскому, жившему лѣтъ черезъ двѣсти послѣ Гомера. Инаго точнѣйшаго опредѣленія сатирѣ не можемъ сдѣлать, какъ употребивъ сравненіе. Колкость—иголка и сатира—тоже; но остріе послѣдней всегда намазано ядомъ желчи. Рана первой—излечима; второй—никогда! Второй періодъ продолжался съ 1000 по 700 годъ до Р. Х.

Третій періодъ. Времена Солона; начало поэзіи лирической, драматической и философіи у грековъ. Первыми лириками были: Каллинъ эфезскій и аѳинянинъ Тиртей, писавшіе оды героическія, Алкей соотечественникъ и современникъ Сафо; Стесихоръ сицилійскій, Бакхилидъ и ѳивянинъ Пиндаръ—славнѣйшій изъ лириковъ. Около этого времени Аріонъ изъ Метимны изобрѣлъ диѳирамбъ, а Терпандръ—застольныя пѣсни. Эротическими и элегическими стихотвореніями прославились: Сафо, Миртида, Коринна, Симонидъ и Анакреонъ. За тѣмъ, поэзія лирическая стала приходить въ упадокъ: поэзія драматическая стала брать надъ нею замѣтный перевѣсъ. Основателемъ искуства драматическаго былъ Ѳесписъ аѳинянинъ, современникъ Солона; Фринихъ ученикъ Ѳесписа сдѣлалъ нѣкоторыя улучшенія, но произведенія ихъ обоихъ еще не имѣли ни изящной формы, ни достоинства поэтическаго. Послѣ

того, поэзія драматическая раздѣлилась на трагедію и комедію. Эсхилъ, Софоклъ и Эврипидъ въ трагедіяхъ достигли высокаго совершенства; Эпихармъ, Кратинъ и Эвполисъ были первыми комиками. Истиннымъ создателемъ греческой комедіи былъ Аристофанъ (современникъ Сократа), а ея усовершенствователемъ—Менандръ. По мѣрѣ ослабленія лирическаго вдохновенія въ грекахъ, въ нихъ начала развиваться склонность къ разсужденію и мудрствованію. Умъ великаго народа созрѣлъ и недовольствуясь наслажденіями поэзіи сталъ жаждать знанія... Возникла философія, основателями которой были гномическіе поэты; баснописцы, и—такъ называемые—мудрецы. Изъ гномическихъ поэтовъ извѣстны: Θеогнисъ, Прокилидъ, Ксенофанъ; изъ баснописцевъ Эзопъ. Прозвища мудрецовъ снискали: Солонъ, Періандръ коринѳскій, Питтакъ лесбійскій, Θалесъ милетскій, Клеовулъ лидійскій, Віасъ пріенскій и Хилонъ эфоръ спартанскій. При самомъ своемъ началѣ философія дѣлилась на школы. Первая изъ нихъ была основана Θалесомъ и именовалась Іоническою. Ксенофонъ основалъ школу элеатическую. Зенонъ элеецъ и ученикъ его Левкиппъ положили основаніе второй школѣ элеатиковъ. Ученики Θалеса—Пиѳагоръ и Ферекидъ скиросскій образовали школу пиѳагорейскую или италіанскую. Въ исходѣ V вѣка до Р. Х. возникла школа софистовъ. Изъ послѣдователей этого ученія особенно прославились: Протагоръ, Горгій, Гиппій, Продика и Критій. Противникомъ софистовъ явился Сократъ. Изъ его учениковъ достойны упоминанія: Аристиппъ, Антисѳенъ, Эвклидъ и Платонъ. Каждый изъ нихъ былъ основателемъ особой философской школы.

Аристиппъ основалъ школу киринейскую и имѣлъ послѣдователями Эгесія, Θеодора и Анникериса. Главою школы цинической былъ Антисѳенъ, изъ учениковъ котораго особенно прославился Діогенъ. Эвклидъ образовалъ школу мегарскую; Платонъ — академическую, бывшую разсадникомъ славнѣйшихъ философовъ. Изъ нея вышли: Ксенократъ, Полемонъ, Кратесъ, Кранторъ и Аристотель. Послѣдній былъ основателемъ школы перипатетической. Славнѣйшими перипате-

тиками были: Өеофрастъ, Аристоксенъ и Димитрій фалерійскій.

Въ исходѣ IV вѣка до Р. Х. возникли еще три школы: эпикурейцевъ (Эпикуръ), скептиковъ (Пирронъ) и стоиковъ (Зенонъ).

Одновременно съ развитіемъ философіи преуспѣвали науки. Изъ поэзіи эпической образовалась исторія или логографія. Первыми историками были: Кадмъ, Гекатей, Діонисій, и Гелланикъ. Около 450 г. до Р. Х. явился Геродотъ голикарнасскій — отецъ исторіи, подобно тому, какъ Гомеръ былъ отцемъ эпопеи. Өукидитъ и Ксенофонтъ были достойными его послѣдователями. „Ораторами дѣлаются, поэтами родятся (fiunt oratores, poetae nascuntur)“, сказалъ одинъ древній писатель и искуство ораторское, порожденное необходимостью, особенно процвѣтало въ Аөинахъ, граждане которыхъ вообще славились словоохотливостью. Краснорѣчіе раздѣлилось на три рода: политическое, судебное и софистическое. Витіи перваго рода нерѣдко имѣли вліяніе на судьбы Аөинъ и даже всей Греціи. Пизистратъ, Өемистоклъ, Кимонъ, Периклъ и Алкивіадъ въ равной степени совершенства владѣли мечемъ и языкомъ, а рѣчи Демосөена стоили меча опытнѣйшаго полководца. Въ краснорѣчіи судебномъ пріобрѣли извѣстность: Антифонъ, Исей, Лидій и Андокидъ. Изъ витій-софистовъ назовемъ: Продина, Горгія, Прасимаха и Каллистрата.

Въ этомъ же третьемъ періодѣ процвѣтали въ Греціи математика и медицина, равно какъ и всѣ отрасли наукъ съ ними тѣсно связанныя. Изъ математиковъ прославились: Архита, Өеодоръ, Пилолай, Эвдоксій, Геликонъ и Антомахъ. Кромѣ того, у многихъ философовъ, математическія науки полагались основою ихъ ученія. Медицина, происхожденіемъ своимъ въ Греціи обязанная Эскулапу, совершенствовалась благодаря стараніямъ Асклепіадовъ, впослѣдствіи времени раздѣлившихся на двѣ школы: книдскую и косскую. Съ именемъ послѣдней неразлучно безсмертное имя Гиппократа.

Продолжительность третьяго періода можно опредѣлить въ 400 лѣтъ, т. е. съ 700 по 300 г. до Р. Х.

Четвертый періодъ. Покоренная македонянами, а впослѣдствіи времени римлянами, Греція, въ отношеніи умственномъ сама была властительницею надъ своими поработителями, подобно женѣ, властвующей надъ мужемъ. Непобѣдимый Александръ Македонскій образованіемъ своимъ обязанный Аристотелю, Александръ—непреклонный герой, преклонился предъ именемъ Гомера и сохранялъ Иліаду въ золотомъ ковчегѣ. Его преемники усвоили греческую образованность и языкъ эллиновъ былъ владычествующимъ во всѣхъ областяхъ громадной державы Македонскаго. Словесность и науки, пришедшія въ упадокъ въ Аѳинахъ, процвѣтали въ Александріи. Сонмъ ученыхъ этого періода извѣстенъ подъ общимъ именемъ школы александрійской. Четвертый періодъ продолжался отъ 300 г. до Р. Х. до 325 г. по Р. Х. Римляне, наслѣдовавшіе послѣ Александра Великаго обладаніе надъ древнимъ міромъ, поклонялись идоламъ Греціи... она же была просвѣтительницею Рима.

Мы прослѣдимъ подробно исторію умственнаго развитія древней Греціи, располагая ее по вышеприведеннымъ періодамъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Гомеръ.—Сказки о его происхожденіи.—Сказаніе Геродота.—Скитанія Гомера.—Иліада и Одиссея.—Время, въ которое жилъ Гомеръ. — Батрахоміомахія.—Соединеніе рапсодій Гомера въ цѣлую поэму.—Гезіодъ.—Его произведенія.—Сатирикъ Архилохъ.—Ликургъ.—Его происхожденіе.—Рожденіе Херелая.—Законы Ликурга.—Надѣлъ землею.—Новая монетная система.—Искорененіе пьянства.—Поголовное ополченіе. — Воспитаніе дѣтей. — Бракъ.—Спартанки. — Яства и напитки.—Организація войскъ.—Смерть Ликурга.—Двѣ сказки о немъ.—Ихъ истолкованіе.

Дѣйствительно-ли существовалъ Гомеръ, или это личность вымышленная? Этотъ вопросъ долгое время занималъ древнихъ, ста-

ринныхъ и новѣйшихъ ученыхъ и донынѣ еще можетъ назваться спорнымъ. Въ Греціи семь городовъ оспаривали другъ у друга честь назваться отчизною Гомера. Приписывая ему божественное происхожденіе, древніе слагали о происхожденіи царя поэтовъ многія сказки. Отцемъ его называли египтянина Дамасгора; матерью—Эхру; кормилицею жрицу-прорицательницу. Въ минуту появленія младенца на свѣтъ девять голубицъ спустились на его колыбель и онъ игралъ съ ними. Когда же пришло время начать говорить, младенецъ Гомеръ запѣлъ девятью разными голосами...

Подобныя сказки слагались у всѣхъ древнихъ народовъ о ихъ геніальныхъ соотечественникахъ. Не мало чудесъ расказывали индусы о Буддѣ; китайцы о Фо-ги, Кунг-фу-тзи и о прочихъ своихъ законодателяхъ; персы—о Зороастрѣ, халдеяне—о Семирамидѣ... Довольно сказокъ и басень сообщили мы читателямъ нашимъ въ греческо-римской миѳологіи и потому, не останавливаясь на фантастическихъ сказаніяхъ о происхожденіи Гомера, обратимся къ правдѣ, т. е. къ исторіи. Вотъ что расказываетъ Геродотъ о происхожденіи Гомера.

У аѳинянина Меланиппа, переселившагося въ Іонію и жившаго въ Кумахъ, была дочь Криѳеида и другъ Клеанаксъ. Меланиппъ, умирая, поручилъ дочь его попеченіямъ, но недостойный опекунъ обольстилъ свою питомицу, и Криѳеида, чтобы скрыть позоръ, принуждена была удалиться въ Смирну. Здѣсь она родила младенца, названнаго Гомеромъ, и чтобы поддерживать свое существованіе принуждена была заниматься пряжею шерсти. Содержатель школы и учитель музыки Фемій познакомился съ Криѳеидой, принялъ въ ней искреннее участіе, женился на ней и усыновилъ Гомера, которому далъ превосходное образованіе. Послѣ смерти матери и нареченнаго своего отца, Гомеръ продолжалъ содержать его школу, нажилъ порядочное состояніе и пріобрѣлъ извѣстность, какъ добросовѣстный и опытный воспитатель юношества. Прибывшій въ Смирну на кораблѣ торговецъ Ментесъ пазнакомился съ Гомеромъ и своими разсказами о чужихъ странахъ имъ видѣнныхъ возбудилъ въ будущемъ авторѣ Иліады живѣйшее желаніе видѣть чужіе края. Закрывъ школу, Гомеръ на кораблѣ Ментеса посѣтилъ берега Малой Азіи и на

нихъ развалины Трои; Испанію, Италію, островъ Итаку—царство Улисса. Разсказы старожиловъ о подвигахъ грековъ подъ стѣнами Трои дали Гомеру первую мысль воспѣть стихами участь царства Пріама и во время своего путешествія Гомеръ, запасшись богатыми матеріалами для своихъ безсмертныхъ поэмъ, начерталъ планъ Иліады и Одиссеи, отдѣлывая каждую пѣснь не послѣдовательно, но по мѣрѣ вдохновенія. Богатымъ въ отношеніи нравственномъ и—почти нищимъ—въ отношеніи матеріальномъ Гомеръ возвратился на родину. Чтобы снискивать пропитаніе онъ сдѣлался рапсодомъ (странствующимъ пѣвцомъ) и, скитаясь по городамъ малой Азіи, питался милостынею слушателей, которымъ пѣлъ отрывки изъ Иліады. На островѣ Хіосѣ ему удалось открыть небольшую школу, здѣсь же онъ женился, прижилъ съ женою двухъ дочерей и лишился зрѣнія. Безжалостные птицеловы выкалываютъ глаза соловьямъ, чтобы они постоянно пѣли: точно такъ же и, какъ будто съ той же самой цѣлію, поступила съ Гомеромъ безжалостная судьба! Отчужденный отъ внѣшняго міра, бѣдный слѣпецъ погрузился въ міръ идеальный, призрачный, въ которомъ воображеніе является творцомъ неутомимымъ. Пѣснопѣнія слѣпца чрезъ сотни устъ распространились по малой Азіи, отсюда проникли въ Грецію, возбуждая всеобщій восторгъ и удивленіе. Съ цѣлію ознакомить Грецію съ Иліадой и Одиссеей, Гомеръ отправился въ эту страну, но достигнувъ острова Іоса (одного изъ Спорадъ), онъ заболѣлъ и скончался, хотя въ произведеніяхъ своихъ на многіе вѣка пребудетъ безсмертенъ въ памяти отдаленнѣйшаго потомства. Цѣлыя поколѣнія циклическихъ поэтовъ подражали ему, но отъ глубочайшей древности и донынѣ еще не нашелся ни одинъ, который могъ бы сравняться съ Гомеромъ.

Временемъ его существованія вообще принято считать X вѣкъ до Р. X. (970—900 г.), хотя и въ этомъ случаѣ, дѣло безъ споровъ между учеными не обходится. Одни говорятъ, будто Гомеръ жилъ черезъ 50 лѣтъ послѣ разрушенія Трои (1125—955 л. до Р. X.), другіе отдаляютъ эту эпоху на сто лѣтъ (925—825 л. до Р. X.). Среднее число (900), во всякомъ случаѣ, самое вѣроятное.

Иліада и Одиссея несомнѣнно единственныя произведенія Гомера, чего никакъ нельзя сказать о шутовской поэмѣ Батрохоміомахіи, воспѣвающей войну лягушекъ съ мышами, приписываемой Гомеру, но отъ которой онъ такъ-же далекъ, какъ вершины Парнасса и Олимпа далеки отъ какого-нибудь болота. Батрохоміомахія относится къ Иліадѣ, какъ мраморная колоссальная статуя, изваянная Праксителемъ или Фидіемъ къ карикатурной, алебастровой куколкѣ. Эта поэма—пародія на Иліаду, написанная не Гомеромъ, но какимъ-то неизвѣстнымъ поэтомъ, по крайней мѣрѣ черезъ триста лѣтъ послѣ него. Она, въ своемъ родѣ, достойна вниманія, но чтобы называть ее произведеніемъ Гомера, для этого надобно имѣть весьма ограниченныя понятія о безсмертномъ поэтѣ.

Спартанскій законодатель Ликургъ (о которомъ мы поговоримъ ниже), во время своего путешествія по Малой Азіи, собралъ и привелъ въ порядокъ всѣ пѣсни Иліады и, такимъ образомъ, ознакомилъ древній міръ съ этимъ совершенствомъ поэзіи. Въ десяткахъ тысячахъ списковъ, изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ Иліада и Одиссея дожили до времени изобрѣтенія книгопечатанія, навсегда упрочившаго ихъ безсмертія. Первое изданіе Иліады напечатано было въ Римѣ въ 1517 году, Обѣ поэмы были переведены на всѣ европейскіе языки, тысячи коментаторовъ писали толкованія не только на поэмы, даже на нѣкоторые ихъ стихи, отдѣльно взятые. Мы, русскіе, можемъ гордиться переводомъ Иліады въ гекзаметрахъ Гнѣдича, Одиссею перевелъ Жуковскій не съ подлинника, а съ нѣмецкаго перевода.,. и то, да не то. Иліада и Одиссея—драгоцѣнны не въ одномъ только литературномъ отношеніи; та и другая—неистощимыя сокровищницы, содержащія въ себѣ свѣденія о древности, важныя для историка, естествоиспытателя, законодателя и художника.

Гезіодъ, ошибочно почитаемый современникомъ Гомера, жилъ позже его, по крайней мѣрѣ двумя вѣками. Отецъ его бѣднякъ, обремененный семействомъ, жилъ въ Кумахъ, откуда Гезіодъ переселился въ Аскру близъ Геликона и съ юныхъ лѣтъ посвятилъ себя служенію музамъ. На состязаніи поэтовъ при погребеніи Амидамаса, царя халкисскаго, онъ удосто-

ился первой награды, состоявшей изъ золотаго треножника, который былъ отданъ Гезіодомъ въ храмъ музъ. Діонъ-златоустъ (Хритостомъ) утверждаетъ, будто Гезіодъ соперничалъ съ Гомеромъ, что положительно отрицаютъ Авръ-Геллій, Сенека и Павзаній; не вѣрнѣе-ли принять слово: соперникъ, въ томъ смыслѣ, что талантомъ своимъ Гезіодъ могъ потягаться съ Гомеромъ? Изъ произведеній Гезіода до насъ дошли; 1) Труды и дни (Opera et dies), 2) Щитъ Геркулеса и 3) Ѳеогонія. Первая поэма, сочиненная Гезіодомъ въ назиданіе брату своему Персесу, заключаетъ въ себѣ руководства дла земледѣльческихъ работъ и многія нравственныя разсужденія. Эта поэма послужила Виргилію-Марону образцомъ для его Георгикъ. Первое печатное изданіе Трудовъ и Дней вышло въ Миланѣ въ 1493 году; венеціанское Альда Мануччи (1495 года) почитается образцовымъ. Щитъ Геркулеса, поэма, воспѣвающая подвиги этого героя, есть отрывокъ изъ утраченныхъ для потомства Героидъ, сочиненный Гезіодомъ, съ содержаніемъ котораго читатели наши отчасти знакомы по заимствованіямъ, дѣланнымъ нами при обзорѣ миѳологіи. Кромѣ этихъ трехъ сочиненій Гезіодомъ были написаны, но не дошли до насъ: 4) Великій астрономическій годъ; 5) Похвальное слово на могилы Батраха, друга Гезіода; 6) Ѳетида и Пелей, эпиталама [1]); 7) Вокругъ свѣта, произведеніе на которое дѣлаютъ многія ссылки Страбонъ и Плиній; 8) Сошествіе Тезея въ адъ; 9) Волхованіе; 10) Великіе труды; 11) Бракъ Ѳеиксы.

Уроженецъ Пароса Архилохъ, жившій за 700 л. до Р. Х. былъ отцемъ греческой сатиры. Предметъ стихотвореній этого рода — осмѣяніе пороковъ. Браня дурное и вредное, сатирикъ въ тоже время не можетъ не хвалить доброе и хорошее; слѣдовательно Архилохъ, будучи первымъ сатирикомъ, въ тоже время былъ и однимъ изъ первыхъ греческихъ моралистовъ.

Упомянутые нами поэты жили въ тотъ періодъ бытія Греціи,

---

[1]) Отъ греческихъ словъ эпи — надъ и таламосъ или ѳаламосъ: брачное ложе. Такъ назывались пѣснопѣнія въ честь новобрачныхъ, которыя читались или воспѣвались при бракосочетаніяхъ.

когда эта страна, раздираемая междоусобіями, дробилась на многія республики, изъ которыхъ особённо прославились спартанская и аѳинская. Основателемъ первый былъ Ликургъ, славнѣйшій и первый изъ законодателей Греціи (880 г. до Р. Х.).

Въ десятомъ колѣнѣ потомокъ Геркулеса, Ликургъ былъ сыномъ царя Проклесса (или Эвнома) и братомъ царя спартанскаго Полидекта. Послѣдній, умирая, хоть и оставилъ послѣ себя вдову, но завѣщалъ престолъ Ликургу. Мудрый и правосудный преемникъ Полидекта взялъ на себя трудную обязанность правителя и въ тоже время вдовствующая царица объявила себя беременною. Эта вѣсть, ужасная для тирана, принудила Ликурга принять всѣ мѣры къ упроченію законныхъ, наслѣдственныхъ правъ будущаго потомка покойнаго Полидекта. Царица, неравнодушная къ Ликургу, предложила ему свою руку, въ тоже время обѣщая умертвить младенца, если онъ будетъ мужескаго пола. Правитель наружно согласился на послѣднее предложеніе, но упросилъ царицу, чтобы она сама не убивала младенца, а немедленно по разрѣшеніи своемъ прислала его къ Ликургу, который (какъ онъ самъ говорилъ) уже знаетъ что надобно съ нимъ сдѣлать. Онъ сидѣлъ за ужиномъ, съ своими друзьями, когда посланные отъ царицы принесли къ нему рожденнаго ею мальчика. Будь на мѣстѣ Ликурга Ричардъ III, Годуновъ, Кромвель или Наполеонъ, тогда новорожденный младенецъ, разумѣется былъ-бы зарѣзанъ или отравленъ... но, Ликургъ, олицетворенное правосудіе, поступилъ иначе. Показавъ младенца присутствовашимъ онъ тотчасъже провозгласилъ его царемъ и объявилъ народу о рожденіи царицею наслѣдника покойному царю Полидекту. Въ память этого радостного событія новорожденный былъ названъ Херелаемъ (радость народная).

Давъ Спартѣ царя, Ликургъ озаботился дарованіемъ ей законовъ. Съ этой благой цѣлію онъ отправился путешествовать въ Египетъ и въ Малую Азію для изученія тамошней государственной администраціи и для заимствованія изъ тамошнихъ узаконеній тѣхъ, которыя могли быть примѣнимы къ Спартѣ. Восемнадцать лѣтъ путешествовалъ Ликургъ по чужимъ краямъ и вмѣстѣ съ запасами драгоцѣнныхъ свѣдѣній привезъ въ Грецію

(какъ мы уже говорили выше) полный списокъ Иліады. По возвращеніи въ Спарту Ликургъ нашелъ совершенное безначаліе и крайнее развращеніе нравовъ, угрожавшее гибельнымъ вліяніемъ самой породѣ жителей Спарты и Лакедемона. Мощной, желѣзной рукой Ликургъ исторгъ свою родину изъ смраднаго омута, въ которомъ она погрязла въ его отсутствіе; пересоздалъ ее; къ новой жизни призвалъ своихъ согражданъ, давъ имъ законы, донынѣ достойные удивленія потомства.

Сила полезна человѣку въ такомъ только случаѣ, когда она подчинена разуму, дающему ей направленіе и указующему ей добрую цѣль. Силами государства Ликургъ назвалъ войско и народъ; разумомъ — правительство. Послѣднее состояло изъ двухъ царей, изъ совѣтниковъ (въ числѣ 22 человѣкъ) и пяти эфоровъ, на обязанность которыхъ былъ возложенъ надзоръ за неуклоннымъ соблюденіемъ законовъ царями и ихъ совѣтниками. Источникомъ кровавыхъ распрей жителей Лакедемона и Спарты было неравенство состояній. Ликургъ, сдѣлавъ поголовную перепись, раздѣлилъ всю страну на участки (9000 для Спарты, 30.000 для Лакедемона) и произведя душевой надѣлъ, каждаго гражданина сдѣлалъ землевладѣльцемъ собственникомъ. Важное это преобразованіе не обошлось безъ волненій: уравненіе состояній не могло нравиться богачамъ и въ нихъ законадатель встрѣтилъ яростныхъ противниковъ благимъ своимъ намѣреніямъ. Отъ споровъ перешли къ угрозамъ, отъ угрозъ къ дракѣ и въ одной изъ схватокъ, нѣкто Алькандръ вышибъ глазъ Ликургу ударомъ палки. Изувѣченный законодатель не только не подвергъ Алькандра наказанію, но приблизивъ къ себѣ съумѣлъ благодѣяніями пробудить въ его сердцѣ чувства самаго искренняго раскаянія... Наконецъ вопросъ о душевомъ надѣлѣ былъ рѣшенъ. За нимъ послѣдовалъ другой о преобразованіи монетной системы. Отрицая въ ходячей монетѣ всякую вещественную, ей присущую стоимость и принимая ее только за условный знакъ для выраженія цѣны вещей, Ликургъ распорядился о выпускѣ въ обращеніе монеты чугунной. Этой разумной мѣрой онъ истребилъ въ сердцахъ спартанцевъ гнусныя чувства сребролюбія и той животной скаредности, которая, обожая деньги, любитъ ихъ ради металла, изъ котораго онѣ

вычеканены. Каждому гражданину вмѣнено было въ обязанность обработывать свой участокъ земли и питаться собранною жатвою, довольствуясь немногимъ и чуждаясь затѣйливыхъ яствъ и всякихъ лакомствъ. Вино было изгнано и пьянство названо гнуснѣйшимъ изъ всѣхъ пороковъ... Здѣсь Ликургъ шолъ прямо на перекоръ религіи, такъ какъ у древнихъ Вакхъ, или Бахусъ, богъ пьянства, пользовался великимъ уваженіемъ. Ненавистники Ликурга сложили о немъ сказку, будто онъ окривѣлъ не въ дракѣ съ Алькандромъ, но былъ наказанъ самимъ Бахусомъ, выколовшимъ ему глазъ отросткомъ виноградной лозы, въ ту минуту когда Ликургъ вырывалъ ее съ корнемъ. По другимъ сказкамъ, Ликургъ былъ наказанъ Вахусомъ тѣмъ, что богъ лишилъ его разсудка. Всѣ эти выдумки доказываютъ только, какъ тяжело было жителямъ Спарты подчиняться строгимъ узаконеніямъ ихъ мудраго преобразователя, не оцѣненнаго по достоинству. Борьба съ старинными предразсудками и съ порочными наклонностями людей—таковъ удѣлъ законодателей древняго и новаго міра. Современники ихъ ненавидятъ, ропщутъ на нихъ, проклинаютъ ихъ—и только потомки воздаютъ этимъ благодѣтелямъ должную справедливость. Гонитель пьянства и слѣдовательно отступникъ отъ служенія Вахусу, Ликургъ, желая удержать юношей отъ этого порока, приказалъ половымъ школъ и гимназій во время обѣда водить пьяныхъ илотовъ (рабовъ), служившихъ живыми примѣрами того скотообразнаго состоянія, до котораго можетъ дойти пьяница. Здѣсь не можемъ не сдѣлать сопоставленія законодателя Спарты съ нашимъ Петромъ великимъ: во многихъ чертахъ, какъ мощныя, энергическія натуры, они схожи между собою, кромѣ ихъ взглядовъ на трезвость и то что преслѣдовалъ Ликургъ—поощрялось Петромъ великимъ.. Впрочемъ и на нашихъ асамблеяхъ, полуведерный кубокъ большаго орла былъ наказаніемъ, а испивавшіе его ничѣмъ не отличались отъ спартанскихъ илотовъ.

Для внушенія народу должнаго довѣрія и уваженія къ своимъ законамъ, Ликургъ о каждомъ своемъ указѣ (ретраи) говорилъ, что онъ написанъ съ одобренія дельфійскаго оракула. Подобно всѣмъ великимъ законодателямъ, онъ выдавалъ себя за человѣка близкаго къ божеству и ему угоднаго. Для обнародованія

новаго узаконенія, эфоры созывали народное вѣче великое или малое. То и другое, большинствомъ голосовъ, рѣшало важнѣйшіе вопросы внѣшней и внутренней политики. Каждый гражданинъ — онъ-же землевладѣлецъ собственникъ и воинъ, защитникъ родной земли, пользовался правомъ подачи голоса. Въ случаѣ войны, каждый обязанъ былъ становиться въ ряды воиновъ и такимъ образомъ вся древняя Спарта и Лакедемонъ составляли одинъ дружный ландверъ, грозный врагамъ отечества. Назначеніе воина, по убѣжденію Ликурга, состояло въ охраненіи своей земли, отнюдь не въ завоеваніи чужой. На битвѣ онъ приказывалъ воину быть неустрашимымъ, жизни своей не жалѣть, но щадить жизнь врага безоружнаго или сдающагося въ плѣнъ. Изъ этихъ плѣнниковъ образовалось сословіе илотовъ, обработывавшихъ землю своихъ господъ и занимавшихся ремеслами и искуствами.

Законы Ликурга были изложены въ немногихъ статьяхъ, стихами, для удобнѣйшаго ихъ запоминанія. Изъ слѣдующей картины гражданскаго быта Спарты можно видѣть чего требовалъ Ликургъ отъ своихъ сограждан.

Младенца, при появленіи его на свѣтъ, приносили для освидѣтельствованія судьямъ, рѣшавшимъ — жить или не жить новорожденному, судя по тому, здоровой-ли онъ комплекціи и нѣтъ ли въ немъ какихъ физическихъ недостатковъ. Дѣтей слабыхъ и уродовъ, безъ всякой жалости уносили на вершину горы Тайгета и оставляли тамъ на произволъ смерти. Не выходя изъ повиновенія отцу и матери, ребенокъ дѣлался достояніемъ республики: она заботилась о его физическомъ и нравственномъ воспитаніи. Связывая неразрывно одно съ другимъ Ликургъ, запретивъ пеленать дѣтей, приказалъ пріучать ихъ къ жизни суровой, чуждой роскоши, нѣги и къ умѣнью переносить тягчайшіе труды и страданія. Съ малыхъ лѣтъ, спартанцы занимались гимнастическими упражненіями въ школахъ, въ которыхъ они обучались плаванью, верховой ѣздѣ, искуству владѣть оружіемъ. Безпрекословное повиновеніе и уваженіе къ старшимъ, въ особенности — терпѣніе, полагались прочнѣйшими основами воспитанія нравственнаго. Ученикъ, навлекшій на себя тѣлесное наказаніе, обязанъ былъ подчиняться ему безропотно и переносить его безъ крику и сто-

новъ. Первоначальное воспитаніе дѣвочекъ было тоже самое; въ самомъ ихъ одѣяніи, состоявшемъ изъ коротенькихъ туникъ, не было никакой разницы съ одѣяніемъ мальчиковъ. Незначеніе женщины, по закону Ликурга—быть хозяйкой и матерью; главная заслуга женщины передъ отечествомъ—народить ему вѣрныхъ сыновъ и мужественныхъ защитниковъ.

Достигшему юношескаго возраста спартанцу вмѣнялось въ обязанность избрать себѣ жену. Видѣть свою невѣсту онъ могъ на зарѣ, во время прогулокъ ея съ подругами. На отношенія супружескія Ликургъ смотрѣлъ не очень строго и за прелюбодѣяніе не преслѣдовалъ. Мужу, утратившему воспроизводительную способность, позволялось избирать изъ круга друзей охотника быть продолжителемъ его рода и племени. Героическая твердость матерей-спартанокъ вошла въ пословицу. Онѣ не оплакивали сыновей павшихъ на полѣ битвы, но радовались получая извѣстіе о ихъ геройской кончинѣ. „Я знала, что онъ для этого былъ рожденъ мною!“ сказала одна спартанка, когда ей сообщили, что единственный сынъ ея убитъ въ сраженіи. Другая, снаряжая сына на битву и подавая ему щитъ произнесла: „возвращайся съ нимъ или на немъ!“

Вступивъ въ число гражданъ, спартанецъ подчинялся законамъ республики неуклонно. Онъ былъ обязанъ въ домашнемъ своемъ быту подчиняться закону — единому своему властителю. Обѣдали граждане за общими столами, довольствуясь блюдами не затѣйливыми: хлѣбъ, плоды и черная похлебка; для питья — вода, такова была неизмѣнная спартанская кухня, въ которой мясо допускалось въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, а рыба и вовсе не допускалась, какъ пища вредящая здоровью и возбуждающая въ человѣкѣ чувственныя побужденія. Были особо назначенные дни общественныхъ молебствій, празднествъ, жертвоприношеній и упражненій воинскихъ. Послѣднія бывали въ Спартѣ чаще первыхъ. Войска дѣлились на полки (по 512 ратниковъ въ каждомъ); полкъ на четыре дружины; дружина—на отряды или роты. Въ жертву богамъ приносились не плоды, не мясо животныхъ—а кровь юношей, которыхъ немилосердно бичевали передъ алтарями. Ихъ без-

молвіе и перенесеніе страданій почитались приношеніями самыми угодными богамъ.

Кондилльякъ, сравнивая Ликурга съ Солономъ, весьма справедливо сказалъ: „Ликургъ образовалъ нравы спартанцевъ согласно своимъ законамъ; Солонъ принаровилъ свои законы къ нравамъ аѳинянъ.“ Видя, что спартанцы окончательно свыклись съ его законами и сознаютъ ихъ пользу, Ликургъ отправился къ дельфійскому оракулу и вопросилъ его: дѣйствительно ли законы, данные имъ Спартѣ, безукоризненны? Оракулъ отвѣтствовалъ: „До тѣхъ поръ, покуда Спарта будетъ соблюдать ихъ, слава и могущество ея несомнѣнны!“ Послѣ этого Ликургъ, возвратясь въ Спарту, взялъ слово съ гражданъ, что они будутъ хранить вѣрность его законамъ—и навсегда покинулъ родину. Обрекая себя на добровольное изгнаніе, законодатель имѣлъ въ виду, что граждане Спарты въ его отсутствіе будутъ вѣрнѣе данному слову. Послѣ долгихъ странствованій онъ умеръ въ Фокидѣ, въ Циррѣ или на островѣ Критѣ, завѣщая, чтобы прахъ его былъ брошенъ въ море и, такимъ образомъ, чтобы его могила никому не была вѣдома.

Благодарные спартанцы воздвигнули храмъ въ память Ликурга и установили праздникъ Ликургій. Усобицы и безпорядки въ Спартѣ были неизбѣжными послѣдствіями кончины великаго законодателя.

Сказка о томъ, будто Ликургъ за преслѣдованіе пьянства былъ наказанъ Вакхомъ, была пущена въ ходъ жрецами бога пьянства; заимствовали же они ее изъ Иліады. Гомеръ дѣйствительно упоминаетъ въ своей поэмѣ о какомъ-то Ликургѣ, сынѣ Дріаса, изгнавшаго кормилицъ Вакха съ горы Низы и порубившаго ихъ топоромъ. Вакхъ бросился въ море, гдѣ его приняла трепещущая отъ ужаса Ѳетида. За это нечестіе Ликурга, Юпитеръ ослѣпилъ его и гонитель Вакха вскорѣ послѣ того умеръ. Одинъ изъ коментаторовъ Гомера, іезуитъ Гардуэнъ, объясняя это сказаніе, прямо говоритъ, что въ немъ идетъ рѣчь о царѣ, запретившемъ своимъ подданнымъ употребленіе вина. Его называли Ликургомъ, (отъ словъ: волкъ и дѣяніе) за истребленіе виноградниковъ; отца его Дріасомъ (отъ слова: дубъ), намекая на его жестокосердіе. Кор-

милицы Вакха—виноградныя лозы; бѣгство Вакха и его низверженіе въ море: намекъ на приказъ Ликурга вылить въ море всѣ запасы вина, находившіеся въ его царствѣ. Плутархъ, упоминая объ этой баснѣ, говоритъ только, что Ликургъ, царствовавшій во Θракіи, приказалъ истребить всѣ тамошніе виноградники, чтобы подать примѣръ своимъ подданнымъ, онъ самъ взялся за топоръ и во время рубки лозъ, нечаянно отрубилъ себѣ обѣ ноги, отчего и умеръ.

Обращаемъ вниманіе читателя на оба сказанія, надъ которыми нельзя не призадуматься. Законодатель Ликургъ жилъ черезъ сто лѣтъ послѣ Гомера, но развѣ сказаніе о немъ не могло быть вставлено въ Иліаду позднѣйшими переписчиками поэмы? Трудно рѣшить что изъ двухъ вѣрнѣе: сказка о законодателѣ была ли заимствована изъ Иліады, или наоборотъ, была занесена на ея страницы впослѣдствіи времени? Во всякомъ случаѣ между обоими Ликургами есть какая-то необъяснимая связь и разительное сходство въ подвигахъ того и другаго относительно мѣръ къ пресѣченію пьянства.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Безпорядки въ Спартѣ.—Мессенійская война.—Ея причины.—Царь Эвѳй. — Θеопомпъ.—Битвы.—Осада Иѳамы.—Волхвъ Эфеболъ.—Спасеніе дочери Лициска.—Дочь Аристодема.—Ея убіеніе.—Побѣда Мессенійцевъ.—Царь Аристодемъ.—Пророчество о паденіи Иѳомы.—Покореніе Мессеніи.—Указъ спартанскаго сената.—Происхожденіе панѳенонійцевъ.—Ихъ заговоръ и переселеніе.—Аристоменъ.—Возстаніе Мессеніи.—Щитъ Аристомена.—Мнимые Діоскуры.—Тиртей и его пѣсни. — Лаконизмъ.—Измѣна царя Аристократа.—Осада Гиры.—Плѣнъ Аристомена.—Пропасть Кіады.—Сновидѣніе Аристомена.—Волхвъ Θеоклъ.—Вторичное порабощеніе Мессеніи. — Панорма и Мессина.—Образъ правленія въ разныхъ областяхъ южной Греціи.—Аркадія.—Коринѳъ. — Сикіонъ. — Аргосъ.— Ахаія.—Элида.

Послѣ смерти Ликурга, какъ мы говорили, въ Спартѣ возникли

смуты и безпорядки. Эфоры и члены правительства, превративъ законъ въ орудіе для наживы, обогащались взятками и казнокрадствомъ. Угнетали народъ; притѣсняли, давили илотовъ. Деспотизмъ вездѣ и повсюду развивалъ и развиваетъ въ народахъ воинственныя склонности. Человѣкъ, притѣсняемый своимъ властелиномъ, старается, въ свою очередь, быть притѣснителемъ другаго человѣка, слабѣйшаго. Ликургъ завѣщалъ согражданамъ не искать завоеваній, а только охранять свою родину. Этотъ мудрый завѣтъ былъ забытъ; жители Спарты и Лакедемона стали дѣлать набѣги на сосѣднія области, захватывая участки земли и угоняя скотъ. Слѣдствіемъ этого были войны Спарты съ аргійцами, аркадійцами и мессенійцами (773—743 г. по Р. Х.). Оскорбляемые спартанцами жители сосѣднихъ областей въ свою очередь отплачивали имъ тою же монетою. Въ 742 году въ храмъ Діаны прибыли въ Спарту мессенійскіе юноши, для принятія участія въ празднествѣ, въ которомъ обыкновенно участвовали дѣвицы-спартанки знатнѣйшихъ фамилій. Красота дѣвицъ пробудила въ мессенійцахъ чувственные инстинкты и сластолюбцы, не обращая вниманія на день празднества, позабывъ уваженіе къ храму, бросились на красавицъ и подвергли ихъ позорному насилію. Дѣвицы, не желая пережить своего стыда, всѣ до одной зарѣзались; обидчики ихъ бѣжали. Это гнусное происшествіе было главною причиною двадцатилѣтней междоусобной войны Лаконіи съ Мессеніею (743—722 г. до Р. Х.), ознаменованной многими геройскими подвигами какъ съ той такъ и съ другой стороны.

Война началась вторженіемъ въ мессенійскій городъ Амфейю. Царь Эфай, собравъ многочисленныя полчища мессенійцевъ, вторгнулся въ Лаконію. Забирая плѣнниковъ и уводя стада одинъ у другаго, враги не истребляли ни жатвъ, ни садовъ, щадя ихъ какъ будущую свою собственность. Первая рѣшительная битва произошла на равнинахъ Ѳаламы, въ Мессеніи. Лакедемоняне, призывая на помощь своихъ боговъ покровителей, Деоскуровъ (Кастора и Поллукса), а мессенійцы — Юпитера Иѳимейскаго, будто бурные потоки ринулись одни на другихъ; сразились; дрались отчаянно, упорно и верхъ одержали мессенійцы.. Лакедемоняне со стыдомъ возвратились во свояси. Сенатъ спартанскій, осыпавъ ма

лодушныхъ справедливыми укоризнами, поклялся водами священной рѣки Эвретаса — мстить мессенійцамъ.. На слѣдующій годъ осенью, спартанскій царь Ѳеопомпъ, собравъ до 20,000 войска, съ вѣрными своими сподвижниками Эврилеономъ и Полидоромъ отправился въ Мессенію. Войска этой области, предводимыя царемъ Эфаемъ, Пиѳаратомъ и Клеонисомъ, хотя были и малочисленнѣе спартанскихъ, но не уступали имъ въ мужествѣ. Дрались, какъ и въ прошедшую войну съ одинаковымъ ожесточеніемъ, однако же на этотъ разъ спартанцы одолѣли мессенійцевъ и принудили Эфая отступить на вершину горы Иѳомы (нынѣ Вуркано). Голодъ и моровая язва принудили враговъ заключить перемиріе, похоронить убитыхъ и собраться съ силами. По окончаніи срока перемирія, Ѳеопомпъ обложилъ Иѳому и довелъ Эфая до отчаяннаго положенія. Царь мессенійскій обратился за совѣтомъ къ оракулу, который отвѣчалъ, что Иѳома будетъ спасена, если въ жертву Діанѣ принесутъ дѣвственницу изъ царскаго рода. Выборъ палъ на дочь Лициска, родственника Эфая. Несчастная красавица сопровождаемая своимъ отцемъ была приведена въ храмъ; но въ ту самую минуту, когда жрецъ занесъ надъ нею ножъ, волхвъ Эфеболъ, возвѣстилъ присутствовавшимъ, что дѣвица, обреченная на закланіе, незаконпорожденна и прижита женою Лициска съ другимъ. Благодаря этой выдумкѣ волхва, подкупленнаго Лицискомъ, дочь послѣдняго была спасена и вмѣстѣ съ отцомъ бѣжала изъ Иѳомы... Тогда другой родственникъ царя, Аристодемъ, привелъ свою дочь къ алтарю Діаны и выразилъ желаніе пожертвовать ею для спасенія отечества. На этотъ разъ, въ защиту новой жертвы, подалъ голосъ ея женихъ, объявившій, что ея закланіе едва-ли можетъ быть угодно богинѣ, такъ какъ дочь Аристодема — не дѣвственница и даже беременна. Аристодемъ въ бѣшенствѣ убилъ несчастную у подножія алтаря Діаны и убѣдился, къ невыразимой своей скорби, что женихъ убіенной оклеветалъ ее, чтобы спасти ей жизнь: осмотръ трупа доказалъ, что дочь Аристодема была безукоризненно чиста и непорочна! Возникъ споръ между царемъ Эфаемъ и волхвомъ Эфеболомъ. Послѣдній требовалъ новой жертвы; первый доказывалъ, что она уже принесена. Волхвъ ссылался на наруше-

ніе обряда, такъ какъ Аристодемъ не былъ жрецемъ и умертвилъ дочь подъ вліяніемъ бѣшенства; однако же Эфай поставилъ на своемъ и отклонилъ требованія Эфебола. Благодаря мужеству мессенійцевъ, спартанцы были отражены отъ Иѳомы, но царь ихъ поплатился жизнію за побѣду. На мѣсто убитаго Эфая, единогласно былъ избранъ Аристодемъ. Въ теченіе пятилѣтняго своего царствованія онъ поддерживалъ въ мессенійцахъ неослабное мужество и они, въ битвахъ со спартанцами, постоянно брали верхъ. Впрочемъ враги мессенійцевъ не унывали. Они, также, совѣщались съ оракуломъ дельфійскимъ, который увѣрилъ ихъ, что Иѳомою они овладѣютъ непремѣнно и вся Мессенія будетъ рабынею Спарты. Молва о пророчествѣ оракула распространилась между мессенійцами и они упали духомъ. Недавніе храбрецы, подобно слабымъ женщинамъ, заговорили о предчувствіяхъ, вѣщихъ снахъ, предзнаменованіяхъ близкой гибели и порабощенія Мессеніи. Суевѣріе окончательно подавило мужество мессенійцевъ. Аристодемъ, не желая быть свидѣтелемъ паденія Иѳомы, закололся на могилѣ бѣдной своей дочери. Иѳома была взята, съ ея взятіемъ была покорена и вся Мессенія. Жители порабощенной области бѣжали въ Аркадію, въ Сикіонъ, въ Аргосъ; жрецы храма Цереры—въ Элевзисъ.

Во время первой мессенійской войны, во внутреннемъ быту Лаконіи (т. е. Спарты и Лакедемона) произошли многія перемѣны къ худшему. Вслѣдствіе частыхъ ополченій и потерь на сраженіяхъ убитыми и ранеными, Лаконія обезлюдѣла, и цифра женскаго населенія почти вчетверо превзошла цифру населенія мужскаго. Сенатъ издалъ указъ, чтобы юноши лакедемонскіе, оставшіеся въ Спартѣ, а не ушедшіе на войну, позаботились объ увеличеніи семействъ отсутствующихъ согражданъ, сожительствуя съ ихъ женами. Слѣдствіемъ этихъ гражданскихъ браковъ было появленіе на свѣтъ новаго племени парѳенопійцевъ, лишенныхъ правъ наслѣдовать имѣнія послѣ своихъ отцевъ и занявшихъ среднее мѣсто, между свободными гражданами и илотами (744—686 г. до Р. Х.). Мужественно переносили они свою нищету, но общественное презрѣніе было для нихъ невыносимо. Они тѣс-

но сблизились съ илотами и рѣшились освободиться изъ подъ ненавистнаго ига привелигированныхъ сословій путемъ ихъ истребленія. Составился заговоръ; пареенопійцы и илоты вооружась, назначили день кроваваго возмездія за всѣ минувшія обиды и притѣсненія, но одинъ изъ архонтовъ проникнулъ ихъ умыселъ и правительство отвратило угрожавшую ему опасность; лютѣйшія казни постигли илотовъ, а пареенопійцы были выселены изъ Спарты въ южную Италію на берега Тарентскаго залива. гдѣ, благодаря ихъ стараніямъ, въ короткое время появились цвѣтущія колоніи.

Тридцать лѣтъ прошло со времени порабощенія Мессеніи. Область эта была спокойна какъ море передъ бурей. Подъ пепломъ покорности тлѣла непримиримая ненависть. Мессенійская молодежь, вдохновляемая разсказами о борьбѣ ея отцевъ и дѣдовъ съ лакедемонянами, образовывала тайныя общества, заготовляла оружія, входила въ сношенія съ сосѣдними областями, обѣщавшими подать помощь мессенійцамъ въ случаѣ ихъ возстанія. Душою заговора, нити котораго распространялись по всей Мессеніи, былъ Аристоменъ—красавецъ собою, въ одинаковой степени умный и мужественный (682 г. до Р. X.). Возстаніе началось битвою у деревни Дорахъ, въ которой лакедемонскія войска были разбиты. Благодарные соотечественники предложили Аристомену быть царемъ мессенійскимъ, но онъ отказался, довольствуясь саномъ военачальника. Пораженіе спартанцевъ служило очевиднымъ доказательствомъ ихъ физическаго и нравственнаго перерожденія къ худшему; они были не тѣ воины, которымъ во времена Ликурга удивлялась вся Греція. Глумясь надъ врагами, Аристоменъ тайно пробрался въ Спарту и тамъ въ храмѣ Минервы повѣсилъ щитъ съ надписью: „Приношеніе богинѣ изъ трофеевъ отбитыхъ у лакедемонянъ.“ Эта визитная карточка мессенійскаго вождя, брошенная имъ въ лице всей Спартѣ, возбудила въ жителяхъ бѣшенство, негодованіе и они поклялись жестоко отомстить за обиду; но до исполненія этой угрозы еще было далеко. Друзья и сподвижники Аристомена, Панормъ и Гониппъ, съиграли со спартанцами другую шутку еще затѣйливѣе; она замѣчательна въ томъ отношеніи, что даетъ понятіе о разумномъ взглядѣ мессенійцевъ на язычество и о ихъ умѣньи пользоваться суевѣріемъ невѣжественной

массы. Въ Спартѣ былъ праздникъ въ честь Кастора и Поллукса, на которомъ присутствовали тысячи народа. Во время молебствія совершенно неожиданно передъ ними явились два всадника въ красныхъ мантіяхъ, вооруженные копьями—по всѣмъ примѣтамъ—сами Діоскуры! Народъ палъ ницъ, а переодѣтые Діоскурами Панормъ и Гониппъ, помявъ подъ копытами своихъ коней перепуганныхъ спартанцевъ и перебивъ ихъ великое множество благополучно возвратились къ своимъ дружинамъ. Войска мессенійцевъ, усиленныя присоединившимися къ нимъ аркадійцами, предводимыми ихъ царемъ Аристократомъ—были увѣрены въ побѣдѣ и еще тѣмъ болѣе, что ее предрекалъ волхвъ Өеоклъ. И у лакедемонянъ былъ свой пророкъ—Гекатей, предсказывавшій имъ несомнѣнную побѣду. По повелѣнію дельфійскаго оракула они, чрезъ пословъ, просили аөинянъ дать имъ вождя и аөиняне прислали имъ полководца Тиртея, хотя и не обладавшаго особенными воинскими дарованіями, но за то весьма талантливаго поэта, умѣвшаго слагать воинскіе гимны. Лакедемоняне отъ природы не были краснорѣчивы и, по законамъ Ликурга, избѣгая многоглаголанія, выражались обыкновенно съ той краткостью и ясностью, которую по нынѣ называютъ лаконизмомъ. Появленіе Тиртея произвело на нихъ отрадное впечатлѣніе, а его пѣсни вдохнули мужество и въ самыхъ малодушныхъ. Онъ пѣлъ о той славѣ, которая бываетъ удѣломъ истиннаго героя, полагающаго душу свою за отечество; живыми красками описалъ почести, которыми осыпаютъ сограждане могилу убіеннаго на битвѣ съ врагами... Языкъ поэзіи благотворно подѣйствовалъ на лакедемонянъ и они единогласно отвѣчали Тиртею клятвою—побѣдить или умереть. Недавніе бѣглецы отъ оружія мессенійцевъ, теперь спартанцы жаждали битвы и рвались на нее съ нетерпѣніемъ застоявшагося коня, закусывающаго удила. Отправляясь на битву, каждый изъ воиновъ лакедемонскихъ привязалъ къ лѣвой рукѣ дощечку со своимъ именемъ, дабы по ней быть узнаннымъ между убитыми, въ случаѣ паденія на полѣ битвы [1]).

[1]) То же дѣлалось и въ прусскихъ войскахъ во время Французской кампаніи 1870 года.

Трудно рѣшить, на чьей сторонѣ была бы побѣда, если бы Аристократъ со своими аркадійцами не измѣнилъ мессенійцамъ, покинувъ ихъ въ самую рѣшительную минуту. Пролагая себѣ путь сквозь ряды лакедемонянъ, Аристоменъ съ остатками своихъ воиновъ отступилъ въ Гиру, укрѣпленный городъ на горной вершинѣ. Здѣсь его осадили лакедемоняне и эта осада была славна не менѣе осады Трои, а изъ новѣйшей исторіи можно сравнить съ нею севастопольскую. Это сравненіе тѣмъ вѣрнѣе, что Гиру осаждали одиннадцать лѣтъ, а Севастополь—одиннадцать мѣсяцевъ, изъ которыхъ каждый, по всей справедливости, повелѣно было считать за годъ. Въ долгій періодъ осады Гиры, Аристоменъ, совершая частыя вылазки, дѣлалъ постоянно удачные набѣги на Лаконію. Вторгнувшись въ Карію, во время праздниковъ Діаны, онъ отпустилъ къ роднымъ всѣхъ дѣвушекъ, участвовавшихъ въ празднествѣ безъ малѣйшаго оскорбленія. Въ послѣдній годъ осады онъ сдѣлалъ набѣгъ на Эгину, когда женщины праздновали тамъ память Цереры... До нынѣ непобѣдимый, Аристоменъ былъ побѣжденъ спартанками и ими же захваченъ въ плѣнъ. Побѣдительницы намѣревались умертвить плѣнника, но его спасла жрица Цереры, неравнодушная къ герою. Выданный спартанцамъ, онъ былъ приговоренъ къ вверженію въ пропасть Кіады, въ которую бросали плѣнныхъ и преступниковъ. Въ знакъ уваженія къ храбрости Аристомена,—враги позволили ему умереть со щитомъ въ рукахъ и, такимъ образомъ, столкнули его въ пропасть...

Груды труповъ и умирающихъ, на которыя упалъ Аристоменъ, предохранили его отъ смерти. Холодныя струи ручья, протекавшаго на днѣ пропасти, привели его въ чувство и три дня онъ провелъ въ этой могилѣ. На четвертыя сутки въ пропасть пришелъ волкъ, поѣдавшій лежавшіе въ ней трупы и Аристоменъ, собравшись съ силами, слѣдуя за волкомъ, выбрался на поверхность земли. Преодолѣвая истощеніе, онъ достигъ Гиры и явился тамъ къ неописанной радости гарнизона и жителей осажденнаго города. Чудесное свое спасеніе Аристоменъ отпраздновалъ нападеніемъ на лагерь спартанцевъ и жестокимъ, въ немъ произведеннымъ, опустошеніемъ. Благодаря боговъ за эту побѣду, онъ при-

несъ стоглавую жертву (гекатомбъ) Юпитеру, въ третій разъ со времени начала войны. Спартанцы продолжали осаду Гиры; защитники ея, не унывая, съ прежнимъ неослабнымъ мужествомъ продолжали неровную борьбу, хотя положеніе ихъ могло назваться отчаяннымъ. Наконецъ прибылъ часъ паденія Гиры. Ночью, въ пятый мѣсяцъ одиннадцатаго года осады, Аристоменъ уснулъ и видѣлъ во снѣ духа-хранителя Мессеніи. „Ты спишь“ говорилъ ему призракъ—„а лакедемоняне устремились на приступъ, а твердыни Гиры рушатся подъ натискомъ ихъ стѣнобитныхъ орудій, а сподвижники твои гибнутъ подъ мечами враговъ!..“ Въ ужасѣ проснулся Аристоменъ и позвалъ своего сына, который подтвердилъ ему страшную вѣсть, сообщенную призракомъ въ сновидѣніи... Враги вторгнулись въ Гиру и ожесточенный бой кипѣлъ въ ея стѣнахъ. Жены и дочери мессенійцевъ бились въ рядахъ воиновъ и вмѣстѣ съ ними гибли, удивляя враговъ своею отвагою! Волхвъ Ѳеоклъ, защищая родину, сообщилъ Аристомену волю боговъ: они приказывали герою Мессеніи бѣжать въ Аркадію, а оттуда къ берегамъ чужаго края. „Мнѣ же“ досказалъ Ѳеоклъ— „не суждено пережить паденія Гиры!“ Дѣйствительно волхвъ былъ убитъ (671 г. до Р. X.), а Аристоменъ съ 500 воиновъ ушелъ въ Аркадію, гдѣ былъ принятъ жителями съ непритворнымъ радушіемъ. Въ то же время народъ устремился во дворецъ царя Аристократа, укоряя его въ предательствѣ и измѣнѣ мессенійцамъ въ предпослѣднюю ихъ битву съ лакедемонянами. Всѣ оправданія были безполезны, въ виду несомнѣнныхъ и неопровержимыхъ уликъ, и царь Аристократъ былъ казненъ народомъ а на могилѣ его сдѣлали надпись, изрекавшую вѣчный, неизгладимый позоръ памяти царя Аристократа, виновника гибели Мессеніи. Аркадія была объявлена республикою и царская власть въ ней - уничтоженною. Аристомену и его спутникамъ аркадійцы предлагали участки земли и пріютъ, но вождь мессенійскій отказался по двумъ причинамъ: не желая, во первыхъ, быть въ тягость аркадійцамъ; во вторыхъ, во избѣжаніе тоски и муки — жить близь родной Мессеніи, видѣть ея страданія подъ игомъ лакедемонянъ и въ то же время сознавать свое безсиліе и невозможность помочь ей. Вмѣстѣ со своими спутниками Аристоменъ поплылъ къ берегамъ Си-

циліи, гдѣ эти добровольные изгнанники были основателями Панормы (Палермо) и Мессины.

Къ 668 году до Р. Х. двѣ пятыя доли всего Пелопонеза находились въ обладаніи Спарты. Изъ остальныхъ областей южной Греціи: Аркадія, Коринѳъ, Сикіонъ, Аргосъ и Элида еще сохраняли свою независимость отъ Спарты и каждая изъ этихъ областей была самостоятельною республикою.

Въ Аркадіи, первымъ царемъ былъ Аркасъ, давшій ей свое имя; послѣднимъ—Аристократъ II. При установленіи республики, администрація была довѣрена деміургамъ и сенату.

Въ Коринѳѣ царствовали первоначально потомки Сизифа (до 1089 г. до Р. Х.), изгнанные дорійцемъ Алетомъ, родоначальникомъ новой династіи, владычествовавшей до 777 г. За нею слѣдовала династія Вакхіадовъ потомковъ Геркулеса. При нихъ царская власть постепенно ослабѣвала и наконецъ Коринѳъ превратился въ республику, управляемую пританами. Въ 657 г. верховную власть присвоилъ Кипселъ; ему наслѣдовалъ (627 г.) сынъ его Періандръ—одинъ изъ семи мудрецовъ древней Греціи. Послѣ Періандра царствовалъ Псамметихъ, при которомъ Коринѳъ опять сталъ республикою (587 г.). Благодаря счастливому своему мѣстоположенію между сѣверной и южной Греціей (поэтъ Пиндаръ называлъ Коринѳскій перешеекъ — мостомъ, соединявшимъ югъ Греціи съ сѣверомъ), обладая превосходными гаванями, Коринѳъ обогощался торговлей и промышленностью. Его акрополисъ (кремль) былъ твердыней непрестувною. Торговля коринѳянъ могла назваться всемірною; что же касается до внутренней промышленности—изъ ея произведеній особенно славились шерстяныя ткани, гончарныя и металическія издѣлія. Въ Коринѳѣ были изобрѣтены: гончарный верстакъ и сплавъ бронзы, донынѣ называемой коринѳскимъ металломъ. Какъ оно всегда бываетъ въ республикахъ торговыхъ, во главѣ правительства въ Коринѳѣ находились богатые купцы и промышленники—аристократія золота.

Сикіонъ, былъ превращенъ изъ республики въ монархію при Орѳагорѣ. Династія этого тирана (похитителя власти) царствовала сто лѣтъ (700—600 л. до Р. Х.). Послѣдней ея отраслью былъ Клисѳенъ.

Аргосъ—республика управляемая сенатомъ, народнымъ собраніемъ изъ 80 членовъ и выборными (артинами). Центромъ государственнаго управленія былъ Эпидавръ.

Ахаія составила двѣнадцать вольныхъ областей съ восемью демесами (кантонами) въ каждой. Правленіе было демократическое.

Элида съ 780 г. до Р. X. была республикою, управляемою суіями (гелланодиками) и сенатомъ изъ 90 непремѣнныхъ членовъ, занимавшихъ должности пожизненно.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Кодръ.—Его самопожертвованіе.—Республика Аѳинская.—Законодатель Драконъ. — Мятежи. — Заговоръ Килона.—Моровая язва и привидѣнія.—Примѣръ изъ русской исторіи.—Простое объясненіе сверхъестественнаго феномена.—Эпименидъ.—Очищеніе Аѳинъ.—Вѣтвь маслины. —Солонъ.—Его происхожденіе. — Путешествія.—Пересмотръ законовъ.—Дѣленіе граждан на четыре касты.—Сенатъ.—Ареопагъ.—Святотатство и отцеубійство.—Кирбы.—Отнятіе Саламина у мегарійцевъ.—Пребываніе въ Египтѣ.—Сказаніе объ Атлантидѣ.—Филокиръ.—Изреченія Солона.—Крезъ и Солонъ.—Истинное счастіе.—Возвращеніе въ Аѳины.—Пизистратъ. — Его хитрость. — Слова Анахарзиса о законахъ.—Смерть Солона. — Его мнѣніе о верховной власти.

Изъ царей аѳинскихъ, потомковъ Тезея, славнѣйшимъ былъ Кодръ (1095 л. до Р. X.). Добрый, правосудный, онъ полагалъ счастіе и благо своихъ подданныхъ выше собственной жизни, что и доказалъ геройскимъ самопожертвованіемъ. Во время междоусобныхъ войнъ съ дорійцами онъ вопрошалъ оракулъ, которая изъ двухъ враждующихъ сторонъ одержитъ верхъ и получилъ въ отвѣтъ, что побѣду одержитъ тотъ изъ двухъ народовъ, котораго царь падетъ въ битвѣ. Готовясь, послѣ того, къ сраже-

нію, Кодръ нарочно переодѣлся простымъ воиномъ и сталъ въ передовомъ отрядѣ, подвергавшемся особенно яростному нападенію дорійцевъ и палъ неузнанный ни своими, ни непріятелями. Пророчество оракула сбылось; побѣда, а за нею и главенство остались за аѳинянами. Послѣдніе, узнавъ какой дорогой цѣной было куплено рѣшеніе ихъ кровавой тяжбы съ дорійцами, признали Кодра полу-богомъ; его преемникомъ провозгласили Юпитера, объявивъ при этомъ, что иного царя, послѣ Кодра, въ Аѳинахъ быть не должно. Такимъ образомъ это древнее царство было превращено въ республику, правленіе которой было ввѣрено девяти архонтамъ, избираемымъ на годъ изъ знатнѣйшихъ фамилій аѳинскихъ. Послѣ Кодра остались два сына: Нелей и Мидонъ; изъ нихъ первый, по приговору оракула дельфійскаго, былъ изгнанъ, а второй назначенъ архонтомъ [1]).

Безпорядки, неразлучно связанные съ аристократическимъ республиканскимъ правленіемъ, не замедлили обнаружиться: люди знатные и богатые, занявъ главнѣйшія должности, начали угнетать простой и бѣдный народъ; заимодавцы брали должниковъ своихъ въ кабалу и обращали въ рабовъ; одно сословіе усиливалось и богатѣло въ ущербъ другому. Слѣдствіемъ подобнаго порядка вещей были распри, вскорѣ перешедшія въ мятежи, оканчивавшіеся, всего чаще, жесточайшимъ порабощеніемъ народа. Для ограниченія злоупотребленій власти аристократовъ и въ то же время для удержанія демократіи въ предѣлахъ ей полагаемыхъ ея правами было необходимо дать аѳинамъ законы, которымъ всѣ граждане безъ изъятья обязаны были бы повиноваться безпрекословно. Тогда архонтъ Драконъ (624 г. до Р. Х.) человѣкъ умный, но по старости лѣтъ безстрастный и безжалостный, далъ республикѣ законы, о которыхъ вскорѣ сказали, что они написаны кровью. Не соразмѣряя наказаній со степенью провинности, Драконъ опредѣлилъ смертную казнь, какъ за маловажную погрѣшность, такъ и за самое чудовищное преступленіе. Этой же страшной карѣ подвергались граждане аѳинскіе за праздколюбіе и лѣность. Кто-то изъ архонтовъ замѣтилъ законодателю о жестокости и несоразмѣр-

---

[1]) Эліанъ разныя исторіи кн. VIII гл. 5.

ности присуждаемыхъ имъ наказаній. «Ты одинаково казнишь,“ сказалъ онъ Дракону—празднолюбца, вора и убійцу, хотя между ними есть великая разница?

— Я не вижу никакой! отвѣчалъ Драконъ. Каждый празднолюбецъ, точно также легко можетъ сдѣлаться воромъ, какъ воръ убійцею. Если же я въ моихъ законахъ не присудилъ убійцъ къ тягчайшему наказанію, сравнительно съ ворами и лѣнивцами, это потому, что на свѣтѣ нѣтъ двухъ смертей!

Драконовы законы были введены въ республикѣ аѳинской, но вмѣсто водворенія желанной тишины и общественнаго блага принесли гражданамъ одни мученія; рѣки крови полились на площадяхъ не въ борьбѣ мятежа съ властію, но по волѣ неумолимаго закона, размножившаго преступленія, а вмѣстѣ съ ними и казни... Было время, республика бѣдствовала отъ внутреней неурядицы, теперь она страдала вслѣдствіе введенія законовъ хуже совершеннаго безначалія! Въ послѣдніе годы жизни Драконъ удалился въ Эгину и здѣсь скончался безъ малѣйшаго упрека совѣсти, съ полной увѣренностью, что онъ, своими законами, даровалъ отечеству счастіе и спокойствіе.

Въ 598 году, архонтъ Килонъ отважился возстановить царскій престолъ и замѣнить республику монархіею. Помимо нарушенія правъ согражданъ дерзкій умыселъ Килона былъ святотатствомъ, такъ какъ онъ, желая взойти на престолъ, упраздненный послѣ смерти Кодра, свергалъ съ него царя незримаго и безсмѣннаго—самаго Юпитера. Преслѣдуемый аѳинянами, Килонъ со своими приверженцами заперся въ городскомъ акрополисѣ (кремль), готовясь дать отпоръ осаждавшимъ, которые, обложивъ убѣжище мятежниковъ, намѣревались заморить ихъ голодомъ. Килонъ, сдѣлавъ вылазку, спасся бѣгствомъ; сообщники его скрылись въ храмѣ Минервы, будучи вполнѣ увѣрены, что это святилище будетъ неприкосновенно... однако же аѳиняне исторгли ихъ изъ храма и всѣ они, какъ измѣнники и нарушители общественнаго спокойствія, были преданы смерти. Еще не утихли въ Аѳинахъ волненія, произведенныя въ нихъ заговоромъ Килона, какъ въ городъ пришла страшная вѣсть о взятіи Низіи и Саламина мегарійцами. Изъ за обладанія этими городами Аѳины и Мегара вели давниш-

нюю тяжбу, стоившую обѣимъ сторонамъ не мало крови, такъ какъ города, переходя изъ рукъ въ руки, каждый разъ были отстаиваемы ихъ обладателями съ отчаяннымъ упорствомъ. За отнятіемъ у республики аѳинской Низіи и Саламина, слѣдовало новое, страшнѣйшее бѣдствіе: въ Аѳинахъ открылась моровая язва, сопровождавшая, какъ говорятъ древнія лѣтописи, — „явленіемъ страшныхъ привидѣній, наводившихъ ужасъ и уныніе на всѣхъ гражданъ.“ Здѣсь считаемъ не лишнимъ сдѣлать любопытную замѣтку.

Не только въ древнихъ, но и въ средневѣковыхъ хроникахъ всѣхъ народовъ можно найдти сказанія о моровыхъ повѣтріяхъ, сопровождаемыхъ призраками. Такъ, между прочимъ и въ нашихъ лѣтописяхъ, подъ 1091 годомъ находимъ сказаніе о томъ, какъ при великомъ князѣ Всеволодѣ, — „въ Полоцкѣ—ночью и днемъ, злые духи скакали на коняхъ, невидимо уязвляя гражданъ, отчего множество людей умерло [1]).“ Спириты, основываясь на своихъ завиральныхъ теоріяхъ, могли бы подобное явленіе объяснить по своему, но мы, не имѣя удовольствія принадлежать къ этой сектѣ, постараемся объяснить эти чудеса, основываясь на научныхъ данныхъ. Моровыя язвы, приправленныя призраками, вовсе не вымыслы лѣтописцевъ, вся вина которыхъ заключается только въ ихъ неумѣньи описывать симптомы страшной болѣзни. Призраки, появлявшіеся при моровыхъ повѣтріяхъ, были ничто иное какъ галлюцинаціи людей, зараженныхъ чумою; можетъ быть даже и не у зараженныхъ, а только подъ вліяніемъ ужаса страдавшихъ разстройствомъ нервовъ. Больнымъ бѣлою горячкою мерещатся, невидимые для здоровыхъ, змѣйки, мушки и, такъ называемые, чертики: эти видѣнія—слѣдствія раздраженія глазныхъ нервовъ. Точно такое же раздраженіе органовъ зрѣнія могло быть у людей во время вышеупомянутыхъ моровыхъ повѣтрій. Это самое естественное, и потому ближайшее къ истиннѣ, объясненіе феномена страннаго, загадочнаго.

Чума свирѣпствовала съ неослабѣвающей силой, ежедневно пе-

---

[1]) Исторія Государства Россійскаго, Карамзина, изд. Смирдина 1831 г. томъ III, стр. 97.

глощая по нѣскольку сотъ жертвъ; не исчезали и привидѣнія. Доведенные до отчаянія, аѳиняне отправили посольство на островъ Критъ къ знаменитому волхву и любимому богами поэту Эпимениду (593 г. до Р. Х.). О немъ по всей Греціи ходило множество чудесныхъ разсказовъ; между прочими, будто въ дѣтствѣ онъ погрузился въ глубокій сонъ, отъ котораго пробудился черезъ сорокъ лѣтъ, одаренный способностью читать въ будущемъ, какъ въ отверзтой книгѣ. Многіе цари, депутаты республикъ и городовъ греческихъ, въ тяжкія годины народныхъ бѣдствій обращались къ Эпимениду за совѣтами, всегда благими и полезными. Онъ ласково принялъ аѳинскихъ пословъ, и, не отлагая дѣла, вмѣстѣ съ ними отправился въ Аттику. Появленіе Эпименида въ Аѳинахъ придало бодрости унылымъ жителямъ, а его вдохновенныя рѣчи благотворно подѣйствовали и на самыхъ малодушныхъ. Онъ объявилъ аѳинянамъ, что язва, ниспосланная на ихъ городъ, есть наказаніе свыше за непрерывныя междоусобія и за оскверненіе Аѳинъ частыми кровопролитіями. Для прекращенія чумы, Эпименидъ приказалъ, разрушивъ всѣ городскіе храмы, соорудить на ихъ мѣстахъ новые; воздвигнуть новые алтари, принося на нихъ жертвы для умилостивленія разгнѣванныхъ боговъ; предложилъ аѳинянамъ пѣть сочиненные имъ гимны и молитвы. Въ точности исполняя приказанія Эпименида, аѳиняне замѣтили съ восторгомъ, что чума стихаетъ, привидѣнія не появляются болѣе... наконецъ болѣзнь совершенно исчезла. Благодушный Эпименидъ пробылъ въ Аѳинахъ до самаго дня прекращенія язвы, и на всѣ предложенія гражданъ принять отъ нихъ щедрую, заслугамъ соразмѣрную награду, онъ отвѣчалъ отказомъ, выразивъ болѣе нежели скромное желаніе: увезти съ собою въ Кноссъ вѣтвь масличнаго дерева, посвященнаго Минервѣ. Съ этимъ подаркомъ, напутствуемый благословеніями аѳинянъ, Эпименидъ отправился на родину, оставивъ по себѣ память мужа святаго, свыше вдохновеннаго и снискавъ неотъемлемое прозвище спасителя Аѳинъ.

По мѣрѣ водворенія спокойствія, нарушеннаго чумою, въ Аѳинахъ опять начались распри между аристократіой и демократіей. Отъ этой новой язвы безначалія, республика была спасена архонтомъ Солономъ, причисляемымъ къ семи мудрецамъ греческимъ.

Солонъ родился въ 639 г. до Р. Х., на островѣ Саламинѣ. Отецъ его Эксекестидъ былъ потомкомъ царя Кодра; славился богатствомъ, но еще того болѣе благодѣяніями, которыя довели его самого чуть не до нищенской сумы. Ничего не наслѣдовавъ послѣ отца, кромѣ добраго имени, Солонъ былъ вынужденъ заняться торговлею. Сношенія съ купцами, бывалыми въ чужихъ краяхъ, ихъ разсказы о нравахъ и обычаяхъ разныхъ городовъ, развили въ любознательномъ Солонѣ страсть къ путешествіямъ, которую онъ имѣлъ возможность удовлетворить, не прибѣгая къ займамъ у друзей. Путешествуя по разнымъ областямъ Греціи и по иностраннымъ царствамъ, Солонъ повсемѣстно знакомился съ людьми учеными, стараясь въ бесѣдѣ съ ними почерпнуть множество полезныхъ свѣденій. Онъ познакомился съ знаменитыми мудрецами: Ѳалесомъ милетскимъ, Питтакомъ, Віасомъ, Клеовуломъ, Мизономъ, Хилономъ и скиѳомъ Анахарзисомъ. Кромѣ философіи, Солонъ питалъ пламенную любовь къ поэзіи, и до глубокой старости съ юношескимъ жаромъ занимался ею. Въ сознаніи, что умъ его достаточно развитъ и обогащенъ познаніями, Солонъ, по возвращеніи въ Аѳины, поступилъ на службу республики и въ 574 г. до Р. Х. былъ избранъ въ архонты. Распри между разными классами аѳинскихъ гражданъ, побудили людей благомыслящихъ обратиться къ Солону съ просьбою пересмотрѣть законы республики и, по мѣрѣ возможности, преобразовать ихъ къ лучшему. Солонъ взялся за этотъ громадный и неблагодарный трудъ, предварительно выслушавъ жалобы, какъ привилегированнаго, такъ и простаго сословій. Послѣднее роптало на притѣсненія, терпимыя имъ отъ богачей и землевладѣльцевъ, на непомѣрные проценты, взимаемые заимодавцами съ должниковъ, которые вслѣдствіе несостоятельности дѣлаются рабами первыхъ. Бѣдняки требовали душеваго надѣла землею въ ущербъ богачамъ. На первый случай, Солонъ принудилъ богачей простить ихъ бѣднымъ должникамъ всѣ долги и недоимки; закабаленныхъ отпустить на волю; при отдачѣ денегъ въ займы брать не свыше 12%, но желанія беземельниковъ не исполнилъ и душевыхъ надѣловъ имъ не роздалъ. Эти мѣропріятія возбудили ропотъ въ обѣихъ сторонахъ, мало по малу смирившихся, такъ какъ

онѣ не замедлили убѣдиться въ ихъ прямой пользѣ. Землевладѣльцы безпрепятственно могли пользоваться доходами съ ихъ недвижимаго имущества, а свободные безземельники—плодами своихъ трудовъ, работая сами на себя, а не на безжалостныхъ своихъ притѣснителей. Изъ законовъ драконовыхъ, Солонъ оставилъ безъ измѣненія только статьи о наказаніи убійцъ, дѣлимыхъ (какъ то было при Драконѣ) на три категоріи: 1) неумышленныхъ, 2) изъ мщенія, 3) съ корыстной цѣлью, и сообразно тому наказуемыхъ. Во всѣхъ прочихъ статьяхъ, уложеніе Дракона было радикально преобразовано. Имѣя въ виду, что въ республикѣ не народъ существуетъ для властей, но власти для народа, огражденнаго отъ произвола законами, самимъ же народомъ начертанными, Солонъ предоставилъ согражданамъ право: всенародныхъ сходокъ, выбора правителей и состава судовъ. Важнѣйшіе государственные вопросы народъ долженъ былъ обсуждать большинствомъ голосовъ изъ числа 6,000 выборныхъ; сенату и Ареопагу было предоставлено утверждать приговоры общенародные. Всѣхъ аѳинскихъ гражданъ Солонъ раздѣлилъ на четыре касты, принимая въ соображеніе размѣры имуществъ. Къ первой кастѣ принадлежали пентакозимедимны, крупные землевладѣльцы, имѣвшіе ежегодный доходъ въ 500 мѣръ хлѣба и столько же іелея (оливковаго масла), что по переводу на наши деньги равняется 3,750 руб. серебра. За ними слѣдовали всадники (2,750 руб. сер. годоваго дохода); третью касту составляли севгиты (1,375 руб. сер.) и ѳеты, безземельники. Только граждане первыхъ трехъ кастъ имѣли право быть избираемыми въ правительственныя должности безъ производства жалованья. Сенатъ изъ 400 членовъ, независимо отъ предварительнаго просмотра новыхъ статей закона, имѣлъ право обнародывать указы, пользовавшіеся силою закона цѣлый годъ, послѣ же этого срока отмѣняемые или входящіе въ составъ государственныхъ законовъ. Кромѣ того только сенату предоставлено было право набирать войска, строить и снаряжать корабли, приговаривать виновныхъ къ арестамъ и къ смертной казни. Предсѣдатель сената былъ въ то же время и государственнымъ казначеемъ. Ареопагъ, состоявшій изъ девяти архонтовъ, былъ, такъ сказать, верховнымъ совѣтомъ министровъ.

Первый архонтъ (эпонимъ) давалъ свое имя гражданскому суду и былъ предсѣдателемъ верховнаго суда, состоявшаго изъ членовъ, избранныхъ по жребію. Второму архонту — царю — подвѣдомственны были дѣла духовныя, относящіяся до религіи и ея обрядовъ; третьему — полемарху — дѣла военныя. Остальные члены Ареопага (десмоеэты) управляли низшими судебными инстанціями.

Преобразованное такимъ родомъ правленіе аѳинской республики представляло смѣсь аристократіи съ демократіей. Сущность же законовъ солоновыхъ состояла въ подчиненіи политики убѣжденіямъ нравственнымъ; у Ликурга спартанскаго было наоборотъ: общественные нравы были подчинены политикѣ. Въ своемъ уложеніи о наказаніяхъ Солонъ не упоминалъ ни о святотатствѣ, ни объ отцеубійствѣ. Ему указали на этотъ пропускъ.

— О святотатствѣ, отвѣчалъ законодатель — я не упоминаю потому, что преступленіе это еще невѣдомо аѳинянамъ. Предусматривая преступленія, законъ не долженъ выдумывать небывалыхъ; что же касается до отцеубійства, оно, по моему мнѣнію, невозможно, какъ противное здравому смыслу и законамъ природы!

Добродушный мудрецъ, какъ видно, имѣлъ слишкомъ высокое понятіе о сердцѣ человѣческомъ; или, въ его время, оно еще не было такъ извращено и испорчено, какъ въ наше. Нынѣ во многихъ государствахъ совершаются преступленія, не предусмотрѣнныя даже и самыми прозорливыми законодателями. Законы свои Солонъ изложилъ стихами и начерталъ ихъ на кирбахъ, деревянныхъ цилиндрахъ, свободно поворачивавшихся на своихъ осяхъ, прикрѣпленныхъ къ подставкамъ. Законодатель взялъ клятву со всѣхъ гражданъ, что его уложенія будутъ соблюдаться втеченіе ста лѣтъ; въ этотъ продолжительный срокъ (какъ онъ полагалъ) насажденныя имъ нравственныя правила должны были, прочно укоренясь, приносить обильные плоды. Совершивъ великій свой трудъ, Солонъ взялъ отъ Ареопага отпускъ на десять лѣтъ, которыя посвятилъ путешествіямъ по Египту, Криту, Лидіи и другимъ знаменитымъ странамъ древняго міра. Еще до избранія въ архонты Солонъ снискалъ глубочайшее уваженіе своихъ согражданъ великимъ подвигомъ, въ равной степени дѣлавшимъ честь его уму и доблестямъ. Когда мегарійцы отняли у аѳинянъ Саламинъ, пра-

вители республики обнародовали указъ, воспрещавшій, подъ опасеніемъ смертной казни, упоминать объ этомъ позорномъ событіи. Этому указу, разумѣется, всѣ повиновались и въ боязливомъ молчаніи не дерзали и думать объ отторженіи у мегарійцевъ ихъ завоеванія. Солонъ, притворясь помѣшаннымъ, отстранился отъ своихъ занятій; съ утра и до вечера, въ безпорядочной одеждѣ, бѣгалъ по площадямъ, размахивая руками и громко самъ съ собою разговаривая. Толпа, всегда любопытная, слѣдовала за нимъ прислушиваясь къ его страннымъ рѣчамъ, въ которыхъ по временамъ слышалось роковое имя Саламина, возбуждавшее въ народѣ тѣмъ пущее любопытство. Собравъ, наконецъ, вокругъ себя на площади нѣсколько сотенъ слушателей, Солонъ всталъ на камень и сопровождая слова рѣзкими тѣлодвиженіями обратился къ нимъ со слѣдующею рѣчью:

— Безуміе, самое счастливое состояніе въ странѣ, гдѣ народъ изъ прежняго доблестнаго превратился въ малодушнаго и трусливаго. Тѣ ли вы, аѳиняне, какими вы были встарь? Гдѣ ваше мужество, ваша любовь къ отечеству? Врагъ невозбранно пользуется Саламиномъ, своимъ незаконнымъ стяжаніемъ и вы, какъ безсильныя дѣти, уступаете ему... и ни одинъ изъ васъ не рѣшается, взявъ въ руки мечь, призвать своихъ согражданъ послѣдовать его примѣру?

— Къ оружію! къ оружію!! единогласно воскликнули всѣ бывшіе на площади.

— Да, сограждане, къ оружію! повторилъ Солонъ восторженно и отнимемъ Саламинъ у мегарійцевъ!

И не спрашивая разрѣшенія ни у сената, ни у Ареопага, аѳиняне подъ предводительствомъ Солона отправились въ походъ противъ мегарійцевъ; Саламинъ былъ отнятъ и обладаніе имъ было надолго упрочено за республикою аѳинскою. На мѣстѣ побѣды, одержанной надъ врагами, Солонъ соорудилъ храмъ Марса. Это происходило (какъ мы уже говорили выше) еще до избранія Солона въ архонты. Получивъ отпускъ на десять лѣтъ, законодатель отправился въ Египетъ. Здѣсь онъ посѣтилъ фараона Амазиса и удостоился чести, рѣдкой для иностранца, быть допущеннымъ на собранія жрецовъ. Противъ обыкновенія, они сообщили ино-

земцу множество свѣденій, до того времени сохранявшихся въ глубочайшей тайнѣ. Такъ, между прочимъ, бесѣдуя съ Солономъ о древности міра, они назвали грековъ „младенцами“, сравнивая ихъ съ египтянами. По словамъ жрецовъ, міръ по прошествіи нѣсколькихъ тысячелѣтій подвергается великимъ геологическимъ переворотамъ, въ которыхъ огонь или вода являются главными дѣятелями. Вслѣдствіе этихъ переворотовъ поверхность земли неоднократно преобразовывалась и еще будетъ преобразовываться. За девять тысячъ лѣтъ до того времени, когда Солонъ вторично посѣтилъ Египетъ, Средиземное море (по словамъ жрецовъ) было рѣкою, орошавшею берега могучаго царства, называвшагося **Атлантидою**. Въ этомъ царствѣ были богатые города, жители которыхъ были весьма свѣдущи въ наукахъ и художествахъ. Они имѣли самыя дружественныя сношенія съ жителями древняго Египта, ихъ ближайшими сосѣдями. Нѣсколько тысячелѣтій существовала Атлантида до той поры, покуда разливъ океана, сопровождаемый страшными землетрясеніями, не поглотилъ Атлантиды и не превратилъ этой страны въ обширное Средиземное море, отдѣлившее материкъ южной Европы отъ материка сѣверной Африки [1]). Усвоивъ взглядъ египетскихъ жрецовъ на мірозданіе, Солонъ не могъ не отрѣшиться отъ буквальнаго пониманія миѳологическихъ символовъ. Свѣтлымъ своимъ умомъ онъ постигъ, что каждое олимпійское божество ничто иное, какъ грубое олицетвореніе творческихъ силъ природы, подчиненныхъ единому верховному и необъятно-великому разуму, именуемому ни Зевсомъ, ни Хроносомъ, ни Озирисомъ.

Изъ Египта Солонъ отправился на островъ Кипръ и здѣсь руководилъ юнаго царя Филокира въ многотрудной наукѣ управлять государствомъ. Совѣты и наставленія мудреца имѣли благодѣтельнѣйшія послѣдствія: кипріоты, повинуясь законамъ, имѣвшимъ главною цѣлью ихъ благосостояніе—блаженствовали; науки, искуства, промышленность были неистощимыми сокровищницами,

---

[1]) Подробный разсказъ объ Атлантидѣ, записанный **Платономъ** со словъ **Критія**, находится въ сочиненіи великаго философа: Тимей или разговоры о природѣ, о которомъ мы еще подробнѣе поговоримъ.

обогащавшими страну. Въ знакъ признательности своей къ Солону, дабы увѣковѣчить память мудреца, Филокиръ основалъ городъ, названный его именемъ. Изрѣченія Солона, въ видѣ риѳмованныхъ двустишій, были первообразы народныхъ пословицъ, многія изъ нихъ можетъ быть и донынѣ сохранились между европейскими народами; нѣкоторые же, отъ долговременнаго употребленія опошлились и сдѣлались общими мѣстами. Такъ, напримѣръ, слова Солона, сказанныя Крезу, царю лидійскому: „счастіе не въ богатствѣ, но въ добродѣтели"—такая же неопровержимая истина, какъ и та, что: „днемъ свѣтло и ночью темно"; при всемъ томъ, только впервые выраженная, она могла быть достойна мудреца, впослѣдствіи времени сдѣлалась достояніемъ пошлости. Возьмите любую нравоучительную сентенцію: она тѣмъ пошлѣе, чѣмъ менѣе опровержима.

При дворѣ Креза лидійскаго, этого просвѣщеннаго обладателя несмѣтныхъ сокровищъ, имя котораго донынѣ употребляется какъ синонимъ богача—Солонъ былъ въ 562 году до Р. Х. въ одно время со знаменитымъ Эзопомъ. Тотъ и другой были для Креза дорогими гостями и царь любилъ бесѣдовать съ ними, искренно уважая ихъ за правду, высказываемую Солономъ, во всей ея наготѣ, а Эзопомъ въ пестромъ одѣяніи шутки или въ звѣриной кожѣ затѣйливой басни. Однажды говоря именно о правдѣ, Эзопъ сказалъ Солону:

— Мудрецъ обязанъ или вовсе не приближаться къ царямъ, или говорить имъ только пріятную правду.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Солонъ—мудрецъ долженъ или держаться подальше отъ царей, или говорить имъ правду полезную; или наконецъ вовсе не говорить.

Крезъ, показывая Солону свои драгоцѣнности, спросилъ мудреца:

— Скажи мнѣ, кто счастливѣйшій человѣкъ въ мірѣ?

— Аѳинянинъ Теллосъ, отвѣчалъ Солонъ.

— Я о немъ не слыхивалъ!

— И не мудрено; имя его не гремѣло. Онъ былъ богатъ личными своими достоинствами и уваженіемъ согражданъ; воспиталъ дѣтей въ правилахъ пламенной любви къ отечеству, а самъ, уже

въ преклонныхъ лѣтахъ, имѣлъ счастіе умереть за отечество съ оружіемъ въ рукахъ. Это я называю счастіемъ. Другой образецъ счастливыхъ людей видѣлъ я въ аѳинскихъ братьяхъ Клеовисѣ и Витонѣ, сыновьяхъ Кидиппы, жрицы Юноны. Они неоднократно удостоивались первыхъ наградъ на олимпійскихъ играхъ; всѣми были любимы и уважаемы. Престарѣлой ихъ матери надобно было поспѣшить въ храмъ богини во время празднованія панаѳеней. У нея была колесница, но не было воловъ для закладки и не на что было нанять ихъ... Тогда Клеовисъ и Витонъ впрягались въ колесницу и на себѣ привезли свою мать въ храмъ. Здѣсь Кидиппа, благословляя сыновей за ихъ любовь и покорность, обратилась къ богамъ съ молитвою, чтобы они достойно наградили Клеовиса и Витона, и боги услышали ея молитву. Тутъ же въ храмѣ братья погрузились въ глубокій сонъ, перейдя отъ него въ непробудный. Завидная смерть, истинно счастливые люди! [1])

— Но, царь, подобный мнѣ, возразилъ Крезъ,—развѣ не имѣетъ права назваться счастливымъ?

— Царь! отвѣчалъ Солонъ,—крайній предѣлъ жизни человѣческой я полагаю въ семьдесятъ лѣтъ, т. е. въ 25,720 дней. Можешь ли ты поручиться за каждый изъ нихъ, когда они, чередуясь, такъ мало бываютъ похожи одинъ на другой? Все измѣнчиво на свѣтѣ, а счастіе всего болѣе.

Эти слова о превратности счастья запали въ память Креза и, какъ увидимъ, были причиною его спасенія отъ смерти, чего не могли сдѣлать и всѣ его сокровища.

По возвращеніи въ Аѳины (561 г. до Р. Х.), Солонъ къ крайнему своему прискорбію нашелъ великія перемѣны къ худшему. Родственникъ его **Пизистратъ**, пользуясь отсутствіемъ законодателя и распрями между аристократіей и демократіей, задумалъ овладѣть верховной властію, ставъ во главѣ демократовъ, будто бы, для защиты ихъ правъ отъ посягательствъ аристократовъ. Умный,

[1]) Это сказаніе, превращенное въ легенду, было приписано средневѣковыми католическими монахами нѣкоторымъ святымъ христіанскимъ.

вкрадчивый Пизистратъ съумѣлъ очень искусно обморочить согражданъ, изъ которыхъ одинъ только Солонъ умѣлъ проникнуть въ сокровеннѣйшіе его замыслы. Не внимая его совѣтамъ, Пизистратъ неуклонно стремился къ своей цѣли, не жалѣя золота, чтобы успѣшнѣе выковать цѣпь рабства, которую готовился наложить на свободныя Аѳины. Его дѣйствія въ этомъ случаѣ могли служить образцами для всѣхъ позднѣйшихъ похитителей власти. Желая возбудить въ народѣ сильнѣйшую къ себѣ привязанность и испытать степень расположенія приверженцевъ, однажды Пизистратъ, до крови исцарапавъ себѣ лице и сорвавъ одежды, выбѣжалъ на площадь, взывая о помощи. Когда же народъ сбѣжался на его вопли, онъ сказалъ:

— Вотъ награда за мои старанія о вашемъ счастіи! Убійцы, подкупленные моими врагами, напали на меня и я едва спасся!

Эта выходка (въ родѣ 18 брюмера Наполеона I и 2 декабря его племянника) произвела на народъ именно то самое впечатлѣніе, котораго желалъ Пизистратъ. Тысячи голосовъ отвѣчали ему, что они готовы положить за него свои головы. Солонъ, свидѣтель этой сцены одураченія народа Пизистратомъ, подошелъ къ хитрецу и сказалъ ему:

— Честь тебѣ и слава; ты мастерски играешь свою роль, подражая Улиссу! Вспомни только, что онъ обманывалъ враговъ, а ты обманываешь согражданъ!

Народъ отвѣчалъ Солону насмѣшками, называя его безумцемъ. По приговору ареопага, Пизистрату дана была почетная стража изъ 50 тѣлохранителей. Видя, что всѣ его совѣты пропадаютъ втунѣ, Солонъ рѣшился возмутить народъ противъ похитителя власти и, взявъ мечъ, явился на площади, призывая всѣхъ гражданъ, кому дорога свобода, присоединиться къ нему и принудить Пизистрата отказаться отъ своихъ тираническихъ замысловъ. Весьма немногіе подошли къ Солону и то затѣмъ, чтобы поглумиться надъ нимъ, какъ надъ безумнымъ.

— Кто далъ тебѣ право располагать участью республики? сказалъ ему кто-то изъ присутствующихъ.

— Мои сѣдины! кротко отвѣчалъ Солонъ.

Горькимъ опытомъ убѣдился мудрый законодатель въ той ве-

ликой истинѣ, что народъ, какъ собака, охотнѣе повинуется тому кто его бьетъ; что его законы далеко не ограждаютъ правъ гражданъ—и, что, наконецъ, человѣкъ знатный и богатый, всегда съумѣетъ выпутаться изъ сѣтей суда. Правду говорилъ Солону скиѳскій философъ Анахарзисъ:

— Твои законы—паутина: маловажные проступки уловляются ими, какъ муха; преступленія крупныя прорываются сквозь законъ, какъ птицы сквозь паутину!

Въ безсильномъ негодованіи Солонъ покинулъ Аѳины и отправился въ Египетъ; оттуда на Кипръ, гдѣ и умеръ въ 559 г. до Р. Х. Пизистратъ нѣсколько разъ призывалъ его на родину, въ качествѣ совѣтника и руководителя, но мудрецъ былъ непреклоненъ. Доживая свой вѣкъ на чужбинѣ, Солонъ занимался поэзіей и плодами его бесѣдъ съ музами были его Элегіи, въ которыхъ бѣдный старикъ излилъ сѣтованія на судьбу Аѳинъ и на утрату ими гражданской свободы. Когда онъ находился на высотѣ могущества и славы, сограждане предлагали ему быть царемъ, указывая на Питтака, тирана митиленскаго, и на Періандра коринскаго.

— И вы желаете, чтобы я былъ также тираномъ? возразилъ Солонъ.

— Но подданные Питтака и Періандра блаженствуютъ...

— Желаю, чтобы блаженство это продлилось; что же касается до ихъ властителей, я скажу, что на престолъ царскій всходить пріятно; держаться же на немъ тяжело, а сходить съ него—еще того тяжеле.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Пизистратъ. — Преобразованіе въ законахъ.—Уставы объ инвалидахъ. — Заговорщики. — Оскорбленіе жены.—Дочь и влюбленный.—Гиппій и Гиппархъ.—Убіеніе Гиппарха.—Мщеніе Аристогитона.—Сверженіе Гиппія Клисѳеномъ.—Анархія.—Конецъ періода.—Религія и наука.—Мудрецы.—Ѳалесъ Милетскій.—Солнечное затмѣніе.—Скитанія Ѳалеса.—Пребываніе въ Египтѣ.—Переселеніе въ Милетъ.—Занятіе астрономіею.—Великое открытіе.—Золотой треножникъ.—Холостякъ и отецъ семейства.—Ненависть къ тираніи.—Амазисъ.—Тираны и льстецы.

Похититель власти (тиранъ) Пизистратъ (561—528 г. до Р, Х.) былъ одаренъ всѣми наружными и внутренними качествами, обладая которыми человѣкъ недалекъ отъ совершенства. По происхожденію—царскаго рода; богачь, красавецъ собою, уменъ, образованъ, добръ, великодушенъ; хитеръ—безъ плутовства, вкрадчивъ безъ подлости.., таковъ былъ правитель Аѳинъ, ихъ царь, подъ скромнымъ именемъ архонта.

Не отмѣняя солоновыхъ законовъ, Пизистратъ во многихъ статьяхъ ихъ дополнилъ и измѣнилъ къ лучшему. Широкія права, данныя имъ торговцамъ и земледѣльцамъ, успѣшно содѣйствовали народному обогащенію; покровительство, оказываемое Пизистратомъ ученымъ художникамъ, способствовало украшенію Аѳинъ многими прекрасными зданіями, но еще того болѣе—многочисленными школами для образованія юношества. До воцаренія Пизистрата, престарѣлые и увѣчные воины республики аѳинской существовали подаяніемъ согражданъ, не получая отъ казны ни пенсій, ни пособій. Эта недоглядка прежнихъ законодателей была исправлена Пизистратомъ и защитники отечества, на старости лѣтъ, были призрѣны и обезпечены. Эта разумная мѣра пріохотила къ военной службѣ тѣхъ изъ аѳинскихъ гражданъ, которые до того вре-

мени уклонялись отъ нея, изъ опасенія остаться въ безпомощномъ состояніи по окончаніи служебнаго поприща. Содержаніе инвалидовъ было необременительно для государственной казны, такъ какъ на него употреблялись сокровища, отнятыя у непріятелей. Зная, что правитель ничѣмъ инымъ не можетъ такъ успѣшно снискать любовь народную, какъ ласкою и общедоступностью, Пизистратъ дозволилъ всѣмъ гражданамъ, безъ изъятія, посѣщать сады своего дворца и здѣсь бесѣдовалъ съ посѣтителями, выслушивая ихъ просьбы, жалобы, по мѣрѣ возможности удовлетворяя просителей немедленнымъ и правосуднымъ рѣшеніемъ. Ревнуя о просвѣщеніи, мудрый правитель предоставилъ во всеобщее пользованіе свою библіотеку, обогащенную новымъ спискомъ безсмертныхъ твореній Гомера... Вообще время царствованія Пизистрата для Аѳинъ было прологомъ золотаго вѣка Перикла. Объ умѣ и сердцѣ правителя, читатель лучше всего можетъ судить по слѣдующимъ анекдотамъ изъ его жизни.

Однажды нѣкоторые изъ его друзей, избалованные его благодѣяніями, составили заговоръ къ его низложенію, въ который они безъ особеннаго труда вовлекли многихъ, особенно изъ лѣниво учащейся или праздношатающейся молодежи (всегдашній контингентъ мятежей и смутъ). Дѣйствія свои инсургенты начали тѣмъ, что удалились изъ Аѳинъ, съ цѣлію осадить городъ... Ихъ настигъ Пизистратъ, безоружный, сопровождаемый только двумя рабами, несшими за нимъ одежду и съѣстные припасы. Удивленные и смущенные заговорщики остановились и спросили у правителя, чего онъ отъ нихъ хочетъ?

— Ничего, отвѣчалъ Пизистратъ, я только иду за вами!

— Куда?

— Туда же куда и вы. Вѣдь мы—друзья, а друзья должны быть неразлучны. Если вы не хотите быть со мною, такъ я буду съ вами и не покину васъ...

Эти простыя, отъ сердца идущія слова обезоружили мятежниковъ, и они, осыпая Пизистрата ласками и похвалами, возвратились съ нимъ въ Аѳины.

Въ другой разъ, толпа пьяныхъ пристала на улицѣ къ его женѣ и обидѣла ее разными неблагопристойностями, отъ которыхъ

она едва избавилась, опрометью прибѣжавъ во дворецъ Пизистрата. На другой день буяны, отрезвясь, рѣшились идти во дворецъ просить прощенія. Правитель ласково принявъ ихъ, съ притворнымъ удивленіемъ отвѣчалъ:

— Вы ошибаетесь! Вчера моя жена никуда не выходила изъ дому и если вы кого обидѣли, то уже никакъ не ее!

Въ дочь Пизистрата былъ страстно влюбленъ одинъ небогатый и незнатный молодой аѳинянинъ. Увидя ее въ процессіи на праздникѣ Минервы, въ бѣломъ одѣяніи, увѣнчанную цвѣтами, онъ до того увлекся, что, позабывъ всякое приличіе, бросился къ ней, сжалъ въ объятіяхъ и началъ осыпать поцѣлуями. Сумасброда, какъ нарушителя благочинія, схватили, посадили подъ арестъ и приверженцы Пизистрата требовали настоятельно, чтобы влюбленный въ его дочь былъ примѣрно наказанъ.

— За что? спросилъ Пизистратъ. Если мы будемъ наказывать любящихъ насъ, что же дѣлать тогда съ ненавидящими?

И онъ приказалъ немедленно освободить восторженнаго юношу, призвалъ его къ себѣ во дворецъ и къ невыразимой его радости выдалъ за него дочь.

Не смотря на высокія свои качества, Пизистратъ два раза принужденъ былъ удаляться изъ Аѳинъ, вслѣдствіе мятежей, но возвращался по ихъ усмиреніи. На смертномъ одрѣ онъ утѣшался, однако, мыслью, что ему, по желанію народному, будутъ наслѣдовать его сыновья Гиппархъ и Гиппій, достойные его преемники.

Сыновья Пизистрата, имъ самимъ воспитанные, были дѣйствительно достойны царскаго престола. Гиппархъ, мудрый покровитель ученыхъ и художниковъ, пользовался дружбою славнѣйшихъ поэтовъ этого времени—Симонида и Анакреона, бывшихъ безсмѣнными собесѣдниками его и Гиппія. Единственный упрекъ братьямъ можно было сдѣлать за ихъ излишнюю любовь къ роскоши и вообще къ удовольствіямъ изящнымъ, въ простомъ народѣ всегда возбуждающимъ завистливый ропотъ. Этимъ воспользовались молодые аѳиняне Гармодій и Аристогитонъ, питавшіе къ сыновьямъ Пизистрата непримиримую ненависть за нанесен-

ную имъ обиду Гиппіемъ. Къ Гармодію и Аристогитону присоединились многіе отчаянные республиканцы, тяготившіеся тираніею династіи Пизистратидовъ. Рѣшено было, на тайномъ совѣтѣ мятежниковъ, умертвить Гиппарха и Гиппія на праздникахъ Пареенопей. Въ назначенный день Гармодій и Аристогитонъ съ сообщниками явились на площадь, будто для принятія участія въ процессіи, держа въ рукахъ масличныя вѣтви, въ которыхъ спрятаны были кинжалы. Не смотря на то, что братья-правители были сопровождаемы вооруженными тѣлохранителями, Гармодій протѣснился къ Гиппарху и безтрашной рукой вонзилъ ему кинжалъ въ сердце, правитель упалъ не успѣвъ вскрикнуть; убійца на мѣстѣ былъ изрубленъ стражами, а сообщникъ его Аристогитонъ, не успѣвшій убить Гиппія, былъ схваченъ и преданъ лютѣйшимъ пыткамъ для показанія своихъ прочихъ сообщниковъ (514 л. до Р. Х.). Гиппій самъ присутствовалъ при допросахъ Аристогитона и съ ужасомъ услыхалъ изъ устъ пытаемаго имена своихъ друзей. Не слушая ихъ оправданій Гиппій казнилъ ихъ всѣхъ до единаго по мѣрѣ указаній Аристогитона, наконецъ спросилъ у истязуемаго, не забылъ ли онъ еще кого нибудь?— Мнѣ остается назвать тебя самаго! отвѣчалъ умирающій заговорщикъ — но вѣдь ты самъ себя къ смерти не приговоришь... Знай же, что я оклеветалъ твоихъ друзей, а ты казнилъ ихъ безвинно... Лучшаго мщенія я не могъ придумать и умираю съ радостнымъ сознаніемъ, что ты убійца людей, искренно тебѣ преданныхъ!

Сказавъ это, Аристогитонъ испустилъ послѣдній вздохъ.

Не смотря на щедрыя вознагражденія родственниковъ, оставшихся послѣ невинно-казненыхъ, Гиппія за его жестокость возненавидѣли даже его приближенные и всѣ его старанія снискать народную любовь благодѣяньями остались тщетны. Тогда Гиппій сдѣлался настоящимъ тираномъ, окружась наемниками, лазутчиками, сыщиками и палачами, принуждая къ изгнанію гражданъ, навлекавшихъ на себя его неосновательныя подозрѣнія... Позабывъ о прежнихъ добрыхъ дѣлахъ Гиппія, народъ, проклиная его, трепеталъ передъ нимъ и четыре года переносилъ это иго (514—510 л. до Р. Х.) и наконецъ дождался освободителя.

Изгнанникъ Клисѳенъ, изъ знатнаго рода Алкмеонидовъ, проживавшій въ Македоніи и извѣщенный о бѣдственномъ положеніи Аѳинъ, покинувъ мѣсто изгнанія пробрался въ Спарту и убѣдилъ лакедемонянъ содѣйствовать ему въ низверженіи Гиппія. Желая убѣдить будущихъ своихъ сподвижниковъ, что его отважное предпріятіе—дѣло угодное богамъ, Клисѳенъ посѣтилъ вмѣстѣ съ ними дельфійскаго оракула и сама Пиѳія одобрила намѣренія заговорщика. Клисѳенъ двинулся къ Аѳинамъ. При вѣсти о его приближеніи Гиппій попытался дать ему отпоръ, но что могъ сдѣлать тиранъ, когда войска отъ него отложились, а народъ явно выказывалъ свою ненависть къ нему и любовь къ грядущимъ освободителямъ? Проклиная неблагодарныхъ аѳинянъ Гиппій бѣжалъ изъ города, въ который Клисѳенъ вступилъ безпрепятственно, привѣтствуемый благодарнымъ народомъ, вскорѣ провозгласившимъ его правителемъ.

Выражая свою признательность Клисѳену, аѳиняне вспоминали о Гармодіи и Аристогитонѣ, четыре года тому назадъ павшихъ жертвами своей любви къ свободѣ. Въ честь обоихъ заговорщиковъ были воздвигнуты статуи; для успокоенія ихъ тѣней аѳиняне стали приносить жертвы, будто тѣнямъ героевъ или полубоговъ. Между тѣмъ, по желанію народному Клисѳенъ сдѣлался правителемъ и, на первый случай, раздѣлилъ всѣхъ гражданъ республики аѳинской на десять кастъ, изъ которыхъ только къ двумъ были причислены аристократы; прочія восемь состояли изъ демократіи. Это дѣленіе, какъ и слѣдовало ожидать, усилило и возвысило простой народъ въ ущербъ знати и опять пошли въ Аѳинахъ неурядицы и междоусобія, длившіяся до 500 г. до Р. Х., т. е. до начала Персидскихъ войнъ.

Прежде нежели мы перейдемъ къ разсказамъ объ этой достопамятной эпохѣ греческой исторіи, займемся біографическимъ обзоромъ мудрецовъ, философовъ, ученыхъ и поэтовъ, прославившихся въ теченіе двухъ первыхъ вѣковъ (съ 700 до 500 г. до Р. Х.) историческаго бытія Греціи.

Религія этой страны—пестрая мозаика вѣрованій востока,—была сплочена поэтами въ одно стройное цѣлое; можно даже сказать, что Греція, заимствуя миѳы отъ востока, пользовалась ими какъ

тэмами, на которыя поэты придумывали варіаціи. Но въ религіозныхъ своихъ убѣжденіяхъ каждый человѣкъ стремится къ правдѣ, а ея нѣтъ въ поэзіи. Что въ религіи древнихъ эллиновъ было много лживаго—этого не могли не замѣтить люди, одаренные свѣтлымъ и пытливымъ разумомъ, люди, шедшіе на поиски божества стезями размышленія и естествоиспытанія. Религія устами поэзіи говорила имъ о мірозданіи, но ея затѣйливымъ росказнямъ они не хотѣли и не могли вѣрить наперекоръ разсудку. Всматриваясь въ природу, въ ея неистощимыя силы, въ ихъ разнообразнѣйшихъ проявленіяхъ ученые (т. е. мудрецы и философы), подъ знаменемъ науки, вступили въ борьбу съ ложной религіей — вмѣнявшей человѣку въ первѣйшую обязанность крайнее невѣжество и, если не попятное движеніе въ его умственномъ развитіи, то — остановку, а съ нею и отреченіе отъ свободы мысли. Показывая на свѣтила небесныя жрецъ говорилъ эллину: „это боги и богини“ и если тотъ былъ малый неразвитой онъ смѣло вѣрилъ жрецу и былъ убѣжденъ, что тамъ, за лазурнымъ сводомъ дѣйствительно находится жилище боговъ, гуляющихъ по поднебесью въ видѣ яркихъ звѣздъ. Иными глазами смотрѣла на то же небо наука, только что высвобождавшаяся изъ пеленокъ и свивальниковъ, которыми пытались ее опутать поэзія и религія [1]). Философъ—жрецъ науки, искатель истины—взирая на небо, въ кучахъ звѣздъ видѣлъ не боговъ, но цѣлые міры, движущіеся по непреложнымъ законамъ въ сферахъ, начертанныхъ имъ не Юпитеромъ, не Сатурномъ, не Ураномъ; въ огнѣ философъ не видалъ Плутона, въ водѣ — Нептуна; клубы тумана не казались ему нимфами, а именно тѣмъ, чѣмъ были — т. е. парами, отдѣляющимися отъ земли, какъ потъ—отъ тѣла человѣческаго. Этотъ прозаическій взглядъ науки на весь міръ отъ свода небесъ до дна морскаго; отъ звѣзды до червя, отъ солнца до малой искорки—способствовалъ развитію наукъ въ ущербъ религіи. Наука дерзнула, наконецъ, назвать боговъ и богинь силами природы и отважилась на доискиванье законовъ, которымъ

---

[1]) Нужно ли пояснять читателю, что здѣсь мы называемъ религіею грубое язычество, догматы котораго въ бредняхъ миѳологіи?

силы эти подчинены. И началась борьба здраваго смысла и истины съ идеями вздорными, которыя навязывали разуму человѣческому вообще эксплуататоры невѣжества и суевѣрія.

Въ Греціи — первыми поборниками правды и истинными просвѣтителями страны были мудрецы, по старшинству распредѣляемые такимъ образомъ: Ѳалесъ, Солонъ (о которомъ мы уже говорили), Хилонъ, Питтакъ, Періандръ, Віасъ (или Віантъ), Клеовулъ и современники ихъ: Мизонъ и Книлонъ, къ семи мудрецамъ не причисляемые.

Ѳалесъ, основатель первой философской школы, называемой Іоническою, родился въ Финикіи въ 639 году до Р. Х. и принадлежалъ къ одной изъ знатнѣйшихъ тамошнихъ фамилій. Хотя греки, указывая на данное ему прозвище Милетскаго и оспаривали у Финикіи честь быть мѣстомъ рожденія мудреца, но прозвище было дано Ѳалесу по мѣсту его пребыванія, а не по мѣсту явленія его на свѣтъ. Въ 625 году, четырнадцатилѣтній Ѳалесъ былъ свидѣтелемъ полнаго солнечнаго затмѣнія, побудившаго лидянъ, объявившихъ войну мидійцамъ, заключить съ ними миръ, подъ наитіемъ суевѣрнаго ужаса. Это астрономическое явленіе поразило наблюдательный умъ Ѳалеса и съ этого времени онъ посвятилъ себя изученію феноменовъ природы, называемыхъ невѣждами проявленіемъ воли боговъ, единственно ради желанія показать смертнымъ свое могущество. Родители Ѳалеса, люди богатые, отправили его для изученія естественныхъ наукъ въ Египетъ, куда вскорѣ и сами за нимъ послѣдовали, убѣгая изъ Финикіи отъ скиѳовъ, вторгнувшихся въ Малую Азію. Тогда въ Египтѣ царствовалъ Псамметихъ, при которомъ науки и художества находились на высокой степени совершенства. Жрецы, учители Ѳалеса, обучая его геометріи и астрономіи, въ тоже время знакомили его и съ богословіемъ умозрительнымъ, съ высокими идеями о единствѣ божества, его премудрости и всемогущества. Успѣхамъ Ѳалеса въ наукахъ математическихъ много способствовало его участіе въ великомъ предпріятіи фараона Нехао (614 л. до Р. Х.) соединить каналомъ рѣку Нилъ съ Чернымъ моремъ. Эти работы длились двадцать пять лѣтъ, но окончены не были, такъ какъ Нехао, увлекаемый безразсудной страстью къ

завоеваніямъ, отправился въ походъ на Іудею. Въ 609 году онъ овладѣлъ Іерусалимомъ и въ тоже время скиѳы, устрашенные его побѣдами, очистили занятую ими Ассирію. Избавленіе Малой Азіи отъ варваровъ дало возможность Ѳалесу и его родителямъ возвратиться въ Финикію. Здѣсь мать будущаго мудреца предлагала ему жениться и обзавестись собственнымъ домомъ, но онъ отклонилъ ея предложеніе, въ твердой увѣренности, что спокойствіе Финикіи водворено не на долго и ей угрожаютъ новыя, политическія бури. Прозорливость Ѳалеса его не обманула: черезъ четыре года (въ 605 году до Р. Х.) Навуходоносоръ, со своими союзниками скиѳами, отнялъ Іерусалимъ у фараона Нехао и принудилъ его, побѣдою на берегахъ Евфрата, бѣжать въ Египетъ. Въ 587 году той же участи подвергся и Апріэтъ, наслѣдникъ Нехао, черезъ 17 лѣтъ свергнутый съ престола фараономъ Амазисомъ. Опасаясь дальнѣйшихъ переворотовъ Ѳалесъ вторично и навсегда удалился изъ Финикіи, избравъ своимъ мѣстопребываніемъ Милетъ, въ Греціи, и въ этомъ городѣ получилъ права гражданства. Ѳалесу, въ это время, было пятьдесятъ два года и не смотря на то, его мать предлагала ему избрать себѣ подругу жизни; Ѳалесъ отвѣчалъ ей: въ первый разъ вы съ предложеніемъ вашимъ поторопились, а теперь опоздали! Вмѣсто того, чтобы обзаводиться собственнымъ семействомъ, мудрецъ усыновилъ племянника своего, Кивисса.

Обладая весьма достаточнымъ состояніемъ Ѳалесъ имѣлъ возможность со всѣми удобствами заниматься астрономіей, любимѣйшею своею наукою. Дѣлалъ изысканія о свойствахъ сферическихъ треугольниковъ; раздѣливъ сферу на пять поясовъ; измѣрялъ кажущійся поперечникъ солнца. Первый изъ греческихъ ученыхъ объяснилъ точныя причины лунныхъ и солнечныхъ затмѣній и подтвердилъ объясненія свои вычисленіями; предсказалъ полное лунное затмѣніе 28 мая 585 г. до Р. Х. къ совершенному торжеству науки и къ содѣянію имени своего безсмертнымъ [1]). За это открытіе и современники Ѳалеса признали его однимъ изъ мудрѣй-

[1]) Плиній въ Исторіи міра (кн. II гл. 9) относитъ это событіе къ 4 году XLVIII Олимпіады, т. е. къ 583 г. до Р. Х.

шихъ мужей Греціи, но скромный мудрецъ не величался этимъ прозвищемъ, предоставляя его другимъ, по его мнѣнію, достойнѣйшимъ. Нѣсколько путешественниковъ, милетскихъ уроженцевъ, въ бытность на островѣ Косѣ, откупили у тамошнихъ рыбаковъ закидываемую ими тоню, съ условіемъ, чтобы весь уловъ, безъ изъятья, принадлежалъ покупщикамъ. Рыбаки, вмѣстѣ съ рыбою, извлекли неводомъ съ морскаго дна золотой треножникъ, по преданію брошенный въ море Еленою, во время бѣгства ея въ Трою. Рыбаки съ покупщиками затѣяли споръ; изъ спора возникла тяжба, изъ за которой Косъ и Милетъ готовы были объявить другъ другу войну, однако же обратились къ посредничеству пиѳіи дельфійскаго храма. Она отвѣчала, чтобы спорный треножникъ отдали мудрѣйшему изъ грековъ и драгоцѣнность единогласно присуждена была Ѳалесу. Онъ переслалъ это приношеніе согражданъ Віасу; Віасъ—третьему изъ мудрецовъ и треножникъ изъ пятыхъ рукъ опять возвратился къ Ѳалесу. Онъ положилъ конецъ этой игрѣ въ великодушіе, пожертвовавъ треножникъ въ Ѳивскій храмъ Аполлона-Исменійскаго.

— Одинъ только Богъ премудръ, сказалъ при этомъ великій мужъ—и Его премудрости принесемъ нашъ даръ!

Въ 582 году до Р. Х. Ѳалесъ, посѣтившій дельфійскія игры, былъ на нихъ провозглашенъ мудрецомъ; той же чести удостоились: Питтакъ, Солонъ, Клеовулъ, Мизонъ и Хилонъ. Ни мало не соперничая, мудрецы жили очень дружно между собою, часто диспутируя, но въ спорахъ не переступая никогда границъ строжайшаго приличія. Солонъ, посѣтивъ Ѳалеса въ Милетѣ, не могъ удержаться, чтобы не посѣтовать на его одиночество, говоря, что пріемышъ никогда не можетъ замѣнить роднаго сына. Затѣмъ онъ сталъ съ увлеченіемъ разсказывать Ѳалесу о прелестяхъ семейной жизни и тѣхъ отрадныхъ минутахъ, которыя невѣдомы холостяку... Ѳалесъ отмалчивался. На другой день къ нему пришелъ новый гость, въ лицо не знавшій Солона, хотя и пріѣзжій изъ Аѳинъ. Увидя земляка, Солонъ приступилъ къ нему съ разспросами о новостяхъ и въ числѣ прочихъ, сообщенныхъ ему гостемъ Ѳалеса, узналъ о скоропостижной смерти молодаго, знатнаго аѳинянина. Солонъ спросилъ объ имени покойнаго.

— Имени его не знаю, отвѣчалъ гость, но мнѣ говорили, что онъ сынъ очень мудраго и ученаго человѣка, нынѣ путешествующаго по чужимъ странамъ... Имя его Солонъ!

При этихъ словахъ несчастный мудрецъ залился слезами и предался скорби, близкой къ отчаянію, не внимая утѣшеніямъ Ѳалеса.

— Вотъ именно для застрахованія себя отъ подобныхъ минутъ, сказалъ послѣдній — я и рѣшился на всю жизнь остаться холостякомъ. Но, успокойся Солонъ: вѣсть о смерти твоего сына— несправедлива; онъ живъ и здоровъ; я хотѣлъ тебѣ только доказать, что радости семейнаго человѣка едва ли могутъ его вознаградить за безпокойства и горести, которымъ онъ подвергается ежеминутно, чаще всякаго холостяка!

Жители Милета неоднократно предлагали Ѳалесу быть градоправителемъ, даже монархомъ; но онъ каждый разъ отвѣчалъ отказомъ, не желая лишать свободы своихъ согражданъ. „Много рѣдкостей видалъ я на своемъ вѣку,“ говорилъ онъ при этомъ— „но изъ нихъ—самая рѣдкостная, по моему мнѣнію, старость тирана!“ —Въ 570 году до Р. Х. Ѳалесъ посѣтилъ Египетъ и былъ, подобно многимъ грекамъ, радушно принятъ и обласканъ фараономъ Амазисомъ, свергнувшимъ Апріета (или Апрія) съ престола. Ожидая себѣ похвалъ отъ мудреца, фараонъ льстилъ ему, превознося его умъ, познанія и душевныя качества, но Ѳалесъ, питая отвращеніе къ похитителю власти отвѣчалъ ему рѣзко и непочтительно. Однажды за столомъ, къ которому былъ приглашенъ Ѳалесъ, фараонъ навелъ разговоръ на естествознаніе и собесѣдники начали разсказывать о звѣряхъ земнаго шара.

— По моему мнѣнію, замѣтилъ Ѳалесъ — лютѣйшій изъ дикихъ звѣрей называется тираномъ; опаснѣйшее изъ домашнихъ животныхъ — льстецомъ. Ни левъ, ни тигръ не истребятъ такого множества народу, какъ жестокосердый правитель; ни кошка, ни бѣшеная собака не могутъ повредить такъ, какъ вредитъ льстецъ своему ближнему!

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Θалесъ у Періандра.—Вопросы Амазиса и отвѣты царя эѳіопскаго.—Отвѣты Θалеса.—Іонійская школа.—Основы ея ученія.—Открытіе электрической силы.—Ученые труды и смерть Θалеса.—Хилонъ.—Его изреченія.—Питтакъ.—Выборъ жены.—Афоризмы.—Ферекидъ.—Его ученіе.—Обширныя познанія.—Примѣты и повѣрья.—Безотвѣтные вопросы объ инстинктѣ.—Смерть Ферекида.—Его біографы.—Хронологическія погрѣшности.

Изъ Египта Θалесъ отправился въ Мидію, гдѣ въ Сардесѣ видѣлъ царевича Кира, тогда еще малолѣтняго. Повсемѣстно мудреца встрѣчали съ должнымъ уваженіемъ, удивляясь его свѣтлому уму и обширнымъ разнообразнымъ познаніямъ. Въ 568 г. до Р. Х., проѣзжая черезъ Коринѳъ на пути своемъ въ Дельфы, Θалесъ посѣтилъ Періандра, который задалъ великолѣпный пиръ въ честь именитаго своего гостя. Одинъ изъ собесѣдниковъ, разсказывая про фараона Амазиса, удивлялся мудрымъ отвѣтамъ царя эѳіопскаго на вопросы, предложенные ему фараономъ. Что всего старѣе?—Время.—Всего огромнѣе? Міръ. Всего мудрѣе? Правда. Всего прекраснѣе? Свѣтъ. Всего обыкновеннѣе? Смерть. Всего полезнѣе? Богъ. Всего вреднѣе? Демоны. Всего сильнѣе? Счастье. Всего легче переносимо? Удовольствіе.

— Въ этихъ отвѣтахъ, замѣтилъ Θалесъ, я не вижу никакой мудрости и каждый изъ нихъ очень легко опровергнуть. Время дѣлится на прошедшее, настоящее и будущее: настоящее—намъ современно, а будущее—моложе каждаго изъ насъ ибо еще не наступило... Можно ли послѣ этого сказать, что время всего старѣе? Нѣтъ! на первый вопросъ я отвѣчалъ бы фараону: старѣе всего міра—Богъ, создатель вѣчности. Міръ, по словамъ эѳіопскаго царя, всего огромнѣе; а я полагаю, что огромнѣе самого міра, пространство вселенной, въ которомъ онъ вращается, потому что простран-

ство ея неизмѣримо. О правдѣ никакъ нельзя сказать, что она всего мудрѣе: правда — одно, мудрость — другое; смѣшивать эти два понятія не то ли же самое, что смѣшивать свѣтъ съ глазомъ? ибо мудрость относится къ правдѣ, какъ глазъ къ свѣту. Всего мудрѣе — время. „Всего прекраснѣе — свѣтъ" сказалъ эѳіопскій мудрецъ; но еслибы онъ сказалъ это о солнцѣ, источникѣ свѣта, въ его словахъ еще была бы частица правды... я же скажу, что всего прекраснѣе — весь міръ Божій. Можно ли назвать смерть самой обыкновенной вещью? Именно она, для каждаго человѣка, всего въ мірѣ необыкновеннѣе и для каждаго изъ живыхъ новость и неожиданность... Всего обыкновеннѣе — надежда. Сужденія эѳіопа о Богѣ и демонахъ — и дерзки, и нелѣпы: всего полезнѣе — добродѣтель; всего вреднѣе — порокъ, отравляющій все своимъ прикосновеніемъ. Всего сильнѣе не можетъ быть то, что всего измѣнчивѣе, а это именно счастье... Напротивъ! нужда — вотъ что въ мірѣ всего сильнѣе! Наконецъ, не могу сказать, чтобы удовольствіе было всего легче переносимо: это зависитъ отъ характера; иному и удовольствіе въ тягость... Всего легче давать совѣты другимъ и видѣть недостатки ближнихъ!

По возвращеніи въ Милетъ, Ѳалесъ для поученія согражданъ открылъ у себя въ домѣ собранія и этимъ положилъ основаніе школы іонійской. Здѣсь онъ преподавалъ, кромѣ математическихъ и естественныхъ наукъ, высокія правила нравственности и передавалъ ученикамъ новые догматы религіи съ философской точки зрѣнія на Бога и на мірозданіе. Главнѣйшія основы ученія Ѳалеса слѣдующія:

— Богъ единый — начало и источникъ всего видимаго и невидимаго; единый Богъ — безначальная и безконечная причина всѣхъ причинъ. Вода — начало всякаго вещества. Частицы единой, всемірной души, носясь въ пространствѣ, опускаются на землю и одѣваются по своему произволу тѣлами чистыми или нечистыми, созданными водою. По разрушеніи одного тѣла, душа вселится въ другое; за нимъ въ третье и, наконецъ, послѣ долгихъ переселеній возносится къ Творцу и неразрывно соединяется съ нимъ.

Изъ ученыхъ трудовъ Ѳалеса можно указать на его разсужденія о солнцестояніяхъ, равноденствіяхъ и затмѣніяхъ; замѣтки о

метеорахъ; руководство для астрономическихъ наблюденій мореплавателей. Измѣренія кажущагося поперечника солнца привели Ѳалеса къ заключенію, что онъ равняется одной семьсотъ двадцатой доли его орбиты... Изъ открытій по части физики, сдѣланныхъ Ѳалесомъ, самымъ замѣчательнѣйшимъ было то, что янтарь (электронъ) и гагатъ, разогрѣтые треніемъ, пріобрѣтаютъ свойство притягивать пушинки, соломинки, нитки и другія легкія тѣла. Мудрецъ объяснялъ это явленіе присутствіемъ въ янтарѣ особеннаго духа, т. е. силы. Эти опыты, впослѣдствіи времени, привели къ открытію электричества, примѣненія котораго въ медицинѣ, въ физикѣ, химіи и технологіи—неисчислимы. Эта сила оживляетъ нынѣ нервы каждаго благоустроеннаго государства—телеграфы; она же со временемъ замѣнитъ силу паровъ въ ея примѣненіи къ желѣзнымъ дорогамъ и всякаго рода машинамъ. Но, какъ бы ни были велики дальнѣйшія примѣненія электрической силы на пользу человѣчества, оно конечно не забудетъ имени Ѳалеса и его опытовъ съ янтаремъ.

Сердце Ѳалеса вполнѣ гармонировало съ его разумомъ: онъ былъ добръ, кротокъ, терпѣливъ, обязателенъ; въ особенности же безкорыстенъ. Одинъ изъ его учениковъ удивлялся его умѣнью довольствоваться малымъ, или, лучше сказать — его неумѣнью наживаться. „Право это не такъ трудно!“ отвѣчалъ Ѳалесъ и доказалъ это на опытѣ. Обладая умѣньемъ—по зимѣ, безошибочно опредѣлять урожай маслинъ -- Ѳалесъ въ одну изъ зимъ, благопріятствовавшихъ урожаю, взялъ на откупъ всѣ пресовальни для выдѣлки іелея въ Милетѣ и на островѣ Хіосѣ. Урожай маслинъ былъ необыкновенный; купцы и землевладѣльцы заплатили Ѳалесу большія деньги за отдачу маслинъ на выдѣлку іелея въ его пресовальняхъ и онъ разбогатѣлъ въ самое короткое время. Живя воздержно во всѣхъ отношеніяхъ и всячески избѣгая потрясеній нравственныхъ, Ѳалесъ дожилъ до 90 лѣтъ. Онъ скончался въ 548 году до Р. Х. вслѣдствіе утомленія отъ дороги во время поѣздки на пиѳійскія игры. Прославляя память великаго мужа, греки въ его честь воздвигли статуи во многихъ городахъ; на его гробницѣ было начертано: „какъ мала его гробница, такъ велика его слава.“ До нашихъ

временъ сохранилась и другая эпитафія, или—какъ ее называли древніе, эпиграмма, въ которой было сказано, что Юпитеръ взялъ Ѳалеса на небо для того, чтобы онъ удобнѣе могъ наблюдать за движеніемъ свѣтилъ, такъ какъ зрѣніе его ослабѣло отъ старости.

Школа, основанная Ѳалесомъ. прославленная многими знаменитыми послѣдователями его ученія, была разсадникомъ всѣхъ прочихъ философскихъ школъ древняго міра и нѣкоторыхъ сектъ—новаго. Иллюминаты, розенкрейцеры и масоны (нѣкоторыхъ толковъ) называли Ѳалеса своимъ родоначальникомъ, примѣшивая къ правдивымъ сказаніямъ о его жизни и ученыхъ трудахъ множество фантастическихъ выдумокъ.

Хилонъ, эфоръ лакедемонскій, жившій въ 556 г. до Р. X. былъ удостоенъ прозвища мудреца не столько за ученость, сколько за свои заслуги на административномъ поприщѣ. Онъ оградилъ права народныя отъ произвола спартанскихъ царей, противупоставивъ имъ усиленную власть эфоровъ; славился правосудіемъ и могъ похвалиться пріязнью мудрецовъ и философовъ, своихъ современниковъ. Обладалъ, какъ повѣствуютъ древніе историки, даромъ прозорливости, доказавъ это предсказаніемъ матери Пизистрата, когда она была имъ беременна, что родитъ тирана. На какихъ данныхъ Хилонъ основывалъ свое пророчество, этого древніе историки не объясняютъ. По примѣру всѣхъ мудрецовъ онъ путешествовалъ для самообразованія; посѣтилъ Мидію и, можетъ быть, Египетъ. Умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ отъ радости, что сынъ его получилъ призъ на олимпійскихъ играхъ. До насъ дошли нѣкоторыя изъ его изреченій; приводимъ особенно замѣчательныя:

— Познай самого себя.

— Золото испытываютъ пробирнымъ камнемъ; сердце человѣческое—золотомъ.

— Не ручайся ни за кого, чтобы никогда не раскаяваться.

— Истинная добродѣтель состоитъ въ томъ, чтобы силою разума проницать тьму, скрывающую отъ насъ грядущее.

— Если ты одаренъ силою — будь кротокъ, чтобы тебя уважали, но не боялись.

Питтакъ, уроженецъ города Мителене на островѣ Лесбосѣ (жилъ между 649—579 г. до Р. Х.), заслужилъ прозвище мудреца не столько за свои заслуги на поприщѣ ученомъ, сколько на военномъ и гражданскомъ. Во время одного изъ междоусобій либейцевъ съ аѳинянами, Питтакъ предложилъ военачальнику послѣднихъ, Фринону, выйдти съ нимъ на поединокъ. Фринонъ согласился и когда явился на назначенное ему мѣсто, Питтакъ, неожиданно выхвативъ изъ подъ своего щита сѣть, накинулъ ее на противника, и, лишивъ, такимъ образомъ, возможности защищаться—умертвилъ его. Признательные жители Мителене выбрали Питтака въ градоправители, прося дать имъ законы. Мудрецъ исполнилъ ихъ желаніе и, судя по преданіямъ, данные имъ законы въ своемъ родѣ были не хуже солоновыхъ. Въ уложеніи о наказаніяхъ было, между прочимъ, одна статья, которую въ наше гуманное время многіе, конечно, назовутъ нелѣпою: Питтакъ присуждалъ къ двойному наказанію за проступки, совершаемые въ пьяномъ видѣ. Мителенцы, вообще довольные правленіемъ Питтака, предложили ему быть ихъ государемъ. Въ надеждѣ принести согражданамъ посильную пользу, будучи верховнымъ правителемъ, Питтакъ принялъ ихъ предложеніе и мителенцы блаженствовали подъ его скипетромъ. По прошествіи десяти лѣтъ мудрецъ добровольно сложилъ съ себя царскій санъ. Тщетно его умоляли властвовать въ Мителене пожизненно. „Нѣтъ", отвѣчалъ онъ;—„десять лѣтъ я былъ отцомъ моихъ подданныхъ, и этого достаточно... Опасаюсь, чтобы не сдѣлаться тираномъ!". Въ награду мудрецу за его правленіе сограждане предложили ему около сотни десятинъ земли, но онъ, довольствуясь десятой долею, сказалъ имъ: „Принятіемъ этого дара, въ томъ размѣрѣ, въ какомъ вы мнѣ его предлагаете, я бы обидѣлъ васъ, точно также, какъ обидѣлъ бы и отказомъ... Не лучше ли довольствоваться немногимъ, не обижая никого?"

Однажды къ нему пришелъ юноша за совѣтомъ, на которой изъ двухъ невѣстъ жениться? Обѣ молоды, красивы; но одна богата—другая бѣдна, а самъ онъ тоже недостаточнаго состоянія.

— Зачѣмъ ты спрашиваешь у меня совѣта, который тебѣ можетъ дать и малый ребенокъ? отвѣчалъ мудрецъ.

— Я тебя не понимаю...

— А вотъ, видишь ли тамъ, ребятишки играютъ въ кубари?.. Подойди къ нимъ и спроси, кто какой себѣ кубарь выбираетъ.

Юноша повиновался и вмѣстѣ съ Питтакомъ, подойдя къ играющимъ, спросилъ одного изъ нихъ, какой онъ выбираетъ кубарь? Тотъ, который ко мнѣ поближе, отвѣчалъ мальчикъ.

— И подражай ему при выборѣ невѣсты! досказалъ мудрецъ.

Про афоризмы и апоѳегмы Питтака можно сказать тоже что мы уже говорили объ изрѣченіяхъ Солона: онѣ выдохлись за давностью времени и сдѣлались общими мѣстами, достояніемъ прописей и книгъ для дѣтскаго чтенія. Вотъ для образчика нѣкоторыя изъ нихъ:

— Что всего невѣрнѣе? Будущее. Что всего полезнѣе? Правосудіе. Благоразуміе должно предвидѣть бѣдствіе, но истинное мужество состоитъ въ томъ, чтобы его переносить.—Не отзывайся дурно даже о своихъ врагахъ.—Чти правду.—Не будь посредникомъ между двумя твоими друзьями когда они спорятъ.—Ничего лишняго; и т. д.

Питтакъ скончался въ 579 г. до Р. Хр. на родинѣ своей, которой онъ не покидалъ всю свою жизнь. Онъ былъ въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ прочими мудрецами, а въ послѣдніе годы жизни любилъ бесѣдовать со своими учениками, изъ которыхъ особенно прославился Ферекидъ, біографія котораго не лишена интереса.

Ферекидъ родился въ 600 г. до Р. Хр. на Скиросѣ, одномъ изъ острововъ Кикладскихъ. Отецъ его Бабитъ, или Бадитъ, имѣлъ средства дать ему хорошее образованіе. Особенно прилежно Ферекидъ занимался естественными науками по книгамъ финикійскимъ. Іосифъ Флавій говоритъ, что онъ для дальнѣйшаго усовершенствованія себя въ познаніяхъ, ѣздилъ въ Египетъ и былъ посвященъ жрецами въ тамошнія таинства [1]). По возвращеніи на родину Ферекидъ поселился на островѣ Самосѣ и здѣсь открылъ школу, со всѣхъ концовъ Греціи привлекавшую любознательныхъ

---

[1]) Все это происходило, разумѣется, послѣ смерти Питтака, ибо Ферекиду было только 21 годъ когда учитель его умеръ.

юношей. Въ числѣ ихъ находился, впослѣдствіи прославившійся, Пиѳагоръ. Слушателямъ своимъ Ферекидъ внушалъ мысли о единствѣ Бога и о безсмертіи души, стараясь доказать примѣрами изъ окружающей природы, что конечнаго разрушенія нѣтъ, а существуетъ только видоизмѣненіе какъ живыхъ существъ, такъ и неодушевленныхъ предметовъ. Со смертью не можетъ окончиться бытіе души и оно должно продолжаться послѣ прекращенія бытія тѣла. Время и міръ, какъ училъ Ферекидъ — безконечны; міръ же сотворенъ волею божіею изъ вещества или матеріи силою любви, такъ какъ въ любви — творческая сила. Составъ міра тройственный: 1) душа, великій Офіоней (Богъ, котораго Ферекидъ олицетворялъ въ видѣ змѣи — символа премудрости), 2) вещество, 3) любовь, связующая душу съ веществомъ. Въ любви тайна жизни всего живущаго въ мірѣ.

Познанія Ферекида въ естественныхъ наукахъ были, по истинѣ, необъятны. Первый изъ грековъ онъ дѣлалъ наблюденія надъ фазисами луны и измѣрялъ величину солнца. Діогенъ Лаэрцій видѣлъ въ Магнезіи гномонъ, который употреблялъ Ферекидъ при своихъ астрономическихъ занятіяхъ. Однажды, увидя въ морѣ корабль, онъ предугадалъ по его ходу, что тотъ не дойдетъ до берега, что̀ дѣйствительно случилось. По вкусу воды, зачерпнутой въ колодцѣ, философъ предсказалъ землетрясеніе, бывшее послѣ того черезъ три дня. Друга своего Филикрона онъ предупреждалъ, чтобы тотъ переселился изъ Мессины, предрекая ея взятіе непріятелемъ; Филикронъ не послѣдовалъ его совѣту и попался въ плѣнъ. Современная наука отрицаетъ примѣты и повѣрья, смѣясь надъ ними; однако же нельзя отвергать, что въ природѣ существуетъ великое множество явленій, до нынѣ еще не изслѣдованныхъ съ должнымъ вниманіемъ. Къ числу таковыхъ можно отнести народныя примѣты бѣдственныхъ событій, основанныя на инстинктѣ животныхъ. Можетъ ли наука разгадать, напримѣръ, почему предъ особенно лютыми и продолжительными зимами муравьи запасаютъ большее количество пищи и глубже зарываются въ своихъ муравейникахъ? Почему осенью 1824 года, у насъ, въ Петербургѣ, мѣсяца за два до страшнаго наводненья, муравьи въ окрестностяхъ города миріадами всползали на вершины де-

ревьевъ? Почему мыши и тараканы исчезаютъ изъ дому, которому угрожаетъ пожаръ; акула плыветъ за кораблемъ, на которомъ будетъ покойникъ; мухи и мошки появляются тучами въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ бываютъ повальныя болѣзни? Подобныхъ вопросовъ мы можемъ набрать тысячи, но люди ученые отвѣтятъ намъ только презрительной усмѣшкой... Усмѣшка не отвѣтъ.

О смерти Ферекида существуетъ два преданія: одно гласитъ, что онъ въ преклонныхъ лѣтахъ скончался въ Магнезіи; по словамъ другаго, идучи въ Дельфійскій храмъ онъ упалъ съ горы Корциры и до смерти убился.

Изъ древнихъ авторовъ о жизни и ученіи Ферекида писали: Діогенъ Лаэрцій (De vita philosophorum libri decem), Флавій Іосифъ, Цицеронъ (Tuscalan. lib I cap. 16) и многіе другіе. Предѣлы нашего труда не позволили намъ воспользоваться обширнѣйшими выписками изъ этихъ авторовъ, но въ показаніи времени, въ которое жили Хилонъ, Ѳалесъ, Питтакъ и Ферекидъ, мы нашли странные анахронизмы. Такъ нѣкоторые историки годомъ смерти Питтака показываютъ 470 годъ до Р. Х., говоря въ то же время, что онъ удостоенъ былъ прозвища мудреца въ 582 г. до Р. Х. слѣдовательно жилъ на свѣтѣ около 150 лѣтъ. Ученикъ его Ферекидъ—учитель Пиѳагора родился (какъ показано и у насъ) въ 600 г. до Р. Х., а между тѣмъ находимъ у Плинія (Исторія міра кн. II гл. 6), что Пиѳагоръ производилъ наблюденія надъ планетою Венеры въ періодъ 42 олимпіады, 142 г. отъ основанія Рима, т. е. въ 611 г. до Р. Х. за одиннадцать лѣтъ до рожденія своего учителя. Эти промахи служатъ только доказательствами какъ плохо разработана древняя хронологія, что весьма немудрено при сбивчивости лѣтосчисленія древнихъ: у грековъ по олимпіадамъ, у римлянъ отъ основанія Рима и т. д. При всемъ желаніи придерживаться хронологическаго порядка, мы по неволѣ повторяемъ ошибки авторовъ, сочиненія которыхъ служатъ намъ матеріалами при нашемъ трудѣ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Періандръ.—Его воцареніе.—Заботы о подданныхъ.—Ихъ неблагодарность.—Совѣтъ Ѳрасивула.—Казни.—Идолъ Юпитера.—Убіеніе жены.—Ликофронъ.—Его изгнаніе и убіеніе.—Месть Періандра.—Его смерть.—Безнравственный афоризмъ.—Віасъ.—Его понятія о Богѣ.—Дальнѣйшая участь мудреца.—Почести оказанныя его памяти.—Изрѣченія.—Клеовулъ.—Его афоризмы.—Мизонъ и Книлонъ.—Анахарзисъ.—Дружба съ Солономъ.—Нравственныя правила.—Убіеніе Анахарзиса.—Замѣтка о преобразованіяхъ.—Сочиненіе Бартелеми.—Анаксимандръ.—Его изобрѣтенія и открытія.—Анаксименъ.—Основы его ученія.—Философы и жрецы.—Причины вражды между ними.—Язычество и ученіе о единствѣ божества.

Періандръ, сынъ и преемникъ Кипсела, тирана коринѳскаго и похитителя престола Вакхіадовъ, жилъ—по всѣмъ вѣроятностямъ—въ VII вѣкѣ до Р. Х., такъ какъ былъ современникомъ Солона; но въ которомъ году именно воцарился—это вопросъ до нынѣ не рѣшенный и отвѣты на него разнорѣчивы. Нѣкоторые историки доказываютъ, что Періандръ восшелъ на престолъ въ 4 годѣ XXVI Олимпіады (633 г. до Р. Х.), другіе относятъ это восшествіе къ 627—598—585—545 годамъ; третьи, наконецъ, утверждаютъ, что Періандръ личность вымышленная, никогда не существовавшая. Послѣдній способъ рѣшать историческіе вопросы, если и не остроуменъ, то весьма легокъ и общедоступенъ. Стереотипная фраза исторіографовъ: „покрыто мракомъ неизвѣстности“ весьма многихъ избавляетъ отъ труда мысленно переноситься въ отдаленныя области вѣковъ давно минувшихъ. Вѣря болѣе сказаніямъ Діогена Лаэрція, нежели фантазіямъ ученыхъ скептиковъ, возвращаемся къ біографіи Періандра. Первые годы своего царствованія онъ снискалъ прозвище мудраго и благодѣтельнаго государя. Полагая благо подданныхъ въ ихъ умственномъ развитіи,

Періандръ покровительствовалъ ученымъ, художникамъ, промышленникамъ и торговцамъ; содержалъ войско и сильный флотъ, не для завоеваній чужихъ областей, а единственно для охраненія своихъ собственныхъ. Старался водворить правду въ судахъ, внушая судьямъ уваженіе, а народу—довѣріе къ законамъ. Эти разумныя и гуманныя мѣропріятія не могли примирить съ Періандромъ завистливыхъ олигарховъ. Послѣдніе не могли ему простить похищенія власти у Вакхіадовъ, разумѣется не столько изъ любви къ справедливости, сколько изъ зависти; такъ какъ каждый вельможа питалъ въ душѣ несбыточную надежду свергнувъ Періандра занять его мѣсто. Эти злодѣи начали подкапываться подъ него самымъ вѣрнымъ для того орудіемъ—клеветою. Распространяя въ народѣ лживые слухи о какихъ-то опасныхъ замыслахъ тирана они возбуждали въ черни неосновательный ропотъ, мало по малу перешедшій въ мятежъ. Усмиреніе его принудило Періандра прибѣгнуть къ силѣ и этимъ онъ по неволѣ оправдалъ прозвище жестокосердаго, данное ему крамольными олигархами. Ихъ коварство и народная неблагодарность озлобили Періандра и онъ дѣйствительно сдѣлался тираномъ для своихъ подданныхъ. Отъ строгости къ несправедливости одинъ только шагъ. Окруженный заговорщиками, утомленный борьбою съ мятежниками, Періандръ обратился за совѣтомъ къ Ѳрасивулу, тирану милетскому. Вмѣсто всякаго совѣта, Ѳрасивулъ повелъ его на поле засѣянное хлѣбомъ и хлыстомъ началъ сбивать головки у высокихъ колосьевъ, сравнивая ихъ съ низкорослыми... Періандръ понялъ намекъ и усердно принялся казнить и ссылать коноводовъ народныхъ мятежей. Вмѣстѣ съ головами виновныхъ, подъ топоръ палача попадали головы и невинныхъ, что, по мнѣнію Періандра, должно было внушать тѣмъ большій ужасъ его подданнымъ... Но онъ упустилъ изъ виду, что вмѣстѣ съ ужасомъ, въ народѣ возрастала и ненависть. Было время, Періандръ любилъ подданныхъ какъ дѣтей, а теперь онъ и собственное свое семейство возненавидѣлъ какъ подданныхъ: въ женѣ своей и въ сынѣ онъ видѣлъ заговорщиковъ, умышлявшихъ на его жизнь; ихъ ласки казались ему сѣтями, разставляемыми ему на погибель. Истребивъ въ своемъ сердцѣ чувства жалости и справедливости, Періандръ выказывалъ удивительную изобрѣтатель-

ность при наказаніи мятежниковъ. Усмиривъ одинъ изъ многочисленныхъ бунтовъ онъ, въ изъявленіе благодарности богамъ, приказалъ отлить золотую статую Юпитера изъ браслетовъ, колецъ, серегъ и ожерельевъ, отнятыхъ у всѣхъ женщинъ Коринѳа—правыхъ и виноватыхъ. Этотъ дешевый способъ благодарить боговъ чужимъ добромъ въ послѣдующіе вѣка нашелъ многочисленныхъ послѣдователей между многими тиранами даже и не идолопоклонниками. Папы римскіе, точно такимъ же образомъ, на доброхотныя приношенія сооружали христіанскіе храмы, снаряжали легіоны крестоносцевъ и наполняли собственную казну. Статуя Юпитера отлитая Періандромъ изъ награбленнаго золота, въ рукахъ Урбановъ и Григоріевъ была переплавлена въ такъ называемый динарій св. Петра!

Женою Періандра была Мелисса, дочь Прокла, тирана Эпидаврскаго, жившаго во дворцѣ у зятя. Красавица собою, кроткая, умная—Мелисса, не смотря на то, что была уже не молодыхъ лѣтъ, обращала на себя вниманіе молодежи, изъ которой весьма многіе (и разумѣется тщетно) домогались ея взаимности. Двадцать лѣтъ Періандръ прожилъ съ нею въ добромъ согласіи; на двадцать первый годъ сталъ неосновательно ревновать жену и часто ссориться съ нею. Однажды, во время ссоры, Періандръ, въ запальчивости, ударилъ ее ногою въ животъ и убилъ ее на мѣстѣ. Кромѣ Бога, инаго свидѣтеля этого злодѣйства не было. Періандръ, оплакивалъ жертву своего бѣшенства, похоронилъ ее съ должными почестями, въ полной увѣренности, что вмѣстѣ съ женою зарылъ и правду въ могилу—но жестоко ошибся: правда не горитъ въ огнѣ, не тонетъ въ водѣ, не хоронится въ землю; подобно баснословному фениксу она воскресаетъ изъ пепла, всплываетъ со дна моря, возникаетъ изъ нѣдръ земныхъ... Эту простую истину мудрецъ упустилъ изъ виду. Сынъ его Ликофронъ, нѣжно любившій покойную свою мать, узналъ отъ своего дѣда, Прокла, о настоящей причинѣ смерти Мелиссы и возненавидѣлъ отца. Періандръ, внутренно сознавая, что Ликофронъ правъ, изгналъ его и Прокла изъ Коринѳа, запретивъ обоимъ показываться къ нему на глаза, подъ опасеніемъ смертной казни. Ликофронъ повиновался. Онъ могъ присоединясь къ заговорщикамъ поднять противъ

отца знамя мятежа и свергнуть его съ престола; могъ—и по тогдашнимъ понятіямъ былъ бы правъ—умертвить Періандра рукою наемнаго убійцы... но ни одна изъ этихъ чудовищныхъ мыслей не пришла въ голову великодушному юношѣ и онъ, послѣ нѣсколькихъ дней скитанья по окрестностямъ Коринѳа возвратился въ городъ и былъ найденъ на улицѣ чуть живой отъ голода и усталости. При вѣсти о возвращеніи сына, Періандръ въ восторгѣ поспѣшилъ къ нему и осыпая поцѣлуями и окропляя его слезами умолялъ забыть прошедшее и примириться. Неумѣстно упрямый Ликофронъ отвѣчалъ ему упреками и напомнилъ о томъ, что самъ же тиранъ, изгоняя его, запретилъ возвращаться въ Коринѳъ. На минуту размягченное сердце Періандра ожесточилось болѣе прежняго и онъ приказалъ отправить сына въ ссылку на островъ Корциру.

Годы уходили. Одинокій, всѣмъ ненавистный Періандръ, подобно своему народу удрученный бременемъ власти, рѣшился сложить ее и возведя на престолъ своего сына изгнанника поселиться на Корцирѣ и здѣсь мирно дожить свой вѣкъ. Жители острова, извѣщенные о намѣреніи Періандра, обезумѣвъ отъ ужаса, убили Ликофрона, надѣясь этимъ злодѣйствомъ избавиться отъ изверга... Странный способъ избавляться отъ мнимой опасности, накликая на себя бѣдствіе неминуемое! Отъ дождя, жители Корциры, спрятались въ воду; желая перепрыгнуть черезъ яму—попали въ пропасть. Періандръ прибылъ къ нимъ на островъ какъ судія и палачь и, мстя за сына, ознаменовалъ свое прибытіе лютѣйшими казнями и истязаньями. Убійцы, ихъ сообщники и родственники погибли; но Періандръ этимъ не довольствовался: наказавъ виновныхъ онъ обрушилъ свое мщеніе и на правыхъ. По его повелѣнію 300 знатнѣйшихъ отроковъ были отправлены на кораблѣ въ Лидію, въ подарокъ тамошнему царю, съ непремѣннымъ условіемъ, чтобы онъ превратилъ ихъ въ евнуховъ. Къ счастію для этихъ будущихъ страдальцевъ буря занесла корабль, на которомъ ихъ везли, къ берегамъ Самоса. Здѣсь они укрылись отъ мщенія Періандра и спокойно дожили до дня его смерти. Съ нимъ пресѣклась династія Кипселидовъ; онъ же царствовалъ 42 года (слѣдовательно умеръ въ 585—591—556—543 или 503 г. до

Р. Х.). По словамъ Діогена Лаэрція, престарѣлый Періандръ, не имѣя духу убить себя своеручно, призвавъ двухъ палачей въ сумерки послалъ ихъ въ уединенное мѣсто, съ приказаніемъ умертвить перваго прохожаго, и когда палачи придя туда, спрятались въ засаду, вслѣдъ за ними пришелъ закутанный въ хламиду Періандръ и палъ подъ ихъ ударами.

Изъ этого очерка читатель можетъ вывести весьма справедливое заключеніе, что Періандръ всего менѣе достоинъ прозвища мудреца; тоже думали о немъ многіе древніе историки, причисляя къ семи мудрецамъ, вмѣсто коринѳскаго тирана: Ласса, Мизона или Книлона. Противники этого мнѣнія отстаиваютъ права Періандра, указывая на собраніе его изрѣченій—въ числѣ 2000 сентенцій, пословицъ и апоѳегмъ. Судя по нѣкоторымъ изъ нихъ, Періандра, пожалуй, можно назвать мудрецомъ съ изнанки, т. е. проповѣдникомъ безнравственности; не истину, но безстыдную ложь возводившимъ въ догматъ. Подобныхъ правилъ придерживались іезуиты и высокоумные дипломаты—между прочими Талейранъ и Меттернихъ. Если они мудрецы, тогда и Періандръ мудрецъ. Изъ 2000 изрѣченій представляемъ одно, которое между ними можно назвать ложкою дегтю въ бочкѣ меду.

— Данное слово нарушай, если видишь въ томъ собственную твою выгоду.

Правило, кажется, гнусное, а между тѣмъ, донынѣ, сколько тысячъ людей ему слѣдуютъ. Послѣ этого, еще ли Періандръ коринѳскій не заслуживаетъ именоваться не только мудрецомъ, но даже и безсмертнымъ—на ряду съ Платономъ и Сократомъ?

Віасъ или Віантъ уроженецъ Пріенскій (въ Іоніи) жилъ въ 570 г. до Р. Х. и съ юныхъ лѣтъ посвятилъ себя изученію философіи и юриспруденціи; отличался здравомысліемъ, пламенной любовью къ правдѣ, честностью и многими другими высокими душевными качествами. Когда друзья спрашивали его мнѣнія о божествѣ, онъ отвѣчалъ имъ:

— Знаю и вѣрую, что есть Богъ единый и воздерживаюсь отъ всякихъ мудрствованій именно потому, что въ сознаніи слабости ума человѣческаго передъ Богомъ вижу истинную мудрость!

Желая приносить посильную пользу согражданамъ, Віасъ посвятилъ себя адвокатурѣ, и каждое дѣло въ его рукахъ, если только оно было правое (за неправыя онъ и не брался) непремѣнно выигрывалось. Онъ отстаивалъ своихъ кліентовъ такъ, какъ храбрый воинъ отстаиваетъ родную землю отъ вторженія иноплеменниковъ и грудью стоялъ за правду. Половину своего состоянія Віасъ употребилъ на выкупъ дѣвицъ мессенійскихъ изъ плѣна у морскихъ разбойниковъ и на выдачу каждой изъ нихъ замужъ съ порядочнымъ приданымъ. Завоеваніе царства Лидійскаго Киромъ персидскимъ встревожило іонійцевъ и они собрались въ Паніоніумѣ на народное вѣче, для обсужденія мѣропріятій противъ возможныхъ покушеній завоевателя на ихъ край. Віасъ, называя всякое вооруженное сопротивленіе безуміемъ, предложилъ согражданамъ переселиться на островъ Сардинію. Это предложеніе не было принято, въ чемъ іонійцы вскорѣ раскаялись, такъ какъ персидскія войска подъ предводительствомъ Мазарета вторглись въ ихъ области и всѣхъ жителей захватили въ плѣнъ. Персидскій военачальникъ каждому изъ нихъ позволилъ взять съ собою въ неволю всѣ свои сокровища. Віантъ явился съ пустыми руками и простодушно сказалъ поработителямъ:

— Все мое—при мнѣ.

Эта фраза, несправедливо приписываемая Діогену — цинику, произвела на Мазарета такое глубокое впечатлѣніе, что онъ далъ свободу Віасу и его согражданамъ наложивъ на нихъ легкую дань и удалился изъ предѣловъ іонійскихъ.

Мирно, безукоризненно Віасъ дожилъ до глубочайшей старости и заснулъ вѣчнымъ сномъ въ судѣ, положивъ голову на плечо своего внука. Сограждане мудреца посвятили его памяти ограду Тавталійскую близъ Пріены, въ чертѣ которой Віасъ былъ погребенъ и это мѣсто долгое время почиталось священнымъ. Такъ со своими усопшими мудрецами и героями поступали древніе индусы, китайцы, персы и вообще народы востока [1]). Они вѣровали,

---

[1]) См. Томы I, II, III и IV Исторіи религій. Кромѣ этого обычая, великое ихъ множество перешло въ Грецію съ востока.

что душа усопшаго незримо носится надъ мѣстомъ погребенія бренной своей оболочки.

Кромѣ поэмы, содержавшей въ себѣ наставленія правителямъ Пріены, Віасъ оставилъ согражданамъ собраніе нравственныхъ изрѣченій, между которыми замѣчательны слѣдующія:

— Каждый другъ будущій врагъ; каждый врагъ — бывшій другъ: будь же остороженъ съ друзьями.

— Не берись за роль посредника между двумя поссорившимися друзьями: въ оправданномъ наживешь себѣ друга, въ обвиненномъ — врага.

— Во время бури на морѣ, находясь на кораблѣ, не призывай боговъ, чтобы не накликать смерти на свою голову: боги сами отыщутъ грѣшника.

Клеовулъ, сынъ и преемникъ тирана родосскаго, изъ племени Гераклидовъ (потомковъ Геркулеса), прославился, въ одинаковой степени, какъ мудростью, такъ и красотой. Въ юныхъ годахъ ѣздилъ въ Египетъ и тамъ учился философіи у жрецовъ; былъ друженъ съ Солономъ (639—559 г. до Р. Х.). Года его смерти не означаемъ, по той уважительной причинѣ, что не полагаемся на точность древней хронологіи; представлять же читателю цѣлый рядъ цифръ, съ ссылками — которую изъ нихъ какой именно ученый считаетъ вѣрною, полагаемъ трудомъ утомительнымъ и безполезнымъ. Съ духомъ ученія Клеовула можно ознакомиться по слѣдующимъ его изрѣченіямъ:

— Знай мѣру во всемъ.

— Благодѣянія оказываемыя друзьямъ упрочиваютъ дружбу; — оказываемыя врагамъ ведутъ къ примиренію.

— Выходя за порогъ твоего дома думай о томъ что дѣлаешь возвращаясь домой пораздумай о томъ что сдѣлалъ.

— Въ одинаковой степени развивай душевныя и тѣлесныя силы: тѣ и другія будутъ здоровы.

— Больше слушай, меньше говори: на то у тебя два уха и одинъ языкъ.

— При постороннихъ не ласкайся къ своей женѣ и не ссорься съ нею: первое—неприлично, второе—глупо!

Правило прекрасное; но неужели мудрецъ не зналъ, что при

постороннихъ, женъ своихъ ласкаютъ всегда именно тѣ мужья, которые наединѣ съ женами, не только ссорятся, но и дерутся съ ними?

Мизонъ и Книлонъ снискали прозвища мудрецовъ единственно за то, что жили между глупцами: такъ и кривой, между слѣпыми, можетъ назваться зрячимъ. Несравненно болѣе вниманія заслуживаетъ принадлежащій къ группѣ мудрецовъ ихъ современникъ и другъ—скиѳъ Анахарзисъ.

Младшій сынъ скиѳскаго царя Гнуроса и жены его, гречанки, Анахарзисъ съ юныхъ лѣтъ изучилъ языкъ Эллады и владѣлъ имъ какъ отечественнымъ. Подобно нашему Петру великому, скиѳскій царевичь отправился путешествовать въ чужіе края для изученія законовъ, гражданскаго благоустройства, нравовъ и достойныхъ подражанія обычаевъ. Все это онъ обрѣлъ въ Греціи. Въ Аѳины онъ прибылъ въ то время, когда Солонъ трудился надъ составленіемъ своихъ законовъ. Плутархъ говоритъ, что Анахарзисъ, придя къ законодателю, объявилъ ему о своемъ желаніи, пріобрѣсти въ немъ вѣрнаго и добраго друга.

— Не лучше-ли, отвѣчалъ Солонъ, обзаводиться друзьями у себя на родинѣ, нежели искать ихъ на чужбинѣ?

— Потому-то вы и можете быть мнѣ другомъ, возразилъ Анахарзисъ—такъ какъ вы сами не на чужбинѣ.

Эта фраза до того понравилась Солону, что онъ принялъ скитальца въ свой домъ и въ короткое время полюбилъ его. Отличительною чертою характера Анахарзиса была откровенность, давшая грекамъ поводъ сложить пословицу о прямодушныхъ людяхъ: „онъ говоритъ какъ скиѳъ.“ Солонъ бесѣдовалъ и совѣщался съ Анахарзисомъ о своихъ законахъ и неоднократно давалъ ему возможность присутствовать на народныхъ собраніяхъ, на которыхъ большинствомъ голосовъ рѣшали какой законъ принять, какой—отринуть.

— Не могу не подивиться, замѣтилъ онъ при этомъ, что въ Греціи глупцы обсуждаютъ вопросы, предлагаемые имъ мудрецами!

Бесѣды съ Солономъ и другими мудрыми мужами изощряли свѣтлый разумъ Анахарзиса, всегда самостоятельный и чуждый духа подражанія. Полагая воздержность первымъ условіемъ физи-

ческаго и нравственнаго здоровья, Анахарзисъ особенно осуждалъ пьянство и былъ заклятымъ врагомъ вина. Онъ говаривалъ, что на виноградной лозѣ выростаетъ три плода: удовольствіе, пьянство и раскаяніе. Лучшимъ средствомъ для удержанія отъ пьянства полагалъ выставленіе на всеобщій позоръ одурѣлыхъ и спившихся съ кругу пьяницъ. Другою общественною язвою Анахарзисъ называлъ борьбу атлетовъ. „Греческіе законы говорилъ онъ—„караютъ обидчиковъ и, въ тоже время, поощряютъ атлетовъ увѣчущихъ и убивающихъ другъ друга!"

— Какой ядъ—опаснѣйшій? спросилъ кто-то у мудреца.

— Елей, которымъ атлеты натираютъ себѣ тѣло, отвѣчалъ онъ—ибо отъ него становятся бѣшеными.

Въ другой разъ онъ самъ спросилъ собесѣдника: какая толщина у корабельныхъ стѣнъ?—Четыре перста. — Таково разстояніе между мореходомъ и смертію, замѣтилъ Анахарзисъ и досказалъ: по моему, надежнѣйшій корабль тотъ, который стоитъ у берега.

Изъ прочихъ изрѣченій и отвѣтовъ Анахарзиса достойны замѣчанія слѣдующія:

— Соблюдай мѣру въ словахъ, въ пищѣ и въ любви.

— Что въ человѣкѣ всего лучше и всего хуже?—Языкъ.

Какой-то грекъ, думая уязвить Анахарзиса, назвалъ его скиѳомъ и бранилъ его родину. „Знаю", отвѣчалъ мудрецъ, „что моя родина такъ же мало приноситъ мнѣ чести, какъ и ты своей родинѣ."

Въ другой разъ, на пиршествѣ одинъ изъ гостей сказалъ Анахарзису дерзость. „Юноша", возразилъ Анахарзисъ—„теперь ты не умѣешь переносить винныхъ паровъ; придетъ время будешь носить воду."

Обогащенный разнородными познаньями, Анахарзисъ изъ Греціи отбылъ на родину, съ благой цѣлью просвѣтить ее, преобразовать бытъ согражданъ и смягчить ихъ нравы... Всякая реформа въ общественномъ или административномъ строѣ одного государства по образцу другаго—тоже самое, что пересадка растенія одного климата подъ другое небо и на иную почву: условій къ тому, чтобы растеніе принялось — безчисленное множество. Конституція древнихъ Аѳинъ точно также была непримѣнима къ нравамъ

дикихъ скиѳовъ, какъ была бы непримѣнима пересадка маслины на суровую почву сѣвера. Преобразованія Анахарзиса возбудили въ его соотечественникахъ ненависть, свирѣпое упрямство и на народномъ собраніи, однимъ изъ приверженцевъ старыхъ порядковъ, Анахарзисъ былъ убитъ. Тѣмъ окончилась попытка мудреца превратить скиѳовъ въ эллиновъ. Такъ впослѣдствіи времени у насъ въ Россіи, при Петрѣ великомъ, его реформы вызвали мятежи стрѣльцовъ, раскольниковъ и приверженцевъ старины, не желавшихъ превратиться въ голандцевъ. Думая прежнихъ дикихъ звѣрей превратить въ людей изъ своихъ подданныхъ, Петръ, на первый случай, превратилъ ихъ только въ обезьянъ и предки наши въ теченіе почти цѣлаго вѣка, переставъ быть русскими рабски подражали европейцамъ[1]), полагая европеизмъ въ ношеніи французскаго кафтана, въ коверканіи нѣмецкихъ словъ на русскій ладъ, въ замѣнѣ червонцевъ роднаго слова иностранными, мѣдными жетонами. Техническіе термины въ морскомъ и сухопутномъ дѣлѣ, въ администраціи, въ промышленности, въ наукахъ, искуствахъ—мы заимствовали съ англійскаго, голландскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ; съ послѣдняго же—названія чиновъ военной и гражданской іерархіи и съ того времени нашъ родной языкъ сталъ похожъ на парчевую ткань съ мишурными заплатками.

Изъ всѣхъ біографовъ Анахарзиса, древнихъ и новѣйшихъ временъ, ни одинъ не выполнилъ предпринятой имъ задачи такъ успѣшно какъ абатъ Бартелеми (1716—1795), посвятившій этому добросовѣстному и въ высшей степени любопытному труду тридцать лѣтъ жизни. Изданіе этой книги (Voyage du jeune Anacharsis. P. 1788 IV vol. in 4°) было принято французами съ восторгомъ, и сочиненіе Бартелеми, переведенное почти на всѣ европейскіе языки долгое время пользовалось заслуженнымъ вниманіемъ просвѣщенной Европы. Нынѣ подобныя сочиненія ставятся

---

[1]) При Петрѣ Великомъ высшимъ идеаломъ человѣка у насъ былъ голландецъ; при Екатеринѣ I, Петрѣ II, и Аннѣ—нѣмецъ; при Елисаветѣ—французъ и итальянецъ; при Петрѣ III опять нѣмецъ и только при Екатеринѣ II началось, по немножку обрусѣніе Россіи.

(не читавшимъ ихъ) несравненно ниже издѣлій какихъ нибудь Жюля Верна или доктора Дебэ... Alia tempora!

Анаксимандръ, ученикъ и соотечественникъ Ѳалеса, родился въ 3 годъ XLII Олимпіады (610 г. до Р. X.) и прославился глубокими своими познаніями въ космографіи и въ математикѣ. Имъ изобрѣтены были гномонъ и глобусы земной и небесный; онъ же впервые ввелъ во всеобщее употребленіе черченіе геометрическихъ фигуръ; кромѣ того доказалъ косость эклиптики и, по словамъ Плинія (Ист. міра кн. II гл. 6), раздѣлилъ ее на 12 частей, означивъ каждую изъ нихъ соотвѣтствующимъ знакомъ зодіака. Безконечность (апейронъ) по ученію Анаксимандра начало всему; она вмѣщаетъ въ себѣ безчисленное множество міровъ, которые кажутся намъ болѣе или менѣе яркими звѣздами. Небо содержитъ въ себѣ тепло и холодъ, воздухъ и огонь. Солнце находится въ высочайшей области неба и имѣетъ видъ колеса, окружность котораго въ двадцать восемь разъ болѣе окружности всей земли. Вращаясь на тверди оно, въ видѣ струй, испускаетъ изъ себя свѣтъ и огонь, сообщая ихъ и звѣздамъ. Луна, то же колесо подобное солнцу, но ея окружность только въ девятнадцать разъ превосходитъ окружность земли. По мѣрѣ поворотовъ луны бокомъ—измѣняются ея фазисы; когда же она становится ребромъ къ землѣ — наступаютъ затмѣнія. Земля есть средоточіе міра; она неподвижна, но планеты и звѣзды вращаются вокругъ нея. Хотя ученіе Анаксимандра, какъ видимъ, во многихъ своихъ пунктахъ ошибочно, оно, во всякомъ случаѣ, разумнѣе бредней миѳологическихъ; по крайней мѣрѣ Анаксимандръ называетъ солнце огненнымъ колесомъ—а не Аполлономъ; луну не величаютъ Діаною или Артемизою. Этотъ знаменитый ученый умеръ во 2 годъ LVIII Олимпіады (546 г. до Р. X.) на 64 году отъ рожденія.

Анаксименъ, сынъ Эвристрата, былъ современникомъ и ученикомъ Анаксагора. Началомъ всего видимаго и невидимаго онъ называлъ воздухъ—вещество чистѣйшее, неистощимое, порчѣ не подверженное, вѣчное, постоянно движущееся. Изъ воздуха произошли: земля, вода и огонь. Звѣзды—тѣла землянисто-огненныя, висящія въ воздухѣ. Солнце и луна—свѣтозарныя диски, т. е. имѣютъ видъ плоскихъ круговъ, точно также какъ и земля.

Послѣдняя, вслѣдствіе равномѣрнаго давленія воздуха сверху и снизу, виситъ въ пространствѣ вселенной и не падаетъ въ это безконечное пространство. Въ исторіи астрономіи имя Анаксимена занимаетъ почетное мѣсто за усовершенствованіе гномона (т. е. солнечныхъ часовъ), изобрѣтеннаго Анаксимандромъ.

Вокругъ каждаго изъ упомянутыхъ нами философовъ группировались многочисленные ученики, любознательные, большею частію молодые люди, враги тѣхъ обязательныхъ предразсудковъ, которые стараніями жрецовъ распространялись въ простомъ народѣ. Понятно, что на философовъ и на ихъ учениковъ, жреческая каста смотрѣла съ ненавистью и всѣми силами старалась уронить ихъ въ мнѣніи народной массы. Слова: „ученый“ и „философъ“ сдѣлались, наконецъ, синонимами безбожниковъ. Какъ и слѣдовало ожидать, вражда между жрецами и философами не замедлила. Распространеніе ученія о единствѣ божества было крайне невыгодно для служителей храмовъ и капищъ, для которыхъ безчисленное множество боговъ-спеціалистовъ составляло немаловажный доходъ съ легковѣрныхъ простяковъ. Философы, напримѣръ, проповѣдывали воздержаніе отъ объяденія и пьянства... не явный-ли подрывъ празднествамъ Комуса и Бахуса? Философы предостерегали учениковъ отъ распутства, а именно гнуснѣйшее распуство и играло главную роль въ таинствахъ Цереры, Киприды, Пана и Пріапа.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Невѣжды и ученые.—Пиѳагоръ.—Его образованіе. — Прибытіе въ Кротону. — Чудесныя сказанія Эліана. — Ученіе Пиѳагора.—Значеніе чиселъ.—Гармонія вселенной.—Астрономическія открытія.—Первая община.—Правила для общниковъ.—Діэтическія правила.—Странности ученія.—Книга золотыхъ стиховъ. — Пословицы. — Ученики Пиѳагора.— Идеализмъ и матеріализмъ.—Ксенофанъ.—Основаніе школы элеатической. — Космографія. — Доводы противъ многобожія. — Афоризмы о единствѣ божіемъ.—Достоинства и недостатки ученія Ксенофана.

Мы уже неоднократно говорили на страницахъ нашего труда,

что чѣмъ народъ неразвитѣе и невѣжественнѣе, тѣмъ болѣе въ немъ склонности къ чудесному и ко всему, такъ называемому, сверхъестественному. Не имѣя понятія о законахъ природы, изученіе которыхъ составляетъ цѣль естествознанія, невѣжды въ каждомъ феноменѣ, видятъ произволъ одной изъ двухъ силъ: или небесной или (такъ называемой) нечистой. Этотъ дикій взглядъ суевѣровъ распространялся встарь да и понынѣ распространяется и на геніальныхъ ученыхъ людей, посвятившихъ себя наукѣ. Искусный врачъ, даровитый физикъ или химикъ, въ былыя времена, непремѣнно пользовался вовсе нелестной репутаціей чернокнижника, пользующагося особеннымъ расположеніемъ духа тьмы. Не говоря о среднихъ вѣкахъ, укажемъ на нѣсколько личностей изъ новѣйшихъ временъ. Сто лѣтъ тому назадъ, графъ Сен-Жерменъ при дворѣ Людовика XV прослылъ за настоящаго волшебника, точно также какъ лѣтъ черезъ пятнадцать послѣ него—графъ Каліостро. У насъ, въ простомъ народѣ, донынѣ ходятъ чудесные россказни про графа Брюса, автора астрономическаго календаря. Если Сен-Жерменъ и Каліостро эксплуатировали невѣжество современниковъ, этого отнюдь нельзя сказать про нашего Брюса, который всего менѣе домогался прозвища чародѣя. Еслибы, въ наше время, судьба забросила какого нибудь профессора физики или химіи въ деревенскую глушь или даже въ уѣздный городишко и кто-либо изъ жителей увидалъ его опыты—нѣтъ сомнѣнія, что и онъ прослылъ бы за колдуна, имѣющаго сношенія съ нечистымъ духомъ. Удивляться ли послѣ этого, что за двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ въ Греціи ученыхъ людей называли чуть не демонами и сочиняли о нихъ всякія небылицы въ лицахъ?

Къ числу таковыхъ принадлежитъ славный Пиѳагоръ, имя котораго извѣстно каждому школьнику, какъ имя изобрѣтателя во первыхъ—таблицы умноженія, а во вторыхъ геометрической задачи называемой пиѳагоровыми.... панталонами. Само собою разумѣется, что открытія великаго ученаго въ математикѣ двумя вышеупомянутыми открытіями не ограничивались: признавая математику—наукою всѣхъ наукъ, Пиѳагоръ во всемъ мірѣ божіемъ, въ каждомъ созданіи Всемогущаго—видѣлъ живое разрѣшеніе математической задачи. Такимъ образомъ онъ положилъ начало таинствен-

ной наукѣ числъ, впослѣдствіи времени превращенной въ кабалистику. По объясненію Пиѳагора, каждая цифра имѣетъ глубокое, символическое значеніе, о чемъ ниже мы поговоримъ подробнѣе; теперь же займемся его біографіей.

Пиѳагоръ, сынъ богатаго купца Мнеарха, родился на островѣ Самосѣ, въ которомъ именно году до Р. Х. донынѣ не опредѣлено съ точностью. По мнѣнію Лойда въ 3 годъ XLVIII Олимпіады (585 г. до Р. Х.), по показаніямъ Додуэля въ 4 годъ LII Олимпіады (568 г.), Ланоза и Фрере около 580 г. Біографіи Пиѳагора, составленныя его учениками — Аристоксеномъ, Гермиппомъ, Ликономъ, Модератомъ Гадесскимъ и ученицею Ѳеано до насъ не дошли; его жизнеописаніе, составленное Діогеномъ Лаэрціемъ — сомнительно; сочиненія прочихъ біографовъ, между прочими Порфирія и Ямвлиха — пристрастны и наполнены баснями, выдуманными въ позднѣйшія времена послѣдователями его ученія. Обладая огромнымъ состояніемъ отецъ Пиѳагора имѣлъ возможность дать ему блестящее образованіе и для дальнѣйшаго усовершенствованія его въ наукахъ отправить Пиѳагора въ путешествіе по разнымъ царствамъ Азіи и по Египту. Пиѳагоръ посѣтилъ Финикію, Малую Азію, Мидію, Персію, Индію. Повсемѣстно жрецы допускали любознательнаго чужестранца въ свои бесѣды и посвящали въ таинства. Изучивъ астрономію у халдеевъ, математику и геометрію у финикіянъ, химію и медицину у жрецовъ Египта, Пиѳагоръ путешествовалъ по великой Греціи, гдѣ былъ удостоенъ высшихъ степеней при таинствахъ Орфея и Вакха. По возвращеніи на родину Пиѳагоръ открылъ на Самосѣ школу, въ которой обучалъ математикѣ, какъ наукѣ приготовительной для дальнѣйшаго образованія учениковъ. Слава философа возрастала день ото дня и когда онъ съ Самоса прибылъ въ Кротону, его встрѣтили тамъ какъ посланника боговъ и тысячи слушателей и слушательницъ, будто шумные рои пчелъ, стремились вслѣдъ за геніальнымъ учителемъ. Многіе называли его „божественнымъ“ и съ языческой точки зрѣнія этотъ эпитетъ приличествовалъ Пиѳагору. Красота его лица, величіе всей фигуры, гармоническій голосъ и увлекательная рѣчь—всѣмъ и каждому внушали невольное уваженіе. Здѣсь кстати приведемъ нѣсколько сказаній о Пиѳагорѣ, записан-

ныхъ Эліаномъ [1]). Жители Кротоны прозвали Пиѳагора Аполлономъ Гиперборейскимъ. Его въ одинъ и тотъ же часъ видали многіе—въ Метапонтѣ и Кротонѣ. Однажды онъ показалъ народу свою лядвею изъ чистаго золота. Въ другой разъ съ высоты небесъ на него опустился бѣлый орелъ и, какъ ручной, ласкался къ нему. При переходѣ Пиѳагора чрезъ рѣку Кōзасъ (близь Латіума) съ неба раздавался голосъ, громко звавшій его по имени. Этотъ мудрецъ говорилъ кротонцамъ: „Начатки изъ которыхъ я созданъ чисты и до такой степени несокрушимы, что я безсмертенъ. Я присутствовалъ при осадѣ Трои и тогда духъ мой былъ одѣтъ тѣломъ Эвфорбія!“—Никто не осмѣливался выражать сомнѣнія въ истиннѣ словъ Пиѳагора (говоритъ при этомъ Эліанъ) и ему внимали будто вѣстнику боговъ.

До какой степени справедливы эти сказанія, предоставляемъ судить самому читателю. Перейдемъ къ ученію Пиѳагора.

Основою его мудрецъ полагалъ нравственное усовершенствованіе человѣка. Чистота тѣлесная, по его ученію—залогъ чистоты душевной. Воспитаніе въ правилахъ нравственности единственная и прочнѣйшая основа благополучія человѣческаго. Счастіе заключается въ спокойствіи совѣсти; спокойствіе же это достигается преодолѣніемъ страстей. Чѣмъ нравственность человѣка чище, тѣмъ онъ способнѣе приблизиться къ божеству. Огонь, теплота и свѣтъ—силы божественныя. Душа человѣческая—дуновеніе божіе: исходя отъ Бога она къ нему же возвращается, перемѣняя тлѣнныя оболочки. Души, судя по существамъ, дѣлятся на три разряда: одинъ—оживляетъ геніевъ, другой—гигантовъ, третій—людей обыкновенныхъ и низшихъ созданій. Творецъ, мудрый строитель міра и вселенной. Въ ней все подчинено правиламъ математическимъ. Монада или великая единица начало всему. Діада или двоица—символъ сочетанія двухъ силъ: дѣйствительной и страдательной; дающей и воспринимающей; мужественной и женственной. Тріада или троица—символъ Божества. Тетрада (четверня)—основа науки математики, число святое, совершеннѣй-

---

[1]) Aelian: Hist. var. Кн. II гл. 26, Кн. IV гл. 17.

шее, изображающее имя творца и все мірозданіе (времена года, эпохи дня, страны свѣта, стихіи); въ числѣ 4 совмѣщаются всѣ творческія и производительныя силы природы. Семь — святое число (сочетаніе божественной тріады и тріады всетворящей). Эннеада (девятка) первый квадратъ нечетныхъ чиселъ. Декада—символъ всей вселенной, т. е. сочетаніе единицъ въ стройное цѣлое.

Планеты отдалены одна отъ другой на опредѣленныя разстоянія, называемыя тонами. Отъ земли до луны—цѣлый тонъ; отъ земли до Меркурія—пол-тона; столько же отъ Меркурія до Венеры; отъ Венеры до солнца—полтора тона; отъ солнца до Марса—цѣлый тонъ; отъ Марса до Юпитера—пол-тона; отъ Юпитера до Сатурна—тоже и отъ Сатурна до Зодіака — полтора тона. Эти семь тоновъ составляютъ полный гармоническій акордъ вселенной. Въ движеніи своемъ Сатурнъ придерживается гаммы дорической, Юпитеръ—фригійской (Плиній: Ист. міра книга II гл. 20). По словамъ Плинія (кн. II гл. 6) Пиѳагоръ открылъ, что планета Венера предшествуетъ восходу и сопровождаетъ закатъ солнця. Въ первомъ случаѣ она называется Фосфоромъ или Люциферомъ (свѣтоносицею), во второмъ — Гесперомъ (вечерницею). Открытіе это сдѣлано было въ XLII Олимпіаду или въ 142 году отъ основанія Рима (т. е. въ 611 г. до Р. X.).

Ученіе свое Пиѳагоръ проповѣдывалъ въ храмахъ, привлекая къ себѣ великое множество слушателей и послѣдователей. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ основалъ для помѣщенія учениковъ и ученицъ первую общину или, говоря языкомъ нашего времени—коммуну. Каждый поступившій въ нее обязывался внести въ общую кассу все свое состояніе и безусловно подчиниться уставамъ общины. Ученики и ученицы — соблюдая строжайшее цѣломудріе въ обоюдныхъ отношеніяхъ, были раздѣлены на два класса: низшій и высшій. Переходъ изъ перваго во второй былъ возможенъ только избраннымъ. Мѣсто избраній или общая аудиторія называлась Омакойонъ. Бесѣда мудреца съ учениками начиналась пѣніемъ гимновъ, за которымъ слѣдовало жертвоприношеніе Музамъ. Для обѣда, для прогулки, отдыха и сна были опредѣленые часы. Одежда общниковъ состояла изъ бѣлоснѣжной туники. Опрятность была

первѣйшею обязанностью пиѳагорейца. Вино было изгнано изъ употребленія за трапезой. Строго воспрещалось ѣсть мясо палой скотины, сердце и мозги битой а равно мясо бѣлыхъ пѣтуховъ — какъ птицъ посвященныхъ солнцу и пѣніемъ своимъ опредѣляющихъ время. Изъ овощей воспрещены были стручатыя, въ особенности бобы и горохъ.

Передъ переводомъ въ высшую степень пиѳагорейцы подвергались многимъ испытаніямъ и, между прочими, на нихъ налагалось безмолвіе, болѣе или менѣе продолжительное (отъ одного года и до пяти лѣтъ). Удостоенные перевода въ высшую степень обязывались свято сохранять тайны высшихъ наукъ имъ вѣряемыя. Тайны эти состояли въ изученіи астрономіи, высшей математики и медицины. Въ Исторіяхъ Эліана (кн. IV гл. 17) приведены еще нѣкоторыя странности и особенности ученія Пиѳагора. Растеніе проскурнякъ (Malva L.) и листья его онъ называлъ святыми, говоря что они служили пищею первоначальнымъ людямъ. Землетрясенія, по мнѣнію Пиѳагора, происходятъ отъ накопленія мертвецовъ въ нѣдрахъ земныхъ. Разливы рѣки Нила происходятъ отъ радуги. Гудѣнье и шумъ или звонъ въ ушахъ — голоса геніевъ, которымъ люди обязаны повиноваться. Нравственныя сентенціи Пиѳагора, послѣ его смерти, были собраны его учениками въ одну книгу, названную Книгою златыхъ стиховъ. Каждая сентенція его — пословица и, по большей части, иносказательная. Вслѣдствіе этого многія изъ нихъ поняты были буквально и послужили къ распространенію суевѣрныхъ примѣтъ; напримѣръ: „Не принимай ласточки подъ кровлю своего дома“. „Старательно счищай копоть съ кострюль“. „Не размѣшивай угольевъ лезвіемъ меча“. „Не проходи подъ вѣсами“. „Не складывай чистаго кушанья въ нечистый сосудъ“. Первую пословицу можно перевести словами: не связывайся съ неблагодарными и съ такими людьми, которые въ минуты бѣдствія способны покинуть тебя, какъ покидаютъ ласточки свои гнѣзда при наступленіи осеннихъ холодовъ. Во второй пословицѣ Пиѳагоръ сравниваетъ сердце съ кострюлей, а злопамятіе съ копотью: примиряясь съ обидѣвшимъ тебя не оставляй въ сердцѣ ни малѣйшей досады. Раздражать строптиваго, не все-ли равно, что размѣшивать уголья мечемъ, или лить

масло на огонь? „Не проходи подъ вѣсами“, т. е. не вмѣшивайся въ чужія сужденія. Наконецъ: не довѣряй чистыхъ и высокихъ чувствъ человѣку съ грязнымъ сердцемъ (не складывай чистаго кушанья въ нечистый сосудъ). Въ заключеніе скажемъ, что всѣ афоризмы и изрѣченія Пиѳагора носятъ на себѣ рѣзкій отпечатокъ его свѣтлаго ума и прекраснѣйшихъ, чистѣйшихъ чувствъ.

Появленіе общины пиѳагорейцевъ, въ средѣ язычниковъ, возбудило, какъ и слѣдовало ожидать ненависть въ жрецахъ, перешедшую въ явныя гоненія и Пиѳагоръ палъ жертвою языческаго фанатизма. Былъ ли онъ убитъ или отравленъ—положительно неизвѣстно, только не своею смертью онъ умеръ въ 500 г. до Р. Х., доживъ чуть ли не до ста лѣтъ. Платонъ, впослѣдствіи времени распространилъ и развилъ ученіе Пиѳагора, но первыми его учениками были, его сыновья: Телангъ (учитель Эмпидокла), Мнезархъ, Аримнестъ (учитель Демокрита) и его рабы: Астрей и Замолксисъ ѳракійскій. Жена или дочь Пиѳагора—Ѳеано, написала, какъ мы уже говорили, его біографію, до насъ къ сожалѣнію не дошедшую.

За исключеніемъ нѣкоторыхъ особенностей, ученіе Пиѳагора, какъ видитъ читатель, было составлено изъ догматовъ религій древняго востока, именно тѣхъ, въ которыхъ здраваго смысла было болѣе нежели во всѣхъ прочихъ. Проповѣдуя безсмертіе души Пиѳагоръ допускалъ и индусскую метампсихозу (переселенія душъ), но не въ тѣла животныхъ, а изъ одного человѣческаго тѣла въ другое. По объясненіямъ пиѳагорейцевъ—это несомнѣнная истинна. Душа переселяясь изъ одного тѣла въ другое даже запоминаетъ нѣкоторыя событія изъ того времени, когда она обитала въ прежнемъ тѣлѣ, изъ котораго переселилась въ новое. Одни говорили, будто эти воспоминанія бываютъ видимы человѣку во снѣ; другіе—будто воспоминанія мгновенно проявляются и исчезаютъ въ памяти человѣка бодрствующаго... Тоже разсказываютъ и современные спириты. Символистика Пиѳагора вся заимствована отъ египтянъ; правила для веденія образа жизни отъ гимнософистовъ индійскихъ. Принимая религію въ томъ смыслѣ, что она есть нравственное общеніе человѣка съ Богомъ, Пиѳагоръ—первый изъ мудрецовъ Греціи отринулъ грубый матеріализмъ язычества и обратилъ самое

заботливое вниманіе на умственную и на духовную дѣятельность человѣка. Изъ всей греческой миѳологіи нельзя сдѣлать ни единаго нравственнаго вывода: боги, богини, герои, нимфы, геніи— цѣлію своего бытія полагаютъ животную чувственность... Даже въ миѳѣ о Психеѣ (душа) эта частица божества одѣта плотію женщины пылкой и сладострастной, для которой Эротъ (т. е. любовь) единственное божество. До временъ Пиѳагора, древніе въ чувствѣ любви видѣли только животное, инстинктивное стремленіе къ удовлетворенію страсти, хотя бы даже и путемъ противуестественнымъ. Пиѳагоръ доказывалъ своимъ соотечественникамъ, что помимо любви чувственной, тѣлесной, въ человѣкѣ можетъ быть иная любовь—душевная и духовная, полагающая высшее свое наслажденіе въ чистотѣ своихъ ласокъ и въ совершеннѣйшемъ безкорыстіи. Эта любовь, названная платоническою (по имени Платона, заимствовавшаго изъ ученія Пиѳагора) по мнѣнію мудреца источникъ благороднѣйшихъ чувствъ человѣка и мощный рычагъ, подвизающій его къ самымъ похвальнымъ дѣяніямъ. Заботясь о нравственномъ усовершенствованіи человѣка, увлекаясь этой мыслію и созидая безукоризненный идеалъ совершенства, до котораго долженъ достигнуть человѣкъ—Пиѳагоръ упустилъ изъ виду простую истину, что побѣдить бренную персть силою духа и порабощать собственныя страсти—подвигъ, на который изъ тысячи людей едва-ли способенъ одинъ человѣкъ. Платонизмъ, безспорно, чувство чистое, прекрасное, но плохо его примирять съ натурою человѣка. Въ большинствѣ случаевъ, идеалистъ любитъ дѣвушку платонически, вслѣдствіе ея недоступности и въ самомъ неудовлетвореніи страсти находитъ своего рода чувственное наслажденіе. Полагая высшій предѣлъ наслажденія въ лицезрѣніи своей возлюбленной, идеалистъ тѣмъ однако же не ограничивается; онъ жаждетъ услышать звуки ея голоса; ея рѣчь лелѣетъ его слухъ, какъ самая дивная гармонія; онъ способенъ горячими устами прикоснуться къ оттиску слѣдка ея ножки на грязной землѣ; способенъ жгучими поцѣлуями испепелить цвѣтокъ, къ которому она прикасалась... Онъ, бѣдный, не дерзаетъ и помыслить о томъ блаженствѣ, которымъ его возлюбленная всегда вознаградитъ исканія человѣка менѣе идеальнаго, но болѣе предпрі-

имчиваго, и вѣчный удѣлъ идеалиста—няньчить дѣтей своей возлюбленной прижитыхъ ею съ другимъ. Можетъ ли что быть безобразнѣе и нелѣпѣе подобныхъ отношеній мужчины къ женщинѣ? Между тѣмъ, именно — того и требовалъ Пиѳагоръ отъ послѣдователей своего ученія. Языческая миѳологія путемъ чувственности низводила боговъ на степень людей; Пиѳагоръ хотѣлъ, чтобы люди, нравственною чистотою, уподоблялись богамъ. То и другое смѣшная крайность.

Ксенофанъ, основатель Элеатической философской школы, родился въ Колофонѣ (малоазіатской іонійской колоніи), въ 617 г. до Р. Х. Вторженіе мидянъ въ его родной городъ побудило философа, уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, бѣжать въ южныя европейскія области и поочередно находить пристанище на островѣ Сициліи и въ Катанѣ. Въ 636 г. до Р. Х. на берегахъ Италіи Ксенофанъ положилъ основаніе колоніи для колофонійскихъ переселенцевъ, названной Элеею. Здѣсь же онъ началъ проповѣдывать свое ученіе, сочетавшее въ себѣ доктрины школъ іонической и пиѳагорійской. Смѣлѣйшій изъ всѣхъ ему современныхъ философовъ, Ксенофанъ напалъ на бредни миѳологическія и доказалъ — ясно до осязаемости всю неосновательность греческой космогоніи. Хотя космографическія свѣденія Ксенофана не согласовались съ открытіями современныхъ астрономовъ, тѣмъ не менѣе выводы его о несомнѣнности бытія божія и о единствѣ Бога были неопровержимы. Признавая землю средоточіемъ міра а солнце, луну и всѣ свѣтила какъ бы живою рамкою нашей планеты, философъ утверждалъ, что она неподвижна, а звѣзды вокругъ нея обращаются. По космографіи Ксенофана, земля не шаръ, но конусъ, основаніе котораго безконечно. Материкъ произошелъ изъ воды; вода соединяясь съ землею, при содѣйствіи огня и воздуха, создала растенія, животныхъ и человѣка. Испаренія, отдѣлившіяся отъ земли, по мѣрѣ своего удаленія въ высь небесную, превратились въ облака, воспламенились и, такимъ образомъ, произошли звѣзды и всѣ свѣтила небесныя. Во внутренности земли клокочетъ неугасимый огонь, отъ котораго происходитъ животворная теплота, одушевляющая тѣла всѣхъ животныхъ, не выключая и человѣка.

Отказывая душѣ человѣческой въ правахъ ея на безсмертіе,

низводя человѣка на степень животнаго, существованіе котораго обусловлено бренной оболочкою его души—Ксенофанъ, въ то же время, высказывалъ о Создателѣ міра мысли достойныя удивленія, особенно въ язычникѣ. Охуждая Гомера за его крайній антропоморфизмъ [1]), вслѣдствіе котораго царь поэтовъ представляетъ боговъ въ образѣ обыкновенныхъ смертныхъ, со всѣми слабостями и пороками людямъ присущими, Ксенофанъ осмѣивалъ миѳологовъ вообще, даже и тѣхъ изъ нихъ, которые называли богами и богинями—звѣзды и производительныя силы природы. „Ирида (радуга), по словамъ сказочниковъ—посланница Юноны" говорилъ философъ—„это вздоръ! Ирида ничто иное, какъ облако, окрашеное краснымъ и синимъ пламенемъ и другими цвѣтами, смѣсью лучей этихъ двухъ колеровъ [2])... Діоскуры, Касторъ и Поллуксъ—дѣти Юпитера: огневидныя облака! Вулканъ—огонь, Нептунъ—вода, Церера—земля. Никогда, никакихъ боговъ и богинь и не существовало на землѣ!»

— Люди создали себѣ боговъ по образцу самихъ себя. Еслибы мы, люди, имѣли наружность быковъ или лошадей, точно такими же мы бы воображали себѣ и боговъ.

— Есть Богъ единый, которому нѣтъ конца, а потому нѣтъ Ему и начала; ибо все имѣющее начало имѣетъ и конецъ.

— Единый Богъ—зиждитель неутомимый, вездѣсущій, всевидящій. Міръ безъ Бога — немыслимъ, точно также какъ немыслимъ и Богъ—безъ міра. Все въ Богѣ единомъ и единый Богъ во всемъ.

— Если Богъ единъ, то само собою Онъ же и всемогущъ. Еслибы существовало много боговъ, тогда между ними непремѣнно были-бы высшіе и низшіе, смотря по степени могущества; но съ мыслію о всемогуществѣ неразлучна мысль и о единствѣ.

— Мысль о безконечности врожденна разуму человѣческому. Какъ невозможно отрицать существованія безконечности въ про-

---

[1]) Олицетвореніе бога въ образѣ человѣческомъ.

[2]) Замѣчательно, что Ксенофанъ—происхожденіе всѣхъ колеровъ радуги приписываетъ двумъ цвѣтамъ: красному и синему и признаетъ ихъ основными.

странствѣ, точно также какъ и во времени, такъ невозможно отрицать и того, что Богъ безконеченъ и потому — безначаленъ. Какъ нельзя допускать существованія многихъ безконечностей, такъ нелѣпо допускать бытіе многихъ боговъ.

Всѣ эти афоризмы, высказанные Ксенофаномъ въ его книгѣ о природѣ, дошли до насъ въ отрывкахъ записанныхъ Аѳенеемъ и Аристотелемъ. И такъ, вотъ сущность ученія школы элеатической: единство Бога, безконечность міра и отрицаніе безсмертія души человѣческой; другими словами: монотеизмъ въ отношеніи божества и грубый матеріализмъ въ отношеніи человѣка. Сознаніе величія и необъятнаго могущества Творца и въ то же время сознаніе ничтожества прекраснѣйшаго изъ всѣхъ его созданій — человѣка. Но ученіе Ксенофана и его послѣдователей достойно вниманія въ томъ отношеніи, что оно подрубило подъ корень нелѣпую идею о многобожіи, или политеизмъ. Единство Бога съ этого времени сдѣлалось краеугольнымъ камнемъ почти всѣхъ послѣдующихъ философскихъ школъ.

Ксенофанъ жилъ до ста лѣтъ, и былъ современникомъ великихъ политическихъ событій и многихъ славнѣйшихъ философовъ древней Греціи. Любимый и глубокоуважаемый учениками онъ былъ ненавидимъ многочисленными противниками своего ученія, какъ за вольнодумство, такъ и за нападки на Гомера, на Гезіода и ихъ ѳеогоніи.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Обзоръ персидскихъ войнъ.—Лидійское царство.—Наказаніе Аліата богами.—Крезъ.—Покореніе малоазіатскихъ колоній.—Предсказаніе пиѳіи.—Покореніе Лидіи.—Спасеніе Креза.—Оправданія оракула.—Киръ и послы іонейскіе.—Апологъ о рыбкахъ.—Посольство Лакринета.—Порабощеніе калоній.—Вмѣшательство Аѳинъ.—Походъ Датиса и Артаферна въ Грецію.—Мараѳонская битва,—Кинпы и древнѣйшія пули.—Клевета Ксантиппа.—Смерть Мильціада.—Остракизмъ.—Походъ Ксеркса.—Прорицанія оракула.—Леонидъ и Ѳермопилы.—Разные эпизоды битвы.—Эпитафія героямъ.—Покровительство Нептуна.—Оракулъ Дельфійскій.—Спасеніе храма.—Священная земля храма Минервы.—Переселеніе Аѳинянъ.—Разрушеніе города.—Битва при Саламинѣ.—Волхвъ Эвфрантидъ.—Кровавыя жертвы.—Чудесныя видѣнія.—Замѣтка о ихъ возможности.—Дары богамъ и награды героямъ.—Битва при Платеѣ.—Праздникъ поминовенія убитыхъ.—Побѣда при Микале.—Освобожденіе колоній.—Измѣна и казнь Павзанія.

Въ исторіи религіи древней Персіи (см. томъ III, главы V и VIII. стр. 42—79), мы подробно говорили о борьбѣ Греціи съ Даріемъ Гистаспомъ и его преемниками (504—451 г. до Р. Х). Теперь, не вдаваясь въ безполезныя подробности, мы прослѣдимъ только тѣ изъ событій долговременныхъ персидскихъ войнъ, которыя были въ тѣсной связи съ религіозными вѣрованіями грековъ [1]), и представимъ біографическіе очерки великихъ полководцевъ греческихъ, вѣнчавшихся неувядаемыми лаврами на

[1]) Подобными событіями мы называемъ тѣ, въ которыхъ играли важную роль: предсказанія оракуловъ, явленія кометъ, метеоровъ, молебствія богамъ и мнимое вмѣшательство послѣднихъ, выражавшееся бурями, грозами, моровыми язвами и т. п.

поляхъ Мараѳона, въ ущеліяхъ Ѳермопилъ; близъ Саламина при Платеѣ и при Микале.

Греческія колоніи въ малой Азіи: Милетъ, Колофонъ, Фокея, Эфезъ и Смирна, сопредѣльныя царству Лидійскому, своимъ богатствомъ и цвѣтущимъ состояніемъ возбуждали зависть въ тамошнихъ царяхъ, особенно изъ династіи Гигеса (718—607 г. до Р. Х). Правнукъ послѣдняго, Аліатъ прозванный „счастливымъ" ежегодно производилъ набѣги на Милетъ и каждый разъ возвращался въ свои владѣнія съ богатой добычей. Однажды сдѣлавъ вторженіе въ предѣлы этой колоніи, Аліатъ поджогъ обширныя поля, засѣянныя хлѣбомъ и примыкавшія къ храму Минервы Ассезенійской, который сдѣлался также добычею пламени. За это оскорбленіе святыни (какъ гласятъ древніе лѣтописцы), Аліатъ былъ пораженъ меланхоліею. Цѣлые дни онъ проводилъ въ глубокой задумчивости; по ночамъ его тревожили страшныя сновидѣнія; совѣсть ни днемъ ни ночью не давали ему покоя. Истощивъ всѣ средства для излеченія отъ мучительнаго недуга, Аліатъ рѣшился прибѣгнуть къ помощи небесной. Съ этой цѣлію онъ отправилъ пословъ къ дельфійскому оракулу. Вопрошенная лидійскими послами, пиѳія отвѣтствовала, что Аліатъ тогда только избавится отъ своей болѣзни, когда отстроитъ въ Милетѣ новый храмъ Минервѣ, на мѣстѣ сожженнаго. Повинуясь волѣ боговъ Аліатъ заключилъ перемиріе съ Ѳрасивуломъ, тираномъ милетскимъ и построилъ новый храмъ. За это Минерва исцѣлила разсудокъ царя лидійскаго, и онъ въ добромъ здоровьи и—самое главное—въ мирѣ съ милетцами прожилъ послѣ того 52 года.

Преемникъ Аліата, прославившійся несмѣтными своими богатствами, Крезъ (562—544 г. до Р. Х), за исключеніемъ Ликіи и Киллкіи, покорилъ и обложилъ данью всѣ греческія малоазіатскія колоніи. Дворъ Креза былъ пристанищемъ для ученыхъ и художниковъ всѣхъ странъ, и царь особенно дорожилъ пріязнью людей умныхъ и даровитыхъ. Онъ былъ друженъ съ мудрецами Віасомъ и Солономъ; знаменитый баснописецъ Эзопъ, долгое время пользовался расположеніемъ Креза. Покоренныя имъ греческія колоніи не могли пожаловаться на тираннію царя лидійскаго: не угнетая поселенцевъ и давъ имъ совершенную автономію (т. е.

управленіе ихъ собственными законами), Крезъ требовалъ отъ нихъ только покорности; его тѣшила мысль, хотя номинально быть повелителемъ грековъ. Побѣды Кира царя персидскаго побудили Креза, для охраненія собственнаго царства, заключить союзъ съ Амазисомъ фараономъ египетскимъ и Нериглиссаромъ—царемъ вавилонскимъ. Отваживаясь на борьбу съ завоевателемъ всѣхъ царствъ древней Азіи, царь лидійскій отправилъ пословъ въ Дельфы, чтобы вопросить тамошнюю пиѳію о томъ, суждено ли ему или Киру быть побѣдителемъ? Послы, разумѣется, отправились не съ пустыми руками: кромѣ драгоцѣнныхъ золотыхъ и серебрянныхъ сосудовъ и статуй, они, отъ имени Креза, принесли въ жертву Аполлону тридцать гекатомбовъ (тысячеглавыхъ жертвъ). За подобныя приношенія отвѣчать царю зловѣщимъ пророчествомъ было-бы со стороны оракула и неделикатно и несправедливо. Угорѣлая, бѣснующаяся пиѳія объявила посламъ Креза, что онъ, во первыхъ „будетъ виновникомъ паденія великаго царства“, а во вторыхъ—„покоривъ врага и супостата, обременитъ себя славными трофеями и прославитъ имя свое, особенно если будетъ друженъ съ греками!“

Лучшаго пророчества нельзя было и ожидать. Увѣренный въ успѣхѣ, Крезъ двинулъ свои войска на встрѣчу полчищамъ Кира, но побѣда одержанная царемъ персидскимъ при Ѳимбреѣ (544 г. до Р. Х.) доказала царю лидійскому, что и оракулъ подчасъ можетъ солгать не хуже простаго смертнаго. За Ѳимбрейскою битвою слѣдовала осада и взятіе Сардеса и вмѣстѣ съ тѣмъ завоеваніе царства лидійскаго [1]) и превращеніе его въ персидскую сатрапію.

Обремененный оковами Крезъ былъ приведенъ къ Киру. Послѣдній, взбѣшенный упорствомъ недавняго противника, приказалъ возвести его на костеръ. Въ виду неминуемой смерти, Крезъ потрясая цѣпями, трижды, громкимъ голосомъ, произнесъ имя Солона. Удивленный этимъ, Киръ приказалъ снять царя лидійскаго съ костра и спросилъ его, чье имя онъ призывалъ?

---

[1]) См. Исторія Религій, томъ III главы I и II, стр. 20 и 24.

— Имя мудрѣйшаго изъ людей—Солона (отвѣчалъ Крезъ), который говорилъ мнѣ, что ни одинъ человѣкъ въ мірѣ, не окончившій жизненнаго своего пути, не имѣетъ права называться счастливымъ [2]).

Тронутый этими словами и видя передъ собою живой примѣръ превратности счастья, Киръ пощадилъ жизнь Креза и далъ ему въ удѣлъ городъ Барену, близь Экбатаны. Негодуя на лживое предсказаніе пиѳіи, Крезъ послалъ въ дельфійскій храмъ свои цѣпи, приказавъ посланнымъ сказать оракулу, что это трофеи царя лидійскаго. Эта иронія могла смутить всякаго мало мальски совѣстливаго человѣка, но тамъ какъ оракулъ былъ въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ бездушнымъ истуканомъ—онъ нимало не сконфузился. Что же касается до находчивой пиѳіи, она въ этомъ случаѣ вышла суха изъ воды, точно такъ же какъ и Крезъ вышелъ невредимъ изъ огня.

— Царь не понялъ оракула! отвѣчала она его посланнымъ. Оракулъ сказалъ, что онъ „будетъ виновникомъ паденія великаго царства"... но развѣ Лидія пала не по его винѣ? Врага своего онъ побѣдилъ своимъ великодушіемъ и будетъ славенъ—если до конца жизни будетъ чтить боговъ греческихъ. Если же Крезъ и пострадалъ—на то воля боговъ: онъ понесъ наказаніе за пращура своего Гигеса, убившаго царя Кандавла и овладѣвшаго престоломъ лидійскимъ!

По другимъ сказаніямъ, въ минуту возведенія Креза на костеръ, Аполлонъ вспомнилъ о его щедрыхъ приношеніяхъ въ храмъ дельфійскій и проливнымъ дождемъ залилъ разведенное подъ костромъ пламя. Эта басня, очевидно выдуманная жрецами, невѣроятна, за то нравоучительна.

Жители греческихъ колоній, подвластныхъ Крезу, изъ опасенія попасть изъ огня да въ полымя, т. е. испытать всѣ ужасы, которымъ подвергаются страны завоеванныя, отправили къ Киру пословъ съ изъявленіемъ покорности. Негодуя на грековъ за ихъ недавнюю пріязнь къ Крезу и за ихъ отказъ покориться побѣ-

---

[2]) См. выше, стр. 46—47.

дителямъ до завоеванія Лидіи, Киръ отвѣчалъ посланникамъ слѣдующимъ апологомъ:

— Однажды рыбакъ, сидя наберегу моря, игралъ на флейтѣ, думая тѣмъ вызвать рыбъ изъ водныхъ пучинъ. Видя, что труды его напрасны, онъ закинулъ неводъ и наловилъ рыбы огромное количество. Плѣнницы бились и прыгали. „Полноте, други“, сказалъ онъ имъ, „поздно взялись вы за умъ. Зачѣмъ не плясали, когда я игралъ на флейтѣ“!

Іонійцы поняли, что имъ угрожаетъ порабощеніе и возвратясь въ свои колоніи, дѣятельно занялись укрѣпленіемъ городовъ съ моря и съ сухаго пути. Въ тоже время, сознавая ничтожество своихъ военныхъ силъ, поселенцы отправили въ Спарту посольство съ просьбою о защитѣ. Республика, не желая вступать въ бой съ персидскимъ царемъ, вошла съ нимъ въ переговоры, требуя, чтобы онъ не посягалъ на независимость греческихъ колоній, угрожая ему войною въ случаѣ отказа. Требованія эти передалъ Киру лакедемонскій посланникъ Лакринетъ.

— Скажи своимъ согражданамъ, отвѣчалъ ему Киръ — что я не боюсь угрозъ народа, у котораго посреди городовъ есть торжища, на которыхъ люди еще призываютъ имена боговъ, чтобы искуснѣе обмануть другъ друга. Если боги продлятъ мнѣ жизнь я заставлю спартанцевъ тужить о ихъ собственномъ горѣ и отобью у нихъ охоту мѣшаться не въ свое дѣло [1]).

И чтобы доказать непрошеннымъ посредникамъ, что онъ не любитъ тратить словъ по пустому, Киръ поручилъ своему полководцу Мазарету, покорить Эолиду, Дориду и Іонію. Мазаретъ овладѣлъ Пріеной и разграбилъ Магнезію. Преемникъ его Гарпагъ поработилъ всѣ малоазіатскія колоніи. Тогда-то жители Фокеи бѣжали на острова и берега южной Европы, гдѣ и основали Массилію (нынѣшній Марсель) и заселили островъ Кирносъ (Корсику). Жители Теоса бѣжали въ Абдеру (во Ѳракіи). Въ 504 г. до Р. Х. въ царствованіи Дарія, сына Гистаспа, въ греческихъ поселеніяхъ вспыхнулъ мятежъ, принявшій вскорѣ

---

[1]) Геродотъ Книга I главы 152 и 153. Киръ намекалъ на рынки, о которыхъ ни въ Мидіи ни въ Персіи не имѣли понятія.

угрожающіе размѣры (см. томъ III стр. 42—44). Правитель Милета Аристагоръ отправился въ Спарту, умоляя республику о содѣйствіи; эфоръ Клеоменъ отвѣчалъ ему отказомъ. Какъ-бы на зло своей соперницѣ, Спартѣ—республика аѳинская приняла сторону мятежныхъ поселеній и отправила въ малую Азію войска подъ предводительствомъ Харопиноса. Онъ до тла сжегъ Сардесъ. Въ свою очередь Дарій овладѣлъ Милетомъ, а зятя своего Мардонія послалъ въ Грецію (494 г. до Р. Х.); буря истребила персидскій флотъ у мыса Аѳона. Покореніе Македоніи отчасти вознаградило Мардонія за эту первую неудачу. Наканунѣ крушенія персидскаго флота, надъ берегомъ Аѳона носились стаи бѣлыхъ голубей, будто предвѣщавшихъ врагамъ ихъ гибель. Въ 490 г. до Р. Х. персидскіе полководцы Датисъ и Артафернъ, прибывъ на корабляхъ къ берегамъ Греціи, раззорили Эвбею и высадились въ Аттикѣ. Здѣсь на равнинахъ Мараѳона (29 сентября 490 года до Р. Х.) сынъ Кимона, Мильціадъ, разбилъ персовъ на голову. Сподвижниками его были прославившіеся впослѣдствіи времени Ѳемистоклъ и Аристидъ. Готовясь къ битвѣ аѳиняне предлагали спартанцамъ соединиться противъ врага, но суевѣрные спартанцы отклонились отъ этой чести по случаю полнолунія; ибо въ этомъ періодѣ мѣсяца никогда ничего не предпринимали. Двѣ тысячи спартанцевъ прибыли на поля Мараѳона на другой день битвы, чтобы присутствовать при погребеніи убитыхъ, со всѣми имъ подобающими почестями и позавидовать славѣ, какъ живыхъ, такъ и мертвыхъ.

Почести возданныя войнамъ, павшимъ въ битвѣ мараѳонской состояли въ томъ, что трупы ихъ предавали землѣ увѣнчанные масличными вѣнками, а надъ могильными насыпями воздвигали киппы—тумбы изъ обозженной глины съ начертанными на нихъ именами усопшихъ. Лѣтъ двадцать тому назадъ, на поляхъ Мараѳона были произведены археологическія изысканія, при которыхъ были отрыты изъ земли остатки киппъ и множество свинцовыхъ коническихъ пуль, метавшихся съ пращей.

Воины убитые въ сраженіи были счастливѣе Мильціада. Не прошло и года послѣ мараѳонской побѣды. какъ ядовитая кле-

вета бросила грязью въ лавры героя. Ксантиппъ, отецъ Перикла и завистникъ Мильціада, обвинилъ его въ тайныхъ сношеніяхъ съ персами и въ государственной измѣнѣ. Судьи, во вниманіе къ заслугамъ полководца, замѣнили смертный приговоръ громадною пенею; герой не въ состояніи былъ ее выплатить и заключенный въ тюрьму и умеръ въ ней въ оковахъ. Такъ отблагодарили аѳиняне своего избавителя отъ иноплеменнаго ига. Ѳемистоклъ, завидуя Аристиду, оклеветалъ его передъ аѳинянами, и этотъ герой былъ изгнанъ по приговору народному, причемъ голоса подавались не шарами бѣлыми или черными (какъ то бываетъ при баллотировкѣ), но устричными раковинами (остраконъ), на которыхъ начертывали имя обвиняемаго. Какой-то гражданинъ, не знавшій Аристида въ лицо, точно также какъ и не знавшій азбуки, обратился къ нему съ просьбою написать на устричномъ черепкѣ его же собственное имя... Аристидъ исполнилъ его желаніе и остракизмомъ былъ приговоренъ къ изгнанію.

Въ 485 г. до Р. Х. Дарію Гистаспу наслѣдовалъ сынъ его Ксерксъ (см. томъ III. гл. V стр. 44—51). Имѣя, по словамъ Геродота, около шести милліоновъ войска, Ксерксъ пошелъ походомъ на Грецію, съ мыслію покорить ее, а за нею и всю Европу. Этому грозному нашествію предшествовали многія удивительныя знаменія: на небесахъ пылала комета, воды рѣкъ и источниковъ обращались въ кровь, во многихъ мѣстахъ Греціи, свирѣпствовали необыкновенныя бури, у женщинъ и у животныхъ самокъ рождались уроды... Пораженные ужасомъ жители Греціи молились богамъ, совѣщались съ знаменитымъ дельфійскимъ оракуломъ. Устами своей пиѳіи онъ изрекъ, что Греція будетъ спасена, если царь изъ колѣна Геркулеса пожертвуетъ собою, а жители Аѳинъ укрѣпятся за деревянными стѣнами. Послѣднія, по объясненію Ѳемистокла, означали корабли; что же касается до первой половины пророчества—ее оправдалъ геройскимъ своимъ самопожертвованіемъ Леонидъ, царь спартанскій.

Подобно громовой тучѣ полчища Ксеркса подвигались на Грецію и уже вступили въ ея предѣлы. Путь въ Аттику прегражд-

дало врагамъ ущеліе Ѳермопильское, въ которомъ и укрѣпился Леонидъ съ тремя стами героевъ...

— Васъ слишкомъ мало! говорили ему, когда онъ отправлялся въ походъ.

— Довольно, чтобы умереть за отечество! отвѣчалъ Леонидъ.

Предъ отбытіемъ своимъ на мѣсто своей неминуемой смерти, но съ нею и безсмертія, Леонидъ со своею дружиною отпраздновалъ погребальныя игры въ память себя самого и своихъ спутниковъ. Эти игры, въ языческой Греціи, имѣли точно тоже значеніе, которое у насъ, христіанъ, имѣютъ панихиды. Прибывъ къ Ѳермопиламъ, гдѣ къ его малочисленной дружинѣ должны были присоединиться ополченія нѣкоторыхъ племенъ Греціи (въ числѣ 7000 человѣкъ), Леонидъ принесъ жертву богамъ, а находившійся при немъ волхвъ Магостіей, гадая по внутренностямъ жертвъ, объявилъ ему, что исходъ битвы будетъ бѣдствіемъ для спартанцевъ. Это предсказаніе не только не ослабило въ нихъ мужества, но какъ будто воодушевило героевъ. Въ первый день прибытія къ ущеліямъ Ѳермопильскимъ одинъ изъ воиновъ Леонида сказалъ ему: „Персы близко!“ Нѣтъ, отвѣчалъ царь, не они къ намъ, а мы къ нимъ приближаемся!

Въ теченіе шести дней спартанцы отражали приступы персовъ, на седьмой день, предатель Эфіалтъ бѣжалъ къ непріятелямъ и вызвался указать имъ путь въ обходъ неприступному ущелію. Это злодѣйское предпріятіе увѣнчалось успѣхомъ: персы обложили защитниковъ Ѳермопильскихъ ущелій со всѣхъ сторонъ; союзники Леонида бѣжали или попались въ плѣнъ, но онъ бился съ многочисленными полчищами до тѣхъ поръ, покуда не палъ со всѣми своими сподвижниками. Утромъ этого роковаго дня, передъ битвою, завтракая со своей дружиной, Леонидъ сказалъ: „Вечернюю трапезу совершимъ въ области Плутона“! „Персовъ такое множество, что стрѣлы ихъ затмѣваютъ солнце“, сказалъ одинъ изъ воиновъ Діонекету, товарищу Леонида. — Намъ же лучше, отвѣчалъ тотъ, мы будемъ драться въ тѣни!

Впослѣдствіи времени на одной изъ скалъ ущелія Ѳермопильскаго, въ память Леонида и его дружины была начертана слѣдующая надпись: „Прохожій, если ты идешь въ Спарту, скажи,

что мы пали здѣсь повинуясь ея святымъ законамъ"! Память героевъ донынѣ сохраняется въ Греціи и во время ея борьбы съ Турціею за независимость (въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія), подвиги сульотовъ, жителей Парги и Массолунги доказали всему міру, что кровь героевъ Ѳермопилъ тогда еще не изсякла въ жилахъ ихъ несчастныхъ потомковъ.

Въ одинъ день съ битвою Ѳермопильскою, персы потерпѣли жестокое пораженіе на морѣ у мыса Артемизіума. Вскорѣ послѣ того персидская эскадра была разбита бурею у береговъ Ѳессаліи. Видя въ этомъ бѣдствіи враговъ проявленіе небесной помощи, греки почтили Нептуна торжественными играми и празднествами. Между тѣмъ полчища Ксеркса, проникнувъ въ Беотію, въ Дориду и въ Фокиду, раззоряли эти области, жгли города и разрушали храмы. Оракулъ Аполлона авійскаго былъ разбитъ въ дребезги и та же участь угрожала оракулу дельфійскому. На вопросъ устрашенныхъ жрецовъ онъ отвѣчалъ, чрезъ свою пиѳію, что Аполлонъ защититъ самъ себя лучше всякихъ воиновъ. Дѣйствительно, при приближеніи персовъ къ Дельфамъ, въ воздухѣ надъ ихъ полками появилось пламя и раздались какіе-то необыкновенные голоса. Это чудесное явленіе заставило персовъ отказаться отъ дальнѣйшихъ покушеній на храмъ дельфійскій, но многочисленныя ихъ дружины быстро приближались къ Аѳинамъ, оставленнымъ безъ всякой защиты, ибо почти всѣ жители мужскаго пола ушли въ ополченіе и на корабли. Въ городѣ для защиты стариковъ, женщинъ и дѣтей оставалось самое ничтожное количество гражданъ. О сдачѣ города непріятелямъ не было и помину; поэтъ Корсилосъ и жена его, дерзнувшіе предложить согражданамъ покориться персамъ — были побиты камнями. Однако же, съ каждымъ днемъ возрастала опасность, угрожавшая Аѳинамъ, и греческіе военачальники рѣшили вывесть всѣхъ жителей изъ стѣнъ несчастнаго города. Къ этому рѣшенію побудило ихъ извѣстіе, сообщенное имъ жрецами, что священная змѣя, изъ храма Минервы, невѣдомо куда скрылась. — „Сами боги подаютъ намъ примѣръ", говорили жрецы, и „если Аполлонъ дельфійскій защитилъ самъ себя, тоже самое, безъ сомнѣнія, можетъ сдѣлать и Минерва для любимаго своего города"! Участь Аѳинъ была рѣшена. Подобно нашей Москвѣ въ 1812 году, го-

родъ этотъ былъ обреченъ на жертву ярости непріятельской; старики, женщины, дѣти были перевезены въ Эгину, въ Трезену, въ Саламинъ. Въ Аѳинахъ и ихъ окрестностяхъ остались немногіе граждане, рѣшившіеся не разставаться съ роднымъ городомъ, и оставленныя хозяевами домашнія животныя и птицы. Жалобный ревъ, вой и стоны послѣднихъ, по словамъ историковъ, были невыносимы, даже и не для сострадательнаго уха. Вскорѣ городъ былъ обложенъ персами и послѣ непродолжительнаго, но отчаяннаго сопротивленія, былъ взятъ и сожженъ. Подобно Наполеону I, вступившему въ Москву, Ксерксъ воображалъ, что взятіемъ Аѳинъ окончится война и греки будутъ вымаливать у него пощады и мира... но жестоко ошибся царь персидскій въ своихъ разсчетахъ. Подобно Кутузову, Ѳемистоклъ въ паденіи Аѳинъ не видѣлъ гибели всей Греціи.

— Отъ Аѳинъ не осталось и камня на камнѣ, сказалъ полководецъ—но остались аѳиняне съ кораблями.

Забывъ личную вражду Ѳемистоклъ примирился съ Аристидомъ и недавніе соперники, съ братскимъ единодушіемъ, принялись готовиться къ продолженію борьбы съ могучимъ врагомъ. Какъ-бы въ предзнаменованіе грядущихъ великихъ событій на небесахъ явилась роговидная комета (Кeратія) и затмила солнце [1]). Она была вѣстницею славной битвы Саламинской (18—19 октября 480 г. до Р. X.).

Утромъ этого дня, Ѳемистоклъ предъ отплытіемъ изъ гавани Саламина озаботился принесеніемъ жертвы богамъ. Этимъ важнымъ обрядомъ распоряжался волхвъ Эвфрантидъ, по примѣтамъ гадавшій объ успѣхѣ предстоявшей битвы. Въ числѣ присутствовавшихъ находились трое плѣнниковъ изъ знатнаго персидскаго семейства, это были юноши прекрасно одѣтые, красивые собою. При ихъ приближеніи огонь ярче вспыхнулъ на жертвенномъ алтарѣ и чихнулъ кто-то изъ жрецовъ, стоявшихъ по правую руку жертвенника. По объясненію Эвфрантида это были знаменія воли боговъ, требовавшихъ, чтобы плѣнники были прине-

---

[1]) Pingré: Cométographie и Плиній, Ист. міра, кн. II, гл. 23—25.

сены имъ въ жертву. Покорствуя волѣ этихъ боговъ-людоѣдовъ, Өемистоклъ отдалъ на закланіе несчастныхъ юношей и они были зарѣзаны на алтарѣ Вакха-Оместеса (Вахуса жестокаго). Послѣ того греки сѣвъ на свои корабли запѣли молитвенные гимны и пѣніе это продолжалось даже во время битвы—рѣшившей участь персидскаго флота. Изъ двухъ тысячъ кораблей его составлявшихъ, едва ли уцѣлѣло два, спасшіеся бѣгствомъ; остальные были потоплены или захвачены въ плѣнъ. Побѣда, тѣмъ болѣе, славная, что въ распоряженіи Өемистокла было всего 340 судовъ. Сохранилось преданіе, записанное Плутархомъ, будто во время саламинской битвы надъ побоищемъ носились въ воздухѣ цѣлые легіоны призраковъ, нагонявшихъ ужасъ на персовъ и придававшихъ мужества грекамъ. Назвать этотъ феноменъ вымысломъ лѣтописцевъ было бы, по крайней мѣрѣ, опрометчиво, такъ какъ въ лѣтописяхъ всѣхъ вѣковъ и народовъ мы встрѣчаемъ подобныя же сказанія очевидцевъ. Не далѣе какъ два года тому назадъ (именно весною 1870 года) близъ Піотркова жители одного села видѣли въ воздухѣ миражъ, состоявшій изъ группъ конныхъ и пѣшихъ солдатъ цѣлыми отрядами нападавшихъ другъ на друга [1]). При всѣхъ успѣхахъ современной оптики, подобныя явленія еще до нынѣ не объяснены съ должной точностью и ихъ можно назвать феноменами, „научными законами не предусмотрѣнными". Прямой долгъ науки давать разгадки всѣмъ загадочнымъ явленіямъ въ природѣ и тогда только каждая естественная наука будетъ доведена до совершенства, когда эпитетъ: „сверхъестественный" исчезнетъ изъ разговорнаго языка; ибо въ природѣ нѣтъ—да и не можетъ быть, ничего сверхъестественнаго.

Одержавъ надъ персами блестящую побѣду на морѣ, Өемистоклъ счелъ долгомъ отблагодарить Нептуна торжественными празднествами. Всѣ отнятыя у непріятеля сокровища онъ пожертвовалъ въ храмы; наградою побѣдителямъ были лавровые и масличные вѣнки, для греческихъ воиновъ бывшими дороже всѣхъ сокровищъ.

---

[1]) См. „Голосъ" и „С.-Петербургскія Вѣдомости" за февраль или мартъ 1870 года.

Свидѣтель этого торжества, плѣнный персидскій полководецъ Тигранъ воскликнулъ въ удивленіи:

— Чудный народъ, герои достойные обожанія! Они отдаютъ богамъ добычу, которой алкаютъ люди, сами же довольствуются наградами приличествующими только богамъ!

Мардоній, главный военачальникъ Ксеркса, чрезъ царя македонскаго Александра, предложилъ грекамъ честный миръ. Они отвѣчали гордымъ отказомъ и единодушно предали проклятію и гнѣву боговъ, малодушныхъ, дерзавшихъ даже думать о мирѣ. Пораженіе Мардонія при Платеѣ (22 сентября 479 года, до Р. Х.) Павзаніемъ и Аристидомъ - окончательно избавило Грецію отъ вторгнувшихся въ нее и угрожавшихъ ея свободѣ, иноплеменниковъ. Вмѣсто цѣпей, которыя Ксерксъ готовилъ Греціи, онъ оставилъ ей въ добычу несмѣтныя сокровища, захваченныя побѣдителями при Платеѣ въ лагерѣ Мардонія. Серебро, золото, драгоцѣнные камни и ткани были отданы Павзаніемъ и Аристидомъ въ храмы Юпитера олимпійскаго, Нептуна истмійскаго, Аполлона дельфійскаго и Минервы—Аѳины. Въ вѣчное воспоминаніе побѣды, а съ нею и освобожденія Греціи и позорнаго изгнанія врага постановлено было: въ третій день мѣсяца боэдроміона (22 сентября на поляхъ Платеи ежегодно совершать поминовеніе въ память убитыхъ воиновъ, а каждыя пять лѣтъ торжествовать игры освобожденія.

Праздникъ поминовенія совершался въ присутствіи выборныхъ отъ всѣхъ городовъ Греціи. Раннимъ утромъ въ 22 день сентября на поле Платеи отправлялось слѣдующее шествіе. Его открывалъ трубачъ, игравшій воинскій маршъ. За нимъ слѣдовали запряженныя черными конями колесницы, нагруженныя лавровыми, масличными, миртовыми вѣнками и вѣтвями. За колесницами вели черныхъ быковъ, обреченныхъ на жертву, сопровождаемыхъ жрецами и юношами въ бѣлыхъ одѣяніяхъ, несшими сосуды, наполненные виномъ, елеемъ и молокомъ для возліяній. За ними шелъ со свитою архонтъ, облаченный въ пурпуръ, съ мечемъ и съ урною въ рукахъ. Надобно замѣтить, что во всѣ прочіе дни года архонтъ, по закону, долженъ былъ носить бѣлую одежду и ни подъ какимъ видомъ не прикасаться къ оружію. Шествіе замыкали вои-

ны и безчисленныя толпы народа. По прибытіи на поле, покрытое могильными холмами, осѣненными киппами, архонтъ омывалъ эти надгробные столбы и потомъ каждый изъ нихъ поливалъ елеемъ и окроплялъ растворомъ благовонной смолы. Жертвеннаго быка рѣзали надъ ямой заблаговременно вырытой: въ нее стекала кровь. Послѣ того призывая имена Юпитера, Меркурія, Плутона [1]) и всѣхъ погребенныхъ воиновъ, архонтъ вливалъ въ яму, наполненную кровью, вино и молоко, произнося громогласно: „совершаю это въ память воиновъ, павшихъ за освобожденіе Греціи“!

Въ самый день побѣды надъ персами при Платеѣ — Леотихидъ царь спартанскій и аѳинскій полководецъ Ксантиппъ, одержали не менѣе блестящую побѣду надъ Артаинтетомъ, Иѳамитретомъ, Мардонтетомъ и Тиграномъ при Микале (въ Каріи). Эта побѣда освободила іонійскія колоніи, Сестосъ и Херсонесъ Ѳракійскій отъ персидскаго ига. Кипръ и Византія были освобождены Павзаніемъ и Аристидомъ въ 476 — 475 г. до Р. Х. Вслѣдъ затѣмъ, Павзаній, уличенный въ измѣнѣ и въ сношеніяхъ съ Ксерксомъ, былъ казненъ и сѣкира палача, отрубившая ему голову, вѣчнымъ позоромъ заклеймила имя предателя.

---

[1]) Юпитеръ—творецъ души, Меркурій—ея проводникъ въ преисподнюю, Плутонъ—ея властитель послѣ смерти.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Обновленіе Аѳинъ.—Вмѣшательство Спарты.—Переговоры и плѣнъ пословъ.—Изгнаніе Ѳемистокла.—Его достоинства и пороки.—Пѣтушьи бои.—Суевѣріе и политика.—Кимонъ.—Миръ съ персами.—Землетрясеніе.—Вѣкъ Перикла.—Порча нравовъ.—Сновидѣніе матери Перикла.—Его воспитаніе.—Высокія дарованія.—Периклъ правитель.—Новыя зданія и храмы.—Перемѣны въ одеждахъ, нравахъ и въ образѣ жизни.—Непомѣрная роскошь.—Гетеры.—Аспазія.—Диктеріады.—Величіе Аѳинъ.—Пелопонезская война.—Опустошенія областей.—Моровая язва.—Мысль объ отравителяхъ.—Мужество Перикла.—Солнечное затмѣніе.—Отчаяніе Аѳинъ.—Амулетки.—Отзывъ Перикла о своемъ правленіи.—Его смерть.—Обычай желать здоровья при чиханіи.

Изгнаніе персовъ изъ всѣхъ областей Эллады дало возможность жителямъ Аѳинъ возвратиться на ихъ родное пепелище и приступить къ обновленію города. По совершеніи обрядовъ и по принесеніи благодарственныхъ жертвъ богамъ, аѳиняне принялись за расчистку развалинъ, возводя новыя стѣны городскихъ укрѣпленій изъ старыхъ камней, взятыхъ даже съ могилъ предковъ, разоренныхъ варварами. Работа кипѣла день и ночь и въ ней самое рѣтивое участіе принимали всѣ сословія и даже женщины.

Возобновленіе укрѣпленій Аѳинъ возбудило ревнивыя подозрѣнія въ спартанцахъ и, суровая республика, соперница республики аѳинской, отправила въ послѣднюю пословъ съ требованіемъ, чтобы аѳиняне прекратили начатыя работы и города не укрѣпляли, ибо, въ случаѣ вторичнаго нашествія персовъ или иныхъ варваровъ, укрѣпленный городъ можетъ имъ же самимъ послужить неприступнымъ убѣжищемъ. Это непрошенное вмѣшательство одной республики въ дѣла другой побудило Ѳемистокла отправиться въ Спарту для категорическихъ объясненій съ эѳорами. Великій пол-

ководецъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хитрый дипломатъ, умышленно тянулъ и волочилъ переговоры, чтобы дать своимъ согражданамъ время окончить постройку укрѣпленій. Недовольные его поступками, спартанцы задержали Өемистокла какъ плѣнника; та же самая участь постигла въ Аѳинахъ и пословъ спартанскихъ. Рѣшать спорный вопросъ оружіемъ было бы безразсудно, такъ какъ война съ персами еще продолжалась, хотя и не въ предѣлахъ Греціи. Республики размѣнялись плѣнниками и Өемистоклъ возвратился въ Аѳины, напутствуемый проклятіями спартанцевъ, но встрѣченный восторженными похвалами своихъ согражданъ. Спарта не забывая обиды, нанесенной ей Өемистокломъ, жестоко отомстила ему: подкупленные клеветники обвинили его въ соучастіи въ заговорѣ Павзанія (473 г. до Р. Х.). По приговору остракизма, Өемистоклъ, объявленный измѣнникомъ, былъ приговоренъ къ изгнанію. Негодуя на согражданъ за ихъ неблагодарность, оклеветанный Өемистоклъ оправдалъ клевету: онъ бѣжалъ къ царю персидскому Артаксерксу [1]), давшему недавнему своему врагу цѣлый удѣлъ и осыпавшему его почестями и щедротами. Тоска по родинѣ и угрызенія совѣсти довели однакоже Өемистокла до самоубійства (466 г. до Р. Х.). Въ одинаковой степени одаренный высокими достоинствами и презрѣннѣйшими пороками, Өемистоклъ снискалъ благодарность и ненависть своихъ согражданъ. За свои побѣды надъ персами онъ заслужилъ имя великаго; за клеветы на Аристида, за постоянные происки и каверзы — имя низкаго интриганта. Установленные имъ въ память Саламинской побѣды пѣтушьи бои, вошли у грековъ въ непреложный обычай. Эліанъ говоритъ (кн. II, гл. 28), что Өемистоклъ, готовясь къ отплытію и увидя двухъ дерущихся пѣтуховъ — бѣлаго и чернаго, загадалъ, который изъ двухъ останется побѣдителемъ: бѣлый (олицетворявшій греческія войска) или черный? Бѣлый одолѣлъ чернаго, и Өемистоклъ, увѣренный въ побѣдѣ, объявилъ своимъ воинамъ о благопріятномъ предзнаменованіи. Такъ искусно великій полководецъ умѣлъ вліять на своихъ подчиненныхъ, употребляя са-

---

[1]) См. Томъ III, глава VI, стр. 57.

мое суевѣріе орудіемъ своего вліянія. Этимъ талантомъ обладали впрочемъ многіе правители и полководцы позднѣйшихъ временъ. Такъ суевѣріе въ рукахъ нашего чудо-богатыря Суворова было нерѣдко могучимъ жезломъ, указывавшемъ солдатамъ путь къ побѣдамъ и къ славѣ. Солдаты наши были твердо убѣждены, что Суворовъ знаетъ небесную планиду и геніальный вождь не выводилъ ихъ изъ этого заблужденія. Немаловажную роль играло суевѣріе и во время отечественной войны 1812 года: кабалистическія выкладки съ буквами именъ Александра и Наполеона [1]), комета, орелъ парившій надъ головою Кутузова при выступленіи нашихъ войскъ изъ Смоленска и т. п., мощно вліяли на умы, пробуждая отвагу и мужество въ самыхъ малодушныхъ.

Ѳемистоклъ окончилъ жизнь свою позорно и вѣсть о его смерти возбудила въ грекахъ одно презрѣніе. Не такъ умеръ Аристидъ, имя котораго донынѣ служитъ синонимомъ человѣка честнаго и безкорыстнаго. Будучи блюстителемъ общественной казны, Аристидъ скончался въ крайней бѣдности и былъ погребенъ на государственный счетъ, завѣщая своему семейству доброе, незапятнанное имя, а республикѣ аѳинской достойнаго своего ученика Кимона, сына Мильціада. Съ 470 по 466 г. до Р. Х. Кимонъ, одержавъ многія блестящія побѣды надъ персами, на сушѣ и на морѣ, вытѣснилъ ихъ изъ Ликіи, Каріи и принудилъ царя Артаксеркса заключить съ аѳинами выгоднѣйшій для нихъ миръ. Независимость малоазіатскихъ колоній была окончательно упрочена.

Въ то время какъ великій вождь прославлялъ оружіе греческое въ Малой Азіи, разныя бѣдствія и неурядицы свирѣпствовали во многихъ областяхъ Греціи. Въ 469 г. Спарта пострадала отъ страшнаго землетрясенія, причемъ гора Тайгетъ рух-

---

[1]) Съ именемъ Александра I сопрягали число 12, игравшее важную роль во многихъ событіяхъ его жизни. Сумма буквъ псаломнаго стиха: И посла Богъ мірови Ангела кротости составляетъ: 1777—годъ рожденія Государя. Переводя точно также на цифры слова: Le (') empereur Napoléon quarante deux—получали апокалипсическое число звѣрино: 666. Находили пророчества о войнѣ въ книгахъ пророковъ: Даніила, Іезекіиля и Исаіи.

нула и погребла подъ своими обломками до 2000 человѣкъ. Мессенійцы, илоты и поселенцы великой Греціи (южной Италіи) подняли знамя мятежа; усмиреніе его повлекло за собою междоусобія... Эти политическіе безпорядки можно было назвать бурями, предшествовавшими благодатному затишью и тому достопамятному періоду исторіи Греціи, который называется вѣкомъ Перикла или „золотымъ вѣкомъ бытія республики аѳинской."

Золото—самый дорогой металлъ, не подлежащій порчѣ, издревле обладаетъ свойствомъ портить сердце человѣческое; золото не ржавѣетъ, но почти у каждаго человѣка, имѣющаго въ своемъ обладаніи большое количество золота, сердце ржавѣетъ или черствѣетъ. Золотой вѣкъ Перикла, вѣкъ процвѣтанія наукъ, искуствъ, промышленности и земледѣлія, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ вѣкомъ нравственной порчи аѳинской республики и изъ этой порчи выработались гибельные начатки паденія Аѳинъ. Безумная роскошь, утонченный развратъ, а съ нимъ и отупѣніе чувствъ нравственности, внѣдрившіеся въ гражданскій бытъ республики, подобно острымъ ядамъ разрушили ея государственный организмъ. Въ царствованіе Перикла мраморъ оживалъ подъ геніальнымъ рѣзцомъ Фидія, но живые люди превращались въ бездушныхъ статуй; Периклъ украсилъ Аѳины великолѣпными храмами и, въ то же время, вытѣснилъ изъ сердецъ согражданъ понятія о божествѣ, или, вѣрнѣе сказать: пластическая красота явилась единственнымъ божествомъ аѳинянъ. Здѣсь невольно задаешься вопросомъ безотвѣтнымъ: почему во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ процвѣтаніе наукъ и изящныхъ художествъ всегда сопрягалось съ упадкомъ нравственности? Вѣка: Франциска I и Людовика XIV во Франціи; Медичи и Льва X въ Тосканѣ и въ Римѣ; Карла II въ Англіи служатъ тому очевидными доказательствами. Или наука и искуства, подобно винамъ, полезны въ количествѣ умѣренномъ и гибельны при употребленіи чрезмѣрномъ?

Супруга аѳинскаго полководца, Ксантиппа (того самаго, по навѣтамъ котораго Мильціадъ умеръ въ оковахъ), за мѣсяцъ до рожденія ею Перикла видѣла сонъ будто она родила львенка. Такимъ образомъ будущему младенцу еще до появленія его на свѣтъ уже предрѣкали славную будущность. Периклъ родился въ

491 г. до Р. Х. Прелестная наружность, богатѣйшія умственныя способности; нѣжное, пламенное сердце, обнаруживавшееся въ отрокѣ, подобно воспріимчивой почвѣ ожидали только руки опытнаго воздѣлывателя. Наставникомъ Перикла былъ философъ Дамонъ, ученикъ Зенона и Анаксагора. Ретиво принялся Периклъ за ученіе, выказывая особенное сочувствіе къ правиламъ Пиѳагора. Готовясь съ юныхъ лѣтъ къ важной роли правителя, Периклъ притворялся любителемъ уединенія, тишины и поклонникомъ наукъ. Скромность юноши обратила на него всеобщее вниманіе; его ораторскій талантъ возбуждалъ всеобщее удивленіе. Дѣйствительно, Периклъ обладалъ завиднымъ даромъ слова: рѣчь его не была высокопарна и мощна подобно орлу (таковы были рѣчи Демосѳена); вѣрнѣе всего ее можно было сравнить съ вкрадчивою змѣею, вливавшею тончайшій ядъ лести и лжи въ сердца слушателей. Въ одинаковой степени, умѣя владѣть языкомъ и выраженіемъ своего прекраснаго лица, Периклъ могъ плакать по произволу и исторгать слезы изъ глазъ собесѣдниковъ. Прозвище олимпійскаго ритора, данное Периклу соотечественниками, вполнѣ ему приличествовало. Хотя онъ и принадлежалъ, по происхожденію своему, къ аристократіи (къ эвпатридамъ), однако же, при каждомъ удобномъ случаѣ выказывалъ пламенную любовь къ народу, являясь всегда защитникомъ его интересовъ, хотя бы то было въ ущербъ сословіямъ привилегированнымъ. Пойманный на эту удочку народъ отплачивалъ Периклу живѣйшею привязанностью. Заручившись любовью народною, геніальный лукавецъ имѣлъ возможность уронить Кимона въ мнѣніи демократіи и этотъ соперникъ Перикла подвергся остракизму. Путь къ верховной власти былъ очищенъ. Единогласно избранный въ правители республики, Периклъ немедленно перемѣнилъ маску и явился рьянымъ приверженцемъ аристократіи. Ставъ, такимъ образомъ, между двухъ огней, правитель однако же съумѣлъ, не обжигаясь, пользоваться тепломъ отъ одного и другаго. Льстя эвпатридамъ и усыпляя ихъ зависть своими обаятельными рѣчами, Периклъ далъ народу добрый кусокъ хлѣба, занявъ ремесленниковъ прибыльными работами; художниковъ — заказами; купцовъ—новыми, доходными промыслами; покровительствуя земледѣльцевъ въ ихъ благородномъ,

честнѣйшемъ трудѣ. Личный врагъ и завистникъ Перикла, Эфіалтъ, умышлявшій на его жизнь, самъ палъ отъ руки тайнаго убійцы, приверженца Перикла. Съ согласія ареопага, Периклъ перенесъ государственную казну съ острова Делоса въ Аѳины и, безъ всякихъ околичностей, началъ располагать ею, какъ своей собственностью. Будто по мановенію волшебнаго жезла, Аѳины украсились великолѣпнѣйшими мраморными зданіями, воздвигнутыми по планамъ геніальнѣйшихъ зодчихъ. Таковыми были: Парѳенонъ, сооруженный Иктиномъ и Калликратидомъ; Одеонъ; Пропилеи—созданіе Мнезиклета, украшенное золотою статуею Минервы, изваянною Фидіемъ. Знаменитѣйшіе храмы: Юпитера Олимпійскаго и Цереры въ Элевзисѣ (строители: Корибатъ, Метагонъ и Холагръ) были также безсмертными памятниками царствованія Перикла. Въ его рукахъ эти произведенія изящныхъ искуствъ были драгоцѣнными игрушками, которыми правитель тѣшилъ народъ, чтобы этотъ взбалмочный и своенравный ребенокъ не капризничалъ и былъ, какъ говорятъ нянюшки: „умницей“. Зодчіе и ваятели, сотрудники Перикла въ великомъ дѣлѣ украшенія Аѳинъ, обворовывали казну безъ зазрѣнія совѣсти: славнаго Фидія раза два уличали въ утайкѣ золота, даннаго ему на изваяніе идоловъ Минервы и Юпитера, но геніальный художникъ оба раза увертывался; на третій—попался и умеръ, какъ казнокрадъ, въ темницѣ. Натурщицами художникамъ, для изображеній ими боговъ и богинь, служили аѳинскія прелестницы: Гетеры и Диктеріады [1]). Аѳинская молодежь, предпочитая живые оригиналы мертвымъ копіямъ, обоготворяя первыхъ не поклонялась вторымъ. Кумиры богинь внушали посѣтителямъ храмовъ однѣ сладострастныя мечты и язычество, во времена Перикла, перешла въ самый чувственный антропоморфизмъ (т. е. обоготвореніе человѣка); сладострастіе сдѣлалось религіознымъ догматомъ. Женщины и дѣвицы аѳинскія, забывъ всякій стыдъ, обнажаясь предъ пылкими взорами мужчинъ, одна передъ другою хвалились красотою формъ, домагаясь, какъ особенной

---

[1]) Ниже мы объяснимъ значеніе этихъ словъ.

чести, попасть въ мастерскую Фидія и служить ему натурщицею. Предъ мраморною копіею народъ въ храмахъ воскурялъ ѳиміамы, а живой подлинникъ продавалъ свои ласки на вѣсъ золота. Этотъ искаженный взглядъ на нравственность произвелъ радикальное преоброзованіе въ одеждѣ женщинъ. Старинныя, длинныя тюники и покрывала, стыдливо окутывавшія женщину съ головы до ногъ, были замѣнены легкими прозрачными платьями съ вырѣзками на груди и на бедрахъ. Обнаженную грудь аѳинянки украшали драгоцѣнными ожерельями; руки и ноги браслетами, пальцы рукъ и ногъ—перстнями. Простыя, льняныя и шерстяныя ткани, изгнанныя изъ употребленія, уступили мѣсто финикійскому виссону, тирскому пурпуру, аравійской парчѣ, шелкамъ и кисеямъ Индіи. Роскошь въ мужскихъ и женскихъ нарядахъ дошла, наконецъ, до безумія. Могла ли она не отразиться и на домашнемъ быту? Прежняя простая утварь и мебель исчезли: золото, серебро, черепаха, алавастръ [1]), черное дерево, слоновая кость—служили матеріалами для выдѣлки мебели и утвари. Для золотой и серебряной посуды пришлось изобрѣтать затѣйливыя яства и напитки и возникла цѣлая наука—гастрономія, доведенная въ Аѳинахъ до высочайшей степени совершенства. Столовыя аѳинскія превратились въ музеумы рѣдчайшихъ яствъ и напитковъ собранныхъ изъ произведеній богатѣйшихъ царствъ природы: растительнаго и животнаго. Пиры аѳинскіе, въ особенности же ужины (такъ называемые аѳинскіе вечера) длились по нѣскольку часовъ. Хозяинъ (амфитріонъ) не забывалъ ничего что только могло услаждать чувства его гостей. Воздухъ былъ упоенъ драгоцѣнными благоуханіями; цвѣточные вѣнки и гирлянды украшали столы, отягощенные кушаньями и напитками; полунагія менады (танцовщицы) и авлетриды (игрицы на флейтахъ) тѣшили взоры и слухъ собесѣдниковъ. По окончаніи пира опьянѣлые гости засыпали въ объятьяхъ прелестницъ. Застольная бесѣда всегда живая, остроумная искрилась шутками, приправленными той игрою словъ, которую до нынѣ на-

---

[1]) Алавастръ драгоцѣнный въ древности минералъ перламутроваго цвѣта—полевой шпатъ или нынѣшній лабрадоръ.

зываютъ атическою солью. Въ домашнемъ быту женщинъ преобладающею чертою была изнѣженность и склонность къ сумасброднымъ причудамъ. Во времена Перикла аѳинскія женщины ввели въ моду иноземныхъ птицъ пѣвчихъ или украшенныхъ разноцвѣтными перьями и покупали ихъ за баснословныя цѣны. Эту страсть къ птицамъ прозвали особеннымъ видомъ помѣшательства (орнитоманія).

Упомянувъ о женщинахъ, считаемъ нужнымъ объяснить значеніе словъ: Гетера и Диктеріада.

Гетерами (пріятельницами) называли въ древней Греціи эмансипированныхъ женщинъ, посвятившихъ себя служенію наукамъ или художествамъ и не стѣснявшихся ни условіями свѣта, ни общественнымъ мнѣніемъ. Домъ гетеры былъ мѣстомъ сходбища богатой и образованной молодежи, въ бесѣдѣ съ умными, граціозными женщинами, доканчивавшей и усовершенствовавшей свое образованіе. Чтобы удостоиться чести попасть въ гостиную гетеры, мужчинѣ слѣдовало обладать умомъ, любезностью, изяществомъ манеръ и извѣстной долей скромности; наглецовъ и пошляковъ изъ гостиной гетеры выталкивали за двери. Супруга Перикла Аспазія была гетерою, законодательницею модъ и высокимъ образцомъ изящества для аѳинянокъ. Знаменитая поэтессы: Каринна и Сафо; Лаиса, Фрина и Ѳаиса, были также гетерами. Снискать любовь гетеры могъ только человѣкъ достойный ея любви; она измѣняла ему тогда только, когда встрѣчала достойнѣйшаго. Покинутый любимецъ не имѣлъ права сѣтовать на измѣну: обоюдная независимость была первымъ и непремѣннымъ условіемъ любви гетеры. Отставленный любовникъ при увольненіи въ отставку, на всю жизнь пользовался правами друга.

Диктеріадами греки называли вообще продажныхъ прелестницъ. Чтобы сдѣлаться диктеріадою достаточно было женщинѣ быть красивой и развратной. Гетерою могла быть только женщина умная и образованная.

Роскошь и развращеніе нравовъ, привитыя къ Аѳинамъ Перикломъ и Аспазіею, навлекли на нихъ гнѣвъ Ареопага. Обвиненная въ безбожіи ораторомъ Ѳукидитомъ, Аспазія однако же была оправдана, а Ѳукидитъ изгнанъ. Гораздо труднѣе было оправ-

даться самому Периклу, на котораго весь народъ роптал за расточительность. Благодаря своему искуству говорить красно и убѣдительно, Периклъ выпутался изъ бѣды; ропотъ народный замолкъ и суровый Ареопагъ успокоился. Цвѣтущее положеніе и могущество Аѳинъ возбудили ревность въ Спартѣ, всегда завистливой. Чтобы угомонить кичливую республику и доказать ей, что Аѳины, въ случаѣ надобности, могутъ доказать ей свое превосходство силою оружія, Периклъ вмѣшался въ распрю возникшую между Коринѳомъ и Корцирою и принудилъ ихъ примириться. Это вмѣшательство, пуще прежняго, ожесточило Спарту и вскорѣ вся Греція раздѣлилась на два лагеря. Области недовольныя самовластіемъ Аѳинъ и весь Пелопонезъ приняли сторону Спарты; Хіо, Лесбосъ, Корцира, колоніи малоазіатскія, ѳракійскія и македонскія объявили себя союзниками Аѳинъ. Вспыхнула Пелопонезская война, продолжавшая съ кратковременными перерывами 27 лѣтъ (съ 431 по 404 г. до Р. X).

Многіе историки (и въ числѣ ихъ Діодоръ Сицилійскій) утверждаютъ, будто главнымъ виновникомъ Пелопонезской войны былъ самъ Периклъ, желавшій этимъ гнуснымъ путемъ междоусобной брани отвлечь отъ себя вниманіе Ареопага, уличавшаго его въ казнокрадствѣ. Это обвиненіе несправедливо: война, во всякомъ случаѣ, была неминуема.

Начало войны ознаменовано было взятіемъ Платеи ѳиванскими полководцами Пиѳангеломъ и Діэмпоромъ. Затѣмъ спартанскій эфоръ Архидамасъ съ 60,000 воиновъ вторгнулся въ Аттику и, опустошая города и села, приступилъ къ Аѳинамъ; Периклъ съ 20,000 войска, въ свою очередь, опустошалъ Мегариду. Ожесточеніе было одинаково съ обѣихъ сторонъ; грабежи и сожженіе нивъ были неизбѣжными спутниками спартанцевъ въ Аттикѣ и аѳинянъ въ Мегаридѣ. Весною 430 года до Р. X. Аѳины подверглись ужаснѣйшему бѣдствію: въ городѣ и его окрестностяхъ открылась моровая язва. Пораженный недугомъ чувствовалъ невыносимую головную боль, палящій жаръ, сопровождаемый гнойною сыпью, разливался по всему тѣлу и человѣкъ въ нѣсколько часовъ умиралъ въ жесточайшихъ мученіяхъ. Заболѣвали и умирали тысячи; выздоравливали десятки, да и тѣ немногіе счаст-

ливцы лишались рукъ или ногъ, отваливавшихся вслѣдствіе антонова огня, либо слѣпли. Жажда у зачумленныхъ (по словамъ лѣтописцевъ) была такъ сильна, что они погружались въ воду и захлебывались. Аѳиняне, обезумѣвъ отъ ужаса, называли виновниками моровой язвы своихъ непріятелей, спартанцевъ, отравившихъ будто бы колодцы и даже источники. Замѣчательно, что мысль объ отравленіи—пунктъ помѣшательства простонародья повсемѣстно во время повальныхъ болѣзней. Не забираясь въ даль вѣковъ давно минувшихъ, напомнимъ читателю о безпорядкахъ въ Петербургѣ въ холерный 1831 годъ. Жильцы трущобъ Сѣнной площади разбивали больницы, убивали прохожихъ, врачей и полицейскихъ подъ тѣмъ предлогомъ, будто бы они, за одно съ поляками, отравляютъ жизненные припасы, Неву и городскіе каналы... Тоже самое было и въ Парижѣ въ 1832 году. Цивилизованные европейскіе народы XIX столѣтія въ тяжкія годины бѣдствій безумствовали, точно также, какъ и греки V вѣка до Р. Х. Жертвами аѳинской чумы пали въ числѣ многихъ тысячъ—дѣти Перикла. Несчастный правитель не имѣлъ времени ихъ оплакивать: онъ предавалъ огню трупы умершихъ, заботился о больныхъ, вдовахъ и сиротахъ; усмирялъ мятежъ и въ тоже время дѣятельно занимался приготовленіями къ войнѣ, собираясь съ вооруженными галерами плыть къ берегамъ Пелолонеза. Затмѣніе солнца, заставшее флотилію Перикла въ Пиреѣ, навело паническій страхъ на всѣхъ его спутниковъ, а кормчій его корабля рѣшительно отказался взяться за руль.

— Безумецъ! сказалъ ему Периклъ, накидывая кормчему на голову свою хламиду—видишь-ли ты что нибудь?

— Ничего не вижу...

— Не видишь потому, что между твоими глазами и дневнымъ свѣтомъ находится темное тѣло. Точно также теперь, между солнцемъ и землею находится планета его затмившая. Пройдетъ затмѣніе и солнце опять появится въ полномъ блескѣ.

Опытъ и убѣдительный голосъ Перикла придалъ бодрости малодушнымъ и флотилія пустилась въ путь. Но не такъ-то легко было разсѣять суевѣрный ужасъ аѳинянъ, боровшихся съ чумою. Жители сгруппировались на три партіи: одна молилась богамъ и

приносила имъ напрасныя жертвы; другая, позабывъ боговъ, тѣшилась всѣми наслажденьями жизни въ ожиданіи смерти; третья занялась грабежемъ и разбоемъ. Съ утра и до ночи въ окрестностяхъ города пылали костры, на которыхъ горѣли трупы погибшихъ отъ чумы и клубы смраднаго дыму черными тучами носились надъ бѣдствующимъ городомъ. Разоривъ Эпидавръ, Периклъ съ богатою добычею возвратился въ Аѳины и былъ встрѣченъ всеобщимъ ропотомъ за всѣ бѣдствія войны и моровой язвы. Оправдательная рѣчь Перикла была его лебединой пѣснію: чума не пощадила великаго правителя. Крѣпкая его натура и врачебныя средства продлили на нѣсколько дней его жизнь, но вмѣстѣ съ нею и мученія больнаго.

Одинъ изъ друзей Перикла, посѣтивъ страдальца, нашелъ его лежащимъ на роскошномъ ложѣ и обвѣшаннымъ разными симпатическими амулетками, присланными къ нему знатными аѳинянками. Посѣтитель спросилъ больнаго о его здоровьи.

— Можешь судить до какой степени мнѣ худо, отвѣчалъ Периклъ, показывая на амулетки, если я, для моего излеченія, не пренебрегаю даже смѣшными средствами суевѣровъ!

Желая разсѣять больнаго, посѣтитель завелъ рѣчь о славныхъ его дѣяніяхъ и о громадныхъ услугахъ, оказанныхъ Аѳинамъ.

— Я могу гордиться только тѣмъ, сказалъ умирающій, что во все время моего правленія я никого не заставилъ ни плакать, ни носить траурнаго одѣянія!

На другой день трупъ Перикла былъ сожженъ на кострѣ. Нѣсколько горстокъ золы и обуглившихся костей—вотъ все что осталось отъ великаго мужа, но сооруженные имъ памятники сохранились до нынѣ на удивленіе потомства; но имя Перикла и память о немъ не умрутъ, покуда будетъ существовать наука исторіи.

Описывая признаки аѳинской моровой язвы, мы забыли упомянуть о первомъ изъ нихъ—чиханіи. Нѣкоторые историки полагаютъ, будто съ того времени у грековъ вошло въ обычай желать здоровья чихающему, а отъ грековъ обычай этотъ распространился повсемѣстно и перешелъ даже къ новѣйшимъ народамъ. Впрочемъ о чиханьи и о сопряженныхъ съ нимъ повѣрьяхъ и

примѣтахъ написано такое множество краснорѣчивыхъ дисертацій, что мы за справедливость нашей замѣтки не осмѣливаемся поручиться.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

Состояніе Аѳинъ послѣ смерти Перикла. — Продолженіе войны.—Разныя бѣдствія.—Очищеніе Делоса. — Клеонъ.— Его подвиги.—Комедія Аристофана.—Миръ.—Алкивіадъ.— Его пороки. — Возобновленіе военныхъ дѣйствій.—Статуи Меркурія.—Кощунства Алкивіада. — Зловѣщее предзнаменованіе.—Бѣгство Алкивіада.—Гибель Никія и Демосѳена.—Возвращеніе Алкивіада въ Аѳины.—Празднества элевзисскія.—Іерофантъ. — Замѣтка о цикутѣ. — День Иланѳерій. — Алкивіадъ во Ѳракіи. — Лизандръ. — Битва при Эгосъ Потамосѣ.—Униженіе Аѳинъ и главенство Спарты.— Тираны.—Убіеніе Алкивіада.—Павзаній II. — Агезилай.— Деспотизмъ Спарты.—Ѳиванская война.—Подвиги Пелопида и Эпаминонда.—Левктры.—Пантинея.—Неурядицы.—Фокейская или священная война.—Ея причины.—Вмѣшательство Филиппа Македонскаго. — Порабощеніе Греціи.—Заключеніе.

— Со смертью Перикла могущество и слава Аѳинъ миновали безвозвратно. Борьба со Спартою и ея союзниками была не по силамъ республикѣ, поглощая множество жертвъ и истощая казну до такой степени, что каждая побѣда аѳинянъ надъ непріятелями не вознаграждала ихъ ни въ матеріальномъ, ни въ нравственномъ отношеніяхъ. Правителями Аѳинъ послѣ Перикла были: Гагнонъ, Пахетъ, Клеонъ далеко уступавшіе ему въ дарованіяхъ. Гагнонъ овладѣлъ Потидеею; Пахетъ возмутившимся Лесбосомъ, причемъ наказалъ мятежниковъ отнявъ у нихъ, въ пользу храмовъ, 300 участковъ земли; демагогъ Клеонъ—завистливый хвастунъ, почитавшій себя геніальнымъ администраторомъ и полководцемъ, поддерживалъ въ согражданахъ духъ вражды и ненависти къ

Спартѣ, хотя обѣ республики постигнутыя всевозможными естественными бѣдствіями видимо сочувствовали миру. Въ 427 г. до Р. Х. моровая язва прекратилась, но взамѣну ея въ Греціи повсемѣстно было сильное землетрясеніе; Оробія, на берегахъ Эвбеи была разрушена и потоплена, затѣмъ слѣдовало страшное изверженіе Этны и моровое повѣтріе въ Сициліи. Видя во всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ проявленіе гнѣва боговъ, аѳиняне и спартанцы совершали молебствія, приносили жертвы. Оракулъ дельфійскій объявилъ, что боги караютъ грековъ за оскверненіе священнаго острова Делоса погребеніемъ на немъ усопшихъ, въ особенности же тѣмъ, что женщины дерзали рожать на немъ (Діодоръ Сицил. кн. XII, гл. 24). Островъ былъ подвергнутъ торжественному очищенію и, подъ опасеніемъ смертной казни, запрещено было впредь осквернять священную его землю—преданіемъ ей труповъ или женскими родами. Таково вліяніе испытаній свыше на умы народовъ—идолопоклонниковъ: чѣмъ тяжеле бѣдствія, тѣмъ люди суевѣрнѣе.

Аѳинскій полководецъ Д е м о с ѳ е н ъ, съ значительными силами, былъ посланъ въ Этолію, Амбрацію и Левкаду для покоренія этихъ областей, преданныхъ Спартѣ. Потерпѣвъ жестокое пораженіе при подножіи горы Кораксы онъ отступилъ къ Навпактѣ и, въ свою очередь, разбилъ амбраційцевъ въ ущельяхъ Идоменеи. Этотъ перевѣсъ надъ врагами, далъ аѳинянамъ возможность возобновить Пилосъ (Наваринъ), разрушенный спартанцами, и возвести въ немъ новыя укрѣпленія. Б р а з и д а с ъ полководецъ спартанскій, посланный для овладѣнія Пилосомъ, палъ подъ его стѣнами. Вѣсть о его пораженіи побудила Спарту отправить въ Аѳины пословъ для мирныхъ переговоровъ и они, безъ сомнѣнія, привели-бы къ благопріятному результату, если-бы неугомонный К л е о н ъ, видя въ нихъ признакъ слабости враговъ, не настоялъ на продолженіи войны, предложивъ спартанцамъ для заключенія мира самыя постыдныя условія. По милости этого демагога обѣ республики, выбиваясь изъ послѣднихъ силъ, продолжали междоусобіе. Обвиняя полководцевъ въ недостаткѣ энергіи Клеонъ доказывалъ имъ, что нѣтъ ничего легче какъ овладѣть островомъ Сфактеріей и тѣмъ значительно ослабить спартанцевъ. На народномъ совѣтѣ самому Клеону предложили подтвердить истину

своихъ словъ на опытѣ и онъ, скрѣпя сердце, отправился на Сфактерію защищаемую Эпитадомъ и Гиппагрестомъ (425 г. до Р. Х.). Сдѣлавъ высадку, Клеонъ обложилъ городъ и отчаяваясь въ успѣхѣ, въ теченіе семидесяти двухъ дней держалъ его въ осадѣ. Пожаръ лѣса помогъ Клеону отважиться на приступъ: Эпитадъ и Гиппагрестъ пали въ бою и Сфактерія была взята. Съ богатой добычей и со множествомъ плѣнныхъ, кичась побѣдою, неожиданной для него самого, Клеонъ возвратился въ Аѳины. Глупцы и недальновидные энтузіасты встрѣтили его съ восторгомъ; люди благомыслящіе—съ презрѣніемъ. Аристофанъ осмѣялъ хвастуна въ своей комедіи „Всадники", въ которой вывелъ народъ аѳинскій въ видѣ дряхлаго, выжившаго изъ ума старика, а Клеона въ видѣ пройдохи управителя. Вмѣсто чаямыхъ лавровъ, голову Клеона осѣнили шутовскія гремушки.

Подобно всѣмъ продолжительнымъ войнамъ, какъ древнихъ такъ и новыхъ временъ, Пелопонезская война была похожа на шахматную партію, въ которой игроки размѣниваются фигурами, взаимно ослабляя другъ друга. Спартанцы грабили области аѳинскія; аѳиняне—спартанскія. Никій овладѣлъ Киѳерою; Демосѳенъ и Гиппократъ заняли Низію (гавань Мегары) и опустошили берега Пелопонеза. Въ свою очередь спартанцы выиграли у Гиппократа битву при Деліонѣ, въ которой онъ былъ убитъ, а вождь ихъ Бразидъ покорилъ Ѳракію. Наконецъ благодаря Никію, между враждовавшими сторонами заключено было перемиріе на пятьдесятъ лѣтъ (въ 421 г. до Р. Х.). Первыя десять лѣтъ Пелопонезской войны привели Спарту и Аѳины къ тому убѣжденію, что „худой миръ лучше доброй ссоры."

Къ несчастію Греціи судьба послала ей на гибель злаго демона, геніальнаго негодяя, дерзнувшаго положить на одни вѣсы свое дрянное самолюбьице съ участью нѣсколькихъ тысячъ людей и спокойствіемъ отечества. Человѣкъ этотъ, достойное исчадіе своего вѣка, герой своего времени, былъ Алкивіадъ, сынъ Клинія, попавшій въ великіе люди потому, что аѳиняне стали слишкомъ мелки и вступили въ періодъ перерожденія къ худшему. Солонъ былъ представителемъ младенчества Аѳинъ; Пизистратъ—юности; Периклъ—возраста мужества; Алкивіадъ—дряхлости и умствен-

наго отупѣнія. Сравнивая давно минувшее время съ настоящимъ— Францію съ Аѳинами, эпоху революціи 1789 года можно уподобить вѣку Солона; консульство — правленію Пизистрата; первую имперію—царствованію Перикла; вторую—временамъ Алкивіада. Аѳинскій герой, чтобы занять чѣмъ нибудь общественное мнѣніе рубилъ хвостъ своей собакѣ, а французскій Алкивіадъ — герой 2 декабря не щадилъ человѣческихъ головъ, забавляя Францію войнами въ трехъ частяхъ свѣта.

Мы не намѣрены утомлять читателя подробной біографіей Алкивіада и ограничимся только обзоромъ тѣхъ событій его жизни, при которыхъ онъ имѣлъ столкновенія съ религіозными убѣжденіями своихъ соотичей. Одаренный умомъ и всѣми талантами особенно любезными аѳинянамъ, отличный ораторъ (не смотря на дѣтское пришептыванье), съ душой развращенной и испорченной— Алкивіадъ къ стыду Сократа былъ его ученикомъ. Усвоивъ отъ великаго мудреца теоретическія правила добродѣтели, онъ никогда не умѣлъ и не хотѣлъ примѣнять ихъ къ дѣлу; прекрасно говорилъ, но гнусно поступалъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ, онъ не давалъ покою гражданамъ аѳинскимъ, вкрадчивыми своими рѣчами раздувалъ въ ихъ сердцахъ ненависть къ спартанцамъ и обѣщая имъ владычество надъ всею Греціею, если только ему довѣрятъ главное начальство надъ войсками. Настойчивость Алкивіада увѣнчалась успѣхомъ и война возобновилась, не взирая на разумные доводы Никія и Сократа. Ареопагъ рѣшилъ, по настояніямъ Алкивіада, снарядить флотъ для завоеванія Сициліи, довѣривъ его начальство Алкивіаду, Никію и Ламаху. Наканунѣ отплытія всѣ статуи Меркурія на аѳинскихъ площадяхъ были гнуснымъ образомъ изуродованы и опрокинуты; въ этомъ глумленіи надъ богами всеобщая молва обвинила Алкивіада. Въ Ареопагъ явились свидѣтели, доказывавшіе, что верховный вождь, кромѣ того, былъ неоднократно замѣченъ въ неуваженіи къ богинямъ Церерѣ и Прозерпинѣ, а равно и въ кощунствѣ; ибо неоднократно онъ облачался въ одѣяніе іерофанта и въ смѣшномъ видѣ изображалъ обряды элевзинскихъ таинствъ. Судебное слѣдствіе могло замедлить походъ и потому, отложивъ его до времени, архонты приказали Алкивіаду готовиться къ отплытію. Оно пришлось въ тотъ

день праздника Адониса, когда въ храмахъ оплакивали гибель любовника Реи (См. Томъ V гл. 1, стр. 13) и въ этомъ сближеніи многіе видѣли зловѣщее предзнаменованіе. Начальники флота совершили узаконенныя возліянія въ честь Нептуна и флотъ отплылъ изъ Пирея. Подъ начальствомъ аѳинскихъ вождей находилось 134 корабля и 20,000 воиновъ. По прибытіи въ Сицилію, Алкивіадъ, безъ особеннаго труда, овладѣлъ Никіею и Катаною; готовился и къ дальнѣйшимъ завоеваніямъ, но его вызвали въ Аѳины къ суду, по дѣлу объ увѣчьи причиненномъ идоламъ Меркурія. Замѣшанные въ этомъ дѣлѣ извѣстные безбожники: Тимей и Андокидъ указывали на Алкивіада какъ на сообщника. Человѣкъ честный и правый, конечно, не побоялся бы предстать предъ судилищемъ; Алкивіадъ будучи ни тѣмъ, ни другимъ бѣжалъ въ Спарту и предложилъ свои услуги врагамъ аѳинянъ. Здѣсь-то во всей наготѣ выказались какъ чернота его души, такъ равно и способность уживаться и ладить съ людьми противуположныхъ и иныхъ съ нимъ мнѣній и правилъ. Въ Аѳинахъ Алкивіадъ удивлялъ согражданъ роскошью и распутствомъ; въ Спартѣ онъ удивилъ суровѣйшихъ постниковъ воздержностью и скромностью: носилъ грубую одежду, довольствовался кускомъ черстваго хлѣба и черной ликурговской похлебкой, вина въ ротъ не бралъ. Эта покорность строгимъ уставамъ республики дала Алкивіаду возможность сблизиться съ вождями спартанскими и настроивать ихъ противъ аѳинянъ.

Никій приступилъ къ осадѣ Сиракузъ (415—414 г. до Р. Х.), но вслѣдствіе чумы обнаружившейся въ его лагерѣ рѣшился отступить и покинуть берега Сициліи. Это отступленіе аѳинскій полководецъ могъ бы совершить успѣшно и безъ всякого позора, если бы не послушалъ жрецовъ, которые, по случаю затмѣнія луны, присовѣтовали ему отложить отступленіе на три дня. Покорность глупому суевѣрному обычаю была причиною гибели всего греческаго флота: онъ былъ сожженъ сиракузянами, воины были захвачены въ плѣнъ; Никій и Демосѳенъ были преданы смертной казни. Одновременно съ этимъ бѣдствіемъ, въ Аѳинахъ начались смуты, имѣвшія цѣлію перемѣну въ правленіи, именно— учрежденіе олигархіи. Доведенный до отчаянія народъ призвалъ

Алкивіада изъ его добровольнаго заточенія и презрѣнный перебѣжчикъ, измѣнивъ Спартѣ, возвратился въ Аѳины (411 г. до Р. Х.). Желая опровергнуть на дѣлѣ возведенныя на него обвиненія въ безбожіи, Алкивіадъ немедленно по прибытіи въ Аѳины, возстановилъ во всемъ прежнемъ великолѣпіи религіозныя торжества элевзисскія, сопровождаемыя узаконенными процессіями. Въ послѣднихъ онъ самъ принималъ самое усердное участіе, возбуждая вообще удивленіе своимъ поддѣльнымъ благочестіемъ. Главнымъ дѣйствующимъ лицемъ въ процессіи былъ верховный жрецъ Цереры (іерофантъ) въ коронѣ на головѣ и въ свѣтлой одеждѣ осыпанной золотыми звѣздами. Этотъ іерофантъ былъ обязанъ всю жизнь соблюдать обѣтъ безбрачія, для чего, по словамъ лѣтописцевъ, онъ ежедневно натирался сокомъ цикуты (cicuta virosa L или conium maculatum L). Это растеніе играло важную роль не только въ аѳинскихъ богослужебныхъ обрядахъ и таинствахъ, но и въ тамошнемъ судопроизводствѣ. Сокомъ цикуты отравляли государственныхъ преступниковъ [1]).

По окончаніи религіозныхъ торжествъ Алкивіадъ отплылъ съ флотомъ аѳинскимъ къ берегамъ Малой Азіи съ цѣлію покорить Хіосъ, Эфесъ и Милетъ. Жрецы предрекали ему неудачу, такъ какъ онъ отплылъ въ тяжелый день Плинѳерій, въ который идолъ Минервы завѣшивали покрываломъ. Военныя дѣйствія свои Алкивіадъ началъ блокадою острова Андроса, но оттѣсненный къ берегамъ Іоніи онъ сдалъ начальство Антіоху; послѣдній отважился сразиться съ Лизандромъ —спартанскимъ и потерпѣлъ жестокое пораженіе. По приговору архонтовъ Алкивіадъ былъ смѣненъ и начальство надъ войсками ввѣрено было десяти вождямъ, изъ которыхъ одинъ только Кононъ могъ назваться талантливымъ полководцемъ. Обиженный Алкивіадъ бѣжалъ во Ѳракію и пріютился въ городѣ Византіи (Родосто), въ которомъ оста-

---

[1]) Eusèbe de Salvertes (Essai sur les sciences occultes. P. 1844, т. 8 й) говоритъ, что мази и втиранія изъ наркотическихъ ядовъ обладаютъ свойствомъ представлять во снѣ усыпленному ими человѣку будто онъ летаетъ по воздуху въ какія-то невѣдомыя страны. Такъ морочили жрецы посвященныхъ въ ихъ таинства, а средневѣковые колдуны— жертвъ суевѣрія, будто-бы нечистою силою уносимыхъ на шабашъ.

вался празднымъ зрителемъ борьбы обѣихъ республикъ, ему въ одинаковой степени враждебныхъ.

Личный врагъ и ненавистникъ Алкивіада—Лизандръ, вождь спартанскій, заключивъ союзъ съ персами, окончилъ утомительную Пелопонезскую войну, истребивъ аѳинскій флотъ въ устьяхъ ѳракійской рѣки Эгосъ Потамоса (404 г. до Р. Х.), отторгнувъ отъ республики всѣ подвластныя ей области и овладѣвъ Аѳинами. Республика навсегда лишилась своего главенства надъ Греціею и смиренно уступивъ свое мѣсто Спартѣ снизошла на степень области второстепенной. Лизандръ явился чуть не самодержавнымъ обладателемъ всѣхъ греческихъ областей. Управленіе Аѳинами ввѣрено было тридцати администраторамъ, извѣстнымъ въ исторіи подъ именемъ тирановъ. Они грабили и угнетали народъ, доводя его до отчаянія. Въ третій разъ аѳиняне намѣревались призвать Алкивіада, но онъ былъ убитъ злодѣями, подосланными къ нему отъ спартанцевъ. Соперникъ Лизандра Павзаній II смягчилъ участь Аѳинъ, преобразовавъ въ нихъ гражданское управленіе (401 г. до Р. Х.), но могла ли примириться со своею плачевною участью республика, предъ которою въ былыя времена раболѣпствовала вся Греція?

Страсть спартанцевъ къ завоеваніямъ вовлекла ихъ сначала въ союзъ съ персидскимъ царемъ Киромъ младшимъ (см. томъ III стр. 64—70), а потомъ въ войну съ его преемникомъ Артаксерксомъ Мнемономъ. Побѣды Агезилая, царя спартанскаго, угрожали опасностью монархіи великаго Кира, но аѳиняне, ѳиванцы, кориняне и аргосцы, отклонивъ ударъ, приняли сторону персовъ. Въ отмщеніе за это, Агезилай чрезъ посредство Анталкида заключилъ съ Артаксерксомъ постыдный миръ (387 г. до Р. Х.), главною статьею котораго было признаніе владычества Персіи надъ малоазіатскими греческими колоніями. Тяжкое ярмо рабства, наложенное на всю Грецію Спартою, не могло быть выносимо и знамя возстанія для сверженія ига было поднято ѳиванцами... Началась знаменитая ѳиванская война (370—361 г. до Р. Х.), истощившая у всей Греціи послѣднія силы и доведшая ее до крайняго изнеможенія. Длинный рядъ междоусобій, ознаменовавшихъ послѣдніе годы самостоятельнаго бытія республикъ

древней Греціи, служитъ самымъ сильнымъ опроверженіемъ мечтателямъ, полагающимъ благо народовъ въ многоголовномъ правленіи. Самая благоустроенная республика всегда напоминаетъ баснословную гидру—символъ безначалія.

Пелопидъ избавилъ Өивы отъ угнетавшихъ ихъ тирановъ и другъ его Эпаминондъ — послѣдователь ученія Пиөагора — съ самыми незначительными силами рѣшились защищать свободу Греціи отъ самовластія Спарты. Послѣ нѣсколькихъ незначительныхъ схватокъ, рѣшительная битва между өиванцами (въ числѣ 12,000 пѣхоты и 1200 конницы) и лакедемонянами (превосходившихъ ихъ численностью вдвое), предводимыми Клеомбротомъ, произошла на границахъ Беотіи, близъ деревни Левктры (нынѣ Ливадостро). Вожди өиванскіе и товарищи Пелопида и Эпаминонда убѣждали послѣдняго уклониться отъ боя, но полководецъ отвѣчалъ имъ стихомъ Гомера: „защитнику родины всегда помогаютъ сами боги"! Чтобы пріободрить робѣвшихъ своихъ воиновъ, Эпаминондъ распустилъ между ними слухъ, будто двери всѣхъ храмовъ въ Өивахъ отверзлись сами собою, а хранившееся въ одномъ изъ нихъ вооруженіе Геркулеса исчезло, въ ознаменованіе того, что самъ полу-богъ незримо присутствуетъ въ рядахъ өивянъ. Эти слухи одушевили войска; неисправимымъ трусамъ Эпаминондъ предложилъ удалиться изъ рядовъ. Исходъ битвы былъ самый благопріятный для өиванцевъ: спартанцы, разбитые на голову, бѣжали. Пользуясь побѣдою Эпаминондъ и Пелопидъ со своими сосоюзниками вторгнулись въ Пелопонезъ, опустошили берега Эвротаса и угрожали самой Спартѣ, которую однако же пощадили, благодаря ходатайству Аөинъ. Въ 364 г. до Р. Х. Эпаминондъ лишился своего вѣрнаго сподвижника Пелопида, павшаго въ битвѣ съ Александромъ, тираномъ ферескимъ, но съ удвоенною энергіею продолжалъ борьбу. Аркадійцы, пользуясь празднованіемъ въ Олимпіи CIV олимпіады ворвались въ городъ и разграбивъ храмъ удалились, обуянные суевѣрнымъ ужасомъ. Къ спартанцамъ присоединились аөиняне, чтобы положить предѣлъ успѣхамъ оружія өиванцевъ. Участь ихъ была рѣшена на поляхъ Мантинеи (27 іюня 362 года до Р. Х.). Смертельно раненный дротикомъ, Эпаминондъ былъ вынесенъ изъ рядовъ, но сохраняя полное присут-

ствіе духа, слѣдилъ за ходомъ битвы и отдавалъ приказанія. Восторгъ его былъ выше всякаго описанія, когда ему принесли вѣсть о побѣдѣ. Тогда герой приказалъ принести свой щитъ и спросилъ у присутствовавшихъ, не достоинъ ли щитъ этотъ названія священнаго? Видя слезы друзей своихъ, Эпаминондъ утѣшалъ ихъ, говоря, что оставляетъ по себѣ двухъ безсмертныхъ дочерей: Левктру и Мантинею, а потому и умираетъ спокойно. Вырвавъ изъ груди дротикъ, Эпаминондъ испустилъ духъ и былъ похороненъ на полѣ мантинейскомъ. Его могильный холмъ, украшенный кипповъ, еще существовалъ въ первомъ вѣкѣ по Р. Х., возбуждая въ посѣтителяхъ благоговѣніе къ памяти героя. Съ его кончиною слава и могущество Ѳивъ затмились. Греція, раздираемая междоусобіями, сдѣлалась театромъ крайняго безначалія. Вмѣстѣ съ тѣмъ ослабѣвали въ сердцахъ эллиновъ чувства религіозности; почитаніе боговъ и соблюденіе обрядовъ еще сохранялись между Ѳессалійцами и жителями Беотіи. Впрочемъ первые занимались чародѣйствомъ, а вторые славились тупоуміемъ и суевѣріемъ.

Фокейская или священная война была слѣдствіемъ святотатства Фокеянъ, овладѣвъ священными полями храма Аполлона, обрѣченными на вѣчное безплодіе, превратили ихъ въ нивы; спартанцы точно также поступили съ Кадмеею. За это амфиктіоновъ судъ приговорилъ фокеянъ къ пенѣ и предалъ спартанцевъ вѣчному проклятію. Филомелъ вождь фокейскій, отказавшись отъ платежа тяжкой пени, предложилъ Архидамасу спартанскому союзъ противъ своеволія ѳеократовъ и для отторженія, вооруженною рукою, храмовыхъ имуществъ движимыхъ и недвижимыхъ. Архидамасъ уклонился отъ союза вооруженнаго, однако же далъ Филомелу значительную сумму денегъ на военныя издержки. Овладѣвъ Дельфами безбожникъ обратился къ пиѳіи съ вопросомъ: угодны ли богамъ его поступки? Пиѳія молчала; тогда Филомелъ далъ ей нѣсколько толчковъ и испуганная прорицательница отъ имени Аполлона объявила ему, что онъ можетъ дѣлать что хочетъ! Отвѣтъ уклончивый, но святотатецъ имъ удовольствовался и до чиста ограбилъ храмъ (355 г. до Р. Х.). Онъ погибъ въ битвѣ съ беотійцами на вершинахъ Парнасса, но братья его: Ономархъ и Фаилъ успѣшно продолжали начатое Филомеломъ; разоряли и гра-

били храмы, золотыхъ и серебряныхъ идоловъ переплавляли въ монету, убивали жрецовъ, выжигали священныя рощи и питались мясомъ жертвенныхъ животныхъ. Въ Өессаліи грабители были отражены фалангами Филиппа, царя македонскаго. Могучіе противники грабителей, въ знакъ того, что защищаютъ святыню, сражались въ шлемахъ, осѣненныхъ лавровыми вѣтвями, замѣнявшими имъ и знамена. Это первое столкновеніе грековъ съ македонянами было прологомъ къ длинному ряду войнъ съ могущественнымъ врагомъ, покорившимъ всю Грецію, а потому оканчивая здѣсь историческій обзоръ этой страны мы перейдемъ къ таковому же обзору Македоніи. Во всѣхъ послѣдующихъ событіяхъ, Греція играла роль пасивную, второстепенную; героями тридцатисеми-лѣтняго періода древней исторіи (360—323 г. до Р. Х.) были цари македонскіе: Филиппъ и сынъ его Александръ Великій.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Царство Македонское.—Каранъ.—Сыновья царя Аминта.—Филиппъ и Эпаминондъ —Бѣгство въ Македонію.—Преобразованіе—Фаланги и дружины.—Завоеваніе.—Золотые рудники.—Царь Котисъ.—Осада Меөоны.—Стрѣлокъ Астеръ.—Бракъ Филиппа.—Рожденіе Александра Великаго.—Комета и пожаръ эфезскаго храма.—Геростратъ.—Три радости.—Предсказаніе о колесницѣ.—Политика царя и рѣчи Демосөена.—Побѣды.—Фокіонъ.—Скиөы. — Отвѣтъ Аөеата. — Битва съ трибаллами.—Циклопъ, Вулканъ, Юпитеръ.—Подкупы и сила золота.—Зажигатель Антифонъ.—Распри ораторовъ.—Битва при Херонеѣ.—Слава Демада.—Ужасъ Аөинъ.—Общество шестидесяти. — Растлѣніе нравовъ.—Демокаресъ.—Вторая жена.—Примиреніе съ Олимпіею.—Предсказаніе Пиөіи.—Павзаній и Атталъ.—Совѣтъ Гермократа.—Брачный пиръ.—Апоөеоза Филиппа и его убіеніе.—Анекдоты изъ его жизни.—Слова Парменіона.

Царство Македонское, основанное Караномъ, въ 794 д. до

Р. Х. первоначально было заселено выходцами изъ странъ варварскихъ, можетъ быть даже и скиѳами; хотя Карана и величали потомкомъ Геркулеса, но Геродотъ (кн. V гл. 22) о томъ не говоритъ ни слова. Отъ временъ Карана до воцаренія Филиппа, въ теченіе четырехсотъ тридцати четырехъ лѣтъ, насчитываютъ до шестнадцати царей, но ни одинъ изъ нихъ не удостоился занять мѣста въ исторіи. При нихъ Македонія—слабая, ничтожная, была данницею могущественныхъ республикъ греческихъ, попеременно: Аѳинъ, Спарты, Ѳивъ; а въ царствованіе Аминта II, съ помощью ѳессалійцевъ Македонія освободилась отъ дани, которую платила жителямъ Олинѳа. Аминтъ умеръ въ 375 г. до Р. Х., оставивъ послѣ себя трехъ законныхъ сыновей: Александра, Филиппа, Пердику и одного незаконнаго—Птоломея. Александръ царствовалъ только одинъ годъ; преемникъ его Пердика былъ принужденъ силою оружія отстаивать свой престолъ противъ покушеній Птоломея. Для прекращенія усобицы, враждовавшіе между собою братья обратились съ посредничеству Пелопида, который рѣшивъ вопросъ въ пользу законнаго наслѣдника примирилъ Птоломея съ Пердикою, потребовавъ у послѣдняго тридцать заложниковъ и въ числѣ ихъ десятилѣтняго Филиппа (онъ родился въ 383 году до Р. Х.).

Привезенный въ Ѳивы, царевичь македонскій былъ отданъ на попеченіе славнаго Эпаминонда, соединявшаго въ прекрасной душѣ своей съ правилами безукоризненной нравственности, дарованія полководца, правителя и прозорливаго политика. Усвоивъ таланты своего воспитателя, Филиппъ не могъ усвоить его добродѣтелей; лукавство и скрытность были главными недостатками царевича. Всѣ историки, единогласно, удивляются тому роковому предопредѣленію, которое судило будущему поработителю Греціи быть воспитанникомъ ея освободителя. Эпаминондъ преподавалъ Филиппу правила тактики и стратегіи и талантливый ученикъ, впослѣдствіи времени, воспользовался этими уроками въ войнахъ своихъ съ соотечественниками своего учителя. Въ отношеніяхъ своихъ къ Греціи, Филиппъ напомнилъ змѣю, уязвившую ту грудь, на которой она была пригрѣта. Пердика умеръ и завѣщалъ престолъ малолѣтнему своему сыну Аминту III. Пользуясь этимъ переворотомъ, Филиппъ

бѣжалъ въ Македонію и провозгласивъ себя опекуномъ племянника, вскорѣ прибралъ къ рукамъ верховную власть и наименовался царемъ (372 г. до Р. Х.). Стараясь благодѣяніями заставить позабыть своихъ подданныхъ, что онъ похититель престола, Филиппъ, по образцу священнаго легіона ѳиванцевъ, преобразовалъ войско, обучивъ его строиться фалангами и учредивъ свиту тѣлохранителей царскихъ, которыхъ назвалъ товарищами и слугами (ѳероневтами) царскими. Въ товарищи онъ избралъ молодыхъ людей знатныхъ фамилій, съ той цѣлію, чтобы приближеніемъ ихъ къ престолу тѣшить ихъ честолюбіе, а благодѣяніями и довѣрчивостью удерживать отъ всякихъ преступныхъ умысловъ на особу царскую. Къ числу обширныхъ правъ членовъ царской дружины принадлежало совершенное изъятіе отъ тѣлеснаго наказанія: одинъ только царь могъ поднимать на нихъ руку и то келейно, отнюдь же не всенародно. Имѣя превосходно дисциплинованное войско Филиппъ могъ приступить къ осуществленію своихъ честолюбивыхъ замысловъ, дѣйствуя оружіемъ противъ слабѣйшихъ и силою ума противъ сильнѣйшихъ себя. Заискивая расположеніе Аѳинъ, Филиппъ въ угоду республикѣ призналъ независимость Амфиполиса подъ ея покровительствомъ, а этотъ городъ, надобно замѣтить, стоялъ на границахъ Ѳессаліи и въ рукахъ царя македонскаго могъ быть опасенъ этой области особенно своими укрѣпленіями. Затѣмъ Филиппъ покорилъ пеонійцевъ и одержалъ нѣсколько блистательныхъ побѣдъ надъ иллирійцами, часто тревожившими македонскія области своими набѣгами. Наружно покорствуя предъ греческими республиками, Филиппъ, въ тоже время, во всѣхъ ихъ городахъ содержалъ многочисленныхъ лазутчиковъ, слѣдившихъ за ходомъ тамошнихъ дѣлъ и агитаторовъ, принимавшихъ дѣятельное участіе во всѣхъ народныхъ волненіяхъ. Во время ѳиванской войны Филиппъ соблюдалъ строжайшій нейтралитетъ, съ тайной радостью взирая на уничиженіе Аѳинъ, Спарты и на ослабленіе торжествующихъ Ѳивъ. Пользуясь междоусобіями грековъ, Филиппъ покорилъ Амфиполисъ; овладѣлъ Пидномъ, Потидеею и Кренидами, близь которыхъ нашелъ богатѣйшіе золотые пріиски, дававшіе ежегодно до 1000 талантовъ (1.500.000 руб. сер.). Этотъ городъ онъ переименовалъ Филиппами въ свою

честь. Началась священная война и пользуясь ею, Филиппъ двинулся съ своими войсками въ Ѳракію, гдѣ царствовалъ Котисъ, помѣшанный, влюбленный въ Минерву. Этотъ бѣдный сумасбродъ отыскивалъ богиню, скитался въ сопровожденіи своихъ приближенныхъ по доламъ и по горамъ, дѣлая привалы въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя по красотѣ почиталъ достойными быть пріютами богини. Небольшаго труда стоило Филиппу овладѣть царствомъ Ѳракійскимъ, за которымъ послѣдовала осада Меѳоны. Здѣсь, подъ стѣнами города, въ станъ Филиппа явился нѣкто Астеръ и предложилъ ему свои услуги. По собственному признанію перебѣжчика, онъ былъ такой искусный стрѣлокъ, что не давалъ промаха ни по одной птицѣ. „Я возьму тебя къ себѣ на службу“, сказалъ ему Филиппъ — „когда буду воевать съ жаворонками“! Оскорбленный Астеръ удалился, давъ клятву отомстить царю. На другой же день съ городской стѣны въ него была пущена стрѣла, вонзившаяся ему въ правый глазъ. Къ перьямъ стрѣлы была прикрѣплена записка: „Царю Филиппу отъ Астера, въ правый глазъ“. Окривѣлый царь велѣлъ пустить въ городъ другую стрѣлу съ надписью: „По взятіи города, царь Филиппъ повѣситъ Астера“! Городъ былъ взятъ и царь сдержалъ свое слово. Съ этого времени, однако, никто изъ придворныхъ въ присутствіи Филиппа не дерзалъ произносить слова „циклопъ“ для него ненавистнаго.

Въ 357 году до Р. Х. царь женился на Олимпіи сестрѣ эпирскаго царя Аррибы. Брачныя торжества совершались въ Пеллѣ, столицѣ Македоніи, а на слѣдующій 356 годъ, 20 сентября (6 число чекатомбеона 1 года CVI Олимпіады), царица разрѣшилась отъ бремени сыномъ Александромъ, будущимъ героемъ древняго міра. Въ самую ночь его рожденія, на небесахъ явилась лучезарная комета, а въ Эфезѣ пылалъ храмъ Діаны подожженный рукою сумасброда Герострата, желавшаго этимъ поджогомъ обезсмертить свое имя. Это совпаденіе двухъ великихъ событій древности достойно замѣчанія. Геростратъ, ради честолюбія, уничтожилъ чудо свѣта, но съ его именемъ вся Греція сопрягла вѣчное проклятье и это имя сдѣлалось нарицательнымъ для означенія невѣжды и живаго ничтожества, чудовищнымъ поступкомъ пріобрѣтающаго извѣстность. Александръ Македонскій, одушевляе-

мый точно той же любовью къ славѣ, огненнымъ ураганомъ пронесся по древнему свѣту, разрушая цѣлыя царства, выжигалъ города—и современники называли его богоподобнымъ, а потомки и донынѣ именуютъ великимъ... Сравните безпристрастно обоихъ честолюбцевъ и Герострата вы назовете миньятюрнымъ Александромъ, либо Александра — колоссальнымъ Геростратомъ. Зарево храма Діаны Эфезской было зарею пожара Персеполиса.

Рожденіе сына царя Филиппа совпало также со днемъ полученія имъ двухъ радостныхъ извѣстій: о побѣдѣ его вождя Парменіона надъ иллирійцами и о полученіи приза колесницею Филиппа на конныхъ ристаніяхъ при играхъ Олимпійскихъ. Онъ торжествовалъ втройнѣ: какъ царь, какъ счастливый отецъ и какъ человѣкъ видимо угодный богамъ. „О Зевсъ"! воскликнулъ онъ— „ты слишкомъ ко мнѣ милостивъ и если, за всѣ эти щедроты готовишь мнѣ испытаніе, то пошли его скорѣе"! Въ ознаменованіе рожденія Александра, царь повелѣлъ чеканить золотую монету съ изображеніемъ колесницы. Немедленно онъ увѣдомилъ о радостномъ событіи славнаго Аристотеля, назначая его въ наставники своему преемнику. Радость царя была нѣсколько омрачена предсказаніемъ оракула трофоніевой пещеры, что колесница будетъ причиною его смерти. Съ этого времени Филиппъ боялся колесницъ и даже, бывая въ Беотіи, объѣзжалъ мѣсто называвшееся квадрига (т. е. четырехконная колесница); ниже мы увидимъ, какимъ образомъ предсказаніе это оправдалось [1]).

Священная война открыла какъ военной, такъ и политической дѣятельности Филиппа обширное поприще. Подъ предлогомъ защиты боговъ отъ посягательствъ святотатцевъ на храмовыя имущества онъ вступилъ съ своими войсками въ греческія области: освободилъ Өессалію и потопивъ въ морѣ 3018 плѣнныхъ фокейцевъ двинулся къ Фокидѣ, но аөиняне преградили ему дальнѣйшій путь чрезъ ущеліе Өермопильскія. Мороча маскою благочестія всю Грецію, Филиппъ не могъ обмануть славнаго оратора Демосөена, проникавшаго его замыслы и предостерегавшаго отъ

---

[1]) Эліанъ кн. III, гл. 45.

нихъ аѳинянъ знаменитыми своими рѣчами: филиппиками и олинѳіями. Изобличая царя македонскаго онъ доказывалъ согражданамъ, что это волкъ въ овечьей кожѣ; что вмѣшиваясь въ междоусобіе онъ желаетъ только поработить всю Грецію. Демосѳена съ удовольствіемъ слушали, но не слушались. Задаренные македонскимъ золотомъ всѣ члены Амфиктіонова суда, ораторъ Эсхинъ, дряхлый Изократъ называли Филиппа освободителемъ, благодѣтелемъ Греціи. Въ 348 г. до Р. Х. этотъ благодѣтель овладѣлъ Олинѳою, благодаря измѣнѣ ея защитниковъ Эвѳикрата и Лисѳена и въ Діонѣ праздникомъ музъ торжествовалъ побѣду. На слѣдующій годъ Филиппъ покорилъ Фокиду подъ предлогомъ умиротворенія мятежной страны; однако же риторическіе громы Демосѳена удержали его отъ дальнѣйшихъ завоеваній и царь македонскій отступилъ въ Ѳракію, тогда опустошаемую Діофитомъ. Потомъ, будто бы для защиты Аргоса и Мессеніи отъ притѣсненій Спарты, вступилъ въ Пелопонезъ и осадилъ островъ Эвбею. Здѣсь флотъ его былъ оттѣсненъ аѳинскимъ вождемъ Фокіономъ, но Филиппъ опустошивъ Коринѳъ, двинулся къ Византіи и отсюда отправилъ пословъ къ скиѳскому царю Аѳеату, предлагая ему союзъ для совмѣстныхъ дѣйствій противъ мятежныхъ областей Греціи. Онъ просилъ Аѳеата позволить ему занять берега Дуная, чтобы воздвигнуть на нихъ бронзовую статую Геркулеса, согласно обѣту, данному богамъ.

— Статую привези, отвѣчалъ ему хитрый Аѳеатъ, угадывая предательство — я воздвигну ее самъ; если же дозволю это сдѣлать тебѣ, мои скиѳы ее разобьютъ и изъ обломковъ вкуютъ наконечники для своихъ стрѣлъ!

Тогда Филиппъ со своими войсками вторгнулся въ Скиѳію, разбилъ на голову Аѳеата, взялъ его въ плѣнъ и съ огромною добычею, состоявшею изъ рабовъ и цѣлыхъ табуновъ лошадей, пустился въ обратный путь въ Македонію. На границахъ Скиѳіи на Филиппа напали хищническія племена Трибалловъ, чтобы отнять плѣнныхъ и табуны. Въ битвѣ съ ними Филиппъ едва не лишился жизни: какой-то трибаллъ ранилъ его копьемъ въ лядвею и если бы юный Александръ не прикрылъ отца своимъ щитомъ, Филиппъ конечно палъ бы подъ ударами варвара. Къ прежнему

увѣчью кряваго царя македонскаго прибавилось новое: онъ охромѣлъ на всю жизнь. Теперь придворные не смѣли называть при немъ Вулкана, хотя прозвище Циклопа и Вулкана тѣмъ болѣе приличествовали Филиппу, что онъ всю жизнь свою ковалъ цѣпи на Грецію, не пренебрегая при случаѣ подобно Юпитеру и золотымъ дождемъ для обольщенія своихъ недоброжелателей. Царь зналъ цѣну золота. Оракулъ предсказывалъ ему, что золотымъ мечемъ онъ всѣхъ побѣдитъ и царь вѣдалъ это самъ, по опыту. Онъ часто говаривалъ, что всякая крѣпость въ мірѣ можетъ быть взята, если только въ ея ворота пройдетъ лошакъ, нагруженный золотомъ. Предъ походомъ въ Скиѳію онъ подкупилъ аѳинянина Антифона поджечь флотъ въ гавани Пирея. Трижды попадался злодѣй; два раза оправдывался, благодаря ходатайству Эсхина, но уличенный Демосѳеномъ въ третій разъ былъ казненъ.

Въ 338 г. до Р. Х. жители Локриды, по примѣру фокейцевъ, овладѣли священными полями Кирры. Аѳиняне желая наказать виновныхъ отправили къ Филиппу посольство, прося вступиться за боговъ. Демосѳенъ убѣждалъ не приглашать волка въ овчарню, но Эсхинъ и Пиѳонъ настаивали на противномъ. Для прекращенія споровъ обратились къ дельфійской пиѳіи; она отвѣчала, что изъ спорящихъ неправъ тотъ, кто противъ мнѣнія большинства: Эсхинъ указалъ на Демосѳена, Демосѳенъ на Эсхина. Пользуясь этими безполезными словопреніями, Филиппъ и Александръ съ 32,000 войска вступили въ предѣлы Беотіи. Ѳивы и Аѳины ополчились на непрошенныхъ покровителей и довѣривъ начальство надъ войсками Харету и Лизиклу выслали ихъ на встрѣчу царю македонскому. Битва произошла при деревнѣ Херонеѣ (2 августа 338 г. до Р. Х.). Греческія союзныя войска были разбиты, разсѣяны и этотъ роковой день былъ послѣднимъ днемъ греческой независимости! Торжествуя побѣду, Филиппъ, подъ вліяніемъ винныхъ паровъ, объѣзжая поле битвы, издѣвался надъ трупами аѳинянъ и пѣлъ пасквильную пѣсню про Демосѳена.

— Государь, сказалъ ему взятый въ плѣнъ аѳинскій ораторъ Демадъ,—пебудь Терситомъ, если боги допустили тебя быть Агамемнономъ!

Эти слова, смѣсь лести и упрека, образумили побѣдителя. Онъ

безъ всякаго выкупа отпустилъ плѣнныхъ аѳинянъ, а убитыхъ почтилъ погребеніемъ.

Лизиклъ по возвращеніи въ Аѳины былъ казненъ. Демосѳенъ, пламенными своими рѣчами, убѣдилъ гражданъ ополчиться поголовно и отстаивать свою свободу до послѣдней капли крови. Всеобщій энтузіазмъ былъ однакоже ославленъ возникшимъ въ Аѳинахъ обществомъ шестидесяти, состоявшимъ изъ молодыхъ, знатныхъ сластолюбцевъ, глумившихся надъ патріотизмомъ согражданъ и проводившихъ время въ безумныхъ пиршествахъ въ кругу гетеръ, диктеріадъ и паразитовъ [1]). Видя въ этихъ негодяяхъ отличныхъ себѣ помощниковъ, Филиппъ, чрезъ своихъ эмисаровъ, снабжалъ ихъ деньгами и они, развращая молодежь, въ благородныхъ сердцахъ заливали виномъ послѣднія искры любви къ отечеству... Впрочемъ, послѣдніе годы самостоятельнаго бытія Аѳинъ были годами крайняго растлѣнія нравовъ. Развратъ во всѣхъ его естественныхъ и противуестественныхъ проявленіяхъ, пьянство, обжорство, игра въ кости была любимѣйшимъ времяпрепровожденіемъ аѳинянъ. Пользуясь правами неприкосновенности въ храмахъ, игроки собирались для игры чуть не въ самые алтари. Свободная Греція умерла и уже нравственно разлагалась, подобно смрадному трупу. Аѳинскіе послы, въ числѣ ихъ Демохаресъ были приняты Филиппомъ весьма благосклонно. Онъ увѣрялъ ихъ въ своей любви къ республикѣ, въ нежеланіи тревожить его войною и въ готовности сдѣлать все что угодно для ея благополучія.

— Если такъ, сказалъ Демохаресъ—то докажи это на дѣлѣ: повѣсься! Спокойно взглянувъ на наглеца единственнымъ своимъ глазомъ, Филиппъ отвѣчалъ ему:

— Прощаю тебѣ эту дерзость, но предоставляю тебѣ самому судить, въ которомъ изъ двухъ болѣе кротости и миролюбія: въ

[1]) Паразиты, т. е. чужеядники или лизоблюды составляли цѣлый цехъ и безъ нихъ въ знатныхъ аѳинскихъ домахъ не обходилось ни одного пиршества. Эти жалкіе прихлебатели, за лакомый кусокъ раболѣпно льстили хозяевамъ, исправляя при нихъ должность шутовъ. Эта порода общественныхъ насѣкомыхъ существуетъ донынѣ и у насъ на святой Руси въ домахъ аристократическихъ и купеческихъ.

тебѣ ли, ходатайствующемъ о пощадѣ Аѳинъ и говорящемъ мнѣ грубости; или во мнѣ — прощающемъ ихъ?

337 годъ до Р. Х. былъ ознаменованъ важнымъ семейнымъ событіемъ въ жизни Филиппа. Влюбясь въ Клеопатру, дочь своего вельможи Аттала, онъ вздумалъ отпустить отъ себя Олимпію и жениться на молодой красавицѣ. На пиру, данномъ царемъ будущему своему тестю, послѣдній съ бокаломъ въ рукахъ пожелалъ царю законнаго сына отъ новой жены. „А я, по твоему, незаконный?" воскликнулъ Александръ, бросивъ ему свой кубокъ въ лицо. Филиппъ, выхватилъ мечь, хотѣлъ броситься на сына, но вставая изъ за стола запнулся и упалъ. „Хорошъ царь!" усмѣхнулся будущій герой Македоніи„—изъ Европы хочетъ шагнуть въ Азію, а самъ не можетъ перейдти отъ одного стола къ другому!"

Негодуя на отца, Александръ, вмѣстѣ съ матерью, удалился въ Иллирію, откуда они вскорѣ были вызваны Филиппомъ, который примирился и съ сыномъ и съ Олимпіею. Тогда онъ готовился къ походу въ Персію, куда намѣревался вести ополченія, собранныя со всей Греціи. Совѣщаясь съ пиѳіей объ этомъ великомъ предпріятіи, царь македонскій получилъ зловѣщій отвѣтъ: „Быкъ увѣнчанъ цвѣтами, конецъ его близится и скоро онъ будетъ преданъ закланію." Филиппъ понялъ въ этихъ словахъ намекъ на персидскаго царя Дарія Кодомана и съ большею ревностью сталъ готовиться къ походу, рѣшивъ предъ своимъ отбытіемъ въ Персію отпраздновать въ Эдессѣ бракосочетаніе дочери своей, Клеопатры съ Александромъ, царемъ эпирскимъ (336 до Р. Х.). За нѣсколько дней до торжества, одинъ изъ царскихъ „товарищей", Павзаній былъ жестоко оскорбленъ Атталомъ и жаловался царю на обидчика, но Филиппъ оправдалъ его, такъ какъ Атталъ былъ его любимецъ. Павзаній рѣшился отомстить царю, или собственною кровью смыть безчестіе. Желая однако же умереть и съ тѣмъ вмѣстѣ заслужить безсмертіе, Павзаній спросилъ у философа софиста Гермократа: чѣмъ можно прославиться ничтожному человѣку?

— Всего вѣрнѣе: убійствомъ человѣка великаго, отвѣчалъ софистъ — имя убійцы не умретъ, покуда будутъ помнить имя убитаго героя!

Эти слова заронили въ сердце Павзанія рѣшимость умертвить Филиппа. За мыслію не замедлило и ея исполненіе.

Брачный пиръ поразилъ весь дворъ пышностью и великолѣпіемъ. Депутаты отъ городовъ греческихъ поднесли Филиппу золотые вѣнки; поэтъ Неоптолемъ написалъ къ этому дню аллегорическую трагедію, представленную во дворцѣ и наполненную намеками на близкое торжество македонскаго оружія въ Персіи. Въ концѣ трагедіи на сцену вынесли двѣнадцать статуй боговъ и вслѣдъ за ними тринадцатую, изображавшую Филиппа съ атрибутами божества. Въ самую эту минуту обоготворенія (апоѳеозы) царя — Павзаній бросился на него и закололъ ударомъ кинжала въ сердце! Самъ убійца былъ тутъ же умерщвленъ присутствовавшими. На костяной рукояти кинжала было выточено изображеніе колесницы и, такимъ образомъ, предсказанія оракула трофоніевой пещеры и пиѳіи оправдались. Къ слову о смерти Филиппа замѣтимъ еще, что по достиженіи имъ могущества, онъ въ числѣ прочихъ придворныхъ чиновъ приказалъ состоять при своей особѣ, сановнику, обязанность котораго состояла въ ежедневномъ напоминаніи царю, что онъ смертенъ. Это memento mori (помни смерть) должно было удерживать Филиппа отъ чрезмѣрной гордости.

Характеръ этого великаго государя видѣнъ изъ его біографическаго очерка, но для лучшаго уясненія его приводимъ нѣсколько выраженій Филиппа, обличающихъ какъ его умъ, такъ и сердце.

— Дѣти забавляются игрою въ бабки, а взрослые игрою въ обѣщанія.

— Любя правду, презирай ложь; но умѣй употреблять и ту и другую для своей выгоды.

Ему донесли на человѣка, который его злословилъ и совѣтовали Филиппу изгнать его. „Чтобы онъ разнесъ обо мнѣ дурную славу по всему свѣту?“ отвѣчалъ Филиппъ — „нѣтъ, пусть живетъ въ Македоніи: здѣсь его рѣчамъ посмѣются, но въ чужихъ краяхъ имъ повѣрятъ.“

Какая-то старуха преслѣдовала царя своею просьбою. Некогда! отвѣчалъ онъ ей. — Некогда выслушивать просителей, сердито ска-

зала старуха—тогда зачѣмъ же быть и царемъ? Филиппъ засмѣялся, выслушалъ просительницу и рѣшилъ дѣло въ ея пользу.

Въ другой разъ, той же старухѣ-просительницѣ, онъ, будучи подъ хмѣлькомъ, объявилъ рѣшеніе несправедливое. Буду жаловаться! бойко крикнула она: „На меня?" спросилъ Филиппъ — „кому же?"—Тебѣ же, когда отрезвишься! отвѣчала старуха—и царь рѣшилъ дѣло иначе.

Врачъ Менекратъ, ослѣпленный своими познаніями, величался „Юпитеромъ" и однажды написалъ Филиппу: „Юпитеръ - Менекратъ желаетъ здравія царю Филиппу." Царь, въ свою очередь, отвѣчалъ ему: „Филиппъ желаетъ здравія разсудку Менекрата и зоветъ его къ себѣ откушать." Врачъ явился. Царь усадилъ его за столъ на золотой тронъ, но вмѣсто яствъ и напитковъ, во все время обѣда подчивалъ его цвѣточными вѣнками и куреніемъ ладану.—„Если ты богъ", говорилъ онъ при этомъ—„то довольствуйся же приношеніями, приличными богамъ!"

— Аѳиняне, говорилъ Филиппъ,—ежегодно избираютъ по десяти вождей, а я въ десять лѣтъ нашелъ только одного Парменіона.

Этотъ же любимецъ царя, весьма остроумно отозвался о немъ аѳинскимъ посламъ. Придя во дворецъ они долго ждали въ пріемной покуда Филиппъ проснется. „Долго же онъ у васъ спитъ!" сказалъ одинъ изъ нихъ Парменіону.—Да, отвѣчалъ тотъ, за то, когда вы спите, онъ бодрствуетъ!

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Участіе жены и сына Филиппа въ его убіеніи.—Дѣтство Александра.—Леонидъ, Лизимахъ, Аристотель.—Неумѣстная щедрость. — Буцефалъ. — Предсказаніе Филиппа.— Первые подвиги Александра.—Бунтъ Ѳивъ. — Разореніе города.—Страшныя предзнаменованія.—Походъ въ Персію.— Пиѳія дельфійскаго храма.—Обряды предъ отплытіемъ и при высадкѣ въ Малой Азіи.—Битва при Граникѣ.—Трофеи.—Гордіевъ узелъ.—Болѣзнь Александра.—Врачъ Филиппъ.—Битва при Иссѣ.—Золотой ковчегъ.—Алтари богамъ.—Паденіе Тира и Сидона.—Сказанія Іосифа Флавія.— Ладанъ и мирра.—Александръ въ Египтѣ.—Сынъ Юпитера Аммона.—Послы персидскіе.—Александръ и Парменіонъ.— Битва при Арбеллахъ.—Затмѣніе луны.—Астрологи египетскіе.—Волхвъ Аристандръ.—Таинственныя жертвоприношенія.—Появленіе орла.—Побѣда.—Вавилонъ.—Астрономическія лѣтописи халдеевъ.—Преобразованія въ войскѣ.— Суза.—Сокровища Персеполиса.—Пожаръ дворца.—Убіеніе Дарія Кодомана.

Послѣ смерти Филиппа обнаружилось, что дѣлу цареубійства были причастны супруга его Олимпія и сынъ, знаменитый Александръ. Первая, со времени размолвки съ Филиппомъ, возненавидѣла его; славолюбивый наслѣдникъ зналъ о заговорѣ Павзанія, но счелъ не безполезнымъ не предпринять никакихъ мѣръ къ отклоненію отъ царя угрожавшей ему опасности. По приказанію царицы Олимпіи, трупъ Павзанія былъ похороненъ съ великими почестями; она своеручно увѣнчала убійцу золотымъ вѣнкомъ. Вѣсть о смерти Филиппа обрадовала всю Грецію: въ закатѣ солнца Македоніи она видѣла зарю своего освобожденія и жестоко ошиблась. Филиппъ опуталъ Грецію веревками; Александръ наложилъ на нее цѣпи.

Двадцатилѣтній преемникъ царя македонскаго еще въ дѣтствѣ

обнаруживалъ умъ и дарованія необыкновенныя. Воспитателями его были Леонидъ, родственникъ царицы Олимпіи и Лизимахъ; первый, на сколько могъ, развилъ въ Александрѣ добрыя качества, второй, раболѣпной лестью и чрезмѣрными похвалами заронилъ въ сердце героя начатки пороковъ. Аристотель образовалъ умъ героя, ознакомивъ его со всѣми науками, въ которыхъ самъ былъ такъ глубоко свѣдущъ. Гуляя съ ученикомъ по тѣнистымъ берегамъ Эвротаса, великій философъ бесѣдовалъ съ нимъ о естествознаніи, разсказывалъ о славныхъ дѣяніяхъ героевъ древности, читалъ ему Иліаду и тѣмъ развилъ въ Александрѣ страстную любовь къ славѣ и желаніе уподобиться героямъ гомерическимъ. Иліада была любимѣйшимъ чтеніемъ Александра во всю его жизнь отъ самаго отрочества. Вотъ нѣсколько чертъ его характера обнаруженныхъ имъ въ дѣтствѣ. Ему предлагали принять участіе въ бѣгахъ на олимпійскихъ играхъ. „Охотно“, сказалъ Александръ—„если взапуски со мною будутъ бѣгать цари!“ Завидуя подвигамъ отца онъ досадовалъ на его побѣды и завоеванія: „надобно же оставить сколько нибудь славы и на мою долю!“ Однажды, во время богослуженія Зевсу, малолѣтній Александръ, присутствовавшій въ храмѣ вмѣстѣ съ Леонидомъ, бросалъ на алтарь полными горстями ладанъ и мирру. „Будь умѣреннѣе“ замѣтилъ ему наставникъ — „расточать эти ароматы можешь тогда, когда завоюешь тѣ царства, въ которыхъ они произрастаютъ!“ Мальчикъ перемолчалъ, но эти слова запали ему въ память и онъ черезъ десять лѣтъ напомнилъ о нихъ Леониду. Къ царю Филиппу привели прекраснаго, но дикаго и еще не выѣзжаннаго коня. Никто изъ придворныхъ, даже искуснѣйшихъ наѣздниковъ, не рѣшался подступиться къ четвероногому дикарю, котораго укротила рука шестнадцатилѣтняго Александра. Этотъ конь, за свою огромную голову прозванный Буцефаломъ (воловья голова), носилъ царственнаго своего всадника на кровавыхъ его путяхъ къ славѣ, по полямъ Иссы, Граника и Арбеллъ, попирая подъ копытами трупы воиновъ всѣхъ царствъ древняго міра. Въ битвѣ херонейской Александръ оказалъ чудеса храбрости и тогда-то Филиппъ сказалъ ему: „Сынъ мой, ищи себѣ инаго царства: Македонія слишкомъ ничтожна для тебя!“

Первымъ дѣломъ Александра по вступленіи на родительскій престолъ было обнародованіе манифеста къ грекамъ, въ которомъ онъ обѣщалъ всѣмъ областямъ покровительство и благоволеніе. Горделивый тонъ манифеста не понравился республикамъ Эллады, еще мечтавшимъ о возстановленіи утраченной независимости. Въ Аѳинахъ краснорѣчіе Демосѳена разжигало народныя страсти; Спарта сурово смотрѣла на юнаго царя; Ѳивы готовились къ мятежу и—тѣмъ не менѣе выборные отъ всѣхъ областей Греціи (синедры) признали Александра верховнымъ вождемъ всѣхъ войскъ, собранныхъ для предстоящаго похода въ Персію и самодержцемъ (автократомъ) областей. Волненія Иллирійцевъ побудили царя смирить ихъ силою оружія; затѣмъ онъ окончательно покорилъ державѣ македонской трибалловъ, ѳракійцевъ и гетовъ. Ложный слухъ о смерти Александра на полѣ битвы призвалъ ѳивянъ къ возстанію. Народъ предводимый Фениксомъ умертвилъ македонскихъ градоправителей Аминта, Тимолеяи вытѣснили изъ города бывшія тамъ войска. Примѣру Ѳивъ могли послѣдовать и всѣ прочія республики Греціи, а потому мятежный городъ заслуживалъ и примѣрнаго наказанія. Отправляясь въ Ѳивы Александръ сказалъ: „когда я былъ въ Иллиріи Демосѳенъ называлъ меня ребенкомъ; въ Ѳессаліи—юношей... но теперь я докажу ему, что я мужъ!“ Обложивъ городъ, царь обѣщалъ жителямъ пощаду, если они выдадутъ ему зачинщиковъ. Вѣстникамъ Александра ѳивяне отвѣчали дерзостями и насмѣшками. Тогда Ѳивы были взяты приступомъ; шесть тысячъ обоего пола жителей пало подъ мечами македонянъ, тридцать тысячъ были уведены въ плѣнъ и въ городѣ, за исключеніемъ храмовъ и дома поэта Пиндара (пощаженнаго по повелѣнію Александра), не осталось камня на камнѣ. Этому разгрому, по словамъ лѣтописей, предшествовали многія чудесныя знаменія. Еще за три мѣсяца до паденія Ѳивъ въ храмѣ Цереры статую богини заволакивала радужнаго цвѣта пелена въ родѣ паутины; со статуй боговъ на улицахъ и площадяхъ струился потъ; озеро Онхестъ выло и стонало по ночамъ; въ Дирцеѣ вода источниковъ превращалась въ кровь.... Наконецъ, въ Дельфахъ, кровля Аполлонова храма неоднократно покрывалась кровавыми каплями.

Участи Өивъ царь могъ подвергнуть и Аөины, но имъ онъ объявилъ пощаду, потребовавъ только изгнанія оратора Харимеда, особенно волновавшаго народъ своими возмутительными рѣчами. Греція смирилась.

Весною 335 г. до Р. Х. Александръ, сопровождаемый Гефестіономъ, Клитомъ, Парменіономъ, Филотомъ и Кассандромъ съ 35,000 войска готовился къ отплытію чрезъ Геллеспонтъ къ берегамъ Малой Азіи. Управленіе Греціею онъ довѣрилъ Антипатеру. Предъ отплытіемъ въ походъ, Александръ совѣщался съ пиөіею дельфійскаго храма и это совѣщаніе было довольно оригинальное. Вѣдьма не хотѣла садиться на свой треножникъ, но царь принудилъ ее къ тому силою и пиөія сказала ему: „никто не дерзаетъ тебѣ противиться!“ Будущій завоеватель былъ весьма доволенъ этимъ пророчествомъ. Садясь на корабль, Александръ принесъ въ жертву Нептуну и Нереидамъ бѣлаго быка, а во время плаванія совершилъ возліяніе, бросивъ въ волны Геллеспонта золотой кубокъ, наполненный виномъ. Достигнувъ береговъ Малой Азіи Александръ высадился на томъ мѣстѣ, гдѣ стояли развалины Трои. Сходя на берегъ, царь вонзилъ въ землю свое копье и принесъ благодарственную жертву Минервѣ. Поклонникъ Гомера, онъ посѣтилъ могилу Ахилесса, оросилъ елеемъ надгробный киппъ, осыпалъ его цвѣтами и совершилъ въ честь героя игры, обѣгавъ нѣсколько разъ нагой вокругъ его могилы; потомъ воззвалъ къ его памяти: „герой трижды счастливый! Ты обезсмертилъ имя свое великими подвигами; другомъ твоимъ былъ Патроклъ, тебя воспѣлъ Гомеръ!“ Затѣмъ, Александръ принесъ жертву для успокоенія тѣни Пріама...

О побѣдахъ великаго завоевателя надъ царемъ персидскимъ Даріемъ Кодоманомъ мы уже говорили (См. Томъ III глава восьмая) и потому ограничимся здѣсь разсказомъ эпизодовъ каждой битвы, имѣющихъ отношеніе къ исторіи Греціи. Въ сраженіи при Граникѣ персидскій вождь Митридатъ палъ отъ руки Александра; другой вождь, Резокедъ, напавъ на героя разрубилъ шлемъ на его головѣ; третій—Спиөридатъ былъ убитъ Клитомъ, въ ту самую минуту, когда занесъ руку, чтобы поразить Александра. Побѣда была совершенная, но не дешево она обошлась

грекамъ, уронъ ихъ былъ значителенъ и въ числѣ убитыхъ было 25 военачальниковъ изъ царской свиты. Александръ приказалъ почтить ихъ память сооруженіемъ бронзовыхъ статуй; 300 богатыхъ вооруженій персидскихъ были отправлены въ Грецію для украшенія храма Минервы. Вслѣдъ за побѣдою при Граникѣ, Александру покорились Іонія, Карія и Фригія, области до того времени подвластныя державѣ персидской. Въ фригійскомъ городѣ Гордіумѣ Александру показали знаменитый Гордіевъ узелъ, съ которымъ, по преданіямъ, была тѣсно связана судьба всѣхъ царствъ Малой Азіи. Гордій, простой пахарь, былъ призванъ на тронъ отъ плуга. Ярмо на быкахъ было завязано такимъ затѣйливымъ узломъ, что никто не могъ его распутать и волхвы объявили, что тотъ, кому это удастся, будетъ обладателемъ всей Малой Азіи. Долго не задумываясь надъ этой задачей судьбы, Александръ вынулъ мечь и разсѣкъ роковой узелъ. Сказаніе о гордіевомъ узлѣ вошло въ пословицу, почти у всѣхъ народовъ для означенія преодоленной трудности; но всего вѣрнѣе было-бы называть этимъ именемъ политическія задачи, разрѣшаемыя оружіемъ: дипломатика путаетъ, война перерубаетъ хитросплетенія дипломатическія.

Грозный на полѣ битвы, Александръ умѣлъ быть кроткимъ и великодушнымъ въ покоренныхъ областяхъ. Прибывъ въ Киликію, онъ послѣ купанья въ рѣкѣ Киднѣ опасно заболѣлъ лихорадкою и ввѣрилъ себя попеченіямъ греческаго врача Филиппа. Парменіонъ предостерегалъ царя, утверждая, что Филиппъ подкупленный греками умышляетъ его отравить; тоже было сказано и въ безъимянномъ доносѣ на врача. Однажды, когда Филиппъ подавалъ царю лекарство, Александръ, припавъ его, передалъ врачу доносъ... Тогда смущенный врачъ сталъ увѣрять его, что это клевета, но на всѣ увѣренія Александръ съ улыбкою отвѣчалъ: „если бы я вѣрилъ, то не принялъ бы лекарства.“

Битва при Иссѣ была вторымъ, страшнымъ ударомъ нанесеннымъ царю персидскому. Кромѣ славы, достояніемъ побѣдителя были несмѣтныя сокровища, найденныя въ лагерѣ Дарія Кодомана. Раздѣливъ ихъ между своими воинами, Александръ, на свою долю взялъ только золотой ковчегъ, осыпанный драгоцѣн-

ными камнями и положилъ въ него списокъ Иліады съ собственноручными замѣтками и поправками Аристотеля. Благодаря боговъ за побѣду онъ приказалъ соорудить на берегахъ Тинара три алтаря въ честь Зевса, Минервы, Гермеса и Геркулеса. Послѣ того богатая Финикія привлекла вниманіе завоевателя (332 г. до Р. Х.), многіе города покорились ему за исключеніемъ Тира и Сидона. Послѣ отчаяннаго сопротивленія оба города были взяты, разграблены и торговля, душа Финикіи, покинула опустошенную страну, превращенную въ область македонской монархіи. Изъ Финикіи, Александръ отправился въ Іудею, но это сказаніе Іосифа Флавія подлежитъ сильному сомнѣнію. Хитрый іудейскій историкъ, желая снискать милости кесарей римскихъ, для своего несчастнаго отечества, могъ выдумать и сказку о великодушіи Александра македонскаго. По словамъ Іосифа Флавія, герой войдя въ храмъ іерусалимскій, палъ ницъ предъ алтаремъ Іеговы и принялъ благословеніе отъ первосвященника. Газа дерзнула противиться и за то подверглась разоренію и грабежу. Изъ огромной добычи Александръ прослалъ драгоцѣнные подарки своей матери и сестрѣ, а Леониду—50000 фунтовъ ладану и 10000 фунтовъ мирры съ напоминаніемъ о его словахъ, сказанныхъ Александру-мальчику въ храмѣ, когда онъ слишкомъ щедрился на ладанъ. Египетъ привѣтствовалъ Александра какъ освободителя своего отъ ненавистнаго персидскаго ига (см. томъ IV. стр. 54, 55). Заложивъ здѣсь Александрію герой отправился ливійскою степью въ оазисъ Юпитера Аммона. Жрецы этого знаменитаго капища устами оракула провозгласили Александра сыномъ Зевса. Съ этого времени мысль о божественномъ происхожденіи не покидала героя, заставляя вѣрить въ нее своихъ приближенныхъ онъ повѣрилъ ей самъ и кончилъ тѣмъ, что она свела его съума. Украсивъ свой шлемъ символомъ Аммона—рогами овна, Александръ гордился прозвищемъ богоподобнаго. Далѣе мы еще подробнѣе поговоримъ о странномъ помѣшательствѣ героя. Маршруты великихъ завоевателей тѣже самые, которыхъ придерживались моровыя язвы, черная смерть и холера. Изъ Египта Александръ возвратился къ берегамъ Тигра и здѣсь принималъ пословъ Дарія Кодомана. Царь персидскій предла-

галъ ему въ супруги одну изъ своихъ дочерей съ 10.000 талантовъ приданаго (до 14.000.000 руб. сер.) и всѣми областями монархіи персидской, до рѣки Евфрата...

— Если бы я былъ Александромъ, сказалъ Парменіонъ—я бы согласился!

-- Согласился бы и я, если бы былъ Парменіономъ! отвѣчалъ ему Александръ.

Силы персовъ, простиравшіяся до 600.000 войновъ, превосходили македонскія въ десятеро. Вожди сомнѣвались въ успѣхѣ, Парменіонъ предлагалъ царю напасть на укрѣпленный лагерь Кодомана близъ Арбеллъ—ночью. „Я не привыкъ прятаться отъ славы и драться въ потемкахъ!" сказалъ герой ему въ отвѣтъ. Полное лунное затмѣніе возмутило войновъ Александра. Видя въ затмѣніи гнѣвъ боговъ они роптали на царя, которому въ этомъ случаѣ помогли находившіеся при немъ египетскіе астрологи. Они успокоили мятежниковъ, объяснивъ имъ затмѣніе такимъ образомъ: „Солнце—покровитель Греціи; луна—покровительница Персіи: ея затмѣніе знаменуетъ гибель этого царства!" Утишивъ волненіе воиновъ, которое легко могло разрѣшиться бунтомъ, самъ Александръ внутренно тревожился. Ночью, наканунѣ битвы (съ 1 на 2 октября 331 г. до Р. Х.) онъ въ своей палаткѣ совѣщался съ волхвомъ Аристандромъ, принося таинственныя жертвы Юпитеру, Побѣдѣ и Страху. При этихъ обрядахъ лице царя было завѣшено покрываломъ и въ лѣвой рукѣ онъ держалъ вѣтвь желѣзняка (Verbena officinalis L). На зарѣ началась битва—ожесточенная и упорная. Греки слабѣли; Парменіонъ тѣснимый персами увѣдомилъ Александра, что враги овладѣли обозомъ. Герой македонскій отвѣчалъ посланному:

— Скажи Парменіону, что въ случаѣ нашего пораженія намъ не будетъ нужды въ обозѣ; еслиже мы побѣдимъ—тогда отобьемъ и обозъ!

Въ самую рѣшительную минуту боя, когда побѣда колебалась между обѣими сторонами, въ ряды греческихъ воиновъ прибѣжалъ волхвъ Аристандръ, въ бѣломъ одѣяніи съ лавровой вѣткою въ рукахъ. „Воины", возвѣстилъ онъ имъ громогласно: „мы побѣдимъ! Надъ головою Александра я видѣлъ орла, парящаго

въ выси небесной... Зевсъ видимо покровительствуетъ своему сыну"! Вдохновленные суевѣріемъ воины оказали чудеса храбрости; и персы были разбиты; Дарій Кодоманъ едва спасся бѣгствомъ отъ плѣна. Овладѣвъ Арбеллами Александръ пошелъ къ Вавилону и вступилъ въ городъ по пути осыпанномъ лаврами, цвѣтами, привѣтствуемый гимнами халдейскихъ жрецовъ и радостными кликами нѣсколькихъ сотъ тысячъ народу. Здѣсь онъ приказалъ возобновить храмы, разрушенные царями персидскими и милостиво принялъ депутацію жрецовъ, поднесшихъ ему астрономическія лѣтописи за 1903 года, которыя, по приказанію Александра отосланы были къ Аристотелю. Въ Ситакенѣ царь дѣлалъ смотръ своимъ войскамъ сопровождавшійся воинскими играми (маневрами) и здѣсь же онъ преобразовалъ составъ арміи, раздѣливъ пѣхотныя полки на тысячи начальствуемые хиліархами, а конные на эскадроны (хиліады), то же въ 1000 всадниковъ каждый. Овладѣвъ Сузою Александръ нашелъ въ ней серебра и золота на 50.000 талантовъ (70.000.000 руб. сер.); сокровища найденныя въ Персеполисѣ превосходили эту сумму вдвое. Здѣсь въ угоду наложницѣ своей Ѳаисѣ, опьянѣлый Александръ сжегъ дворецъ Ксеркса. Эта выходка „широкой натуры", приличная какому нибудь расейскому пьяному купеческому сынку, была припадкомъ бѣлой горячки, до которой иногда допивался сынъ Юпитера Аммона.

Весною 330 г. до Р. Х. Александръ вступилъ въ Мидію. Здѣсь, отъ руки Бесса и сообщника его Набарзана погибъ Дарій Кодоманъ. Выдавъ убійцу брату несчастнаго царя персидскаго Оксафрету Александръ съ подобающими почестями предалъ погребенію тѣло Дарія Кодомана (см. томъ III стр. 77).

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Избіеніе бранхидовъ.—Мятежъ въ Греціи.—Изгнаніе Эсхина.—Ропотъ вождей.—Заговоръ Димноса. — Казнь Филота и убіеніе Парменіона.—Нравственный упадокъ Александра.—Старое поколѣніе.—Пѣвецъ Праникъ.—Убіеніе Клита.—Каллисеенъ.—Вопросъ объ апоееозѣ царя.—Отвѣтъ Спарты.—Признаніе царя богомъ.—Наряжанье.—Громъ.—Безумная роскошь.—Походъ въ Скиеію.—Роксана.—Индія.—Царь Поръ. — Алтари на берегахъ Ифаза.—Мореплаватель Неархъ.—Бѣдственный походъ.—Шествіе Бахуса.—Брамины и гимнософисты.—Пророчества.—Гарпалъ въ Аеинахъ.—Брачные пиры. — Помѣшательство. — Смерть Гефестіона.—Его погребеніе.—Вавилонъ.—Страшныя предзнаменованія.—Послѣдніе дни Александра.—Его смерть. — Гробница.—Распаденіе Македонской монархіи.

Высказывая великодушіе въ отношеніи убитаго царя персидскаго и его семейства, Александръ обнаружилъ варварское жестокосердіе, обрушивъ свой гнѣвъ на людей невиновныхъ въ смерти Дарія Кодомана. Убійца его Вессъ былъ схваченъ въ небольшомъ городкѣ Мидіи, заселенномъ греками бранхидами. Этотъ городокъ, по повелѣнію Александра былъ опустошенъ, а жители его, отъ мало до велика—перерѣзаны за укрывательство злодѣя. Пользуясь отсутствіемъ Александра греческія области обнаружили неповиновеніе Антипатеру и пришли въ мятежное волненіе. Спартанскій царь Агисъ, собравъ до 10.000 войска, осадилъ Мегалополисъ, но былъ разбитъ подъ стѣнами этого города Антипатеромъ и палъ въ битвѣ. Пораженіе Агиса навело ужасъ на всю Грецію и тишина водворилась. Внутреніе безпорядки въ Аеинахъ не имѣли характера политическаго. Здѣсь шла упорная борьба между ораторами: Эсхиномъ и Демосееномъ. Первый подкапываясь подъ втораго самъ ввалился въ ту яму, которую ему рылъ. Ареопагъ приговорилъ неугомоннаго Эсхина къ изгнанію. Великодушный Демосеенъ снабдилъ заклятаго своего врага на дорогу значительною суммою денегъ. „Жалкая страна“, сказалъ при этомъ

Эсхинъ — „здѣсь враги добрѣе и благороднѣе друзей“. Удалясь на островъ Родосъ, Эсхинъ открылъ здѣсь школу краснорѣчія. Въ числѣ прочихъ образцовъ ораторскаго искуства онъ читалъ слушателямъ рѣчи Демосѳена и когда они выражали чтецу удивленіе ихъ силѣ и красотамъ, Эсхинъ отвѣчалъ: „Что же вы сказали бы, еслибы слышали самого Демосѳена“!

На слѣдующей годъ (329 г. до Р. Х.) Александръ со всѣми войсками расположился въ городѣ Гекатопилосѣ. Здѣсь разнеслась ложная вѣсть о скоромъ его возвращеніи въ Грецію и радость солдатъ была выше всякаго описанія; или, вѣрнѣе сказать, она равнялась огорченію Александра, когда онъ о ней услышалъ. Не малого труда стоило ему убѣдить воиновъ, что подвиги ихъ еще далеко не кончены. Бѣдняки, скрѣпя серце, покорились своей участи и опять впряглись въ лямки, которыми тянули великаго героя ко храму славы, въ побѣдной колесницѣ давившей подъ колесами престолы древнихъ царей и катившейся по дорогѣ, вымощенной человѣческими головами. Гораздо труднѣе Александру было справиться съ вождями его дружинъ, роптавшими на царя за его деспотизмъ, за безумную роскошь; за то, что отъ персовъ онъ перенялъ многіе ихъ обычаи и по образцу двора персидскаго организовалъ свой дворъ: одѣвался къ костюмъ Кодомана, держалъ при себѣ на службѣ сатраповъ и содержалъ до 300 наложницъ. Молодой грекъ Димносъ рѣшился, по примѣру Павзанія, умертвить царя и сообщилъ о своемъ намѣреніи царедворцамъ Никомаху и Кебаллину. Эти донесли о томъ сыну Парменіона—Филоту, который не обратилъ на умыселъ Димноса ни малѣйшаго вниманія. Тогда доносчики довели о томъ до свѣдѣнія Александра. Призванный къ царю Димносъ зарѣзался, а Филотъ, какъ сообщникъ, былъ приговоренъ къ распятію на крестѣ, замѣненному, во вниманіе къ его прежнимъ заслугамъ другою казнію: онъ былъ побитъ камнями. Старикъ Парменіонъ, находившійся въ Экбатанѣ, по повелѣнію Александра, былъ предательски убитъ тамошнимъ намѣстникомъ Клеандромъ. Усвоивъ нравы и обычаи царей персидскихъ, македонскій герой вмѣстѣ съ ними усвоилъ и ихъ пороки вообще,—лютость въ особенности.

Позорный для памяти Александра 328 г. до Р. Х. запятналъ

страницы его біографіи грязью и кровью. Герой, утопая въ смрадномъ омутѣ разврата, требовалъ себѣ отъ всѣхъ окружавшихъ воздаянія себѣ божескихъ почестей. Льстецы, падая передъ нимъ ницъ, молясь ему воскуряли благоуханіе, а самозванный богъ, величаясь „сыномъ Зевса" издѣвался надъ памятью своего настоящаго отца и надъ его сподвижниками, какъ мертвыми, такъ и живыми, принадлежавшими къ старому поколѣнію. Упоенный ядомъ лести своихъ царедворцевъ, Александръ былъ убѣжденъ, что до него ни Греція, ни Македонія не жили, а что только онъ создатель величія и могущества этихъ странъ. Еслибы въ героѣ были чувства справедливости, онъ, превознося новое поколѣніе въ ущербъ старому, могъ бы понять, что первое—безъ втораго также немыслимо, какъ вѣтви безъ корней. Филиппъ подготовилъ путь Александру; онъ положилъ основаніе тому храму славы, который былъ достроенъ его сыномъ и это основаніе сложенное изъ костей стараго поколѣнія, вмѣсто цемента, скрѣплено было кровью героевъ, павшихъ въ битвѣ херонейской. И всѣ рабы Александра ползали предъ нимъ, кромѣ Клита, намѣстника Мараканды, спасшаго царю жизнь при Граникѣ и философа Каллисѳена. Они, правдивыми рѣчами, старались пробудить въ Александрѣ совѣсть, убитую въ немъ гордостью и лестью.

Однажды у царя былъ пиръ, на который, въ числѣ прочихъ, былъ приглашенъ Клитъ. Послѣ обѣда пѣвецъ Праникъ или Пиріонъ, воспѣвая гимнъ въ честь подвиговъ Александра, позволилъ себѣ насмѣшки надъ покойнымъ царемъ Филиппомъ и его вождями. Оскорбленный Клитъ велѣлъ наглецу молчать, но Александръ, возбужденный виномъ требуя продолженія, вмѣстѣ съ пѣвцомъ сталъ издѣваться надъ стариками, называя ихъ трусами. Клитъ не выдержалъ: „трусости одного изъ нихъ, именно моей, ты обязанъ спасеніемъ жизни; а отцу обязанъ ею!" Взбѣшенный царь схвативъ кинжалъ бросился на обличителя, но Птоломей и Пердика удержали его. Тогда, не помня себя, Александръ велѣлъ гасить огни и напавъ на Клита въ темнотѣ поразилъ его, сказавъ при этомъ: „ступай же къ царю Филиппу и его героямъ!" На другой день когда винные пары, отягощавшіе голову героя, разсѣялись, онъ опомнился и лицемѣрной горестью хотѣлъ дока-

зать свое раскаяніе. Орошая трупъ бѣднаго Клита притворными слезами онъ проклиналъ себя за неблагодарность и съ почестями похоронивъ трупъ убитаго, три дня не принималъ никакой пищи (діэта послѣ попойки дѣло не лишнее)... Но льстецы убѣдили царя не мучить себя несправедливымъ раскаяніемъ. „Ты богъ!" говорили они ему „а Ѳемида всегдашняя спутница Юпитера, въ знакъ того, что все дѣлается богомъ—справедливо!"

Избавясь отъ Клита, Александръ задумалъ избавиться и отъ Каллисѳена, врагами котораго были Анаксархъ и прочіе софисты, тѣснившіеся вокругъ царя. На совѣтѣ созванномъ Александромъ для обсужденія вопроса о его апоѳеозѣ (причисленію къ сонму боговъ), одинъ только Каллисѳенъ сказалъ, что эта мысль—сумасбродство и кощунство; что еще примѣра не бывало, чтобы какому нибудь герою, при жизни воздавали божескія почести... Эти слова были смертнымъ приговоромъ философу. Вскорѣ послѣ того, царь жестоко наказалъ своего пажа Гермолая любимаго Каллисѳеномъ, которому пажъ на это наказаніе пожаловался. На основаніи этихъ ничтожныхъ данныхъ, приспѣшники царя, по его повелѣнію, сочинили доносъ о заговорѣ на его жизнь. Гермолай былъ запытанъ, а Каллисѳенъ приговоренный къ смерти погибъ—повѣшенный на крестѣ, или, умореный голодомъ въ клѣткѣ.

Вопросъ объ апоѳеозѣ былъ отданъ на голосованіе всѣхъ областей Греціи. Остроумнѣе всѣхъ отозвалась Спарта: если царь хочетъ быть богомъ—пусть себѣ будетъ таковымъ. Ораторъ Ликургъ сказалъ: „при входѣ въ храмы богомольцы обыкновенно совершаютъ омовенія; выходя же изъ храма этого бога надобно будетъ умываться!" Аѳины протестовали и во время преній особенно высказывался противъ апоѳеозы ораторъ Пиѳій.— „Ты еще слишкомъ молодъ, чтобы судить объ этомъ!" замѣтилъ ему кто-то: „Но будущій богъ еще моложе меня!" отвѣчалъ Пиѳій. Не взирая однако же на протесты людей благоразумныхъ большинство взяло верхъ и Греція признала Александра богомъ; а такъ какъ увеличивать олимпійскаго штата боговъ не сочли удобнымъ—то и пожаловали царя въ Бахусы, что вполнѣ гармонировало съ его склонностью къ пьянству. Узнавъ, что Алек-

сандръ—Вахусъ, философъ Діогенъ сказалъ: „послѣ этого я богъ Сераписъ!"

Возведенный подвластными ему народами на степень божества, Александръ, именно въ это время самъ снизошелъ на степень животнаго. Проводя дни и ночи въ попойкахъ и распутствахъ, царь ежедневно наряжался какимъ нибудь олимпійскимъ божествомъ. То являлся онъ въ багряницѣ, съ золотыми рогами Юпитера Аммона на головѣ; то въ одѣяніи Меркурія, либо въ львиной кожѣ съ палицею Геркулеса... Передъ нимъ жгли ладанъ, къ нему обращались съ молитвами. Иные смѣльчаки, невольно повинуясь здравому смыслу, позволяли себѣ шутки надъ царемъ-богомъ, за которыя могли поплатиться и головою. Однажды, во время пира, на которомъ присутствовалъ Анаксархъ, роздался громовой ударъ. Государь, спросилъ Анаксархъ—не ты-ли это изволишь гремѣть? „Нѣтъ" отвѣчалъ Александръ „я щажу людей". Въ этотъ періодъ своей жизни, царь, въ роскоши достигъ крайняго предѣла. Свита его, состоявшая изъ персидскихъ мелофоровъ и дорифоровъ, была залита въ золото; его шатеръ изъ парчи—съ алтаремъ и золотымъ трономъ, могъ, своими богатствами, потягаться съ любымъ изъ богатѣйшихъ греческихъ храмовъ. Ежедневный обѣдъ царя стоилъ 400 талантовъ (750.000 р. сер.).

Въ 327 г. до Р. Х. Александръ со своими непобѣдимыми дружинами совершилъ походъ въ Скиѳію и послѣ многихъ, славныхъ побѣдъ, женился на Роксанѣ, дочери царя Оксіарта. Въ этомъ родственномъ союзѣ Александръ видѣлъ благую политическую цѣль. Затѣмъ слѣдовалъ знаменитый походъ въ Индію, сопряженный съ великими трудностями и бѣдствіями для воиновъ. Отъ Окса до береговъ Инда переходъ былъ совершенъ въ 16 дней. Одержавъ блистательную побѣду надъ индійскимъ царемъ Поромъ, македонскій герой заключилъ съ нимъ честный миръ не посягнувъ на его владѣнія, а только основавъ на мѣстѣ побѣды городъ Никію. Но Индія состояла изъ владѣній многихъ царей и Александръ спѣшилъ далѣе, не взирая на непрерывныя грозы его сопровождавшія. Достигнувъ береговъ Ифаза воины рѣшительно отказались идти далѣе и, впервые въ жизни, Александръ повиновался тѣмъ, которымъ до того времени повелѣвалъ.

Памятниками своего пребыванія въ Индіи герой оставилъ двѣнадцать алтарей воздвигнутыхъ имъ на берегахъ Ифаза со слѣдующими подписями: Родителю моему Аммону... Минервѣ—Пронойѣ... Юпитеру Олимпійскому... Кабирамъ самоѳракійскимъ... Солнцу Индіи... брату моему Аполлону. Выступая изъ предѣловъ Индіи (326 г. до Р. Х.) царь заложилъ укрѣпленный городъ въ Потталѣ, при устьяхъ Инда; съ начальникомъ своего флота Неархомъ плавалъ по Индійскому океану (принося жертвы Нептуну) и поручивъ ему дальнѣйшее плаваніе къ проливу Ормусскому, а по Евфрату—пошелъ въ Гедрозію. Путь отъ предѣловъ этой области къ предѣламъ Карманіи былъ для арміи Александра скорбнымъ путемъ: воины гибли тысячами, сражаемые усталостью, голодомъ и моровою язвою... но что значили эти потери для героя, покупавшаго себѣ безсмертіе—смертью людей? Проходя чрезъ Карманію въ Сузу, герой потѣшалъ жителей этой области, шествуя въ костюмѣ Бахуса, окруженный свитою изъ лицъ обоего пола, наряженныхъ силенами, сатирами, вакхантами и вакханками. Вино лилось рѣкой, такъ какъ во время прежнихъ походовъ лилась кровь.

Во время пребыванія своего въ Индіи, Александръ видѣлъ тамошнихъ браминовъ и гимнософистовъ [1]). Онъ удивлялся ихъ ученію и самоистязаніямъ, а они, въ свою очередь, удивлялись жалкому самоослѣпленію великаго человѣка. Когда вельможи требовали отъ браминовъ, чтобы они признали Александра „сыномъ Зевса“, они отвѣчали имъ:

— Всѣ люди — дѣти божіи, но смертный никогда не можетъ быть богомъ!

Нѣкоторые изъ нихъ, привѣтствуя побѣдителя, топали ногами и показывали ему на землю. Въ этомъ, спутники Александра видѣли безмолвное пророчество о близкой его смерти. Гимнософистъ Калянусъ, добровольно восходя на костеръ въ присутствіи Александра, объявилъ, что „увидится съ нимъ въ Вавилонѣ“ (см. Т. I, стр. 100).

---

[1]) См. Томъ первый Гл. XII, стр. 95—101.

По возвращеніи изъ Индія, Александръ казнилъ сатраповъ, правителей персидскихъ областей, уличенныхъ въ казнокрадствѣ и лихоимствѣ. Гарпалъ, намѣстникъ Вавилона, укравъ изъ казны 5818 талантовъ (до 8.000,000 руб. сер.) бѣжалъ въ Аттику и разсчитывая на взятки архонтамъ просилъ пріюта у Аѳинъ; но градоправители оказались неподкупными и отказали вору въ пристанищѣ. Демосѳенъ, заподозрѣнный въ доброжелательствѣ Гарпалу, былъ изгнанъ. Этимъ временемъ Александръ, находившійся въ Сузѣ, дѣятельно занимался брачными союзами, выдавая за своихъ приближенныхъ, царевенъ—своихъ плѣнницъ. Кромѣ Роксаны женами его были Статира и Паризатида; младшую дочь Дарія Кодомана, свою свояченицу Драпатиду онъ выдалъ за Гефестіона; прочихъ царевенъ и знатныхъ дѣвицъ персидскихъ за именитыхъ вождей и хиліарховъ. По примѣру начальниковъ и простые воины женились на персіянкахъ, которымъ Александръ давалъ приданое. Брачные пиры вельможъ стоили ему до 15,000 талантовъ (24.275.000 р. с.), а сверхъ того, въ ихъ ознаменованіе онъ раздарилъ воинамъ до 10,000—(1.375,000 р. с.). По этой баснословной щедрости царя можно было заключить, что онъ, въ предчувствіи близкой смерти окончательно потерялъ разсудокъ, и оно дѣйствительно было такъ! Не боги Олимпа—порожденные воображеніемъ людей, но Богъ единый, создатель міра, предъ которымъ великій завоеватель былъ только чуть примѣтною, ничтожною порошинкою, въ его лицѣ каралъ гордыню человѣческую и кару свою началъ отнятіемъ разсудка у того:

„Кому въ державу тѣсны міры“!

Въ Экбатанѣ Александръ лишился своего безцѣннаго друга Гефестіона; сподвижникъ Александра во всѣхъ его побѣдахъ и неизмѣнный его собесѣдникъ умеръ за столомъ, самой позорной смертью—опился на пиру! Безутѣшный Александръ три дня не принимая никакой пищи оплакивалъ Гефестіона, казнилъ его врача Главкія, велѣлъ срыть градскія стѣны Экбатаны, разрушить тамошній храмъ Эскулапа и погасить всѣ огни на алтаряхъ; воины, въ знакъ траура, должны были остричь волосы себѣ, а гривы—лошадямъ... За смерть пьяницы поплатились и боги и люди и животныя! Но этого мало: Александру угодно было, въ память

Гефестіона, совершить кровавую тризну: напавъ на воинственныя племена Коссейцевъ великій завоеватель перерѣзалъ нѣсколько тысячъ человѣкъ захваченныхъ въ плѣнъ. Погребенію покойнаго царь назначилъ быть въ Вавилонѣ, гдѣ суждено было окончить свое земное поприще и самому Александру.

Погребеніе Гефестіона (т. е. сожженіе его трупа) совершилось съ истинно царскимъ великолѣпіемъ. Сложенный изъ кирпичей костеръ, пространствомъ въ одну квадратную стадію ($94\frac{1}{2}$ сажени) имѣлъ до 130 локтей (325 футовъ или 46 сажень и 3 фута) высоты и былъ раздѣленъ на шесть ярусовъ. Самый нижній былъ украшенъ золочеными изображеніями корабельныхъ носовъ и воиновъ съ драпировкою изъ алаго сукна. Второй ярусъ состоялъ изъ арокъ со стоявшими подъ ними фигурами боговъ, пальмовыхъ деревьевъ и факеловъ съ сидящими на нихъ орлами и драконами. Третій ярусъ—рядъ урнъ и изображеній звѣрей; четвертый—рядъ центавровъ; пятый—львы и быки; шестой—трофеи и статуи сиренъ, пустыя внутри для помѣщенія пѣвцовъ. Всѣ фигуры и украшенія были золоченыя; пурпуръ, пальмовыя и лавровыя вѣтви придавали всему этому зданію видъ необыкновенный. Погребая Гефестіона, какъ царя, Александръ, не задумался причислить его къ богамъ, въ чемъ ему никто не дерзнулъ противорѣчить. Аполлодоръ, правитель Вавилона, встревоженный извѣстіемъ о прибытіи Александра въ этотъ городъ, совѣщался со своимъ братомъ Пиѳагоромъ свѣдущимъ въ наукѣ волхованія. Этотъ гадатель по внутренностямъ жертвъ узналъ, что царю жить недолго. Тоже говорили и халдейскіе жрецы, вышедшіе на встрѣчу Александру и возвѣстившіе царю, что оракулъ Вела, спрошенный ими объ участи героя, предрекъ ему близкій конецъ въ стѣнахъ Вавилона. Смущенный Александръ хотѣлъ было отложить свое намѣреніе, но находившіеся при немъ философы-софисты убѣдили его не поддаваться суевѣрному ужасу и не вѣрить волхвамъ. Онъ вступилъ въ Вавилонъ, но во все время своего тамъ пребыванія находился въ грустномъ и тревожномъ расположеніи духа. Здѣсь онъ принялъ пословъ изъ разныхъ странъ и депутатовъ изъ областей греческихъ. Онъ милостиво бесѣдовалъ съ ними, вручилъ депутатамъ Эпидавра подарки въ храмъ Эскулапа, замѣтивъ при

этомъ, что онъ сердитъ на бога медицины за смерть Гефестіона. Коринѳскіе синедры объявили царю, что городъ призналъ Александра своимъ обладателемъ... царь усмѣхнулся, но когда ему объяснили, что подобную почесть ему оказываютъ второму, послѣ Геркулеса, онъ былъ очень доволенъ. Въ Аѳины царь послалъ манифестъ о прощеніи изгнанниковъ, приказавъ прочитать его на предстоящихъ олимпійскихъ играхъ. Послѣдніе мѣсяцы жизни царь провелъ въ заботахъ о благоустройствѣ городовъ царства ассиро-вавилонскаго: возобновлялъ храмы, приказалъ очищать каналы; обратилъ вниманіе на судоходство по Тигру и Евфрату; поручилъ Неарху совершить плаваніе по заливамъ Персидскому и Аравійскому. Въ минуты отдохновенія отъ царственныхъ трудовъ, Александръ бесѣдовалъ съ волхвами, колдунами и астрологами и бывалъ очень доволенъ, если они, хоть столько нибудь, разгоняли страхъ и предчувствія о близкой смерти, обуявшіе всемірнаго завоевателя. Какъ на зло, страшныя предзнаменованія тревожили и царя и народъ. На небѣ сіяла комета, какой-то сумашедшій вбѣжалъ во дворецъ, проникъ въ тронный чертогъ и надѣвъ на голову корону сѣлъ на царскій престолъ... Безумца схватили, допрашивали, что могло его побудить къ этой выходкѣ? онъ отвѣчалъ, что и самъ не понимаетъ, какъ это сдѣлалось; будто какая-то таинственная сила его побуждала. По совѣту волхвовъ, бѣдняка зарѣзали на алтарѣ Апотроней и Аверрунковъ (боговъ-защитниковъ отъ внезапныхъ бѣдствій). Черезъ нѣсколько времени послѣ того, плавая въ галерѣ по озеру близь Вавилона, Александръ уронилъ въ воду свой царскій вѣнецъ. Одинъ изъ гребцовъ нырнулъ за нимъ и чтобы удобнѣе доплыть до царской галеры надѣлъ себѣ вѣнецъ на голову... За это, вмѣсто награды, гребца казнили, ибо и въ этомъ событіи видѣли предзнаменованіе близкаго перемѣщенія короны съ больной головы на здоровую. Въ маѣ 324 года до Р. Х. царь, подобно Гефестіону опился на пиру, занемогъ горячкою и 28 числа того же мѣсяца скончался, завѣщая престолъ достойнѣйшему и предрекая страшныя междоусобія. Какъ бы для доказательства тлѣнности величія земнаго, тѣло великаго царя,—этого самозваннаго сына Юпитера Аммона, очень скоро разложилось и дальнѣйшая порча трупа была пріостановлена

стараніями египетскихъ бальзамирователей. Мумію Александра въ золотомъ гробу, въ великолѣпномъ храмѣ сооруженномъ на колосальной колесницѣ, повезли въ Мемфисъ, оттуда въ Александрію, гдѣ и похоронили въ 321 г. по Р. Х. По преданію, гробъ былъ украденъ однимъ изъ Птоломеевъ, а въ IV вѣкѣ по Р. Х. никто не могъ указать мѣста погребенія великаго завоевателя. Горесть приближенныхъ Александра не имѣла предѣловъ. Мать Дарія Кодомана царица Сизигамбида, обожавшая героя за его великодушіе, уморила себя голодомъ.

Затѣмъ, какъ и слѣдовало ожидать, монархія Александра великаго, умѣщавшая въ своихъ предѣлахъ царства трехъ странъ свѣта, сдѣлалась театромъ кровавыхъ междоусобій: Пердики, Антигона, Птоломея и Касандра. Царское семейство было истреблено; послѣ убіенія Пердики европейскія владѣнія достались Касандру, азіатскія—Антигону, африканскія Птоломею. Въ 301 г. по Р. Х. Антигонъ палъ въ битвѣ при Ипсѣ и затѣмъ послѣдовало вторичное раздробленіе македонской монархіи. О царствахъ, возникшихъ изъ его развалинъ въ Азіи и въ Африкѣ, мы уже говорили (См. Томы III и IV) и потому закончимъ нашъ историческій обзоръ немногословнымъ очеркомъ событій въ европейскихъ владѣніяхъ царей-македонскихъ.

При Антигонѣ Гонатѣ (227—221 г. до Р. Х.) произошло отложеніе отъ Македоніи греческихъ областей, вступившихъ между собою въ тѣсные союзы: Этольскій и Ахайскій, подъ покровительствомъ могучей республики римской. Побѣды послѣдней: надъ Филиппомъ II при Кинокефалахъ (179 г. до Р. Х.) и надъ Персеемъ — при Пиндѣ (168 г. до Р. Х.) рѣшили судьбу Греціи и Македоніи: та и другая были превращены въ римскую провинцію подъ именемъ Ахаіи. Двадцать два года Ахаія провела въ той мучительной агоніи, которая предшествуетъ окончанію политическаго бытія государствъ. Окованная римскими цѣпями, истощенная, парализованная — Ахаія сдѣлала послѣднее усиліе освободиться изъ подъ тяжкаго ига и погибла окончательно. Въ 146 г. до Р. Х. римскій консулъ Муммій овладѣлъ Коринѳомъ, выжегъ его до тла и подъ его пепломъ была похоронена свобода древней Греціи.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Философы Греціи.—Анаксагоръ.—Его взглядъ на естественныя явленія.—Изгнанье.—Смерть.—Ученіе объ атомахъ.—Нусъ.—Открытіе астрономическія.—Ошибки.—Архелай.—Гераклитъ.—Разсужденіе о природѣ.—Прозвище туманнаго.—Сущность его ученія.—Парменидъ.—Матеріализмъ.—Зенонъ.—Его таланты.—Силлогизмъ, парадоксъ, софизмъ.—Отрицаніе движенія.—Нигилизмъ Зенона.—Левкиппъ.—Анахронизмы.—Ученіе Левкиппа.—Демокритъ.—Его образованіе.—Книга о великомъ мірѣ.—Глубокія познанія.—Дружба съ Гиппократомъ.—Продленіе жизни.—Послѣдователи ученія Демокрита.—Эмпедоклъ.—Исцѣленіе Панѳіи.—Эмпедоклъ и Этна.—Книга о природѣ.—Стихіи.—Мірозданіе.—Душа.—Сущность ученія.—Софисты.—Религія и наука.—Вредъ отъ школы софистовъ.—Безбожіе.—Протагоръ.—Его безвѣріе.—Изгнаніе и смерть.—Отзывъ о Протагорѣ св. Климента Александрійскаго.

Окончивъ обзоръ политическихъ событій въ древней Греціи, мы возвращаемся къ біографическимъ очеркамъ завоевателей въ областяхъ науки, борцевъ за истинну, складывавшихъ иногда и головы въ борьбѣ съ невѣжествомъ и суевѣріемъ. При всемъ нашемъ желаніи придерживаться строгаго, хронологическаго порядка мы принуждены отчасти отступить отъ него въ тѣхъ случаяхъ, когда, говоря о какой нибудь философской школѣ, группируемъ ихъ основателей и послѣдователей, т. е. учителей и учениковъ. Начнемъ съ послѣдователей школы іонической.

Анаксагоръ, сынъ знатнаго и богатаго гражданина города Клазомена, родился въ 1 годъ LXX олимпіады (500 л. до Р. Х.) и по достиженіи двадцатилѣтняго возраста посвятилъ себя изученію философіи у Анаксимандра. По обыкновенію ученыхъ мужей того времени, путешествовалъ по чужимъ странамъ для дальнѣйшаго образованія; былъ въ Египтѣ и возвратился на родину послѣ

двадцати лѣтъ странствованій. Вскорѣ онъ пріобрѣлъ извѣстность какъ математикъ, естествоиспытатель и философъ и эта извѣстность, распространяясь по Греціи, достигла Аѳинъ. Прибывъ въ этотъ городъ Анаксагоръ былъ радушно принятъ Перикломъ, съ которымъ онъ вскорѣ подружился и, благодаря содѣйствію котораго, получилъ важную должность въ республикѣ. Въ числѣ многихъ учениковъ Анаксагора особенно прославились трагическій поэтъ Эврипидъ и философъ Архелай милетскій. Бесѣдуя со своими слушателями о естествознаніи Анаксагоръ доказывалъ имъ, что всѣ феномены астрономическіе, метеорологическіе и геологическіе не имѣютъ ни малѣйшей связи съ богами. Онъ говорилъ, что появленіе кометъ, громы, землетрясенія суть послѣдствіе причинъ физическихъ, но отнюдь не служатъ богамъ для выраженія ихъ гнѣва какъ о томъ думаютъ невѣжды и суевѣры: боги не гнѣваются, благоволенія своего смертнымъ не выражаютъ, ибо никакихъ боговъ нѣтъ, а есть только единая причина всѣхъ причинъ и начало всѣхъ началъ... Само собою разумѣется, что Анаксагоръ, подобными рѣчами, не замедлилъ навлечь на себя обвиненіе въ безбожіи и ненависть суевѣровъ. Благодаря заступничеству Перикла онъ неоднократно избѣгалъ суда, но послѣ Пелопонезской войны, по доносамъ Клеона, былъ призванъ къ отвѣту. О рѣшеніи участи философа существуетъ три мнѣнія, одно изъ которыхъ, непремѣнно, должно быть справедливо. Одни историки говорятъ, что Анаксагоръ былъ оправданъ; другіе—будто онъ былъ казненъ; по мнѣнію третьихъ, онъ бѣжалъ изъ Аѳинъ или подвергался изгнанію. Послѣднее мнѣніе едва-ли не самое справедливое. Изгнанный въ Лампсаку, философъ умеръ въ этомъ городѣ на 72 году отъ рожденія (въ 428 г. до Р. Х.). Когда онъ лежалъ на смертномъ одрѣ, находившійся при немъ Архелай спросилъ Анаксагора: не желаетъ ли онъ, чтобы тѣло его послѣ смерти отвезено было для погребенія въ Клазомены? „Къ чему"? отвѣчалъ философъ—„дорога въ адъ повсюду одна и та же!"

Сущность ученія Анаксагора слѣдующая:

— Изъ ничего не можетъ быть ничего и всему видимому въ природѣ непремѣнно должна быть причина. Начало всему—атомы (гомеомеріи) однородные съ тѣлами, которыя изъ нихъ обра-

зуются. Движеніе атомамъ дано верховнымъ разумомъ или духомъ, имя которому—Нусъ. Изъ атомовъ образовалась вся вселенная: атомы чистѣйшіе и легчайшіе, вознесясь вверхъ, слились въ эѳиръ и огонь; болѣе плотные и землянистые атомы, осѣвъ книзу, образовали землю. Составъ тѣла звѣздъ тотъ же самый что и составъ земли. Солнце—масса раскаленыхъ камней; объемъ его гораздо болѣе Пелопонеза. Млечный путь и радуга—отраженія солнечныхъ лучей. Луна, планета сама по себѣ тусклая, свѣтъ свой заимствуетъ отъ солнца; она, подобно нашей землѣ — обитаема. Кометы—ничто иное какъ блуждающія звѣзды. Разсматривая ученіе Анаксагора съ точки зрѣнія современной науки, самъ читатель можетъ судить въ чемъ былъ правъ древній философъ и въ чемъ нѣтъ; но къ числу его заблужденій не можемъ не причислить страннаго и нелѣпаго вывода, основаннаго Анаксагоромъ на такъ называемомъ сродствѣ атомовъ. Вода, говорилъ онъ, кажется намъ черною: снѣгъ происходитъ отъ воды, слѣдовательно онъ черенъ, хотя и кажется намъ бѣлымъ.

Архелай милетскій, ученикъ, другъ и спутникъ Анаксогора въ его изгнаніи, усвоивъ его ученіе о природѣ, сдѣлалъ въ немъ нѣкоторыя измѣненія. Началомъ всему онъ признавалъ: воздухъ и вмѣстилище его—безконечность. Воздухъ имѣетъ способность сгущаться и разжижаться, и вслѣдствіе этой его способности изъ воздуха образовались огонь и вода. Изъ воды образовался илъ; изъ илу произошли всѣ животныя и люди. Въ началѣ своего бытія вся земля была плоскимъ болотомъ, которое постепенно вспучивалось, твердѣло и высыхало отъ солнечныхъ лучей. Солнце величайшее изъ всѣхъ небесныхъ свѣтилъ.—Въ природѣ нѣтъ ни правды, ни лжи: та и другая порождены законами людскими. Послѣднее умозаключеніе Архелая можетъ служить образчикомъ такъ называемыхъ софизмовъ, о которыхъ ниже мы поговоримъ подробнѣе.

Гераклитъ эфезскій [1]) родился, по всей вѣроятности, въ

---

[1]) Съ именемъ каждаго философа древніе всегда соединяли прозвище по мѣсту его рожденія. Прозвища эти то же что фамиліи у современныхъ европейскихъ народовъ.

536 г. до Р. X. и принадлежалъ къ знатному, богатому семейству, но уступивъ брату своему всѣ родовыя права посвятилъ себя наукамъ. Съ юныхъ лѣтъ угрюмый, не общительный, со враждебнымъ взглядомъ на жизнь и на людей, Гераклитъ донынѣ пользуется въ потомствѣ репутаціею какого-то плаксы, въ параллель смѣющемуся Демокриту, что (надобно замѣтить) вовсе не основательно: одинъ вовсе не плакалъ, а другой не проводилъ жизни своей смѣючись. Вѣрнѣе сказать, что Гераклитъ смотрѣлъ на жизнь враждебно, а Демокритъ—примирительно; первый былъ пессимистъ, второй оптимистъ; первый жилъ сердцемъ, второй—разсудкомъ. Въ юности Гераклитъ горячо привязался къ ученію Пиѳагора, потомъ, по мѣрѣ своего разочарованія въ жизни и въ людяхъ, онъ увлекся идеями элеатиковъ школы Ксенофана. Такимъ образомъ доктрина Гераклита сложилась изъ двухъ почти противуположныхъ ученій. Какъ-бы то ни было, но въ 496 г. до Р. X. (LXIX олимпіада) слава Гераклита гремѣла не только въ малоазіатскихъ греческихъ колоніяхъ и въ Греціи, но проникла даже въ Персію. Дарій Гистаспъ приглашалъ философа ко двору, но Гераклитъ уклонился отъ этой чести. Обвиняемый согражданами въ безбожіи онъ удалился въ горы и здѣсь, въ уединеніи, поддерживалъ свое существованіе, питаясь вареными травами и кореньями. Вслѣдствіе образа жизни, суроваго и черезъ чуръ воздержнаго, у Гераклита открылась водянка. Не обращая вниманія на законъ, воспрещавшій ему жить въ Эфезѣ, философъ возвратился въ городъ и созвавъ врачей, намекая на свой недугъ, спросилъ ихъ: могутъ ли они сырую и дождливую погоду превратить въ ясную? Получивъ, разумѣется, отрицательный отвѣтъ, Гераклитъ удалился и въ жесточайшихъ страданіяхъ умеръ на грудахъ навозу; по другимъ сказаніямъ онъ былъ заѣденъ собаками (477 г. до Р. X.). Изъ его учениковъ славнѣйшимъ былъ отецъ медицины—безсмертный Гиппократъ.

Плодомъ многолѣтнихъ трудовъ Гераклита было написанное имъ Разсужденіе о природѣ, въ которомъ философъ изложилъ свои возрѣнія на физику, на политику и на богословіе. Писалъ онъ также темно и непонятно какъ говорилъ. За его страсть говорить намеками, загадками и полу-словами Гераклиту

дано было прозвище туманнаго (скотинось). Сократъ прочитавъ книгу Гераклита сказалъ о ней: „что я въ ней понялъ, то все хорошо, но понял. я очень немногое; остальное темно и загадочно“. Ученіе Гераклита въ немногихъ словахъ слѣдующее:

— Единое начало всему—огонь, чистѣйшій, неугасимый, вѣчно движущійся. Отъ него произошли всѣ стихіи, или, вѣрнѣе сказать, начинаясь отъ огня, одна стихія порождена была другою. Изъ огня образовался воздухъ; изъ воздуха образовалась вода; изъ воды—земля. Покоя и неподвижности — нѣтъ въ природѣ: вся она—вѣчное движеніе, происходящее отъ сгущенія и разжиженія, соединенія и разъединенія. Душа человѣческая—паръ происходящій отъ души вселенной, т. е. отъ огня. Притяженіе и оттолкновеніе—причины происхожденія всѣхъ тѣлъ. Гдѣ движеніе тамъ и вещество; гдѣ вещество—тамъ и движеніе. Жизнь—безконечная, непрерывная цѣпь, состоящая изъ видоизмѣненій; самая смерть есть только преобразованіе тѣла, а въ разрушеніи—начатки новыхъ тѣлъ (въ смыслѣ матеріальномъ). Весь міръ и вселенную можно уподобить вѣчно катящемуся потоку, состоящему изъ безчисленнаго множества капель: одна поглощается другою, одна дробится на тысячи, но потокъ все кажется неизмѣннымъ. Признавая огонь верховнымъ началомъ всему, признавая въ немъ свойства неугасимости, чистоты и неистощимаго творчества нельзя не признать огонь за божество. Разумъ есть чистѣйшее его испареніе, распространенное повсюду и нами вдыхаемое. Проявленіе дѣятельности разума — память; упадокъ этой дѣятельности — забвеніе.

Этотъ взглядъ на Бога и на мірозданіе, весьма естественно привелъ Гераклита къ самымъ безотраднымъ выводамъ.—Что такое человѣкъ? говорилъ философъ. Знаніе, которымъ онъ хвалится ничто иное какъ невѣжество; величіе его — низость; сила—хворость, радость — горе. Полезно только познаніе себя самого и, такъ называемая добродѣтель—ничто другое какъ умѣренность, умѣнье—воздерживаться ото всего.

Въ этомъ ученіи уже замѣтенъ былъ ядъ софизма, но еще того рѣзче, онъ, обнаружился въ ученіи Парменида, послѣдователя первой элеатической школы.

Парменидъ—элеецъ родился около 504 г. до Р. Х. былъ

ученикомъ Ксенофана и Анаксимандра. Его же учениками были Мелисъ, Зенонъ и Анаксименъ. Къ обширнымъ познаніямъ въ астрономіи Парменидъ присоединялъ завидный даръ слова и умѣнье принаравливаться къ понятіямъ слушателей, т. е. быть безбожникомъ съ людьми развитыми, ханжею и суевѣромъ съ невѣждами [1]). Онъ подтвердилъ открытіе Пиѳагора, что денница и вечерняя звѣзда одна и та же планета Венера; землю называлъ шаромъ, висящимъ посрединѣ вселенной, который не падаетъ въ пространство вслѣдствіе равномѣрнаго и всесторонняго давленія воздуха. Земную сферу онъ дѣлилъ на поясы, изъ которыхъ, по его словамъ, людьми заселены только два средніе; крайніе же необитаемы. Причинами всего созданнаго онъ признавалъ два начала: воду и огонь. Грубый матеріализмъ, на которомъ основано было ученіе Парменида, нашелъ достойнаго поборника въ лицѣ его ученика Зенона, котораго не должно смѣшивать съ одноименнымъ ему основателемъ школы стоической.

Зенонъ, подобно Пармениду, уроженецъ Элеи, былъ основателемъ второй элеатической школы. Этотъ философъ, по всей справедливости можетъ быть причисленъ къ разряду тѣхъ мудрствователей, о которыхъ говоритъ пословица, что у нихъ „умъ за разумъ заходитъ.“ Безбожникъ (даже и не въ языческомъ смыслѣ этого слова) Зенонъ почитается изобрѣтателемъ діалектики или искуства основательно разсуждать и вести диспуты, хотя по примѣрамъ, приведеннымъ его біографами, въ немъ незамѣтно ни того ни другаго. „Онъ умѣлъ“, говорятъ они— „ставить противника въ тупикъ и заставлять его умолкать передъ собою...“ Если въ этомъ заслуга Зенона, то еще вопросъ: заслуживаетъ ли это искуство названія діалектики? Дуракъ можетъ заставить замолчать передъ собою умнаго человѣка если съ запасомъ заносчивости, свойственной дуракамъ вообще, обладаетъ способностью забрасывать словами, но способность эта еще не даетъ

---

1) Разъ навсегда дѣлаемъ оговорку, что въ мірѣ языческомъ безбожниками называли враговъ многобожія, не вѣровавшихъ въ олимпійскихъ боговъ, называвшихъ ихъ только силами природы и признававшихъ единаго Бога.

ему права называться человѣкомъ умнымъ. Зенонъ былъ уменъ, безспорно; но онъ умѣлъ превосходно говорить глупости. Въ его устахъ силлогизмы, парадоксы и софизмы были орудіями неотразимыми; но вооруженный ими Зенонъ былъ похожъ на бойца, вооруженнаго топоромъ и дерущагося съ противникомъ, у котораго вмѣсто топора — иголка. Намъ извѣстно изъ риторики, что силлогизмы бываютъ и рогатые [1]); парадоксъ — ложь, безстыдную свою наготу выдающая за правду, а софизмъ — фальшивая монета. Таковъ былъ риторическій арсеналъ Зенона.

Уступая просьбамъ элеянъ онъ написалъ имъ законы, которые долгое время пользовались силою; посѣтивъ Аѳины, гдѣ сблизился съ Перикломъ, Зенонъ первый изъ ученыхъ преподаваніе наукъ превратилъ въ ремесло, собирая съ учениковъ посильныя благостыни. По возвращеніи на родину онъ погибъ насильственной смертію по повелѣнію какого-то тирана, забитый батогами или запытанный. Какъ бы не было отдалено отъ насъ время гибели мученика за правду мы не можемъ безъ жалости отозваться о немъ, но этого нельзя сказать о Зенонѣ, не заслуживающемъ ни малѣйшей признательности потомства. Ученіе его, проникнутое духомъ крайняго отрицанія, было противно не только религіи, но и доктринамъ всѣхъ прочихъ философскихъ сектъ. Подобно всѣмъ людямъ, увлекающимся нелѣпою идеею, Зенонъ былъ деспотомъ въ отношеніи мнѣній чужихъ, съ его мнѣніями несогласныхъ. Онъ утверждалъ, во первыхъ, что движенія нѣтъ въ природѣ, по его мнѣнію единство и недвижность одно безъ другаго существовать не могутъ. Во вторыхъ, онъ увѣрялъ, что такъ называемаго духа или силы тоже нѣтъ въ природѣ, а есть только вещество или матерія. Душа, ничто иное какъ гармоническое сочетаніе всѣхъ тѣлесныхъ элементовъ. Аристотель приводитъ нѣкоторые доводы или аргументы Зенона въ подтвержденіе его теоріи о недвижности.

---

[1]) Силлогизмъ—разсужденіе состоящее изъ трехъ предложеній: большаго, малаго и вывода. Напр. добродѣтель дѣлаетъ счастливыми; мы хотимъ быть счастливы—слѣдовательно должны быть добродѣтельны. Прозвище рогатаго силлогизма дано всякому нелѣпому выводу въ родѣ слѣдующаго: Что ты не терялъ, то у тебя есть: ты не терялъ роговъ, слѣдовательно они у тебя есть.

Стрѣла пущенная изъ лука только перемѣняетъ мѣсто, но сама по себѣ она недвижна. Герой Иліады Ахиллъ, прозванный быстроногимъ, не могъ бы обогнать черепаху, ползущую отъ него въ двадцати шагахъ и т. д. Въ наше время, когда науки и первая изъ нихъ — математика доказала какъ 2×2=4 всю несостоятельность завиральныхъ идей Зенона, смѣшно было-бы ихъ и опровергать, но мы не можемъ не замѣтить, что еще древніе біографы и старинные коментаторы называли отрицаніе, на которомъ основано ученіе Зенона—нигилизмомъ... Наши современники, воображающіе, будто они изобрѣли нѣчто новое, жестоко ошибаются: ничто не ново подъ луною и то знамя, подъ которымъ они нынѣ копошатся, ничто иное какъ старая тряпка, обрывокъ той хламиды, въ которой щеголялъ философъ Зенонъ 2300 лѣтъ тому назадъ. Въ одномъ только современные нигилисты не сходятся съ древнимъ философомъ: они не отрицаютъ движенія, что̀ и доказываютъ собственнымъ существованіемъ, состоящимъ изъ праздношатанія изъ угла въ уголъ, или, изъ безполезнаго толченія воды. Въ мірѣ духовномъ, точно такъ же, какъ и въ физическомъ есть свои недуги и иногда случаются и тѣ же моровыя повѣтрія... Придетъ время и правнуки наши будутъ смѣяться надъ нигилизмомъ XIX вѣка, точно такъ же какъ смѣялись правнуки Зенона надъ нигилизмомъ V вѣка до Р. Х.

Ученикъ Зенона Левкиппъ родился въ Абдерахъ около 370 г. до Р. Х. Такъ показываютъ годъ его рожденія біографы, но лживость этой цифры не можетъ подлежать и сомнѣнію. Демокритъ, котораго тѣ же біографы называютъ ученикомъ Левкиппа, родился въ 3-й годъ LXXVII олимпіады, т. е. въ 470 г. до Р. Х. ровно черезъ сто лѣтъ послѣ Левкиппа. Чтобы приблизиться къ истиннѣ намъ, по неволѣ, приходится пускаться въ предположенія. Если Левкиппъ преподавалъ философію, имѣя отъ роду тридцать лѣтъ, а Демокритъ слушалъ его лекцій, имѣя лѣтъ двадцать пять отъ роду, мы можемъ допустить, что Левкиппъ родился въ 475 г. до Р. Х., но не ручаемся за вѣрность, а допускаемъ только вѣроятность. Ученіе его о мірозданіи, подобно ученію Анаксагора, было основано на сцѣпленіи и разъединеніи атомовъ. Міръ, по его словамъ, безконеченъ, но вѣчно видоизмѣняется: одно тѣло

разрушаясь превращается въ другое, или въ тысячи другихъ тѣлъ и, обратно: изъ тысячи однородныхъ тѣлъ образуется единое. Солнце вращается вокругъ луны; земля вокругъ солнца. Но о законахъ, на основаніи которыхъ совершается сцѣпленіе и разъединеніе атомовъ, ни о Томъ, рукою котораго законы эти начертаны и въ безконечномъ пространствѣ вмѣщающемъ въ себѣ міры и въ нѣдрахъ земли и на ея поверхности—Левкиппъ не говорилъ ни слова. Отрицая легіоны боговъ языческихъ онъ не въ силахъ былъ сознать бытія единаго Бога. Разрушая вѣрованія былыхъ временъ, Левкиппъ не съумѣлъ замѣнить ихъ новыми, очищенными отъ нелѣпыхъ предразсудковъ. Природа въ его глазахъ была анатомируемымъ трупомъ: онъ весьма дѣльно говорилъ о матеріальномъ строеніи міра, но умалчивалъ о его Душѣ.

Городъ Абдеры находился на берегу Эгейскаго моря во Ѳракіи и въ глубочайшей древности пріобрѣлъ печальную извѣстность за тупоуміе своихъ жителей. Левкиппъ и Демокритъ доказали справедливость пословицы: въ семьѣ не безъ урода. **Демокритъ** сынъ знатнаго и богатаго абдеритянина (Гелестрата, Аденократа или Дамазиса), родился какъ мы уже говорили въ третій годъ LXXVII олимпіады (470 г. до Р. X.). Ксерксъ, царь персидскій, особенно благоволившій отцу Демокрита, поручилъ воспитаніе мальчика халдейскимъ магамъ и жрецамъ Египта. Между первыми находился и знаменитый магъ **Останесъ**, славившійся глубокими своими познаніями въ астрологіи, магіи и алхиміи. Для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ, Демокритъ, уступилъ братьямъ все отцовское наслѣдство, взялъ на свою долю только наличныя деньги и отправился въ Египетъ. Чтобы удостоиться посвященію въ таинства храма мемфисскаго, Демокритъ перешелъ въ законъ страны фараоновъ и подвергся обрѣзанію. Въ Египтѣ онъ основательно изучилъ геометрію, алхимію, ботанику и медицину. Затѣмъ посѣтилъ Халдею, Индію гдѣ бесѣдовалъ съ гимнософистами и браминами. На всѣ эти путешествія Демокритъ истратилъ всю свою долю отцовскаго наслѣдства и возвратился на родину богатый только своими познаніями. Младшій его братъ **Даматій** далъ ему средства побывать въ Аѳинахъ и здѣсь онъ познакомился съ Сократомъ и другими философами. По вторич-

номъ возвращеніи въ Абдеры, Демокритъ не желая обременять брата читалъ публично отрывки изъ своего сочиненія о великомъ мірѣ (макрокозмѣ). За эти чтенія абдеритяне наградили философа 500 талантовъ (687,500 руб. сер.), воздвигли въ его честь статуи и объявили, что въ случаѣ его смерти обязуются похоронить его на общественный счетъ. Это послѣднее обязательство было слѣдствіемъ статьи закона, по которой, человѣкъ расточившій свое имущество, лишался погребенія. Кромѣ того, Демокриту предлагали занять важную должность при градскомъ правленіи, но онъ уклоняясь отъ этой чести удалился въ уединеніе и здѣсь занялся страстно имъ любимыми естественными науками: собиралъ травы, анатомировалъ птицъ и животныхъ, занимался опытами герметической философіи или алхиміи, которой его научили египетскіе жрецы. По словамъ Сенеки [1]) Демокритъ умѣлъ плавить голыши, дѣлать изъ нихъ изумруды, окрашивать камни во всѣ возможные цвѣта и размягчать слоновую кость. Уединенный образъ жизни Демокрита, его насмѣшливое обхожденіе съ докучливыми посѣтителями, нѣкоторыя причуды въ характерѣ—привели абдеритянъ къ тому убѣжденію, что философъ помѣшался. Радѣя о его здоровьи они пригласили къ нему Гиппократа и „божественный косскій старецъ“ посѣтилъ Демокрита. Знаменитый врачъ, послѣ непродолжительной бесѣды съ мнимымъ больнымъ, убѣдился, что онъ не только въ своемъ умѣ, но что умъ этотъ едва-ли имѣетъ себѣ подобнаго по обширности и обработкѣ. Философъ и врачъ подружились и Демокритъ бывалъ у Гиппократа на островѣ Косѣ. Древніе писатели, въ доказательство глубокихъ познаній философа, приводятъ два примѣра: Однажды, когда Гиппократъ подчивалъ его козлинымъ молокомъ, Демокритъ по цвѣту и вкусу безошибочно опредѣлилъ масть шерсти и возрастъ козы. Въ другой разъ, когда къ Гиппократу пришла молодая посѣтительница, Демокритъ привѣтствуя ее, назвалъ дѣвою, а на слѣдующій день—женщиною, угадавъ, по цвѣту лица совершившуюся съ нею перемѣну. Достигнувъ маститой старости, Демокритъ, до того времени не знавшій болѣзней, объявилъ своей сестрѣ, что конецъ

[1]) Seneca, liber XIV, epist. 91.

его приближается. Жалѣя о братѣ, она, въ тоже время сокрушалась о томъ, что онъ умретъ во время праздниковъ Цереры и тѣмъ лишитъ ее (т. е. сестру) возможности принять въ нихъ участіе. Чтобы утѣшить ее, Демокритъ продлилъ свою жизнь на всѣ дни праздниковъ, вдыхая паръ отъ хлѣбовъ, вынутыхъ изъ печки. Онъ умеръ 109 лѣтъ отъ роду въ 361 г. до Р. Х.

Чтобы не повторять однажды сказаннаго объ ученіи атомовъ, которое распространяли до Демокрита Анаксагоръ и Левкиппъ, мы замѣтимъ, что Демокритъ былъ ревностнымъ его послѣдователемъ а новѣйшіе ученые, проповѣдывавшіе теорію атомическую, Декартъ, Спиноза и Мальбраншъ [1]), не прибавили къ ней ничего новаго, а только стряхнули съ нея прахъ вѣковъ, подъ которымъ она покоилась. Теорія Гераклита о происхожденіи міровъ изъ стихій и схожая съ нею теорія Эмпедокла, о которой мы поговоримъ теперь, были гораздо ближе къ истиннѣ.

Эмпедоклъ, прославившійся въ одинаковой степени, какъ врачъ и какъ философъ, былъ современникомъ Демокрита и годами тремя его старѣе. Онъ родился на островѣ Сициліи, въ Агригентѣ въ 473 г. до Р. Х. и съ юныхъ лѣтъ изучалъ природу, слѣдуя доктринѣ пиѳагорцевъ. Обширная медицинская практика доставляла ему и лавры и золото. Панѳея, знатная жительница Аграгента, опасно заболѣвъ нервными припадками, впала въ летаргію, отъ которой ее не могъ пробудить ни одинъ изъ приглашенныхъ врачей, Эмпедоклъ излечилъ ее, возвративъ обмершую къ жизни послѣ тридцатидневнаго усыпленія. Этотъ удивительный случай много способствовалъ громкой извѣстности Эмпедокла, который и самъ удивляясь себѣ провозгласилъ себя богомъ и едва ли не помѣшался на этой мысли. Онъ началъ появляться въ общество сопровождаемый цѣлой свитой рабовъ; одѣвался въ пурпуръ и носилъ на головѣ золотую царскую повязку. Жители Агригента предлагали ему быть верховнымъ правителемъ республики, но Эмпедоклъ, врагъ тиранніи, не только отказался отъ

---

[1]) Ренатъ Картезій или Декартъ родился въ 1596, умеръ въ 1650 году; Спиноза родился 1632, умеръ 1677 г, Мальбраншъ родился въ 1638, умеръ въ 1715 году.

этой чести, но еще способствовалъ преобразованію правленія изъ аристократическаго въ демократическое, освободивъ народъ изъ подъ ига сената, состоявшаго изъ тысячи членовъ. Онъ жилъ безвыѣздно въ Агригентѣ, до взятія города карѳагенянами въ 403 г. до Р. Х. Тогда онъ переселился въ Пелопонезъ, гдѣ и умеръ въ преклонной старости. О смерти Эмпедокла сохранилось преданіе, будто онъ, желая узнать внутреннее строеніе огнедышущей Этны, бросился въ жерло волкана и погибъ жертвою своей любознательности. Эта сказка замѣчательна по своему нравоученію, не безполезному людямъ ученымъ. Разуму человѣческому при всей его обширности положенъ предѣлъ разумомъ всевышнимъ. Пытаться переступить этотъ рубежъ, не одно ли и тоже, что бросаться въ жерло огнедышащей горы, или погружаться въ бездонныя пропасти океана? Въ нравственномъ смыслѣ, Эмпедоклъ, воображавшій себя богомъ—развѣ не бросился въ волканъ испепелившій его разсудокъ?

Въ сочиненіи своемъ о природѣ или о причинахъ вещей, Эмпедоклъ изложилъ свои возрѣнія на мірозданіе. Началами всего существующаго въ природѣ онъ полагалъ стихіи: огонь, землю, воздухъ и воду. Отъ ихъ сочетанія происходитъ все. Эта теорія, по толкованіямъ Эмпедокла, была извѣстна въ глубочайшей древности и миѳологія олицетворила стихіи назвавъ, огонь Юпитеромъ, землю Юноною, воздухъ Плутономъ, воду Нестидою (?). Огонь (т. е. теплота и жаръ солнечный), распространяясь по поверхности земли при содѣйствіи влаги, производитъ растенія. Отъ влаги согрѣтой огнемъ происходятъ зародыши всѣхъ живыхъ существъ; все же, что живо, родится отъ яйца: въ растеніяхъ оно называется сѣменемъ или зерномъ, въ рыбахъ икрою, въ живыхъ существахъ плодотворною влагою или спермою. Безъ теплоты нѣтъ разложенія; безъ разложенія не можетъ быть и зарожденія. Такимъ образомъ при сочетаніи живыхъ существъ ими руководитъ чувство дружбы; при ихъ разъединеніи чувство ненависти. Эти двѣ могучія силы главные дѣятели во всѣхъ процессахъ размноженія живыхъ существъ. Жизнь непрерывное, безконечное переселеніе души изъ одного тѣла въ другое или во многія другія тѣла. Сѣмя, разлагаясь въ нѣдрахъ

земли, даетъ ростокъ; изъ ростка образуются корень и стебель, затѣмъ появляется цвѣтъ, плодъ и сѣмя для новыхъ, дальнѣйшихъ посѣвовъ. У животныхъ, точно также зародышь развивается въ утробѣ самки, формируется, является на свѣтъ, растетъ, пріобрѣтаетъ способность размножать существа себѣ подобныя, затѣмъ — умираетъ. Но то что мы называемъ смертію, есть въ сущности только переходъ души изъ одного тѣла въ другое, или во многія другія и разобщеніе души съ тѣломъ еще не окончаніе бытія и ошибочно называть разрушеніе концомъ, ибо конечнаго разрушенія нѣтъ въ природѣ: отъ разложенія большихъ тѣлъ родятся малыя; отъ соединенія малыхъ возникаютъ большія. Таковъ круговоротъ міровоззданія.

При всей матеріальности возрѣній Эмпедокла, въ нихъ здраваго смысла, конечно, въ тысячу разъ болѣе нежели въ діалектикѣ Зенона и во всѣхъ его риторическихъ фейерверкахъ.

Теперь мы перейдемъ къ біографическимъ очеркамъ послѣдователей школы софистической.

Софистами, въ древней Греціи, называли преподавателей философіи и естественныхъ наукъ, обучавшихъ юношей за соразмѣрное ихъ состоянію или за условленное вознагражденіе. Этимологію слова „софистъ" объясняютъ двояко: одни производятъ его отъ слова софія, т. е. мудрость и называютъ софистовъ мудрствователями; другіе отъ глагола софизо (плутую, мошенничаю). Софизмъ умозаключеніе ложное, но имѣющее всѣ признаки умозаключенія правдиваго и вѣрнаго. „Парадоксъ", какъ сказалъ одинъ французскій ученый, „затемняетъ истину, чтобы придать болѣе блеску лжи", но софизмъ отуманиваетъ и самый разумъ, опутывая его ложными и вредными убѣжденіями. Парадоксъ можно себѣ олицетворить въ видѣ лгуна, но софизмъ демонъ искуситель. Онъ, срывая запрещенный плодъ съ древа познанія добра и зла, обольщаетъ имъ разумъ человѣческій, алчущій познаній, и ведетъ его къ изгнанію изъ рая, т. е. отвлекаетъ его отъ богопознанія. Библейское сказаніе о древѣ жизни и о древѣ познанія добра и зла имѣетъ глубокое символическое значеніе, изображая въ первомъ религію, во второмъ науку. Спѣшимъ оговориться, чтобы отклонить отъ себя упрекъ въ обскурантизмѣ. Одна и

та же наука можетъ быть добромъ и зломъ, судя по выводамъ, которые изъ нея дѣлаютъ. Можно ли отрицать пользу естествознанія, а между тѣмъ какъ разнорѣчивы умозаключенія изъ однихъ и тѣхъ же наблюденій и опытовъ! Почему одинъ ученый, посвятившій себя естественнымъ наукамъ, смиренно преклоняется предъ величіемъ Творца; почему другой, кичась своимъ умомъ, отрицаетъ бытіе источника самаго бытія? Видимъ же мы, что въ глубочайшей древности, между философами-язычниками, были ученые мужи, путемъ науки приходившіе къ убѣжденію, что̀ есть Богъ единый; что Онъ непремѣнно долженъ быть. Язычники называли ихъ безбожниками за отрицаніе ими бытія легіона боговъ олимпійскихъ. Софисты пошли далѣе и отрицали самое бытіе единаго Бога. Вопросъ о монотеизмѣ, атеизмѣ и политеизмѣ могъ быть предметомъ ученыхъ распрей древняго міра языческаго; еще ли его въ наше время считать нерѣшеннымъ?

Школа софистовъ образовывалась постепенно, и въ исторіи философіи нельзя найти имени ея основателя. Каждый послѣдователь этого вреднаго ученія вкладывалъ по камню въ его основаніе и этотъ вавилонскій столпъ слагался вѣками и рухнулъ подобно библейскому, но обломки его попали во всѣ области наукъ и во многихъ изъ нихъ замѣтны и понынѣ. Софисты древнихъ Аѳинъ были виновниками дикихъ, репресивныхъ мѣръ тамошнихъ архонтовъ, воспретившихъ, наконецъ, преподаваніе естественныхъ наукъ юношамъ, признавая его вреднымъ и безбожнымъ. Неправы были архонты преслѣдуя науку, но они должны были изъ чистыхъ ея храмовъ изгнать торгашей, систематически развращавшихъ юношество и подъ личиною учителей, проповѣдывавшихъ совершенное безбожіе. Не умѣя отдѣлить чистаго отъ грязнаго, язычники и изувѣры архонты почти въ одно и то же время заставили выпить цикуту-софиста Продику и заклятаго врага софистовъ—великаго Сократа. Издѣваясь надъ первымъ въ своей комедіи: „Птицы“ Аристофанъ издѣвался и надъ вторымъ, въ другой комедіи: „Облака“.

Первымъ извѣстнымъ софистомъ былъ Протагоръ абдеритяниномъ, родившійся въ 488 году до Р. Х. и, по необъяснимой

ошибкѣ біографовъ, называемый ученикомъ Демокрита [1]). Чтобы добывать насущный хлѣбъ, Протагоръ занимался переноскою тяжестей. Однажды, когда онъ несъ вязанку дровъ, его встрѣтилъ Демокритъ, котораго поразила геометрически правильная кладка полѣнницы. Угадавъ по этому способности носильщика философъ предложилъ ему поступить въ число своихъ учениковъ. Оказавъ большіе успѣхи Протагоръ черезъ нѣсколько лѣтъ самъ занялся преподаваніемъ граматики (т. е. риторики, поэзіи и музыки) и, собравшись со средствами, переселился въ Аѳины, гдѣ открылъ школу для слушателей. Его аудиторію посѣщалъ Периклъ; знатные аѳиняне платили софисту по 100 минъ (1250 р. сер.) за лекцію. Разбогатѣвъ Протагоръ путешествовалъ по Греціи, малой и великой, повсемѣстно собирая дань удивленія и щедрыя платы учениковъ. Посѣтивъ вольный городъ Туріумъ въ Сициліи онъ, по просьбѣ гражданъ, далъ имъ законы. Въ бытность въ Аѳинахъ въ 420 г. до Р. Х., дерзкимъ своимъ отзывомъ о богахъ, Протагоръ навлекъ на себя обвиненіе въ нечестіи. Онъ выразился такъ: „не говорю о богахъ, потому что не знаю есть ли они!“ Обвинителемъ его передъ судомъ явился Пиѳидоръ и добился того, что софистъ былъ приговоренъ къ изгнанію и погибъ во время бури въ 419 г. до Р. Х.

Увлекательно краснорѣчивый, умный, находчивый Протагоръ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ алченъ на деньги, дерзокъ, самоувѣренъ и деспотически обходился съ учениками, отъ которыхъ требовалъ повиновенія безпрекословнаго (что, замѣтимъ, бываетъ всегда у проповѣдниковъ свободы и независимости мнѣній). Св. Климентъ Александрійскій, сочувствуя Протагору, не какъ атеисту, разумѣется, но какъ врагу язычества — сказалъ о немъ: „Вся вина этого философа была въ томъ, что онъ далѣе своихъ современниковъ проникалъ въ мрачную глубину язычества!“

---

[1]) Который родился на свѣтъ, когда Протагору былъ девятнадцатый годъ (470 л. до Р. Х.). Сколько же ему лѣтъ могло быть когда послѣдній началъ учиться? По нашему расчету выходитъ около 60, если Демокриту было 40, когда онъ началъ учить Протагора.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

Горгій—Его краснорѣчіе.—Статуи въ его честь.—Горгіевы фигуры. — Продика. — Его правила. — Мода на самоубійства.—Критій.—Другъ народа.—Тиранъ.—Казнь сикофантовъ. — Происхожденіе этого слова — Наплывъ софистовъ въ Аѳины.—Сократъ.—Его происхожденіе.—Геній или демонъ.—Слова оракула. — Надпись на храмѣ. — Сократъ и софисты. — Иронія. — Наружность философа. — Физіономистъ Зопиръ.—Ксантиппа.—Рубище Антисѳена.—Подвиги Сократа при Потидеѣ и Деліумѣ.—Поклоненіе солнцу.— Происки враговъ. — Анитъ, Ликонъ и Мелитъ. — Доносы.— Спокойствіе Сократа.—Истинная мудрость.

Успѣхамъ ученія софистовъ и ихъ владычеству надъ умами, главнымъ образомъ, содѣйствовало развращеніе нравовъ въ Аѳинахъ, начатки котораго посѣяны были Перикломъ и развиты— Алкивіадомъ. Софисты гордились именами Горгія леонтскаго и учениковъ его, Продики и Критія.

Горгій, уроженецъ города Леонта, на островѣ Сициліи, родился около 485 г. до Р. Х. и жилъ свыше ста лѣтъ. Онъ былъ ученикомъ Эмпедокла и Тизія; своими высокими дарованіями снискалъ прозвище царя софистовъ. Современниками его были: Софоклъ, Эврипидъ, Аристофанъ, Парменидъ, Протагоръ, Сократъ, Ѳукидитъ и многіе другіе великіе мужи Греціи, прославившіеся на поприщахъ философіи, наукъ и искуствъ. Даръ слова, способность убѣждать безъ всякихъ споровъ, умѣнье заронить въ душу собесѣдника сомнѣніе и отрѣшиться отъ прежняго, недавняго убѣжденія—таковы были таланты Горгія, доставившіе ему славу и богатство. Жители Леонта поручили ему ходатайствовать въ Аѳинахъ о покровительствѣ республики ихъ городу и ходатайство Горгія было уважено. Плѣненные его увлекательнымъ краснорѣчіемъ, аѳиняне убѣдили его остаться у нихъ и онъ уступилъ ихъ желанію (427 г. до Р. Х.). Послѣ побѣды саламинской, Горгій

говорилъ похвальное слово въ память павшимъ въ бою. При нашествіи персовъ онъ же пламенными своими рѣчами (Олимпиками) разжегъ въ аѳинянахъ угасавшія въ нихъ чувства гражданской гордости и самолюбія. „Вы сѣяли стыдъ“ говорилъ имъ Горгій, „а теперь пожинаете страхъ“! Воздавая должное должному, депутаты отъ городовъ греческихъ на пиѳійскихъ играхъ присудили — въ честь Горгія воздвигнуть статуи въ храмѣ Аполлона дельфійскаго. Слава оратора гремѣла повсемѣстно. Дни, въ которые онъ говорилъ рѣчи, называли, въ Аѳинахъ—праздниками; самыя же рѣчи—свѣточами, намекая на то, что онѣ, подобно свѣточамъ, разгоняютъ мракъ невѣжества. Горгій путешествовалъ по всѣмъ греческимъ областямъ, повсемѣстно возбуждая удивленіе, доходившее до энтузіазма. Онъ пріохотилъ грубыхъ жителей Ѳессаліи къ занятію науками и къ слушанію своихъ вдохновенныхъ рѣчей. Для выраженія удовольствія испытываемаго ими, ѳессалійцы, ввели въ общеупотребительный языкъ новый глаголъ: горгіазировать, а затѣмъ и въ риторику введено было названіе горгіевыхъ фигуръ остроумнымъ оборотамъ рѣчи, приправленнымъ игрою словъ. По отзывамъ людей свѣдущихъ въ риторскомъ искусствѣ, рѣчи Горгія были дѣйствительно безподобныя, хотя нѣкорыя изъ нихъ отличались высокопарностью. Враги софистовъ и ихъ школы, при жизни Горгія, и послѣ его смерти, осыпали его многими клеветами, но безславіе падало на нихъ же самихъ и память царя софистовъ осталась незапятнанною. Софисты указывали на него какъ на образецъ философа ихъ ученія, упуская изъ виду, что Горгій былъ только счастливымъ исключеніемъ изъ общаго правила. Ученикъ его Продика, уроженецъ острова Цеоса, славился при жизни, но отравленный по приговору Ареопага сошелъ въ могилу напутствуемый проклятьями недавнихъ своихъ поклонниковъ. Преподавая аѳинскимъ юношамъ естественныя науки Продика путемъ дедукцій, велъ ихъ къ совершенному отрицанію божества, внушая имъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, презрѣніе къ жизни и сознаніе ничтожества человѣка. Вслѣдствіе этого аѳинская молодежь смотрѣла на самоубійство, какъ на единственный исходъ изъ омута мученій, неудачъ и всякаго рода непріятностей—назы-

ваемаго жизнію. Шутя жили, шутя и умирали, повторяя одну изъ двухъ любимѣйшихъ фразъ ихъ учителя:

— Боги изобрѣтены людьми: это дѣти человѣческой благодарности.

— Обращеніе въ то ничтожество, изъ котораго человѣкъ произошелъ—вотъ единственное блаженство, къ которому онъ долженъ стремиться.

И ученики Продикя своей жизнію — никому не нужной, и смертію — никому неполезной, но гнусной, подлой смертію самоубійцъ—доказывали согражданамъ къ чему ведутъ мудрствованія софиста, еще бравшаго деньги съ учениковъ, которыхъ онъ систематически развращалъ. Самоубійство вошло въ моду, оно сдѣлалось какой-то эпидемической маніей и юность—цвѣтущая здоровьемъ, одаренная способностями, энергіею и умомъ, глумясь надъ божествомъ, втаптывала въ грязь эти неоцѣненные дары и въ числѣ многихъ сотенъ погибала въ петлѣ, принимая яды или кинжаломъ пронзая сердце, испорченное ученіемъ софиста.

Другой ученикъ Горгія— Критій, прямыми и окольными путями пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность въ Аѳинахъ, откуда былъ изгнанъ за безбожіе и вольнодумство. Находясь въ Ѳессаліи, онъ, вмѣстѣ съ Прометеемъ Ѳессалійцемъ, возмутилъ тамошнихъ рабовъ (пенестовъ), а когда мятежъ былъ усмиренъ — бѣжалъ въ Спарту. Внутреннія неурядицы въ Аѳинахъ дали возможность этому агитатору возвратиться на родину (404 г. до Р. Х.) и занять важную должность въ градоправленіи. Зная Критія за ретиваго защитника (на словахъ) личной независимости человѣка и свободы его мысли, аѳиняне возрадовались, но потомъ убѣдились въ той великой истинѣ, что другъ человѣчества и народа, говорящій красно и цвѣтисто, покуда не имѣетъ ни силы, ни власти— сплошь да и рядомъ дѣлается злѣйшимъ деспотомъ, чуть только выйдетъ изъ ничтожества. Попавъ въ число тридцати тирановъ, Критій ознаменовалъ свое избраніе казнями ненавистныхъ народу сыщиковъ и шпіоновъ, которыхъ называли сикофантами. Прозвище это, происходящее отъ слова сика, т. е. смоква, первоначально давалась торговымъ приставамъ, наблюдавшимъ за тѣмъ, чтобы изъ Аѳинъ не вывозили смоквъ, что̀ было запрещено зако-

номъ. Впослѣдстіи времени, сикофанты къ доносамъ на провинившихся торговцевъ, стали, изъ любви къ искуству, присоединять извѣты и доносы на гражданъ вообще, особенно за ихъ дерзкіе отзывы о правительствѣ. Наконецъ, въ Аѳинахъ, образовался цехъ сикофантовъ, т. е. шпіоновъ и доносчиковъ, весьма часто и выдумывавшихъ свои обвиненія лишь бы получить за доносъ узаконенное вознагражденіе [1]). Казнію сикофантовъ Критій угодилъ народу, но вслѣдъ за нею и его самого прибралъ къ рукамъ и во время его правленія — плахи не просыхали и этотъ „другъ народа" явилъ къ своей особѣ тѣ же самыя возмутительныя черты звѣрства и лютости, которыми во Франціи 1794 года по Р. Х. прославились: Каррье, Журданъ... и нѣкоторые другіе члены конвента. Самъ Критій погибъ въ междоусобіи. Таковъ былъ софистъ на поприщѣ государственнаго дѣятеля и если говорить правду, то подобному герою было бы конечно лучше, въ юныхъ лѣтахъ убить себя самого, нежели жить на пагубу другимъ.

Какъ бы то ни было, но во второй половинѣ V и въ началѣ IV вѣка до Р. Х. софисты прибрали къ рукамъ общественное воспитаніе въ Аѳинахъ, стекаясь въ этотъ центръ греческой цивилизаціи со всѣхъ концовъ Греціи великой и малой. Гиппій Элисскій, Полъ агригентскій, Ѳрасимархъ халкедонскій, Эвфадемій хіосскій — въ нравственномъ смыслѣ подобно возвратной горячкѣ, холерѣ, тифу, сифилису свирѣпствовали въ Аѳинахъ, заражая умы и сердце молодого поколѣнія. Одинъ проповѣдывалъ, что человѣкъ долженъ повиноваться единственно естественнымъ своимъ побужденіямъ, на томъ основаніи, что все то логично что естественно. Въ силу этой логики — если отецъ или братъ чувствовали вожделѣніе къ дочери или сестрѣ, они не стѣсняясь могли удовлетворять свои желанія. Другой софистъ говорилъ: „на свѣтѣ нѣтъ ни абсолютнаго добра, ни абсолютнаго зла; какъ одно такъ другое условны." Третій, путемъ пресыщенія, велъ своихъ послѣ-

[1]) Здѣсь не можемъ не дѣлать замѣтки о странномъ этимологическомъ сближеніи. Смокву, какъ извѣстно, по русски называютъ также и фигою. На языкѣ воровъ и мазуриковъ (нѣкоторыя фразы и слова котораго В. Крестовскій приводитъ въ „Петербургскихъ трущобахъ") слово Фигарисъ или фига означаетъ сыщика.

дователей къ разочарованію, повторяя имъ: „жить хорошо, а умереть еще того лучше"... Но, подобно тому, какъ въ природѣ вещественной, каждому яду есть и противоядіе; подобно тому, какъ за томительною засухою слѣдуютъ благотворные дожди, точно также и въ духовномъ мірѣ—противъ вреднаго броженія умовъ всегда являются мощные реагенты. Благодѣтельнымъ ливнемъ одождившимъ нравственную почву Аѳинъ былъ — Сократъ.

Сынъ посредственнаго ваятеля Софрониска и жены его Фенареты, повивальной бабки—Сократъ родился въ шестой день мѣсяца Ѳаргеліона (въ половинѣ мая) 470 г. до Р. Х. Умъ, прекрасное сердце и богатѣйшіе способности обнаружились въ немъ въ лѣта нѣжнѣйшаго отрочества. Желая, чтобы сынъ, по его примѣру, посвятилъ себя ремеслу ваятеля, Софронискъ обучалъ ему Сократа и мальчикъ весьма порядочно лѣпилъ статуи, бюсты и барельефы. Это занятіе много способствовало развитію въ немъ любви къ изящному и къ красотѣ пластической. Въ досужее время, бесѣдуя съ матерью, женщиной умной и въ естественныхъ наукахъ весьма свѣдущей, Сократъ почувствовалъ охоту къ ихъ изученію и читалъ произведеніе философовъ, особенно Анаксагора. Разсужденія этого естествоиспытателя привели молодого Сократа къ твердому, непоколебимому убѣжденію въ бытіи Бога и въ осязаемомъ проявленіи Его въ душѣ человѣческой, называемомъ совѣстью, или, врожденной человѣку способностью отличать добро отъ зла, стремиться къ первому и гнушаться второго. Чистое и чуткое сердце Сократа слышало этотъ голосъ, взывавшій къ нему весьма явственно во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда по юношеской неопытности онъ колебался между добромъ и зломъ. Внутренній голосъ обыкновенно говорилъ Сократу: „не дѣлай этого" и онъ повиновался, хотя бы запрещеніе налагалось на дѣйствіе, по видимому невинное и безвредное. Мальчикъ самъ себѣ не могъ дать отчета въ той чудесной силѣ, которая имъ руководила, но сообщая о ней отцу и матери онъ назвалъ ее геніемъ. Софронискъ счелъ нужнымъ посовѣтоваться съ дельфійскимъ оракуломъ на счетъ незримаго собесѣдника Сократа, и оракулъ отвѣчалъ ему: „не стѣсняй своего сына и да повинуется онъ своему генію, который принесетъ ему гораздо болѣе пользы, нежели тысяча наставниковъ." Объ этомъ

генія Сократа (или какъ называютъ нѣкоторые коментаторы—демонѣ) написано много дисертацій; современные спириты увѣряютъ, что это дѣйствительно былъ духъ; средневѣковые фанатики утверждали, что это былъ никто иной, какъ дьяволъ собственной персоной; самъ же Сократъ говоря о своемъ геніи ученикамъ, называлъ его божественнымъ голосомъ, всегда предостерегавшимъ его отъ зла. И такъ, всего болѣе мы будемъ близки къ правдѣ, если скажемъ, что геній этотъ—незримый, но присущій Сократу, былъ голосомъ его совѣсти и прозорливости тѣсно связанный съ способностью предчувствовать — въ чудесной степени развитою. При посѣщеніи дельфійскаго храма, Сократъ, тогда уже юноша, былъ пораженъ надписью надъ входомъ: „Познай самого себя“, и принявъ эти слова за внушеніе божества онъ по себѣ самому изучалъ и глубоко изучилъ человѣка, со всѣми его достоинствами и слабостями.

Богатый аѳинянинъ Критонъ убѣдилъ Сократа оставить ваяніе и заняться исключительно философіею. Основательно изучивъ естественныя науки, служившіе ей основами, Сократъ долженъ былъ избрать себѣ школу и наставника и проницательный его взоръ остановился на софистахъ. Сократъ присоединился къ толпѣ слушателей этихъ философовъ и содрогнулся лишь только ихъ рѣчи коснулись его слуха, но незримый геній шепнулъ ему: „иди и побѣждай“! и великій мужъ отважился на борьбу съ могучими противниками... погибъ въ борьбѣ, но погибъ подобно ветхозавѣтному Самсону—подъ развалинами храма нечестивцевъ, имъ же самимъ разрушеннаго. Оружіе избранное Сократомъ для борьбы состояло въ ироніи. Притворяясь приверженцемъ ученія софистовъ онъ расточалъ ему самыя восторженныя хвалы, выставлявшія въ яркомъ и смѣшномъ свѣтѣ всѣ недостатки этого ученія. Вопросы, которые онъ задавалъ софистамъ, непримѣтно для нихъ, вели ихъ къ самымъ нелѣпымъ умозаключеніямъ и ихъ риторическія тенета, которыми они уловляли довѣрчивыхъ юношей, рвались подъ рукою Сократа, какъ легкая паутина. Имѣя уже тридцать лѣтъ отъ роду (въ 440 г. до Р. Х.) Сократъ снялъ маску поклонника софистовъ и явился въ полномъ цвѣтѣ силъ ихъ грозою. Они совращали юношей съ пути, а онъ наводилъ послѣднихъ на

путь истинный. Невозмутимый, кроткій, терпѣливый онъ спасалъ юношей изъ смраднаго омута, въ который ихъ вталкивали софисты и въ томъ полагалъ свое торжество. Таковъ былъ Сократъ — какъ мудрецъ; онъ же какъ человѣкъ, при безобразной наружности, могъ служить живымъ опроверженіемъ всѣхъ физіономическихъ теорій, въ особенности же альбомнаго афоризма: „лице есть зеркало души". Небольшаго роста, широкоплечій и довольно полный, Сократъ отличался крутымъ выдающимся лбомъ, казавшимся еще круче отъ огромной лысины; глазами на выкатѣ; толстыми обвислыми губами. Ко всему этому, Сократъ былъ непозволительно курносъ. Однажды физіономистъ Зопиръ, не знавшій Сократа, сказалъ его ученикамъ, „что онъ, по наружности судя, долженъ быть золъ, развратенъ, жестокъ и"... тутъ Зопиръ остановился: голосъ его заглушили ученики Сократа самымъ дружнымъ хохотомъ.

— Чему вы смѣетесь? сказалъ имъ Сократъ — критикъ моей наружности совершенно правъ: я родился съ самыми порочными наклонностями и донынѣ стараюсь искоренить ихъ въ себѣ!

Но онъ, по скромности, оправдывалъ Зопира: добрѣе, нравственнѣе и мягкосердѣе Сократа едва ли можно было найдти человѣка. Учениковъ своихъ онъ любилъ, какъ родныхъ дѣтей. Софисты, стараясь всячески очернить Сократа, говорили будто эта любовь доходила до противуестественнаго, но подлая эта клевета положительно опровергнута. Жена Сократа, знаменитая Ксантиппа била его по щекамъ, таскала за бороду, обливала помоями, а онъ переносилъ всѣ эти обиды съ самымъ стоическимъ терпѣніемъ. Заботясь объ усовершенствованіи души человѣческой и всѣхъ ея прекрасныхъ способностей, безобразный Сократъ подавалъ ученикамъ своимъ примѣръ — беречь здоровье, соблюдая строгую опрятность, умѣренность въ пищѣ и въ питьѣ. Упрекая ученика своего Антисѳена за его неряшливость, Сократъ говорилъ ему:

— Изъ каждой прорѣхи твоего рубища проглядываетъ непомѣрная гордость!

Какъ гражданинъ аѳинскій, Сократъ заплатилъ свой долгъ отечеству, послуживъ ему на поприщахъ военномъ и гражданскомъ. Сократъ — воинъ снискалъ похвалы за храбрость и разумную рас-

порядительность. Въ битвѣ при Потидеѣ онъ спасъ жизнь недостойному ученику своему Алкивіаду; а при Деліумѣ отступилъ въ порядкѣ, собравъ остатки разбитыхъ войскъ. Подъ стѣнами Потидеи, въ лагерѣ, воины были свидѣтелями, какъ Сократъ всю ночь до зари простоялъ недвижно, на одномъ мѣстѣ, погруженный въ восторженное созерцаніе... Занялась заря, взошло солнце и философъ глубоко преклонился предъ дневнымъ свѣтиломъ, тѣмъ воздавая хвалу его Создателю.

Какъ членъ аѳинскаго правительства Сократъ отличался безкорыстіемъ, честностью и прямодушіемъ. Несправедливость, хотя бы одобряемая тысячами устъ, находила въ немъ опаснаго противника. Наученный многолѣтнимъ опытомъ, Сократъ, въ республикѣ отдавалъ преимущество аристократіи, передъ демократіею, говоря что масса народная, во многихъ случаяхъ, какъ *ребенокъ*, видитъ благо свое тамъ, гдѣ ея вредъ. За эти возрѣнія онъ былъ ненавидимъ такъ называемыми демагогами. Мало по малу на Сократа озлобились всѣ сословія и этимъ озлобленіемъ воспользовались софисты, чтобы погубить его. Злодѣйскимъ ихъ умысламъ не мало способствовали тогдашнія политическія событія. Алкивіадъ и Критій—виновники многихъ бѣдствій Аѳинъ, были учениками Сократа; нѣкоторые изъ тридцати были дружны съ нимъ [1]). Демагогъ Анитъ, свергнувшій ихъ иго, изъ прежнихъ поклонниковъ Сократа явился его врагомъ и прямо обвинялъ передъ Ареопагомъ въ измѣнѣ и предательствѣ. Два злодѣя подкупленные софистами: Ликонъ и Мелитъ явясь въ судъ обвиняли Сократа въ преподаваніи юношамъ безнравственныхъ правилъ и въ явныхъ умыслахъ ниспровергнуть владычествовавшую религію введеніемъ новыхъ боговъ: геніевъ или демоновъ.

Громовыя тучи, собравшіяся надъ головою Сократа, ужаснули его родныхъ, учениковъ и друзей, онъ же самъ—семидесятилѣтній старецъ, былъ невозмутимъ и съ младенчески спокойною улыбкою смотрѣлъ на приближавшуюся опасность. На краю могилы

---

[1]) Критій, до перехода къ софистамъ, дѣйствительно былъ ученикомъ Сократа, но они разстались и не сходились болѣе. Это не мѣшало софистамъ называть Сократа учителемъ Критія.

онъ озирался на свое прошедшее и оно было точно также свѣтло, какъ было мрачно будущее. Мудрость придавала ему силъ и спокойствія. Въ былыя времена онъ говорилъ ученикамъ:

— Пиѳія храма дельфійскаго, на мой вопросъ: есть-ли человѣкъ мудрѣе меня? отвѣчала: нѣтъ! А хотите-ли знать въ чемъ моя мудрость? Въ сознаніи ограниченности моихъ познаній. Я знаю только то, что ничего не знаю...

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Сократъ передъ судилищемъ.—Его рѣчи.—Приговоръ.—Отсрочка казни.—Цикута.—Гоненіе учениковъ.—Позднее раскаяніе.—Ученіе Сократа. — Ученики. — Аристиппъ.—Школа Киренейская.—Діонисій сиракузскій.—Дамоклесовъ мечъ. — Дамонъ и Пиѳій.—Молитвы старухи.—Бесѣды съ Аристиппомъ.—Афета.—Ѳеодоръ атей.—Отвѣты Лизимаху.—Секта ѳеодоритовъ.—Антисѳенъ.—Школа циниковъ. — Что такое цинизмъ. — Заслуги циниковъ. — Смерть Антисѳена.—Философы и завоеватели.

Знаменитый ораторъ того времени Лизій предложилъ Сократу довѣрить ему свою защиту.—Не надо! отвѣчалъ мудрецъ. Другъ Сократа Гермогенъ, умолялъ его подумать о себѣ, но и ему великій мужъ отвѣчалъ, что не забывалъ себя ни разу въ жизни.—Но ты обязанъ избавить судей своихъ отъ упрека ихъ совѣсти за осужденіе невиннаго! возразилъ Гермогенъ.

— Другъ, сказалъ ему Сократъ, въ теченіе этого времени я дважды принимался обдумывать свою защиту и оба раза мой геній запрещалъ мнѣ... Буду же только отвѣчать на вопросы, но оправдываться не стану! До нынѣ я могъ назваться счастливѣйшимъ человѣкомъ и тихая смерть была всегдашнимъ моимъ желаніемъ. Если мнѣ суждено умереть, я умру, какъ нельзя спокойнѣе. Позднѣйшее потомство рѣшитъ, кто изъ насъ былъ правъ: я или мои судьи?

Слѣдственная комиссія, въ которую былъ призванъ Сократъ, состояла изъ 556 членовъ (геліатовъ). На первое обвиненіе, будто подсудимый не признаетъ боговъ, онъ отвѣчалъ отрицательно; когда же ему упомянули о его вѣрованіи въ генія и о томъ, что онъ повинуется его голосу, Сократъ возразилъ, что вѣрованіе это ничѣмъ не хуже совѣщаній съ оракулами, пиѳіями и съ гаданіями по внутренностямъ жертвъ. Затѣмъ философа обвинили въ развращеніи юношей, его учениковъ. „Во первыхъ" отвѣчалъ Сократъ „я никого и никогда не развращалъ и ничему не училъ; я только давалъ совѣты людямъ всѣхъ возрастовъ и всякихъ состояній. Если изъ числа людей совѣщавшихся со мною бывали злые и безнравственные, моя ли въ томъ вина? Я не оправдываюсь потому, что не признаю себя виновнымъ. Если вы, судьи, отпустите меня, съ условіемъ, чтобы я молчалъ и никому не давалъ совѣтовъ — я не приму этого условія! Я не могу молчать при видѣ поступковъ несправедливыхъ, унижающихъ достоинство человѣческое. Я говорилъ всегда и буду говорить, что добродѣтель и честность выше всякихъ сокровищъ! Если же вы произнесете мой смертный приговоръ, я не возмущусь, ибо всю жизнь мою пріучался къ мысли о смерти, не боюсь ея и съумѣю умереть... объ одномъ только попрошу аѳинянъ: строго наказать дѣтей моихъ, если который нибудь изъ нихъ не будетъ подражать мнѣ въ своемъ образѣ мыслей и въ своихъ дѣяніяхъ."

Геліаты перешли къ голосованію. Двѣсти восемьдесятъ одинъ голосъ противъ двухсотъ семидесяти пяти призналъ Сократа виновнымъ и тогда Мелитъ предложилъ подвергнуть философа изгнанію; но онъ самъ способствовалъ измѣненію приговора, предложивъ своимъ судьямъ, вмѣсто изгнанія дать ему пріютъ и содержаніе на общественный счетъ въ Пританеѣ. Это предложеніе Сократа принято было геліатами за насмѣшку надъ судилищемъ, усугублявшую его вину. Изъ 275 голосовъ недавно поданныхъ въ его защиту, 80 присоединились къ большинству обвинителей и Сократъ былъ приговоренъ къ смерти, чрезъ отравленіе цикутою.

— Прощаю вамъ смерть мою, кротко сказалъ философъ сво-

имъ судьямъ. Что время мое пришло я это знаю: голосъ генія моего умолкъ во мнѣ и говорить намъ болѣе нечего... Удаляюсь, пора мнѣ разстаться съ вами: я приму смерть, вы останетесь въ живыхъ, но не знаю, кому изъ насъ будетъ лучше!

Смертный приговоръ, произнесенный надъ Сократомъ, громомъ поразилъ всѣхъ его приближенныхъ. Ученикъ его Аполлодоръ, заливаясь слезами, сказалъ: ты погибаешь ни въ чемъ не виновный!

— А ты желалъ бы, отвѣчалъ Сократъ съ кроткой улыбкой— чтобы я былъ виновенъ? Полно, другъ мой. Тогда, я дѣйствительно былъ бы достоинъ жалости. Мелитъ и Анитъ могутъ убить меня, но зла мнѣ никто не можетъ сдѣлать!

Закованный въ цѣпи Сократъ былъ уведенъ въ темницу, куда его провожали многіе ученики. Казнь, по случаю праздниковъ Делій, была отложена на триддать дней, т. е. до возвращенія съ Делоса священной галеры (см. томъ V, стр. 214). Эти тридцать дней Сократъ провелъ въ бесѣдахъ съ учениками и предсмертныя увѣщанія великаго мужа, на удивленіе грядущимъ вѣкамъ, сохранились въ книгѣ Платона: Разговоръ съ Критономъ. Этотъ Критонъ былъ другомъ и однимъ изъ любимыхъ учениковъ Сократа. О чемъ же именно бесѣдовалъ съ ними мудрецъ? О единствѣ божества, о безсмертіи души, о добродѣтели. Въ этой лебединой пѣснѣ звучали ноты иной религіи, той самой, заря которой черезъ 400 лѣтъ послѣ Сократа возсіяла надъ Виѳлеемомъ, при пѣніи безплотныхъ силъ возвѣщавшихъ людямъ: „слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ“!

Раннимъ утромъ дня возвращенія священной галеры съ острова Делоса, Критонъ вошелъ съ этой нерадостной вѣстію въ темницу Сократа. Ему была возможность, по случаю ослабленія надзора, бѣжать и при содѣйствіи учениковъ скрыться отъ преслѣдованій въ Ѳессаліи. Съ радостью предложилъ ему Критонъ воспользоваться благопріятными обстоятельствами, но Сократъ отказался.

— Развѣ въ Ѳессаліи не умираютъ? сказалъ онъ Критону и остался въ темницѣ, изъ которой ему было суждено вскорѣ освободиться на вѣки.

Пришли, въ числѣ одинадцати человѣкъ, судьи, которымъ было поручено наблюсти за исполненіемъ Сократомъ объявленнаго ему

смертнаго приговора. Цѣпи съ него сняли и ученики окружили одръ славнаго учителя. Ксантиппа, заливаясь слезами, принесла къ мужу младшаго изъ сыновей; тутъ же были и другіе его сыновья: Софронискъ, Менексенъ и Лампроклъ. Простясь съ дѣтьми и съ женою, которую приказалъ Критону увести, Сократъ, въ послѣдній разъ увѣщалъ учениковъ любить добродѣтель, ненавидѣть порокъ и неусыпно заботиться о чистотѣ душевной. Потомъ онъ пожелалъ взять ванну, какъ человѣкъ готовящійся къ великому таинству. Тюремщикъ приблизясь къ нему сказалъ:

— Сократъ, друзья твои негодуютъ на меня.... но зная тебя за человѣка добраго, кроткаго и храбраго, подобнаго которому еще никогда не бывало здѣсь въ темницѣ, я скажу тебѣ, что пришло время выпить отраву.

И сказавъ это тюремщикъ заплакалъ. Нарочно для того назначенные люди выжимали, въ это время, сокъ цикуты въ роковой кубокъ и затѣмъ подали его Сократу. „Могу ли я сдѣлать изъ него возліяніе въ честь боговъ"? спросилъ онъ.

— Въ кубкѣ налито только необходимое для тебя количество отравы, отвѣчали прислужники.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ Сократъ, я только помолюсь. Попрошу у боговъ, чтобы они дали мнѣ силъ на предстоящій, далекій путь!

Онъ помолился безмолвно; твердою рукою взялъ кубокъ и тихо осушилъ его до послѣдней капли.

Цикута, по словамъ древнихъ токсикологовъ, умерщвляла безъ всякихъ страданій: не теряя самосознанія, отравленный постепенно ослабѣвалъ; холодъ, начинаясь съ конечностей, распространялся по всему его тѣлу и когда достигалъ сердца — дыханіе пресѣкалось. Чувствуя начало предсмертнаго оцѣпенѣнія Сократъ прилегъ на постель и прося учениковъ быть твердыми и не сожалѣть о немъ, еще бесѣдовалъ съ ними о догарающей жизни и о предстоящей смерти.

— Смерть не зло! говорилъ онъ — и не можетъ быть, что бы съ тѣломъ человѣка уничтожалась его душа, со всѣми прекрасными свойствами, данными ей Богомъ. Если же смерть вѣчный

сонъ, безъ сновидѣній—она блаженство. Если будетъ пробужденіе, то за нимъ уже не послѣдуетъ другаго сна!

Сократъ умолкъ; холодъ приближался къ его груди; взоръ старика мутился, языкъ коснѣлъ. Послѣдними его словами было напоминаніе ученикамъ—принести пѣтуха въ жертву Эскулапу. Нѣкоторые историки видятъ въ этомъ тонкую насмѣшку надъ язычествомъ; другіе полагаютъ, будто Сократъ хотѣлъ этимъ напоминаніемъ уподобить жизнь—недугу, а смерть—исцѣленію. Второе предположеніе гораздо разумнѣе перваго.

Великій философъ, сквозь тьму язычества прозиравшій свѣтъ ученія христіанскаго, скончался въ 400 или 399 году до Р. Х. Опасаясь гоненій, нѣкоторые — изъ его учениковъ (Антисѳенъ, Платонъ, Эсхинъ, Критовулъ, Симмій, Кебесъ и Федонъ) бѣжали въ Ѳивы, другіе въ Мегару, къ Эвклиду и Терпсіону. Опасенія ихъ было, однако же, совершенно напрасны: народъ аѳинскій опомнился и побуждаемый позднимъ раскаяніемъ почтилъ память Сократа статуями и хвалебными рѣчами, а на враговъ его обрушилъ жестокое свое мщеніе. Мелитъ былъ казненъ, Анитъ—изгнанъ; всеобщее презрѣніе заклеймило доносчиковъ и клеветниковъ: аѳиняне, чуждаясь ихъ какъ зачумленныхъ, гнушались даже черпать воду изъ однихъ съ ними колодцевъ. Многіе изъ этихъ отверженцевъ окончили жизнь самоубійствомъ. То же самое презрѣніе было удѣломъ софистовъ.

Сократъ умеръ семидесяти лѣтъ, успѣвъ передать доктрину свою ученикамъ во всей ея цѣлости. Она состояла, какъ мы уже говорили, изъ правилъ строгой нравственности, любви къ добродѣтели, глубокаго почитанія единаго божества, вѣрованія въ безсмертіе души и надежды на жизнь будущую. Соблюдая обряды древней религіи своихъ предковъ, Сократъ не могъ принимать сказаній миѳологическихъ въ буквальномъ смыслѣ и, будучи наружно поклонникомъ цѣлой массы боговъ и богинь, онъ внутренно признавалъ бытіе только единаго Бога. Олимпійскія божества въ глазахъ философа были только символическими изображеніями проявленія единаго могущества въ мірозданіи. Благость, неизмѣримое милосердіе и благоволеніе къ людямъ—любимѣйшимъ своимъ созданіемъ—были, по мнѣнію Сократа, первыми свойствами

Бога. Счастіе онъ полагалъ въ неослабномъ служеніи добродѣтели и въ слѣпомъ повиновеніи законамъ своей страны. Это второе условіе счастія—большая ошибка со стороны философа. Онъ упустилъ изъ виду, что гражданскіе законы не повсемѣстно могутъ назваться непогрѣшимыми и, въ иныхъ случаяхъ, на совѣсть человѣка налагаютъ тяжкія вериги ложнаго стыда. Узаконенія одной страны никогда не могутъ служить образцами для другой; примѣнимость ихъ къ пользѣ и благу человѣка обусловливаются мѣстностью, климатомъ, духомъ времени. Это уваженіе Сократа къ законамъ своей родины есть, какъ мы уже выше сказали, ошибка и она рѣзко бросается въ глаза въ его ученіи, будто черное пятно на чистой ткани. Затѣмъ философъ всегда внушалъ ученикамъ, что располагать жизнью своею человѣкъ не имѣетъ права, а самоубійство есть самое безумное малодушіе. Каждаго человѣка онъ сравнивалъ съ часовымъ, занимающимъ свой постъ, съ котораго, снять часоваго, можетъ только тотъ, кто его поставилъ: отлучиться самовольно часовой не имѣетъ права.

Каждое правило ученія Сократа составляло мысль свѣтлую, глубокую и каждая изъ нихъ, впослѣдствіи времени, развитая учениками, образовала основный догматъ новаго ученія. Изъ учениковъ Сократа мы назовемъ преимущественно тѣхъ, которые были основателями особыхъ школъ, или донынѣ пользуются извѣстностью въ потомствѣ. Таковыми были: Ксенофанъ, Критовулъ, Эсхинъ, Кебесъ, Симонъ-чеботарь; Симмій, Аристиппъ, Антисѳенъ, Критонъ, Эвклидъ и Платонъ.

Аристиппъ, основатель школы Киренейской, былъ сыномъ богатаго, знатнаго жителя Киренеи и до двадцати лѣтъ прожилъ въ свое собственное удовольствіе, не думая ни о философахъ, ни о ихъ школахъ. Случайная встрѣча съ Исхомахомъ, однимъ изъ учениковъ Сократа, имѣла громадное вліяніе на всю будущность Аристиппа. Восторженные разказы Исхомаха о Сократѣ, возбудили въ молодомъ киранеянинѣ живѣйшее желаніе познакомиться съ философомъ и, не откладывая дѣла, онъ прибылъ въ Аѳины и попалъ въ число его учениковъ. Изъ наставленій Сократа, Аристиппъ усвоилъ только тѣ, которыя пришлись ему особенно по вкусу и изъ нихъ выработалъ ученіе совершенно самостоятельное

Онъ проповѣдывалъ, что всѣ ощущенія человѣка можно раздѣлить на два разряда: пріятности и скорби. Къ первымъ человѣкъ стремится, вторыхъ—избѣгаетъ. Такъ называемое счастіе состоитъ изъ сочетанія всѣхъ возможныхъ пріятностей и удовольствій, собранныхъ человѣкомъ руководящимся здравымъ смысломъ, т. е. умѣющимъ отличать вредное отъ безвреднаго. Человѣкъ долженъ отказывать себѣ только въ тѣхъ пріятностяхъ жизни, которыя сами по себѣ, или, въ излишествѣ, могутъ разстроить здоровье. Принявъ эти правила за глубокую и неопровержимую истину, Аристиппъ слѣдовалъ имъ въ своемъ образѣ жизни: одѣвался богато, вкусно ѣлъ, сладко пилъ и не убѣгалъ наслажденій чувственныхъ. Иногда, въ доказательство своей силы воли, онъ переоблачался въ рубище, довольствовался грубою пищею и проводилъ время въ мирномъ уединеніи. Всѣ старанія Сократа образумить новаго философа Киренейскаго были—тщетны и кончилось тѣмъ, что они между собою разладили. Аристиппъ пустился странствовать, для распространенія своей доктрины, по великой и малой Греціи. Во время смерти Сократа онъ находился въ Эгинѣ. Отсюда отправился въ Коринѳъ, гдѣ нѣкоторое время былъ въ связи съ знаменитой гетерой Лаисой; изъ Коринѳа онъ отправился на островъ Сицилію и въ Сиракузахъ былъ радушно принятъ тираномъ Діонисіемъ.

Вотъ личность, къ которой нельзя не питать сочувствія, не смотря на ея тираннію и жестокости, записанныя исторіею. Діонисій былъ царемъ-самозванцемъ; вихрь мятежа сорвалъ вѣнецъ съ его головы и онъ сдѣлался скромнымъ школьнымъ учителемъ. При жестокости умѣлъ быть правосуднымъ и, во многихъ случаяхъ, обнаруживалъ умъ и благороднѣйшія чувства. Одинъ изъ его придворныхъ Дамоклъ или Дамоклесъ, часто выражалъ ему зависть царскому сану и счастливому житью государей.—Хочешь на нѣсколько дней быть царемъ? спросилъ его Діонисій. „Ты шутишь"? возразилъ Дамоклъ.—Нисколько не шучу и въ доказательство уступаю тебѣ пурпуръ, вѣнецъ, а съ ними даю право повелѣвать, карать и миловать какъ тебѣ угодно!—

Подобно воронѣ въ павлиньихъ перьяхъ, Дамоклъ въ цар-

своимъ одѣяніи, внѣ себя отъ радости, сѣлъ на тронъ, а Діонисій смиренно помѣстился въ толпѣ придворныхъ, строго приказавъ имъ повиноваться временному царю, какъ настоящему. Сѣвъ на тронъ Дамоклъ случайно поднялъ глаза на осѣнявшій его наметъ и во внутренней его сторонѣ увидѣлъ мечь, обращенный къ его головѣ остріемъ и повѣшанный на ниточкѣ. Чтобы не уронить своего достоинства, онъ старался скрыть смущеніе, но ему плохо сидѣлось и онъ не могъ дождаться минуты, когда ему возвѣстили о шествіи къ обѣденному столу. Здѣсь, едва только онъ легъ на пышное царское ложе, какъ съ ужасомъ замѣтилъ тотъ-же мечь привѣшенный на ниточкѣ къ потолку. Плохо ѣлось и плохо пилось бѣдному Дамоклу: онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и кусокъ не лѣзъ ему въ горло. Пришла пора идти въ опочивальню, но и здѣсь висѣлъ роковой мечь надъ самымъ изголовьемъ... Какъ обѣдъ прошелъ безъ ѣды, такъ и ночь Дамокла прошла безъ сна; утромъ повторилась вчерашняя исторія: надъ трономъ, надъ обѣденнымъ столомъ, надъ постелью Дамокла висѣлъ покачиваясь страшный мечь, ежеминутно угрожая несчастному вонзиться въ его голову... Понялъ Дамоклъ злую шутку Діонисія и сталъ просить пощады:

— Нѣтъ, сказалъ тотъ—оставайся царемъ!

— Но я умру отъ ужаса!

— Твое дѣло, ты самъ того хотѣлъ...

Однако Діонисій смиловался и разжаловалъ Дамокла изъ царей въ царедворцы, давъ ему такого рода наставленіе: точно такой же мечь невидимо виситъ надъ моей головою и подобно тебѣ глупъ тотъ человѣкъ, который воображаетъ, что царскій вѣнецъ залогъ счастія, довольства и спокойствія [1]).

Названіе **Дамоклесова меча** до нынѣ даютъ всякому несчастію, которое угрожая человѣку виситъ надъ его головой, своимъ предвкушеніемъ заставляя его испытывать адскія муки.

Шиллеръ въ своемъ прелестномъ стихотвореніи „Залогъ“ (Die

[1]) То же самое преданіе существуетъ у насъ въ народѣ о Петрѣ Великомъ, ту же шутку, будто-бы, сыгравшимъ съ Меншиковымъ: Si non é vero, é mal trovato!

Bürgschaft) разсказалъ трогательный эпизодъ о Меросѣ и его другѣ (Дамонъ и Пиѳій), рѣшившемся идти за него на распятіе. Обоихъ друзей пощадилъ Діонисій, прося ихъ принять его третьимъ въ ихъ число.—Еще одинъ анекдотъ къ его же характеристикѣ.

Довели до свѣденія Діонисія, что какая-то дряхлая старуха, часто приноситъ жертвы въ храмѣ Цереры за сохраненіе его жизни. Зная всеобщую къ себѣ ненависть, тиранъ былъ весьма обрадованъ этимъ извѣстіемъ и приказалъ привести къ себѣ свою доброжелательницу. Что побуждаетъ тебя молиться за меня? спросилъ онъ старуху.

— Я пережила двухъ тирановъ, отвѣчала она ему простодушно. — Когда властвовалъ первый, я молила боговъ, чтобы они избавили насъ отъ него и онъ скоро умеръ, но наслѣдовавшій ему оказался еще злѣе. И объ этомъ я молилась, чтобы онъ умеръ поскорѣе и на этотъ разъ боги услышали меня: онъ погибъ при возмущеніи и ты ему наслѣдовалъ. Такъ какъ ты своей злобою превосходишь обоихъ своихъ предшественниковъ, то я уже молюсь о твоемъ здравіи, по той причинѣ, что если послѣ тебя воцарится тиранъ еще худшій, тогда намъ всѣмъ придется лѣзть въ петлю!

Діонисій засмѣялся и щедро наградивъ старуху попросилъ ее продолжать подольше свои моленія о немъ.

Тиранъ сиракузскій подружился съ Аристиппомъ и они часто бесѣдовали, причемъ тотъ и другой состязались въ остроуміи.— Скажи мнѣ, какая польза отъ философіи? спросилъ однажды Діонисій философа. „Польза та", отвѣчалъ Аристиппъ, „чтобы переселяясь въ какую нибудь страну не приноравливаться къ ея законамъ, а въ случаѣ ихъ преобразованія не перемѣнять своего образа жизни!" Въ другой разъ Аристиппъ, имѣя надобность въ деньгахъ, попросилъ ихъ у Діонисія. „Не ты ли самъ говорилъ недавно, что философъ никогда и ни въ чемъ не нуждается?" возразилъ тиранъ.—Да, отвѣчалъ Аристиппъ—говорилъ и опять скажу и докажу тебѣ это. Дай только денегъ! Діонисій исполнилъ его просьбу и философъ сказалъ: вотъ же тебѣ самое ясное

доказательство, что философъ никогда не нуждается ни въ чемъ: теперь я болѣе не нуждаюсь.

Дочь Аристиппа Арета, имъ самимъ воспитанная, была его преемницею въ распространеніи доктрины школы киренейской, сынъ ея Аристиппъ, прозванный Метродидактъ (ученикъ матери), былъ учителемъ Θеодора-атея, (т. е. безбожника). Эта кличка дана была Θеодору за постоянныя его глумленія надъ язычниками и ихъ суевѣріемъ.

Однажды приговоренный къ смерти, но помилованный, благодаря заступничеству Димитрія Фалерійскаго, Θеодоръ все же кончилъ тѣмъ, что за безбожіе былъ отравленъ цикутою. Онъ нѣкоторое время служилъ при царѣ Птоломеѣ и въ качествѣ посланника былъ отправленъ къ царю Лизимаху. Забавно было ихъ объясненіе при свиданіи.

— Тебя изъ Аѳинъ изгнали? спросилъ Лизимахъ.

— Меня! гордо отвѣчалъ Θеодоръ. Аѳиняне, какъ слабосильная Семела, мать Бахуса, не могли доносить меня.

— Я могу убить тебя, какъ изгнанника.

— Это можетъ даже шпанская мушка некстати и не у мѣста поставленная.

— Я велю распять тебя на крестѣ!

— Мнѣ совершенно все равно, гнить въ землѣ, или на открытомъ воздухѣ.

— Не смѣй болѣе показываться мнѣ на глаза.

— Я и самъ этого не желаю; но увижу тебя, если Птоломей опять пришлетъ меня къ тебѣ.

Бывшій при этомъ объясненіи вельможа, Митретъ, сказалъ Θеодору:

— Ты, какъ видно не признаешь ни боговъ ни царей?

— Видно признаю и тѣхъ и другихъ, отгрызнулся философъ—если считаю тебя и подобныхъ тебѣ льстецовъ ихъ первыми врагами!

Этотъ Θеодоръ былъ основателемъ секты Θеодоритовъ, отвергавшій поклоненіе идоламъ, вѣрованіе въ оракуловъ и въ гаданія и признававшей Единаго творца вселенной. Безсмертіе души θеодориты не признавали, ограничивая ея бытіе продолженіемъ

жизни человѣческой. Ихъ вѣрованіе было идеально для язычества, но въ то же время грубо матеріально сравнительно съ ученіемъ Сократа и Платона.

Антисѳенъ, основатель знаменитой школы циниковъ, представителемъ которой былъ Діогенъ—первоначально слушалъ поученія Горгія-софиста, но потомъ бросилъ его и присоединился къ ученикамъ Сократа. Онъ былъ бѣденъ, угрюмъ, суровъ въ обхожденіи, но имѣлъ прекрасное сердце и горячо любилъ Сократа. Чтобы слушать его, онъ ежедневно приходилъ изъ Пирея въ Аѳины, между которыми считали до 40 стадій ($22^1/_2$ версты) разстоянія. Правила внушаемыя Сократомъ: любить правду и презирать богатства Антисѳенъ принялъ въ руководство на всю свою жизнь. Всѣ ея блага онъ полагалъ въ томъ, чтобы довольствоваться только существенно необходимымъ и говорить правду не обинуясь, всѣмъ и каждому. Съ посохомъ въ рукахъ, съ котомкой за плечами, закутанный въ покрывало (палліумъ) Антисѳенъ ходилъ по улицамъ, обращая на себя всеобщее вниманіе, какъ своей одеждой, такъ равно рѣчами и поступками. Когда Сократъ палъ жертвою злобы и невѣжества Антисѳенъ, поселившійся въ Циносаргѣ (аѳинская гимназія), много способствовалъ своими рѣчами пробужденію въ аѳинянахъ раскаянія въ умерщвленіи Сократа и чувствъ ненависти къ его врагамъ. Отъ мѣста своего жительства Циносарга, Антисѳенъ, какъ полагаютъ нѣкоторые ученые, получилъ прозвище циника, но это словопроизведеніе не совсѣмъ вѣрно. Циникомъ или киникомъ (отъ греческаго кинеа собака) Антисѳена прозвали за то, что онъ, подобно вѣрной собакѣ, лающей на постороннихъ безъ всякаго лицепріятія—рѣзалъ всѣмъ правду въ лице и не скупился на ругательства, т. е. „облаивалъ“ почти всѣхъ и каждаго. Таково было первоначальное значеніе слова „циникъ“, но впослѣдствіи, его весьма несправедливо стали употреблять какъ синонимъ „безстыдника“, и въ этомъ смыслѣ это слово до нынѣ всего чаще употребляется, хотя „циникъ“ и „безстыдникъ“ далеко не синонимы. Заклятый врагъ лжи и лицемѣрія, Антисѳенъ стыдилъ и вгонялъ въ краску всѣхъ тѣхъ, съ кого онъ срывалъ личину, самъ же рѣдко стыдился потому, что не дѣлалъ ничего постыднаго. Правда имъ высказы-

ваемая была нагая правда, но наготою ея могли возмущаться только лицемѣры или вообще тѣ, у которыхъ дѣла не всегда ладились со словами. Антисѳенъ требуя отъ людей откровенности, самъ подавалъ имъ примѣръ, отдавая совѣстливый отчетъ во всѣхъ своихъ поступкахъ. Откровенность можетъ быть въ ладу съ стыдливостью, если послѣдняя руководитъ человѣкомъ во всѣхъ его поступкахъ; если поступки эти безукоризненны и чисты. Дѣти откровенны до тѣхъ поръ, покуда не извѣдаютъ чувствъ стыда. По откровенности своей каждый младенецъ можетъ быть названъ цинникомъ и чѣмъ онъ безгрѣшнѣе, тѣмъ откровеннѣе. У многихъ скромныхъ и цѣломудренныхъ дѣвицъ румянецъ стыдливости можно назвать зарею страстности и не даромъ сказалъ одинъ писатель: „дѣвица, которая слишкомъ часто краснѣетъ, слишкомъ многое знаетъ“. И такъ самый вѣрный синонимъ цинизма есть только откровенность.

Циники въ древнихъ Аѳинахъ играли важную роль по благотворному вліянію на развращавшіеся нравы; они напоминали аѳинянамъ о достоинствѣ человѣческомъ, они отрезвляли ихъ взглядъ на жизнь и если бы человѣкъ здравомыслящій поставилъ на одну доску бѣдно одѣтаго, но здороваго и умнаго циника съ юношею, облеченнымъ въ пурпуръ и виссонъ, опрысканнымъ благоуханіями, но постоянно хвораго, отупѣлаго отъ непрерывныхъ оргій; онъ, конечно, назвалъ бы скорѣе человѣкомъ, убогаго циника, нежели знатнаго, но заживо подгнившаго аѳинянина. Негодяи подобные Алкивіаду были отравою общественной нравственности; Антисѳенъ и Діогенъ — противоядіемъ. Доживъ до преклонныхъ лѣтъ Антисѳенъ заболѣлъ тяжкимъ, мучительнымъ недугомъ и скончался послѣ невыносимыхъ страданій на рукахъ Діогена, своего ученика. За нѣсколько дней до смерти, страдалецъ, потерявъ терпѣніе, сказалъ:

— Чѣмъ избавиться мнѣ отъ моихъ мученій!

— Вотъ этимъ! отвѣчалъ Діогенъ подавая ему ножъ; но Антисѳенъ съ неудовольствіемъ оттолкнулъ его руку:

— Я говорю о моемъ избавленіи отъ мученій, а не отъ жизни!

Приступая къ біографическимъ очеркамъ философовъ Греціи, мы назвали ихъ завоевателями въ областяхъ мысли; въ этомъ

случаѣ Сократа можно сравнить съ Александромъ Македонскимъ: философъ завоевывалъ небо; герой македонскій—землю. Изъ громадной монархіи Александра, послѣ его смерти образовались новыя государства; изъ школы Сократа возникли новыя секты, и представителю одной изъ нихъ Діогену-цинику суждено было быть современникомъ всемірнаго завоевателя, занять страничку въ его исторіи и умереть въ одинъ день съ нимъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

Діогенъ.—Излишнее усердіе.—Прошеніе милостины у статуй. — Противотеченіе. — Поиски съ фонаремъ. — 3000 драхмъ берестія.—Расточитель.—Ощипанный пѣтухъ.—Ксеніадъ.—Воспитаніе его дѣтей.—Діогенъ и Александръ.—Смерть Діогена.—Его ученики.—Три періода цинизма.—Кратесъ.—Спасеніе Аѳинъ.—Изрѣченія.—Гиппархія.—Собачья свадьба.—Драка съ Ѳедоромъ-аѳеемъ.—Цинизмъ позднѣйшихъ временъ.—Современные циники.—Критонъ и его сыновья.—Эвклидъ.—Мегарійская или эристическая школа.

Діогенъ, прозванный цинииомъ, уроженецъ города Синопа въ Малой Азіи (414 г. до Р. Х.), былъ сыномъ тамошняго мѣнялы и самъ занимался тѣмъ же промысломъ, но обвиненный въ поддѣлкѣ монеты, принужденъ былъ бѣжать и нашелъ себѣ пристанище въ Аѳинахъ. Здѣсь тотъ явился къ Антисѳену и изъявилъ желаніе обучаться у него философіи. Антисѳенъ былъ не въ духѣ и крикнулъ пришлецу, чтобы онъ убирался вонъ; Діогенъ не повиновался... Раздосадованный его упрямствомъ, философъ погрозилъ ему палкою, но упрямецъ отвѣчалъ, что нѣтъ той палки, которою его можно было бы выгнать изъ жилища Антисѳена. Дѣлать было нечего и Діогенъ былъ принятъ въ число его учениковъ. Вскорѣ онъ снискалъ пріязнь Антисѳена, но навлекъ на себя всеобщія насмѣшки за свое черезъ чуръ усердное слѣдованіе уста-

вамъ секты циниковъ, въ чемъ превзошелъ и самого Антисѳена.

— Я, какъ запѣвало въ хорѣ, говорилъ Діогенъ самъ о себѣ—нарочно кричу всѣхъ громче, чтобы дать другимъ вѣрный тонъ! Однако же немного нашлось послѣдователей его примѣрамъ. Антисѳенъ училъ презирать богатство; Діогенъ, вслѣдствіе этого выказывалъ особенную любовь къ нищетѣ; первый совѣтовалъ избѣгать роскоши, второй—наслаждался неряшливостью; первый разсуждалъ всегда здраво и послѣдовательно; второй юродствовалъ. Большое одѣяло, наброшенное на плечи, посохъ, котомка и деревянная чашка для воды—таково было движимое имущество Діогена, съ которымъ онъ скитался по греческимъ областямъ, питаясь подаяніемъ... Даже и изъ этого убогаго скарба, философъ выключилъ чашку, послѣ того какъ увидѣлъ на берегу ручья, мальчика черпавшаго воду пригоршнею: философъ въ ту же минуту разбилъ свою чашку о камень. Въ Аѳинахъ онъ проводилъ ночи подъ портиками храмовъ или у пропилей, называя прекрасныя ихъ колоннады своимъ дворцомъ; въ Коринѳѣ онъ ночевывалъ въ пустой бочкѣ и въ нее же прятался отъ дневнаго зноя. Готовясь къ печальному промыслу нищаго, онъ нѣсколько времени репетировалъ жалкую роль попрошайки передъ мраморными статуями, украшавшими аѳинскія площади.

— Зачѣмъ ты это дѣлаешь? спросилъ его кто-то.

— Пріучаю себя къ отказу! отвѣчалъ Діогенъ.

Однажды, при выходѣ многочисленныхъ зрителей изъ театра, философъ расталкивая ихъ пробирался ко входу. „Ты идешь противъ тысячи людей и силишься пробраться противъ теченія!“ кричали ему.

— Это мое постоянное занятіе! отозвался циникъ.

Вообще, трудно было, подъ пару ему отыскать человѣка, который выказывалъ бы болѣе презрѣнія и ненависти къ людямъ. Разъ онъ цѣлый день ходилъ по улицамъ съ зажженымъ фонаремъ и останавливаясь передъ каждымъ прохожимъ всматривался ему въ лице. Всѣ смѣялись этому сумасбродству, но Діогенъ очень серьезно объявилъ, что онъ ищетъ, но никакъ не можетъ найдти человѣка, а встрѣчаетъ только скотовъ. На ругательства онъ отвѣчалъ ругательствами и, вообще, не стѣснялся въ выраженіяхъ.

Оскорбленный его насмѣшками, богачъ Мидасъ надавалъ Діогену пощечинъ и чтобы доказать ему, что за деньги можно дѣлать все что угодно, велѣлъ философу идти къ своему казначею и получить за безчестіе 3000 драхмъ. На другой день Діогенъ, надѣвъ рукавицы атлета, пришелъ къ Мидасу, избилъ его немилосердно и кинувъ ему въ лице полученныя наканунѣ деньги, сказалъ очень спокойно:

— Теперь я поквитался съ тобою!

У одного молодаго человѣка, столько же расточительнаго, сколько богатаго, Діогенъ настоятельно просилъ дать ему мину (около 23 руб. сер.). Другіе подаютъ тебѣ по оболу, сказалъ расточитель — и ты довольствуешься подобной бездѣлицей, почему же отъ меня ты такъ много требуешь?

— Потому, отвѣчалъ Діогенъ, что другіе подаютъ мнѣ часто, а ты едва ли будешь въ состояніи подать мнѣ милостину въ другой разъ!

Циникъ, въ насмѣшкахъ своихъ не щадилъ даже и философовъ, особенно искусно улавливая неловкіе обороты ихъ рѣчей, или, издѣваясь надъ тѣми изъ нихъ, которые прикрывали высокопарностью скудость мысли. Услышавъ, что Платонъ опредѣлилъ человѣка словами: „человѣкъ—животное двуногое и безперое“, Діогенъ ощипалъ пѣтуха и поставивъ его передъ Платономъ, сказалъ: „вотъ твой человѣкъ!“ Знаменитый основатель платонической школы, называлъ обыкновенно Діогена: Сократомъ въ бреду, но очень рѣдко обижался на его выходки. Циникъ, гордясь прозвищемъ пса, всю свою жизнь разыгрывалъ роль животнаго, чтобы, подобно четвероногимъ героямъ басень эзоповыхъ, читать аѳинянамъ и коринѳянамъ полезныя нравоученія. Судъ собственной совѣсти каждаго человѣка онъ всегда ставилъ выше такъ называемаго „общественнаго мнѣнія“, не всегда непогрѣшимаго. До шестидесяти лѣтъ дожилъ Діогенъ въ нищетѣ, униженіи, осыпаемый насмѣшками, нерѣдко и ударами... на шестьдесятъ первый годъ судьба сжалилась надъ нимъ и существованіе его измѣнилось къ лучшему, хотя и этой перемѣны бѣдный циникъ достигъ весьма тернистымъ путемъ. Отправляясь изъ Аѳинъ на островъ Эгину, онъ былъ взятъ въ плѣнъ морскими разбойниками,

которые продали его богатому коринеянину Ксеніаду. Съ первыхъ же словъ, сказанныхъ Діогеномъ, хозяинъ его понялъ съ кѣмъ имѣетъ дѣло и ввѣрилъ цинику воспитаніе своихъ сыновей. Діогенъ—педагогъ превзошелъ ожиданія добраго Ксеніада. Прежде всего обратилъ онъ вниманіе на физическое развитіе дѣтей: роскошную ихъ одежду замѣнилъ самою простою, обрилъ имъ головы, пріучалъ ходить безъ обуви во всякую погоду, пить чистую воду и довольствоваться самой грубой пищей. Въ тоже время онъ обучалъ ихъ гимнастикѣ, верховой ѣздѣ, кулачному бою, стрѣльбѣ изъ лука; ходилъ съ ними на охоту, ежедневно водилъ гулять своихъ воспитанниковъ и, во время прогулокъ, дѣлился съ ними обширными своими познаніями. Давалъ имъ заучивать наизусть отрывки изъ произведеній славнѣйшихъ поэтовъ, читалъ сочиненія философовъ и свои собственныя. Нужно ли говорить, что сыновья Ксеніада всей душой привязались къ Діогену? что же касается до ихъ отца, онъ довѣрилъ философу управленіе всего своего дома и, повинуясь ему во всемъ безпрекословно, изъ хозяина самъ сдѣлался рабомъ. Аѳинскіе друзья Діогена предлагали Ксеніаду значительный выкупъ за Діогена; но ни онъ самъ, ни Ксеніадъ, не согласились разстаться другъ съ другомъ. Въ бытность свою въ Коринѳѣ, циникъ Діогенъ пользовался благосклонностью Лаисы и соперничая съ Аристиппомъ, смѣялся надъ нимъ, говоря, что Аристиппъ за деньги покупаетъ тѣ самыя ласки, которыми Діогенъ пользуется безплатно. На это соперникъ циника отвѣчалъ ему: „я обладаю Лаисою, а она обладаетъ тобою!" Въ Коринѳѣ же, происходило знаменитое свиданіе Александра Македонскаго съ Діогеномъ. Герой подойдя къ бочкѣ, въ которой сидѣлъ циникъ, спросилъ его: не желаетъли онъ чего и не можетъ ли Александръ оказать ему какую милость?

— Окажи мнѣ милость, только одну, отвѣчалъ Діогенъ—не отнимай у меня того, чего дать не можешь: не заслоняй мнѣ солнца, на которомъ я грѣюсь!

Шутливо сравнивая себя съ царемъ персидскимъ, у котораго для каждаго времени года былъ особенный городъ, Діогенъ проводилъ зиму въ Аѳинахъ, лѣто въ Коринѳѣ, гдѣ говорилъ свои поученія въ гимназіи Краніонѣ. Подъ старость лѣтъ онъ не

только не выжилъ изъ ума, но разсудокъ его, какъ будто, яснѣлъ и возрасталъ съ годами, а вмѣстѣ съ нимъ возрастала и его слава. Въ маѣ 324 г. до Р. Х. отправляясь со своими друзьями на истмійскія игры, Діогенъ, дорогою, заболѣлъ лихорадкою. Не желая стѣснять своихъ попутчиковъ онъ убѣдилъ ихъ оставить его на дорогѣ и сѣвъ подъ дерево сказалъ имъ: „одно изъ двухъ: либо я убью лихорадку, либо она убьетъ меня; но на возвратномъ пути вы меня здѣсь найдете". Дня черезъ два друзья Діогена нашли его повѣсившимся на сучкѣ того самаго дерева, подъ которымъ они его оставили. Трупъ его былъ похороненъ близъ Коринөа и на гробницѣ было поставлено мраморное изваяніе собаки. Изъ учениковъ Діогена прославились Менандръ и Кратесъ.

Всякое философическое ученіе, всякая религіозная доктрина въ развитіи своемъ дѣлится на три періода: основанія, возрастанія и упадка. Основателемъ школы циниковъ былъ Антисөенъ: его правила могли быть примѣнимы къ жизни; Діогенъ довелъ эти правила до крайняго предѣла благоразумія, утрируя ихъ и преувеличивая; Кратесъ—превзошелъ Діогена и юродство своего учителя превратилъ въ шутовство. Послѣдователями первоначальнаго ученія Антисөена могли быть сотни людей; преобразованнаго діогеновскаго ученія —десятки; слѣдовать же ученію Кратеса могли весьма немногіе... Діогенъ былъ эксцентрикомъ, Кратесъ дошелъ до фанатизма, граничавшаго съ безуміемъ.

Сынъ богатаго и знатнаго өивянина, Кратесъ, въ юности, слушалъ поученія пиөагорейцевъ. Потеря состоянія пустила его по міру и онъ, щеголяя рубищемъ и хвастая нищетою сдѣлался цинникомъ вступивъ въ число учениковъ Діогена. По сказаніямъ нѣкоторыхъ біографовъ, Кратесъ добровольно обрекъ себя на нищету, раздавъ имущество свое бѣднымъ согражданамъ, или пожертвовавъ принадлежавшія ему земли подъ пастбища, всѣ же свои деньги бросивъ въ море. Діогенъ не дорожилъ общественнымъ мнѣніемъ, но Кратесъ презиралъ его и шелъ ему всегда на перекоръ. Діогенъ ходилъ въ плащѣ; Кратесъ—горбатый и хромой не носилъ никакого одѣянія; Діогенъ валялся въ грязи; Кратесъ валялся на грудахъ навозу. При всемъ томъ доброе сердце и

честныя правила привлекали къ нему весьма многихъ. Отцы семействъ обращались къ нему за совѣтомъ въ затруднительныхъ домашнихъ дѣлахъ и онъ, къ совершенному ихъ удовольствію, разрѣшалъ самые запутанные вопросы. Увлекательность дара слова Кратеса бросила его и на политическое поприще. Въ 288 г. до Р. Х. аѳиняне навлекли на себя гнѣвъ Димитрія Поліорцета за союзъ съ Пирромъ, царемъ эпирскимъ и Аѳинамъ угрожала неминуемая гибель, отъ которой ихъ спасъ Кратесъ, мольбами своими тронувшій Димитрія. Послѣ этого всѣ странности и причуды циника безнаказанно сходили ему съ рукъ. Нѣкоторыя выходки Кратеса не лишены были своего рода остроумія. Раздосадованный его насмѣшками, музыкантъ Никедромъ ударилъ его однажды въ лице и оцарапалъ ему щеку. Циникъ залѣпилъ царапину лоскутомъ холста, написавъ на немъ, будто на статуѣ: „работы Никодрома“. Посѣтивъ пиръ богача окруженнаго прелестницами и паразитами Кратесъ сказалъ ему: „народу вокругъ тебя много, а все же ты одинокъ“! Расточителей вообще, онъ называлъ смоковницами растущими надъ пропастями: птицы, но не люди, пользуются ихъ плодами, а имущества расточителей расхищаютъ друзья, паразиты и продажныя красотки. Золотую статую гетеры Фринеи, Кратесъ называлъ „трофеемъ греческаго разврата“. Когда Александръ Македонскій послѣ разоренія Ѳивъ предложилъ Кратесу возобновить ихъ, циникъ отказался:

— Почему? спросилъ завоеватель.

— А потому, что со временемъ можетъ явиться другой разоритель, подобный тебѣ, и вторично разрушитъ твои постройки!

Не смотря на безобразіе Кратеса, молодая, прелестная собою, богатая и знатная уроженка города Маронеи — Гиппархія страстно влюбилась въ циника и объявила родителямъ, что кромѣ Кратеса не выйдетъ ни за-кого. Уступая просьбамъ отца и матери, циникъ рѣшился самъ отговорить Гиппархію отъ ея сумасброднаго намѣренія.

— Я старъ, безобразенъ, хромъ и горбатъ! сказалъ онъ ей.

— Для меня ты молодъ, красивъ и строенъ! отвѣчала Гиппархія.

— Я нищій: кромѣ лохмотьевъ, хламиды и посоха у меня ничего нѣтъ.

— По уму и добродѣтелямъ ты первый богачъ въ мірѣ.

— У меня нѣтъ пріюта; вся моя жизнь проходитъ въ скитаньяхъ; я жажду, голодаю, хожу нагой...

— Я буду слѣдовать за тобою повсюду, какъ вѣрная собака, буду терпѣть голодъ, жажду и, подобно тебѣ, буду ходить безъ одежды!

Тутъ Гиппархія сбросила съ себя всѣ одѣянія и явилась въ костюмѣ Венеры, вышедшей изъ волнъ морскихъ. Дальнѣйшія увѣщанія были напрасны и Кратесъ взялъ себѣ въ жены эксцентрическую дѣвицу. Брачнымъ ихъ покоемъ былъ портикъ богатаго дома и всѣ наслажденія супружества. Кратесъ и Гиппархія вкусили въ глазахъ многочисленныхъ зрителей (слова Апулея: coram in luce clarissima). Этотъ „гражданскій подвигъ" привелъ въ восторгъ всѣхъ аѳинскихъ циниковъ: они съ торжествомъ пронесли Гиппархію по городу на рукахъ и въ память ея бракосочетанія установили праздникъ циногамію (собачья свадьба). Вѣрная своему обѣщанію, жена Кратеса никогда не разлучалась съ нимъ, слѣдуя за цинико́мъ повсюду и дѣятельно помогая ему, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Метокломъ въ распространеніи цинизма. Во дворцѣ Лизимаха, супруги—циники встрѣтили Ѳеодора—аѳея, ученіе котораго было имъ ненавистно.

— Ты убѣжденъ, что все что ты дѣлаешь—справедливо и безукоризненно, сказала ему Гиппархія. Ты можешь самъ себѣ дать пощечину, стало быть и я могу сдѣлать тебѣ тоже!

И она заушила Ѳеодора, за что онъ сорвалъ съ нея хламиду и обнаружилъ всѣ ея прелести. Такъ полемизировали древніе философы Греціи: оно неприлично, но внушительно!

Кратесъ и Гиппархія дожили до преклонной старости, завѣщая свое ученіе ихъ сыну Пазиклу. Въ заключеніе нашего біографическаго обзора группы философовъ—циниковъ, замѣтимъ, что ихъ секта пережила многія философскія школы и, пройдя длинный рядъ вѣковъ, сохранилась до нынѣ, имѣя послѣдователей и между новѣйшими народами. Въ первые вѣка христіанства, послѣдователи ученія евангельскаго: отшельники, стран-

ники и юродивые, довольствовавшіеся только необходимымъ, въ образѣ жизни и въ привычкахъ являли черты древнихъ циниковъ, за исключеніемъ, разумѣется ихъ безстыдныхъ выходокъ. Средневѣковые ученые и художники, весьма многіе, любили драпироваться въ хламиды Діогена и Кратеса, иные по убѣжденію, другіе ради оригинальности. Въ нашъ просвѣщенный и цивилизованный вѣкъ, цинизмъ, не смотря на свою ветхость и отсталость, повсемѣстно находитъ рьяныхъ послѣдователей и послѣдовательницъ, какъ въ молодомъ, такъ и въ старомъ поколѣніи. Необъятной длины волосы у юношей и остриженныя косы у юницъ, очки при исправности зрѣнія, ботфорты, чуйки, красныя рубахи, неряшливость, грубость въ разговорѣ, задорное ухарство въ манерахъ и презрѣніе ко всѣмъ общепринятымъ приличіямъ—таковы атрибуты современныхъ Кратесовъ и Діогеновъ молодаго поколѣнія, которые, еслибы были посвѣдущѣе въ исторіи, то не считали бы за новость шутовскія выходки, которыми греческіе циники (даже не смотря на свой умъ) смѣшили своихъ согражданъ ровно за двѣ тысячи двѣсти лѣтъ до нашего времени. Древніе-то циники, во многихъ случаяхъ напоминали хоть золото въ грязи... Но, довольно! Насъ ожидаетъ возгласъ подобный тому, которымъ героиня одного романиста, ненавистнаго современнымъ Кратесамъ и Гиппархіямъ, защищаетъ своихъ собратьевъ: „ахъ, оставьте, это свѣжая рана“ [1]).

Богатый и знатный Критонъ былъ другомъ и ученикомъ Сократа. Во время бѣдствія, постигшаго этого незабвеннаго мученика за истину, Критонъ не щадилъ ни денегъ, ни трудовъ для его спасенія: давалъ взятки судьямъ, подкупалъ тюремщиковъ и золотыми ключами отворилъ двери темницы Сократа, но философъ отказался отъ предложеннаго ему бѣгства. Годами Сократъ и Критонъ были ровесники. Сыновья послѣдняго: Критовулъ, Гермогенъ, Эпигеній и Стезиппъ были также учениками Сократа.

Эвклидъ (котораго не должно смѣшивать съ одноименнымъ и современнымъ ему славнымъ математикомъ, отцомъ геометріи, Эв-

---

[1]) Госпожа Ван-Скокъ, въ романѣ Стебницкаго „На ножахъ“.

клидомъ) родился въ Мегарѣ и въ весьма юныхъ годахъ поступилъ въ число учениковъ Сократа. Во время Пелопонезской войны, впускъ въ Аѳины, иногороднымъ грекамъ, былъ воспрещенъ подъ страхомъ казни. Не смотря на это Эвклидъ, переодѣтый въ женское платье, посѣщалъ въ Аѳинахъ своего учителя. Послѣ его кончины, онъ далъ у себя въ Мегарѣ пріютъ многимъ ученикамъ. Этотъ Эвклидъ былъ основателемъ мегарійской или эристической школы, основанной преимущественно на искуствѣ спорить и щеголять риторическими фокусами, которые къ истиннѣ относятся точно также какъ фейерверкъ къ солнцу: блескъ, трескъ, разноцвѣтныя искры—а въ результатѣ дымъ и чадъ, только способствующіе мраку. Самый эпитетъ школы Эвклида можно перевести словами: школа спорщиковъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

Сократъ, Платонъ, Аристотель.—Происхожденіе Платона.—Пчелы горы Гиметта.—Сновидѣніе.—Лебедь.—Образованіе Платона.—Пребываніе въ Сициліи.—Политическія убѣжденія.—Законодательство.—Академія.—Ученіе Платона.—Идеи.—Душа.—Загробное бытіе.—Символъ воскресенія.—Чистота доктрины.—Платоническая любовь.—Сочиненія Платона.—Спевсиппъ.—Ксенократъ.—Его способности.—Любовь къ Платону.—Безстрастіе.—Закладъ Фринеи.—Афоризмы.—Безкорыстіе.—Тиранъ и философъ.—Выкупъ изъ тюрьмы.—Обращеніе Полемона.—Аристотель.—Юность.—Письмо Филиппа македонскаго.—Неблагодарность къ Платону.—Ненависть къ персамъ.—Обоготвореніе жены.—Школа перипатетиковъ.—Ученіе Аристотеля.—Его заслуги.—Двадцативѣковой авторитетъ.—Опала.—Всеобщая ненависть.—Обвиненіе Эвфимедона.—Смерть Аристотеля.—Его сочиненія.—Ѳеофрастъ.—Мракобѣсіе Ареопага.—Открытіе и труды Ѳеофраста.—Віонъ.—Димитрій фалерійскій.—Чиновничество и философія.

Говоря сравненьями, ученіе Сократа, можно уподобить золотой рудѣ, въ сыромъ, необработанномъ видѣ; ученіе Платона—чистое золото, выплавленное изъ этой руды; ученіе Аристотеля—

сосудъ отлитый и вычеканенный изъ золотаго слитка. Заслуги Аристотеля, въ глазахъ потомства, неоспоримы, но труды Сократа и Платона относятся къ его трудамъ, точно также, какъ работы рудокопа и маркшейдера къ работамъ золотыхъ дѣлъ мастера. Платонъ по чистотѣ своей доктрины, не имѣлъ подобнаго себѣ философа ни въ древнихъ, ни въ новѣйшихъ вѣкахъ; отцы церкви, воздавая ему должную справедливость, не возбраняли чтенія его произведеній христіанамъ, до такой степени онѣ чисты, высоко-нравственны и проникнуты духомъ истины... Нѣкоторые богословы въ ученіи Платона видѣли проявленіе предчувствія грядущаго появленія на землѣ Сына Божія и называли Платона—святымъ. Подобный взглядъ на этого философа нельзя назвать даже и пристрастнымъ, ибо ученіе Христово — достояніе всего міра и Слово божіе было „чаяніемъ языковъ“.

Платонъ родился на островѣ Эгинѣ въ 7 день мѣсяца Ѳаргеліона LXXXVII Олимпіады (въ маѣ 430 г. до Р. Х.) и, по происхожденію принадлежалъ къ одному изъ древнѣйшихъ и знатнѣйшихъ родовъ Греціи. Отецъ его Аристонъ былъ изъ племени Кадма; мать, Периктіона доводилась праправнукою великому Солону. По сказаніямъ древнихъ біографовъ, знаменія будущей славы проявлялись еще надъ колыбелью Платона—младенца.

Эліанъ говоритъ (Разн. ист. кн. X гл. 21), что когда родители философа отправились на вершину горы Гиметта, для принесенія жертвъ музамъ и нимфамъ, Периктіона положила спящаго грудного своего сына въ миртовый кустъ. Здѣсь на полуоткрытыя его уста, съ тихимъ жужжаніемъ опустились цѣлымъ роемъ пчелы и положили на нихъ медъ — „означая тѣмъ будущую сладость рѣчей Платона“ прибавляетъ Эліанъ. Другіе біографы, называя Платона сыномъ Аполлона, разсказываютъ о чудномъ его сновидѣніи, въ которомъ отроку явился его двойникъ, съ тремя глазами на лбу. Третьи утверждаютъ, будто наканунѣ его прихода къ Сократу, этотъ послѣдній видѣлъ, какъ съ алтаря Амура, поднялся лебедь и оглашая воздухъ необычайно сладостнымъ пѣніемъ, плавно воспарилъ въ высь небесную и сгинулъ въ ясной лазури. Всѣ эти знаменія, очевидно выдуманныя въ эпоху славы Платона, а можетъ быть даже и послѣ его смерти, доказываютъ только,

какого высокаго мнѣнія были о немъ современники. Дѣйствительно, Платонъ принадлежалъ къ числу тѣхъ избранныхъ, Богомъ возлюбленныхъ натуръ, въ которыхъ Онъ являетъ всѣ совершенства свойственныя человѣку. Наружность Платона вполнѣ гармонировала съ его необъятнымъ умомъ и высокими душевными качествами. До поступленія своего въ число учениковъ Сократа, Платонъ изучалъ творенія пиѳагорейцевъ, подготовившія его къ воспринятію доктрины безсмертнаго философа. Поученія его Платонъ слушалъ восемь лѣтъ (408 — 400 г. до Р. X.). Когда гнусная клевета предала Сократа въ руки судей, которые, въ свою очередь, ввергли его въ темницу, а за нею — въ могилу, Платонъ, всѣми силами краснорѣчія защищалъ своего учителя, но принужденъ былъ умолкнуть предъ неистовыми воплями злодѣевъ, требовавшихъ смерти Сократа. Послѣ страдальческой его кончины, Платонъ нашелъ пріютъ въ Мегарѣ у Эвклида и въ бесѣдахъ съ нимъ достигъ въ діалектикѣ неподражаемаго совершенства. Затѣмъ Платонъ отправился путешествовать для окончательнаго образованія. Въ Италіи онъ былъ радушно принятъ въ общину пиѳагорейцевъ, слушалъ поученія: Архиты Тарентскаго, Тимея Локрійскаго, Филолая Гераклейскаго, Эврита, Эфекрата, Апріона и былъ посвященъ въ таинства высшихъ степеней общины. Изъ Киринеи, гдѣ онъ обучался геометріи у Ѳеодора, Платонъ отправился въ Египетъ. Здѣсь жрецъ Секосуфисъ преподавалъ ему астрономію, ознакомилъ его съ книгами Гермеса Трисмегиста и выхлопоталъ ему доступъ на таинственныя засѣданія жрецовъ, на которыя допускались немногіе избранники. Въ Египтѣ же, какъ говорятъ нѣкоторые ученые, Платонъ сошелся съ еврейскими богословами: читалъ Пятикнижіе Моисея и нѣкоторые книги ветхозавѣтныхъ пророковъ. По возвращеніи въ Европу, Платонъ посѣтилъ Діонисія, тирана сиракузскаго, который сначала обласкалъ философа, а потомъ задержалъ какъ плѣнника, благодаря предательству Поллиса, посла лакедемонскаго. Аннихерисъ выкупилъ его изъ плѣна и далъ ему возможность бѣжать въ Аѳины. Діонисій опасался мщенія Платона, но благодушный философъ и не думалъ о мщеніи, посвятивъ всѣ помыслы свои философіи и наукамъ. Преемники тирана сиракузскаго: Діонисій младшій и Діонъ

пользовались совѣтами Платона и, можетъ быть, не были бы свергнуты, еслибъ слѣдовали его наставленіямъ въ многотрудныхъ дѣлахъ правительства. По мнѣнію Платона, совершеннѣйшимъ образомъ правленія можно признать ѳеократизмъ, т. е. верховнымъ владыкою страны долженъ быть жрецъ; при немъ въ качествѣ сотрудниковъ допускаются три царя, а при нихъ три совѣта: законодательный, политическій и судебный. Киренея, Аркадія и Ѳивы просили философа начертать имъ законы, но онъ отказался отъ этого, по той причинѣ, что жители перваго города были слишкомъ корыстолюбивы, а жители двухъ прочихъ областей — слишкомъ склонны къ равенству, котораго Платонъ въ абсолютномъ смыслѣ слова не допускалъ ни въ какомъ благоустроенномъ государствѣ. Великій философъ доказывалъ, что: свободѣ (если только можно такъ выразиться) не слѣдуетъ давать свободы, иначе государство подвергнется всѣмъ ужасамъ безначалія. Истинная свобода, по его мнѣнію, въ подчиненности законамъ разума, которые самимъ Богомъ начертаны въ сердцѣ каждаго человѣка. Такимъ образомъ Платонъ, единымъ властителемъ всѣхъ царствъ земли признавалъ Бога, а царей—блюстителями его предначертаній, въ чемъ сотрудниками царей должны быть судьи, воины и сами граждане. Вообще нравственность и политика, по ученію Платона, должны быть связаны неразрывно. Онъ составилъ XII книгъ законовъ для города Магнезіи; въ правители Элеѣ далъ Формiона; Пиррѣ—Менедема. Совѣтами своими руководилъ Пиѳона и Гераклида,—освободителей Ѳракіи, былъ друженъ съ Архелаемъ, царемъ македонскимъ. При всемъ томъ, великій мужъ отклонялся отъ дѣятельности административной и живя въ Аѳинахъ въ печальную эпоху правленія тридцати тирановъ, не принималъ въ государственныхъ дѣлахъ никакого участія. У Платона было собственное царство. Оно было не обширно, однако же заключало въ себѣ сокровища несмѣтныя: царство это состояло изъ тѣнистыхъ садовъ дачи Академа, въ которыхъ Платонъ бесѣдовалъ съ учениками. Отсюда происхожденіе слова Академія и названіе школы Платона—академическою. Здѣсь мирно царствовалъ великій философъ, проповѣдуя прекрасное свое ученіе, здѣсь и скончался въ 347 г. до Р. Х., завѣщая управле-

ніе академіею племяннику своему Спевсиппу, говоря прочимъ ученикамъ о возрожденіи души за гробомъ и о жизни будущей.

Въ догматахъ своего ученія Платонъ соединилъ въ стройное, гармоническое цѣлое доктрины Пиѳагора, Гераклита и Сократа. Если въ его ученіи физика не отдѣлена отъ метафизики, космографія отъ космогоніи; если онъ, какъ естествоиспытатель ниже Аристотеля и его послѣдователей—перипатетиковъ, тѣмъ не менѣе Платонъ имѣетъ полное, неотъемлемое право на имя основателя естественнаго богословія и вотъ сущность его ученія:

— Единый Богъ—создатель всего видимаго и невидимаго; все истинное и прекрасное отъ Бога; правда, гармонія и красота непремѣнныя принадлежности всѣхъ дѣлъ божіихъ; добродѣтель и чистая нравственность—пути къ богопознанію. Кромѣ видимаго вещественнаго міра, есть міръ идей, доступный разуму человѣческому, не омраченному страстями, не удрученному заботами о вещественномъ. Идеи или первообразы (архетипы), нисходя въ вещественный міръ, облекаются въ матерію и воспринимаютъ предназначенную форму. Знаніе врожденно душѣ, ибо она, до облаченія своего въ тѣлесную оболочку, сроднилась съ идеями, и разумъ человѣческій знакомясь съ науками только припоминаетъ сродныя ему идеи, видя ихъ облеченными въ вещественную форму. Душа безсмертна. Она заключена въ тѣлѣ, какъ узница въ темницѣ, изъ которой ее освобождаетъ смерть. По окончаніи преходящаго земнаго бытія, для души начнется новое безконечное бытіе, въ которомъ ее ожидаетъ (смотря по дѣяніямъ человѣка въ земной жизни) или блаженство общенія съ Богомъ, или страданія, вслѣдствіе отчужденія души отъ ея прекраснаго и всеблагаго источника. Бытіе человѣка на землѣ Платонъ сравнивалъ съ существованіемъ хризалиды. Слабый червячекъ пресмыкается на землѣ; готовитъ себѣ кокону, хоронится въ ней, чтобы воскреснуть въ видѣ пестрокрылой бабочки и порхать въ эѳирѣ при теплыхъ лучахъ весенняго солнца. Вотъ символъ земной жизни, смерти и воскресенія для безконечнаго бытія загробнаго! Далѣе этого, какъ видитъ читатель, не могла идти философія, выработанная изъ элементовъ грубаго язычества; Платонъ довелъ разумъ человѣческій къ преддверію того ученія, божественный про-

повѣдникъ котораго говорилъ о себѣ: „я есмь дверь: кто войдетъ мною, тотъ спасется“ (Отъ Іоанна гл. X ст. 9).

Вселяя въ сердце учениковъ презрѣніе къ богатству и къ нелѣпымъ затѣямъ причудливой роскоши, Платонъ не только не вмѣнялъ имъ въ обязанность отвратительнаго неряшества, но напротивъ, внушалъ чувства любви къ опрятности, соединенной съ изящною простотою. Зная по собственному опыту, что чистыя наслажденія произведеніями разныхъ искуствъ облагораживаютъ душу, онъ дозволялъ ученикамъ чтеніе поэтовъ, занятіе музыкою, живописью и ваяніемъ. Внушая имъ отвращеніе къ грубымъ чувственнымъ удовольствіямъ, Платонъ не отчуждалъ ихъ отъ женскаго общества, допуская даже нѣкоторую короткость въ обхожденіи, безъ нарушенія, разумѣется, правилъ строжайшаго цѣломудрія. Въ глазахъ идеалиста платоника дѣвушка была неприкосновенною святынею; онъ могъ склоняться къ ея стройнымъ стопамъ, могъ восхищаться ея дѣвственною красою, какъ благоуханнымъ цвѣткомъ на стеблѣ, или, какъ порхающею бабочкою, которая отъ грубаго прикосновенія къ своимъ крылышкамъ теряетъ съ нихъ радужную пыль, и лишенная способности летать — пресмыкается.

Академія Платона была раздѣлена на два курса: низшій, или, общедоступный и высшій, доступный особеннымъ избранникамъ. Сообразно этой классификаціи учениковъ, и сочиненія Платона (почти всѣ дошедшія до насъ) дѣлятся на экзотерическія (популярныя) и эзотерическія (избранныя). Къ первымъ принадлежатъ его Діалоги (разговоры) и Пиръ, ко вторымъ: Республика и Законы. Всѣ произведенія Платона донынѣ достойны изученія, какъ по чистотѣ и богатству мыслей, такъ равно и по прелести неподражаемаго слога. Все что только есть привлекательнаго (и вмѣстѣ съ тѣмъ — несбыточнаго) въ сочиненіяхъ новѣйшихъ утопистовъ — все заимствовано, или безъ околичности выкрадено ими у Платона... Знаменитые Фурье и Викторъ Консидеранъ — блѣдныя копіи греческаго философа. Послѣ его кончины аѳиняне воздвигли ему статую, соорудили алтари, чеканили медали съ его изображеньями.. но несокрушимый памятникъ Платона имъ самимъ себѣ воздвигнутый — его безсмертныя произведенія!

Спевсиппъ племянникъ и преемникъ Платона въ управленіи

Академіею (съ 347 по 339 до Р. Х.) не съумѣлъ поддержать славы этого великаго учрежденія, такъ какъ въ дарованіяхъ далеко отсталъ отъ своего геніальнаго дяди, а по своему поведенію былъ несравненно ниже его. Ученики Платона, повиновавшіеся ему, какъ пчелы своей царицѣ не захотѣли покорствовать Спевсиппу—лѣнивому трутню, и улей Академіи постепенно началъ пустѣть и приходить въ упадокъ; но отъ конечнаго паденія Академія была спасена Ксенократомъ.

Небогатый способностями, но прилежный и учителю своему всегда покорный, Ксенократъ родился въ Халкедоніи около 406 г. до Р. Х. Сравнивая Ксенократа съ Аристотелемъ, Платонъ говорилъ: „первому, для понужденія необходимы шпоры, какъ лѣнивому коню; втораго, какъ чрезъ мѣру ретиваго, нужно постоянно держать въ уздѣ!" Сознавая свою тупость и непонятливость, Ксенократъ сравнивалъ себя съ узкогорлымъ сосудомъ, въ который трудно влить вино, однако же изъ котораго не легко его и вылить. Онъ не хваталъ на лету подобно Аристотелю, за то и не считалъ себя умнѣе Платона, котораго боготворилъ всѣми силами доброй своей души. Сопровождая учителя въ Сиракузы и будучи свидѣтелемъ притѣсненій и непріятностей, причиняемыхъ Платону Діонисіемъ старшимъ, Ксенократъ грудью отстаивалъ его и однажды, когда тиранъ грозилъ Платону казнію—выразилъ готовность пожертвовать за него собственною головою. Впрочемъ и учитель питалъ къ доброму ученику нѣжнѣйшія, отеческія чувства. Кто-то изъ академиковъ сказалъ Платону, что Ксенократъ дурно отзывался о немъ. „Не вѣрю", отвѣчалъ философъ, „меня не можетъ злословить человѣкъ, котораго я такъ сильно люблю!" Добраго Ксенократа онъ сравнивалъ со скалою, въ нѣдрахъ которой хранится золотой рудникъ. Этимъ сравненіемъ Платонъ хотѣлъ выразить, что наружность его ученика нисколько не гармонируетъ съ его душевными качествами. Угрюмый, неуклюжій, грубоватый и не словоохотливый, Ксенократъ могъ служить чистѣйшимъ типомъ добродѣтельнаго грубіяна (bourru bienfaisant). Послушный только Платону, онъ былъ упрямъ, непреклоненъ и, благодаря удивительной силѣ воли, ничѣмъ невозмутимъ и безстрастенъ. „Другъ", говаривалъ ему Платонъ, „не мѣшало бы тебѣ иногда приносить жертвы

Граціямъ!“ Безчувственный увалень, въ отношеніи любви, какъ идеальной, такъ и матеріальной, Ксенократъ былъ жалостливъ до безконечной степени. Однажды, спасаясь отъ преслѣдованій ястреба, бѣдный воробей укрылся въ складкахъ его хламиды: Ксенократъ выпуталъ изъ нихъ трепещущую птичку, обогрѣлъ ее дыханіемъ, тихо поцѣловалъ и пуская въ густую листву, гдѣ воробей былъ внѣ опасности, сказалъ своимъ спутникамъ: „грѣшно и стыдно употреблять во зло оказываемое намъ довѣріе!“ Подозрѣвая, что равнодушіе Ксенократа къ женщинамъ ничто иное какъ лицемѣріе, нѣсколько знатныхъ и богатыхъ аѳинянъ сговорились обольстить его ласками знаменитой Фринеи. Она побилась съ нимъ объ закладъ, что безстрастный философъ не устоитъ отъ ея обаятельныхъ ласокъ. Не столько желаніе выиграть, сколько самолюбіе одушевляло Фринею и она расточила предъ Ксенократомъ весь запасъ любезностей, кокетливыхъ выходокъ, не скупясь и на поцѣлуи... Но увы! философъ пребылъ непоколебимъ. Возвратясь къ своимъ пріятелямъ Фринея съ досадою сказала имъ:

— Во всякомъ случаѣ я выиграла! Мы бились объ закладъ, что я обольщу человѣка, но Ксенократъ—статуя!

Съ 339 по 314 годъ до Р. Х. Ксенократъ управлялъ Академіею, преподавая въ ней философію Платона, и сады Академіи, какъ въ былые годы, опять наполнились слушателями. Отъ своихъ учениковъ философъ требовалъ всего прежде знанія математики, называя ее ключемъ всѣхъ наукъ. Отвергая бредни язычества, но и не восходя въ размышленіяхъ своихъ о Богѣ до идеальной высоты умозрѣній Платона, Ксенократъ признавалъ богами: небо и семь планетъ. Его разсужденія: о философіи, о природѣ и о смерти не дошло до насъ; но записанныя слушателями сохранились нѣкоторыя изрѣченія, изъ которыхъ особенно замѣчательно слѣдующее:

— Истинный философъ по собственному побужденію дѣйствуетъ такъ, какъ поступаютъ другіе по принужденію законовъ.

Неподкупная честность и прямодушіе Ксенократа были до того извѣстны въ Аѳинахъ, что ему даже въ судилищахъ вѣрили безъ всякихъ присягъ и клятвъ. Александръ Македонскій чрезъ нарочныхъ пословъ прислалъ ему въ подарокъ 50 талантовъ (68,750

руб. сер.). Философъ, принявъ пословъ въ своемъ убогомъ жилищѣ, угостилъ ихъ вседневнымъ, незатѣйливымъ обѣдомъ и когда они вручили ему царскій подарокъ, онъ отвергъ его, сказавъ:

— По моему обѣду вы можете видѣть, умѣю ли я довольствоваться малымъ и желаю ли избытка!

Не желая однако обидѣть великаго завоевателя, Ксенократъ взялъ изъ присланныхъ ему денегъ два таланта, но и тѣ роздалъ бѣднымъ.

Угнетаемые Антипаторомъ, аѳиняне поручили Ксенократу исходатайствовать имъ нѣкоторыя льготы у жестокаго правителя.— Развѣ я мало дѣлаю имъ добра? сказалъ Антипаторъ философу.

— Такъ, отвѣчалъ Ксенократъ—тебя можно было бы назвать милостивымъ, если бы ты управлялъ рабами, но для народа свободнаго—ты слишкомъ жестокъ!

Ходатайство Ксенократа было уважено и, при всемъ томъ, эти же самые Аѳины—городъ неблагодарности и безчувственной казенщины—не постыдились засадить философа въ тюрьму за неуплату недоимокъ! Его выкупилъ Димитрій фалерійскій, занимавшій тогда должность градоправителя. Выпущенный изъ тюрьмы Ксенократъ встрѣтилъ его сына:

— Не благодарю отца твоего за свободу, сказалъ онъ ему. Ты самъ слышишь всеобщія похвалы за это доброе дѣло: вотъ лучшая ему награда!

Ксенократъ умеръ въ 314 г. до Р. Х. и изъ всѣхъ его учениковъ Полемонъ оказался достойнѣйшимъ его преемникомъ. Этотъ Полемонъ, въ юности удивлялъ аѳинянъ роскошью и распутствами, приводившими въ отчаяніе все его семейство. Однажды онъ, пьяный, въ цвѣточномъ вѣнкѣ на всклокоченныхъ волосахъ, въ богатой, но перепачканой и изорванной одеждѣ, забрелъ въ сады Академіи и пошатываясь достигъ того мѣста, на которомъ Ксенократъ читалъ слушателямъ свои поученія. Предметомъ чтенія въ этотъ день, было, какъ нарочно, сужденіе о пьянствѣ. Философъ только что описалъ живыми красками гнусное изображеніе человѣка, преданнаго этому ужасному пороку, какъ явившійся Полемонъ предсталъ передъ ними, будто живая иллюстрація. Всеобщій хохотъ мгновенно отрезвилъ пьяницу, а настав-

ленія Ксенократа зажгли огонь стыда на его впалыхъ щекахъ и въ этомъ огнѣ порокъ Полемона сгорѣлъ до тла... Онъ раскаялся, остепенился и съ этого дня, ставъ въ ряды учениковъ философа, превзошелъ ихъ всѣхъ въ твердости характера и въ повиновеніи нравственнымъ правиламъ платонизма. Проповѣдуя невозмутимость и безстрастіе, Полемонъ подавалъ примѣръ своимъ ученикамъ— какая мощь заключается въ волѣ человѣка! Онъ умеръ отъ чахотки, имѣя не болѣе сорока лѣтъ отъ роду, въ 272 году до Р. X.

Теперь мы перейдемъ къ группѣ философовъ школы перипатетической, составившей какъ-бы расколъ или, вѣрнѣе, отколъ — отъ школы платонистовъ. Начнемъ съ основателя.

Аристотель—по уму и дарованіямъ, достойный—по чувствамъ недостойнѣйшій изъ всѣхъ учениковъ Платона—родился въ городѣ Стагирѣ (въ Македоніи) въ 1 годъ XCIX Олимпіады (384 г. во Р. X.). Онъ былъ сыномъ Никомаха, изъ племени Асклепіадовъ (потомковъ Эскулапа) и жены его Фаэтиды. Никомахъ былъ врачемъ при дворѣ царя Аминта III и сына своего готовилъ себѣ въ преемники. Обучаясь медицинѣ Аристотель съ юныхъ лѣтъ обнаружилъ пламенную любовь къ естественнымъ наукамъ вообще и повинуясь голосу внутренняго призванія былъ впослѣдствіи времени отцемъ натуральной философіи. Имѣя не болѣе 18 лѣтъ отъ роду, Аристотель лишился отца и матери и нашелъ себѣ пріютъ въ Аттарнѣ, у друга покойнаго своего отца—Проксена. Не желая особенно его обременять Аристотель занимался врачебною практикою, составленіемъ и продажею лекарствъ. Въ 364 г. до Р. X. онъ прибылъ въ Аѳины, представился Платону, который, угадывая въ Аристотелѣ геніальную натуру, принялъ въ число академиковъ. Успѣхи ученика превзошли ожиданія учителя: черезъ восемь лѣтъ (въ 356 г. до Р. X.) слава Аристотеля уже гремѣла по всей Греціи, а Филиппъ, царь македонскій, писалъ ему слѣдующее посланіе: „отъ Филиппа царя македонскаго, привѣтъ Аристотелю философу. Вѣдай, что у меня родился сынъ. Благодарю боговъ не столько за то, что они дали мнѣ его, сколько за его рожденіе при Аристотелѣ. Ввѣряя тебѣ его воспитаніе надѣюсь, что ты сдѣлаешь изъ него царя — достойнаго мнѣ наслѣдовать и властвовать надъ македонянами.“ Превознесенный

философъ, горделиво собирая дань уваженія къ себѣ—отъ царя до нищаго, не могъ не кичиться предъ бывшимъ своимъ учителемъ, Платономъ, снисходительно называя его человѣкомъ умнымъ, но „немножко отсталымъ и съ устарѣлыми понятіями". Въ отвѣтъ на эти отзывы, разумѣется заочные, ибо при свиданіяхъ, Аристотель всегда оказывалъ Платону глубокое уваженіе, послѣдній сказалъ: „Аристотель, какъ жеребенокъ: насосавшись молока, лягаетъ свою матку!" [1]). Послѣ смерти Платона Аристотель поселился въ Аттарнѣ и здѣсь особенно подружился съ военачальникомъ Герзоміемъ, казненнымъ за измѣну царемъ Артаксерксомъ. Слѣдствіемъ этой казни была непримиримая ненависть философа къ персамъ, которую онъ съумѣлъ привить къ сердцу юнаго своего питомца Александра Македонскаго. Оплакивая своего друга Аристотель женился на его сестрѣ Пиѳіадѣ, но жилъ съ нею недолго; когда она скончалась, философъ причислилъ ее къ богинямъ и памяти ея воздавалъ божескія почести. Это не помѣшало ему однако взять себѣ въ наложницы рабыню Герпиллиду и прижить съ нею сына. Ко двору Филиппа Македонскаго Аристотель прибылъ въ 343 г. до Р. Х. и двѣнадцать лѣтъ былъ неразлученъ съ Александромъ, своимъ воспитанникомъ: сопутствовалъ ему въ походахъ, занимаясь естествоиспытаніями и собирая драгоцѣнныя коллекціи рыбъ, звѣрей, птицъ и растеній чужихъ странъ покоряемыхъ героемъ. Оставивъ при Александрѣ своего родственника Каллисѳена (павшаго отъ пьяной руки безсмертнаго героя) Аристотель возвратился въ Аѳины и открылъ новую академію въ садахъ Лицея, получившую названіе перипатетической или Академіи прогуливающихся. Прозвище это было дано ей за то, что Аристотель читалъ свои лекціи слушателямъ прогуливаясь съ ними, избирая предметами для своихъ бесѣдъ произведенія окружавшей ихъ природы. Эти прогулки можно было назвать первыми опытами демонстративныхъ лекцій и ученыхъ экскурсій. Подобно Платону, Аристотель дѣлилъ свои лекціи на общедоступныя и исключительныя (эзотерическія и ахроматическія). „Пустота ненавистна природѣ" говорилъ онъ сво-

---

[1]) Эліанъ. Разн. Ист. Кн. IV гл. 9.

имъ ученикамъ. — „Въ естественныхъ наукахъ не должно быть мѣста ни догадкамъ ни предположеніямъ; всѣ умозаключенія должны быть выведены изъ собственныхъ опытовъ. Естествознаніе не должно основываться на сужденіяхъ отвлеченныхъ, или, на мудрствованіяхъ какихъ-бы то ни было авторитетовъ. Наука вѣруетъ въ факты; изъ нихъ выводятся ея законы.“ Истинны неоспоримыя, но проповѣдуя ихъ, слѣдовалъ ли имъ самъ Аристотель? Въ его естественной исторіи мы встрѣчаемъ множество исключительныхъ фактовъ имъ же обобщенныхъ и тысячи исключеній, которымъ онъ придавалъ значеніе правилъ. Собственный опытъ онъ ставилъ выше всякаго авторитета, а между тѣмъ, при жизни и въ теченіе двадцати вѣковъ послѣ смерти былъ авторитетомъ для цѣлыхъ поколѣній ученыхъ. Фанатики первыхъ вѣковъ христіанства предали ученіе Аристотеля анаѳемѣ; за то аравитяне въ VI вѣкѣ по Р. Х. провозгласили его свѣтиломъ науки и преклонились передъ нимъ; затѣмъ, въ теченіе двѣнадцати вѣковъ, до половины XVIII столѣтія, шла ожесточенная борьба между послѣдователями и противниками школы Аристотеля... Произведенія первыхъ сожигались (иногда вмѣстѣ съ авторами) на инквизиціонныхъ кострахъ; недовольствуясь битвою на перьяхъ, враждовавшія стороны не гнушались ни ядами, ни кинжалами: Петръ Ла-Раме палъ отъ руки убійцъ (въ 1572 году), подкупленныхъ его противникомъ Шарпантье, и палъ за то, что слѣдовалъ ученію Аристотеля! Папы неутомимо громили его своими буллами; государи изгоняли его изъ университетовъ... И вся эта буря поднялась на основателя перипатетической школы единственно за то, что Аристотель первый дерзнулъ изгнать изъ науки идеализмъ и прочныя ея основы положилъ на реализмѣ, т. е. грубой, но осязаемой дѣйствительности. Можно сказать, безъ всякаго преувеличенія, что ученіе Аристотеля проложило широкій путь всѣмъ естествоиспытателямъ былыхъ и новѣйшихъ временъ къ ихъ великимъ открытіямъ: безъ Аристотеля, человѣчество не гордилось бы ни Коперникомъ, ни Кеплеромъ; безсмертные: Ньютонъ и Локкъ [1]) были ревностными послѣдователями его ученія.

---

1) Исаакъ Ньютонъ—родился въ 1642, умеръ въ 1727 году. Локкъ—

Послѣ убіенія Каллисѳена, между Александромъ Македонскимъ и Аристотелемъ возникли отношенія далеко непріязненныя. О степени прежняго благоволенія героя къ своему учителю, читатель можетъ судить по тому, что Александръ въ угоду Аристотелю вновь воздвигъ разрушенную Стагиру (жители которой, въ память философа установили ежегодныя празднества Аристотелій) и по его просьбѣ—городъ Эрезосъ, родину Ѳеофраста. Однако же опала царская была непродожительна и не тяжела для Аристотеля: бѣдственные для него дни начались съ кончиною Александра. Ранняя кончина героя возбудила во всѣхъ его приближенныхъ неосновательныя подозрѣнія объ отравѣ и они пали на Аристотеля, будто бы подославшаго убійцу въ Вавилонъ для отмщенія Александру за смерть Каллисѳена. Ученый міръ въ Аѳинахъ возсталъ на философа и ненависть къ нему собрала въ одно ополченіе послѣдователей двухъ школъ враждебныхъ другу другу: академиковъ и софистовъ. Одни не могли простить Аристотелю его соперничества съ Платономъ; другіе его презрѣнія къ шарлатанству, котораго не чужды были всѣ софисты вообще; къ нимъ присоединились и жрецы—враги всѣхъ философовъ и также морочилы, не хуже софистовъ. Гіерофантъ Эвримедонъ, предъ лицемъ Ареопага, обвинилъ Аристотеля въ безбожіи и хотя философу не угрожала участь Сократа, но онъ удалился на Эвбею и здѣсь умеръ въ 322 г. по Р. Х., завѣщая душеприкащикамъ своимъ похоронить его вмѣстѣ съ женою, воздвигнуть статуи его родителямъ и дать свободу всѣмъ его рабамъ.

Преемникомъ Аристотеля былъ его любимый ученикъ Ѳеофрастъ Эрезосскій. Изъ множества сочиненій великаго философа по всѣмъ отраслямъ естествознанія, по части политики, словесныхъ наукъ и эѳики (науки о нравственности), почти всѣ дошли до насъ. Первое печатное изданіе произведеній Аристотеля вышло въ свѣтъ изъ подъ станковъ славнаго Альда Манучччи въ Венеціи, въ 1495 году. Всѣ они переведены, кромѣ арабскаго—и латинскаго, на всѣ европейскіе языки и съ вѣками не теряютъ своихъ достоинствъ.

родился въ 1632, умеръ въ 1704 году. Обоими именами по справедливости гордится Англія.

Θеофрастъ сынъ валяльщика суконъ; Менанта, родился на островѣ Лесбосѣ въ городѣ Эрезосѣ, въ 5 число гекатомбеона 2 года CII Олимпіады (371 г. до Р. Х.). Посвятивъ себя изученію философіи прибылъ въ Аѳины, слушалъ лекціи Платона и въ Академіи сблизился съ Аристотелемъ. Когда Спевсиппъ наслѣдовалъ дядѣ своему, Θеофрастъ отправился въ Эрезосъ; принялъ участіе въ освобожденіи города отъ правителей — тирановъ, затѣмъ уѣхалъ въ Македонію и участвовалъ въ битвѣ Херонейской. При основаніи Лицея, Аристотель взялъ Θеофраста себѣ въ помощники и тѣмъ открылъ для умственной его дѣятельности обширное поприще. При всемъ своемъ благоговѣніи къ Аристотелю, Θеофрастъ, преподавая философію, сдѣлалъ удачную попытку къ примиренію доктрины перипатетиковъ съ ученіемъ Сократа и Платона и, въ первый же годъ своихъ чтеній въ Лицеѣ, имѣлъ до 2000 слушателей. Будучи перипатетикомъ въ отношеніи естествознанія, Θеофрастъ былъ идеалистомъ въ своихъ нравственныхъ и религіозныхъ возрѣніяхъ. Этотъ идеализмъ не могъ нравиться Ареопагу и Θеофрастъ обвиненный въ безбожіи былъ призванъ въ судилище. Ему удалось оправдаться, но вслѣдствіе закрытія Академіи, Лицея и всѣхъ философскихъ аудиторій, онъ былъ принужденъ удалиться изъ Аѳинъ. Премудрый Ареопагъ, видя въ изученіи естественныхъ наукъ и въ просвѣщеніи вообще источникъ порчи нравовъ, изволилъ постановить:

„Чтобъ грамотѣ никто не зналъ и не учился!“

Это дикое узаконеніе въ теченіе года сохранялось во всей силѣ; потомъ Ареопагъ опомнился и дозволилъ людямъ быть людьми, т. е. учиться и просвѣщаться. По возвращеніи въ Аѳины, Θеофрастъ снова занялся чтеніями въ Лицеѣ и продолжалъ ихъ по самую смерть, въ 286 г. до Р. Х. Преемникъ его былъ Стратонъ Лампсакскій. Заслуги Θеофраста, какъ естествоиспытателя, неоцѣнимы. Ученые его труды по зоологіи, минералогіи и въ особенности — ботаникѣ (впервые отпечатанные у Альда Мануччи въ 1477 году) не утратятъ своихъ достоинствъ и въ отдаленнѣйшемъ потомствѣ. Ботаническая физіологія и морфологія обязаны ему многими драгоцѣнными открытіями, чтобы не сказать — своимъ основаніемъ. Изъ сочиненій по части эѳики особенно важны пси-

хологическіе этюды, подъ заглавіемъ: Характеры. Изъ многихъ учениковъ Ѳеофраста особенно прославились: Віонъ и Димитрій фалерійскій.

Віонъ, сынъ рыбака и публичной женщины, родился на берегахъ Борисѳена (Днѣпра), въ юности прибылъ въ Аѳины и поочередно слушалъ философію у Кратеса циника, у Ѳеодора аѳея, наконецъ у Ѳеофраста. Заимствовавъ у каждаго изъ своихъ учителей только то, что особенно согласовалось съ его характеромъ. Віонъ по откровенности и грубости могъ назваться циникомъ; по убѣжденіямъ религіознымъ — безбожникомъ; по возрѣніямъ нравственнымъ — перипатетикомъ. Ему особенно покровительствовалъ Антигонъ Гонатъ и высоко цѣнилъ его прямодушіе.

Димитрій фалерійскій, другъ и ученикъ Ѳеофраста, доброжелатель всѣхъ философовъ и ходатай за нихъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда они имѣли непріятныя столкновенія съ властями, посвятилъ себя служебной карьерѣ и на ней: „знаковъ тьму отличья нахваталъ“. При Кассандрѣ (въ 316 году до Р. X.) былъ правителемъ Аѳинъ и прославился какъ администраторъ. Вообще формулярный списокъ этого философа-чиновника очень любопытенъ и назидателенъ, но къ предмету нашей исторіи не имѣетъ ни малѣйшаго отношенія... Недоумѣваемъ только, какимъ образомъ Димитрій, въ чиновной своей особѣ, могъ совмѣстить одностороннія способности бюрократа съ возрѣніями философа, и щеголяя въ одѣяніи сановника учить простотѣ и смиренію? Въ мертвящей, отупляющей сферѣ бюрократизма черствѣетъ сердце, цѣпенѣетъ умъ и человѣкъ невольно превращается въ автомата. Александръ Македонскій, думая 50 талантами купить пріязнь Ксенократа, обманулся въ расчетѣ, потому что Ксенократъ, какъ истинный философъ, чуждался почестей; но Димитрій фалерійскій, при всей своей философіи, льнулъ къ сильнимъ міра сего, лисилъ предъ Кассандромъ, подличалъ предъ Птоломеями.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

Зенонъ и основанная имъ секта стоиковъ. — Прибытіе въ Аѳины.—Слова оракула.—Портикъ.—Филологи и логофилы.—Ученіе стоицизма.—Ученикъ Зенона. — Почести. — Антигонъ Гонатъ.—Пьяница и стоикъ.—Позднѣйшіе стоики.—Хризиппъ.—Логомахія.— Эпикуръ и его школа.—Основы эпикуреизма.—Погрѣшности космологіи эпикурейцевъ.— Пирронъ.— Его образованіе. — Скептицизмъ. — Апатія.— Вредъ скептицизма.—Сравненіе философскихъ школъ между собою.—Науки въ древней Греціи.—Искуства.—Зодчество.—Ордены.—Изобрѣтеніе ордена коринѳскаго.—Ваяніе.—Его совершенство.—Вліяніе на религіозныя вѣрованія.—Иконографія западная и восточная. —Достоинства послѣдней.—Живопись.—Ея изобрѣтеніе. — Монохромы и полихромы.—Славнѣйшіе живописцы. —Первыя выставки.— Апеллесъ и чеботарь.—Пословица.—Каллиграфія.—Письмена.—Музыка.—Музыкальныя орудія, — Пѣсни. — Пляски.—Гимнастика.—Цирки.—Театръ.—Его устройство.— Маски.—Котурны.—Актеры. — Высокое значеніе театра въ древней Греціи.

Основатель знаменитой и долговѣчной секты стоиковъ, Зенонъ, родился на островѣ Кипрѣ, въ Цитіумѣ въ 3 годъ CIV Олимпіады (въ 362 году до Р. Х.). Отецъ его и онъ самъ занимались торговлею и обладали значительнымъ состояніемъ. Зенонъ былъ предпріимчивъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ остороженъ во всѣхъ своихъ торговыхъ предпріятіяхъ и благоразумно расчетливъ. Однако же судьба готовившая ему иную будущность, бросила его на поприще философіи, въ одинъ день отнявъ у него все состояніе. Корабль Зенона, на которомъ онъ плылъ изъ Финикіи съ богатымъ грузомъ пурпура, потерпѣлъ крушеніе у береговъ Пирея. На время принужденный жить въ Аѳинахъ, Зенонъ, по цѣлымъ днямъ, бродилъ по городскимъ площадямъ и улицамъ, любуясь украшав-

шими ихъ зданіями. Однажды, проходя мимо лавки книжника, онъ услышалъ, какъ тотъ читалъ вслухъ „Записки о Сократѣ“ Ксенофона. Пораженный нравоученіями, которыя авторъ приводилъ въ своемъ сочиненіи за образцы философіи Сократа, Зенонъ спросилъ книжника, живутъ ли въ Аѳинахъ преподаватели этой великой науки? Книжникъ указалъ ему на проходившаго мимо Кратеса и Зенонъ упросилъ его взять себя въ ученики. Однако же школа циниковъ не понравилась ему своими крайностями: цѣня немногія прекрасныя правила, подобно крупинкамъ золота, блиставшія въ грязи этой школы, Зенонъ не могъ примириться съ ея грязью и рѣшился идти на поиски истины инымъ путемъ. Указаніе этого пути онъ предоставилъ оракулу, къ которому обратился за совѣтомъ и получилъ въ отвѣтъ: „окрасься въ цвѣтъ усопшихъ“. Понявъ эти слова въ томъ смыслѣ, что ему слѣдуетъ читать творенія старинныхъ, уже умершихъ философовъ, Зенонъ, послѣ продолжительнаго ихъ изученія, слушалъ поученія Стильпона мегарскаго, Діодора спорщика (эристика), Ксенократа и Полемона, послѣдователей платонизма. Изъ нѣкоторыхъ элементовъ этого прекраснаго ученія и нѣсколькихъ правилъ цинизма, Зенонъ образовалъ основы новой доктрины стоической и читалъ свои поученія желающимъ подъ сѣнію Портика аѳинскаго, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ по повелѣнію тридцати тирановъ было зарѣзано 400 аѳинскихъ гражданъ. Слушателей своихъ онъ дѣлилъ на двѣ категоріи: любителей знанія (филологи) и любителей чтенія (логофилы). Рѣчь его была сжатая, отрывистая; многословіе и всякая риторическая мишура были ему ненавистны. Въ чемъ же именно заключалось ученіе стоиковъ? Вотъ его основы:

— Непоколебимое терпѣніе, равнодушіе къ страданіямъ физическимъ и нравственнымъ, воздержность, трезвость, презрѣніе къ богатству. Мы говорили, что Пиѳагоръ и Платонъ желали преобразить людей въ ангеловъ; Зенонъ, послѣдователей своего ученія желалъ превратить въ безчувственныхъ истукановъ, или автоматовъ. Образъ жизни, который онъ имъ предписывалъ, былъ чисто спартанскій, во вкусѣ Ликурга (см. гл. II стр. 19—27). Вѣруя въ единаго Бога, говоря, что отъ него человѣкъ не мо-

жетъ скрыть ни малѣйшаго мимолетнаго своего помысла, Зенонъ однако же отрицалъ всякое участіе провидѣнія въ судьбахъ людей и говорилъ всегда, что жизнь человѣка зависитъ отъ его собственной воли. Зенонъ присудилъ какого-то раба за кражу къ жестокому наказанію и когда тотъ оправдывался тѣмъ, что это преступленіе было вѣроятно „написано у него на роду“, философъ прибавилъ:

— Точно также, какъ и наказаніе!

Бесѣдуя съ учениками объ умственныхъ способностяхъ человѣка, Зенонъ символически изобразилъ ихъ, постепенно сжимаемою рукою. Повернувъ ее къ нимъ разжатую, онъ сказалъ: „способность воспринимать“; слегка согнулъ пальцы: „воспринятіе“; стиснувъ кулакъ: „усвоеніе понятія“; сжавъ одну руку другою: „знаніе“. Сомнѣніе, по словамъ Зенона, то же невѣжество; истинный философъ никогда и ни въ чемъ не долженъ сомнѣваться. Мысль — душа слова: безсмысленныя рѣчи — тѣло безъ души. Говори только то, о чемъ надобно говорить, но вообще меньше говори, больше слушай. Всякая страсть — болѣзнь души, до которой человѣкъ не долженъ ея допускать силою воли. Страсть укоренившаяся есть порокъ. Въ безстрастіи — основы всѣхъ добродѣтелей, первая же изъ нихъ всѣхъ терпѣніе.

Одинъ изъ учениковъ Зенона возвратясь къ своему отцу былъ имъ встрѣченъ вопросомъ: „Чему ты научился!“ Увидите! отвѣчалъ сынъ. За этотъ отвѣтъ отецъ прибилъ его. Ученикъ Зенона не выразивъ ни чувства боли, ни обиды, кротко сказалъ: „видите ли, что я выучился переносить оскорбленія?“

Среди развращеннаго аѳинскаго общества, Зенонъ со своими стоиками образовывалъ особую общину высоко нравственныхъ постниковъ, которымъ всѣ удивлялись и оказывали глубочайшее уваженіе. Аѳины приняли Зенона въ число своихъ гражданъ; при жизни почтили его бронзовыми статуями и золотыми вѣнками. Царь Антигонъ Гонатъ (въ 282 г. до Р. Х.) весьма льстивымъ письмомъ приглашалъ философа ко двору, умоляя его быть наставникомъ царскимъ и руководителемъ на стезяхъ добродѣтели. Извиняясь дряхлостью, Зенонъ вмѣсто себя послалъ учениковъ своихъ: Филонида ѳивскаго и Персея цитіумскаго

Послѣдній не оправдалъ выбора учителя и съ пути философіи совратился на поприще политики, на которомъ запятналъ себя поступками недостойными не только стоика, но и просто честнаго человѣка. Впрочемъ престарѣлый Зенонъ, уступая просьбамъ Антигона Гоната посѣтилъ его и былъ принятъ какъ вѣнценосецъ. Царь смотрѣлъ ему въ глаза, изъявляя всегдашнюю готовность предупреждать малѣйшія его желанія; но желаній у Зенона никакихъ не было. Лежа за царскимъ столомъ онъ не прикасался къ затѣйливымъ его яствамъ, довольствуясь черствымъ хлѣбомъ, смоквами и чистою водою. Однажды Антигонъ послѣ пиршества, пошатываясь отъ чрезмѣрнаго употребленія вина, подошелъ къ философу, обнялъ его и увѣряя въ своемъ уваженіи, сказалъ, что готовъ исполнить все что только онъ ему не прикажетъ.

— Хорошо, отвѣчалъ Зенонъ — поди же и прими рвотнаго.

Изъ послѣдователей секты Зенона болѣе прочихъ прославились: Клеантъ, Хризиппъ, Зенонъ Терскій, Діогенъ Вавилонскій, Антипатеръ Сидонскій, Панетій и Посcидоній. Стоицизмъ особенно пришелся по сердцу суровымъ римлянамъ: Катонъ цензоръ, Цицеронъ, Сенека, Эпиктетъ, императоръ Маркъ Аврелій были ревностными его послѣдователями. Многія житейскія правила Зенона были приняты въ руководство составителями монастырскихъ уставовъ первыхъ вѣковъ христіанства, ибо воздержность, безстрастіе и терпѣніе и въ христіанствѣ тѣ же самыя что въ язычествѣ. Ученіе Зенона безспорно прекрасное; однако же слѣдовать ему могутъ натуры избранныя, исключительныя. Слова нѣтъ, что безстрастіе высокая добродѣтель, избавляющая человѣка отъ многихъ страданій; блаженъ человѣкъ, живущій разсудкомъ, умѣющій подчинить ему свое сердце: онъ застрахованъ отъ горя, за то ему невѣдомы и радости. Чтобы быть стоикомъ, необходимо быть эгоистомъ; но эгоизмъ — порокъ и на этомъ порокѣ Зенонъ основывалъ всѣ добродѣтели стоицизма.

Біографіи стоиковъ всѣ на одну стать и потому мы не намѣрены утруждать ими вниманія читателей. Хризиппъ, ученикъ Клеанта, прославился какъ діалектикъ, или, какъ логомахъ (словесный боецъ) и какъ злѣйшій врагъ ученія Эпикура. Логомахія Хризиппа не принесла ни малѣйшей пользы ученію стои-

ковъ, хотя и снискала ему громкую извѣстность. Подобно Зенону элеатику, Хрозиппъ умѣлъ ловить своего антагониста па словѣ, ставилъ его въ тупикъ своими остротами, либо душилъ силлогизмами весьма дикой конструкціи, въ родѣ слѣдующаго:

— „Одна и та же вещь не можетъ въ одно и то же время находиться въ двухъ разныхъ мѣстахъ. Въ Мегарѣ живутъ люди, слѣдовательно ихъ не можетъ быть въ Аѳинахъ“. Не правда ли, остроумно? По крайнему нашему разумѣнію это риторическое гаерство; но аѳинянамъ оно нравилось и они восхищались выходками Хризиппа. Къ ученію Зенона онъ примѣшалъ нѣсколько правилъ собственнаго сочиненія, чѣмъ не мало способствовалъ изуродованію первоначальной доктрины стоицизма. Хризиппъ называлъ вздоромъ всѣ ѳеогоніи (сказанія о происхожденіи боговъ); допускалъ и оправдывалъ кровосмѣсительные брачные союзы между братьями и сестрами, отцами и дочерьми; говорилъ, что мертвыхъ, вмѣсто погребенія, слѣдуетъ съѣдать и т. д. Нѣсколько разъ ему предлагали принять участіе въ дѣлахъ правленія, но Хризиппъ всегда отказывался, говоря: „если я буду поступать по волѣ боговъ — меня возненавидятъ люди; если же буду угождать людямъ, — то навлеку на себя гнѣвъ боговъ“. Онъ умеръ семидесяти трехъ лѣтъ (въ 207 г. до Р. Х.) отъ припадка удушья, вслѣдствіе смѣха при видѣ осла, который ѣлъ смоквы, приготовленныя для обѣда философа.

Объ Эпикурѣ и основанной имъ сектѣ, съ давнихъ временъ сложилось самыя несправедливыя понятія. Большинство, даже образованныхъ людей, принимаетъ слово: эпикуреизмъ, въ смыслѣ служенія грубымъ, чувственнымъ наслажденіямъ и утонченнаго чревоугодія, тогда какъ Эпикуръ, во всю свою жизнь, ничего подобнаго не проповѣдывалъ, будучи человѣкомъ высокой нравственности и самыхъ чистыхъ правилъ, что̀ можетъ видѣть читатель изъ слѣдующаго біографическаго очерка этого философа.

Эпикуръ, сынъ Неокла, изъ поколѣнія Аякса, родился на островѣ Самосѣ въ 341 г. до Р. Х. Съ юныхъ лѣтъ онъ помогалъ своей матери, занимавшейся прибыльнымъ ремесломъ знахарки и отчитываніемъ порченныхъ и бѣсноватыхъ (т. е. леченіемъ эпилептиковъ). Потомъ, вмѣстѣ съ Неокломъ будущій фи-

лософъ содержалъ школу для дѣтей. Философіи Эпикуръ началъ обучаться, имѣя отъ роду не болѣе четырнадцати лѣтъ: прилежно читалъ творенія Демокрита, слушалъ лекціи у Навсифана и у Памфила платоника. Изъ правилъ обѣихъ сектъ Эпикуръ извлекъ элементы, послужившіе ему основами для новаго, самостоятельнаго ученія, первыми послѣдователями котораго были братья Эпикура: Неоклъ, Хередемъ и Аристовулъ. Желая распространить свою доктрину Эпикуръ въ 323 году до Р. Х. отправился въ Аѳины, изъ которыхъ, однако же, былъ вынужденъ удалиться вслѣдствіе тамошнихъ мятежей. Затѣмъ, четырнадцать лѣтъ онъ провелъ въ странствованіяхъ по Колофону, Іоніи, Митилене и Лампсакѣ, основывая общины, наполнявшіяся учениками и ученицами. Въ 309 г. до Р. Х. Эпикуръ вторично прибылъ въ Аѳины и на этотъ разъ поселился въ нихъ, купивъ небольшую дачу, на которой и открылъ школу эпикурейцевъ. Школа эта была учреждена на артельныхъ началахъ. Ученики и ученицы жили въ складчину, соблюдая строгое приличіе, не подавая повода ни къ толкамъ, ни къ пересудамъ. „Не желай ничего излишняго и довольствуйся малымъ"—таково было основное правило эпикуреизма. „Пользуйся естественными благами жизни, но знай во всемъ мѣру, собственнымъ твоимъ разсудкомъ опредѣляемую. Истинная мудрость заключается въ жизни тихой и мирной, огражденной отъ всякихъ треволненій. Не жертвуй ни кому собою, но и въ жертву собственному своему эгоизму не приноси никого. Иди жизненнымъ путемъ, одинаково опираясь на сердце и на разумъ: одному надъ другимъ не давай перевѣса."

Къ естественнымъ наукамъ и къ математикѣ Эпикуръ не питалъ самъ, и ученикамъ своимъ не внушалъ, особеннаго уваженія. Вслѣдствіе этого, космологія эпикурейцевъ въ заблужденіяхъ своихъ доходила до смѣшнаго. Признавая атомы единственными основами всего созданнаго, они утверждали, что земля неподвижна, а солнце закатываясь вечеромъ въ волны океана, гаснетъ, а восходя, утромъ, вновь загарается и т. д. Какъ Эпикуръ, такъ и его послѣдователи не уважали математики, полагая, что ея изученіе не только не способствуетъ развитію умственныхъ способностей, но ослабляетъ ихъ, дѣлаетъ односторонними и притупляетъ чувства.

Преемникомъ Эпикура былъ Гермахъ, долгое время поддерживавшій цвѣтущее состояніе общины и много способствовавшій распространенію эпикуреизма и славѣ его основателя, хотя и послѣ его смерти. Эпикурейцы глубоко уважая память своего учителя ежегодно праздновали день его рожденія, украшая лаврами его гробницу. Въ теченіи вѣковъ, первоначальное, чистое ученіе Эпикура исказилось, и эпикурейцами въ древнемъ Римѣ назывались вообще чувственники, полагавшіе всѣ блага жизни въ наслажденіяхъ и въ удовлетвореніи страстей даже противуестественныхъ.

Пирронъ, основатель школы скептиковъ (сомнѣвающихся), уроженецъ Элеи, славился въ 336—328 г. до Р. Х. По образу жизни и по безукоризненной нравственности былъ стоикомъ, но по ученію своему могъ назваться противуположнымъ полюсомъ стоицизма. Въ юности занимался живописью; потомъ, вдохновленный чтеніемъ произведеній Демокрита и лекціями Анаксарха, посвятилъ себя философіи. Извѣстность, пріобрѣтенная Пирономъ на этомъ поприщѣ, доставила ему доступъ ко двору Александра Македонскаго, которому философъ сопутствовалъ въ походахъ. Въ Персіи Пирронъ бесѣдовалъ съ магами, въ Индіи—съ гимнософистами. Эти бесѣды, особенно не обогативъ ума его познаніями, заронили въ его сердце начатки того сомнѣнія, которое легло въ основаніе доктрины Пиррона. Девизомъ его было правило: „Не останавливайся на одномъ убѣжденіи (non liquet) и вѣрь только тому, что на свѣтѣ ничего нельзя доказать и назвать истиннымъ, непреложнымъ. Все въ мірѣ измѣнчиво. Есть истина, однако же она еще не найдена, сомнѣніе есть путь къ ея обрѣтенію. Сомнѣвайся во всемъ и знай, что догадка не есть знаніе; хотя всѣ познанія людей основаны на догадкахъ. Самое же счастливое состояніе ума—невозмутимое спокойствіе и безстрастіе (апатія). Не привязывайся къ жизни, не желай смерти: бытіе или прекращеніе бытія—одно и то же. Ничтоженъ живой человѣкъ, ничтоженъ онъ и мертвый!"

— Но если жить, или, умереть—все равно, возразилъ Пиррону одинъ изъ его антагонистовъ зачѣмъ же ты живешь, а не умираешь?

— Именно потому, что мнѣ все равно, жить или не жить! отвѣчалъ философъ.

Высоко цѣня его душевныя качества, аѳиняне удостоили Пиррона правами гражданства и саномъ гіерофанта (первосвященника); изъ уваженія къ нему уменьшили подати съ философовъ всѣхъ школъ. Ни мало не гордясь почестями, Пирронъ, до послѣдней минуты, живя скромно, въ уединеніи, раздѣлялъ заботы о хозяйствѣ со своей престарѣлой сестрою.

Нужно ли говорить о вредѣ ученія скептицизма? Ученіе это, расторгая въ душѣ человѣческой всѣ связи ея общенія съ Богомъ, съ знаніемъ и людьми, ввергая ее въ непроглядный омутъ страданій, въ то же время говоритъ, что блаженство ея въ спокойствіи. Но можетъ ли быть спокоенъ сомнѣвающійся? Можетъ ли быть вѣра тамъ, гдѣ есть сомнѣніе? а гдѣ нѣтъ вѣры, тамъ нѣтъ ни любви, ни надежды!

Шагъ за шагъ, мы прошли съ читателемъ длинный (отчасти и утомительный) рядъ философскихъ школъ древней Греціи и этотъ обзоръ приводитъ къ тому убѣжденію, что за исключеніемъ Сократа и Платона прочіе основатели сектъ, въ большей или меньшей степени, развращали людей вмѣсто веденія ихъ къ истиннѣ; уродовали, насиловали природу человѣка, не принимая во вниманіе ни возраста, ни пола. Циники низводили людей на степень скотовъ; эпикурейцы прививали к душѣ черствый эгоизмъ; стоики и скептики возводили въ догматъ безчувственность и жестокосердіе; элеатики полагали мудрость въ болтовнѣ и въ риторическомъ гаерствѣ. Всѣ эти школы, будто допотопныя чудовища, выплывали изъ пучинъ язычества, поглощая тысячи жертвъ, до того дня, покуда человѣчество не увидѣло Ковчега обновленія и воскресенія. Но на высотахъ Арарата узрѣли люди этотъ Ковчегъ: онъ находился въ пещерѣ сада Іосифа Аримаѳейскаго; мачтою этого Ковчега былъ крестъ Голгоѳы...

Отъ философіи мы перейдемъ теперь къ обзору наукъ и ихъ состоянію въ древней Греціи.

Всѣ философы были въ то же время и учеными, математиками или естествоиспытателями. Собирая въ странахъ востока сѣмена знаній, они сѣяли ихъ на воспріимчивой почвѣ Эллады, которая, въ свою очередь, была питомникомъ наукъ, для средневѣковой Европы. Самое очевидное этому доказательство въ томъ, что и ме-

на всѣхъ наукъ—греческія [1]) и нѣтъ той науки—кромѣ новѣйшихъ, разумѣется, въ исторіи которой не упоминалось бы о греческихъ ученыхъ. Ѳалесъ, Анаксагоръ, Анаксимандръ, Анаксименъ, Гиппархъ, Тимей, Пиѳагоръ, Эвклидъ, Онесикритъ, Эратосѳенъ, Архита, Аристотель, Гіеронъ, Архимедъ и др. прославились на поприщѣ математики, космографіи и астрономіи. Дарeсъ, Диктидъ, Ганнонъ, Ктезій, Аристиппъ, Ѳеофрастъ, Динархъ, Неархъ, Мегасѳенъ и мн. др. славнѣйшіе географы. Въ исторіи естественныхъ наукъ незабвенны имена: Асклепіадовъ, Гиппократа, Аристотеля, Аполлодора Віона, Ѳеофраста, Ѳрасила, Діоскорида, Эразистрата, Ѳемизона и т. д. Кому изъ читавшихъ исторію неизвѣстны имена: Геродота, Ѳукидита, Ксенофона, Полибія, Плутарха, Діодора Сицилійскаго, Квинта Курція? Простому перечню именъ греческихъ ученыхъ, намъ пришлось бы посвятить многія сотни страницъ, и потому, перейдемъ къ болѣе подробному обзору изящныхъ искуствъ, такъ какъ они были тѣсно связаны съ религіозными вѣрованіями древнихъ грековъ.

Зодчество и ваяніе возникли въ Греціи одновременно. Каменныя постройки существовали въ глубочайшей древности и герои миѳологіи: Амфіонъ, Дедалъ, Геркулесъ, Кекропсъ, Птерасъ и мн. др. прославились, какъ искусные строители. Деревянныя постройки на столбахъ подали мысль замѣнить дерево камнемъ, а столбы—колоннами. Для послѣднихъ, въ Греціи существовали три образца, или ордена: іоническій, дорическій и коринѳскій, признаваемые совершеннѣйшими и въ новѣйшей архитектурѣ. Первый орденъ поразителенъ по своей изящной простотѣ; во второмъ, верхняя часть колонны (капитель) украшена завитками; въ третьемъ, она состоитъ изъ букета акантовыхъ листь-

[1]) Астрономія, Астрологія, Ариѳметика, Ботаника, Географія, Геологія, Геометрія, Зоологія, Ихтіологія, Исторія, Космографія, Космологія, Логика, Математика, Медицина, Оптика, Орнитологія, Психологія, Риторика, Физика, Физіологія, Философія, Энтомологія, Эѳика и т. д. Большая часть названій новѣйшихъ наукъ и ихъ отраслей—то же греческія.

евъ, изящно сгруппированныхъ. Образцомъ для капителей коринескаго ордена, послужилъ его изобрѣтателю Каллимаху акантовый кустъ, выросшій на могилѣ его возлюбленной. Каменныя постройки размножились, благодаря изобрѣтенію кирпича Гипербіемъ и Эвріаломъ; мраморныя ломки Пароса снабжали зодчихъ и ваятелей драгоцѣннымъ матеріаломъ. Во времена Перикла Аѳины славились уже великолѣпными зданіями, изящество и красота которыхъ затмили громадныя постройки древняго Египта. Архитектура египетская относится къ греческой такъ же точно, какъ оставъ къ стройному, безукоризненно сложенному живому тѣлу. Памятники греческаго зодчества сохранились и донынѣ въ развалинахъ въ десяткахъ тысячъ слѣпковъ во всѣхъ музеяхъ и академіяхъ художествъ просвѣщенной Европы.

Архитектурныя украшенія привели грековъ къ усовершенствованію ваянія. Рѣзцы геніальныхъ скульпторовъ: Фидія и Праксителя заселили храмы греческіе мраморными богами и богинями, святость которыхъ заключалась въ ихъ красотѣ. Эти бездушныя статуи не могли возносить помысловъ молящихся къ небу, пробуждая въ нихъ чувство благоговѣнія, но за то онѣ разжигали въ нихъ чувственность и сладострастіе. Такимъ образомъ, съ идолопоклонствомъ греческимъ были неразлучно связаны самыя нечистыя помышленія. Въ исторіи находимъ примѣры, какъ въ кумировъ Юноны, Діаны, Венеры, Грацій или Музъ влюблялялись до безумія и посѣщали храмы ими украшенные единственно для страстныхъ мечтаній... Такъ ваятель Пигмаліонъ влюбился въ созданную имъ статую Галатеи. На сколько было величія въ архитектурѣ греческихъ храмовъ, на столько было чувственности въ произведеніяхъ скульптуры. Идоламъ поклонялись, не какъ олицетвореніямъ божества, но какъ божествамъ самостоятельнымъ. Юнона или Венера одного храма соперничала съ идолами этихъ богинь—другаго. Отсюда прозвища стыдливой, безстыдной, каллипиги (съ прекрасными бедрами) и т. д. Греческое ваяніе научало не любить божество, но любоваться богами и богинями. Здѣсь не можемъ не сдѣлать сопоставленія иконографій [1])

[1]) Т. е. церковной живописи, или иконописи.

запада и востока. Мадонны Рафаэля, Перуджино, Гвидо-Рени, Сассо-Феррато и въ особенности— Мурильо; изображенія мучениковъ и мученицъ, писанныя пламенными кистями Тиціана, Тинторетто, Кореджіо и Доменикино можно назвать прекраснѣйшими картинами, но не иконами въ христіанскомъ значеніи слова: они слишкомъ много говорятъ сердцу, т. е. чувственности и почти ничего не говорятъ душѣ; ихъ красота—земная; ореолы, озаряющія ихъ лики, слишкомъ похожи на брачные вѣнцы; не молитву шепчутъ ихъ полуоткрытыя уста.... Взгляните теперь на произведенія византійскихъ иконографовъ: они уступаютъ иконамъ западной церкви въ правильности рисунка, въ композиціи, въ колоритѣ, но за то сколько въ нихъ истинно божественнаго величія, простоты и святости! Вы видите только ликъ, отъ котораго вѣетъ божественною кротостью; видите руку, благословляющую молящагося—но вся фигура изображенія святаго или святой скрыта подъ складками длиннаго одѣянія, скромно ниспадающими до самыхъ ногъ, чуть прикасающихся къ облакамъ или попирающихъ орудія истязанія. Эту изящную стыдливость иконографовъ византійскихъ мы ставимъ несравненно выше безстыднаго изящества художниковъ итальянскихъ и испанскихъ. Въ характерѣ иконографій—восточной и западной отразился духъ обоихъ вѣроисповѣданій.

Какъ ваяніе греческое родилось отъ зодчества, такъ живопись родилась отъ ваянія и вотъ что разсказываютъ о ея происхожденіи. Дибутада, дочь сикіонскаго гончара, разставаясь со своимъ женихомъ, вздумала снять съ него портретъ и на плоской глиняной доскѣ обвела абрисъ его лица, по тѣни падавшей на доску (силуэтъ). Отецъ Дибутады покрылъ этотъ очеркъ, по наведеннымъ линіямъ, слоемъ цвѣтной глины и сдѣлалъ, такимъ образомъ, нѣчто въ родѣ барельефа. Впослѣдствіи времени, вмѣсто выпуклыхъ изображеній лицъ, рисовальщики силуэтовъ начали дѣлать ихъ темными на свѣтломъ фонѣ, или, наоборотъ, свѣтлыми на темномъ, мало по малу перешли и къ изображенію цѣлыхъ фигуръ. Портреты и картины въ этомъ родѣ назывались монохромами (одноцвѣтными). Затѣмъ, первые живописцы ознакомились съ употребленіемъ красокъ: бѣлой, черной,

красной и желтой и называли произведенія свои полихромами (многоцвѣтными). По мѣрѣ обрѣтенія прочихъ красокъ совершенствовалась и живопись. Первоначально картины состояли изъ одиночныхъ изображеній, потомъ изъ группъ, но художники еще не скоро ознакомились съ употребленіемъ тѣней и съ законами перспективы. Наконецъ, усовершенствованная Аполлодоромъ, Зевксомъ, Парразіемъ и Апеллесомъ греческая живопись была доведена до совершенства. Произведенія этихъ художниковъ цѣнились на вѣсъ золота и народъ, въ числѣ десятковъ тысячъ, сбѣгался любоваться выставленными, на показъ, картинами. На этихъ выставкахъ, каждому зрителю было предоставлено право указывать на замѣченные имъ недостатки. По этому поводу не можемъ не вспомнить, изъ множества анекдотовъ, два, довольно забавныхъ, Парразій выставилъ картину, изображавшую мальчика съ корзиною плодовъ на головѣ. Одинъ любитель, восхваляя другому эту картину, сказалъ, будто плоды изображены до такой степени живо, что къ нимъ подлетаютъ птицы и хотятъ ихъ клевать. „Плохо же изображенъ мальчикъ, если птицы его не пугаются!“ отвѣчалъ пріятель любителя.

Апеллесу Александръ Македонскій предоставилъ исключительное право снимать съ него портреты. Эта высокая почесть не препятствовала, однако же, великому художнику выставлять свои произведенія на судъ публики. Однажды, когда огромная толпа единодушно восхищалась какой-то картиною Апеллеса, бывшій въ числѣ зрителей чеботарь заявилъ, что въ картинѣ есть и довольно важные промахи. Апеллесъ ласково обратился къ своему строгому судьѣ и попросилъ его указать на замѣченныя имъ погрѣшности. „Ремни на обуви фигуры изображены не вѣрно“, сказалъ чеботарь, „и есть ошибки въ фасонѣ сандалія!“ Апеллесъ покорно взялъ краски, кисть и по указанію чеботаря исправилъ свои ошибки. Самозванный критикъ, восхищенный оказаннымъ ему вниманіемъ, сказалъ самодовольно: „если хочешь знать правду, такъ и вся-то нога на твоей картинѣ нарисована не совсѣмъ правильно...“

— Другъ, перебилъ его Апеллесъ, смѣясь—далѣе сапожковъ не смѣй судить о моей картинѣ!

Ne sutor ultra crepidam, такъ перевели фразу живописца латинскіе біографы и она до нынѣ сохранилась въ ученомъ и литературномъ мірѣ какъ пословица, вродѣ нашей: „знай сверчокъ свой шестокъ.“ На нѣмецкомъ языкѣ она переведена буквально: Schuster, bleib' bei deinem Leisten (сапожникъ, оставайся при своихъ колодкахъ).

Отъ живописи перейдемъ къ искуству писанія или, какъ называли греки, къ каллиграфіи. Первоначальными матеріалами для письма были дощечки, покрытыя слоемъ воску, на которомъ буквы начертывались острымъ шильцемъ—стилосомъ (отъ него слово стиль, т. е. складка рѣчи, слогъ). Чтобы дощечки не слипались, онѣ были съ рамочками по краямъ или по угламъ съ высокими гвоздиками. Впослѣдствіи времени греки писали заостреными тростинками и чернилами на свиткахъ пергамента и на листьяхъ папирусовыхъ. Книги, по непомѣрной цѣнѣ, были доступны весьма немногимъ и потому книгопродавцы, въ извѣстные дни, читали народу вслухъ ученыя и литературныя произведенія. Писцы или каллиграфы наживали огромныя деньги. Эліанъ (кн. I гл. 17) упоминаетъ о Мирмекидѣ Милетскомъ и Калликратѣ лакедемонскомъ, написавшихъ двустишіе на зернышкѣ кунжута (Sesamum orientale L). Плиній, ссылаясь на Цицерона (Ист. міра кн. VII гл. 21), упоминаетъ объ экземплярѣ Иліады, написанномъ на кусочкѣ пергамента, умѣщавшемся въ орѣховой скорлупѣ. Во времена Александра Македонскаго его указы и постановленія писались киноварью, иногда и золотомъ. Исписанныя полосы пергамента или папируса свертывались въ трубки, которыя назывались хартіями. Первобытныя литеры греческаго алфавита были финикійскія; съ теченіемъ времени очертанію ихъ было придано свойственное имъ изящество. Замѣтимъ, что изъ 24 буквъ азбуки греческой — двадцать вошли въ составъ азбуки славянско-русской [1]).

Намъ извѣстно уже изъ миѳологіи, что греки приписывали музыкѣ божественное происхожденіе. Аполлонъ, Меркурій,

---

[1]) А. В. Г. Д. Е. Н. Ѳ. І. К. Л. М. О. П. Р. Т. У. Ф. Х. Ѱ. Ѵ.

Панъ, Минерва, Музы, были первыми музыкантами и музыкантшами; Аріонъ, Амфіонъ, Орфей творили чудеса своими пѣснями и игрою на лирѣ. Въ теченіе вѣковъ число музыкальныхъ орудій размножилось. Первобытная лира, изобрѣтенная Меркуріемъ, была трехструнная (символъ гармоніи мірозданія и трехъ грацій); мало по малу, число струнъ умножилось до сорока. Изъ духовныхъ инструментовъ первое мѣсто принадлежало флейтамъ; за ними слѣдовали: свирѣль, рогъ, трубы (каринкса), тибіа, пандоріонъ и кларнетъ. Флейтъ разныхъ видовъ было великое множество и каждый изъ нихъ имѣлъ особое назначеніе. Одинъ употреблялся въ войскахъ, другой — при богослуженіяхъ, третій въ театрахъ, четвертый на играхъ, пятый—на пиршествахъ и т. д. Для акомпанимента унылымъ пѣснямъ употреблялась пеана; пѣсни религіозныя сопровождались звуками дорики, брачныя пѣсни—звуками: монавлій и зигій (двуствольныхъ кларнетовъ). Въ театрахъ играла на пеанѣ, питавликѣ и хоравликѣ; при погребеніяхъ—на фригикѣ и іоникѣ. Игроки и игрицы на флейтахъ назывались авлетами и афлетридами; первые обязаны были носить женскія платья, въ память изобрѣтенія флейты Минервою.

Пиѳагоръ и Платонъ, питая къ музыкѣ особенное благоговѣніе, вмѣняли занятіе ею ученикамъ въ непремѣнную обязанность; въ программѣ воспитанія музыка занимала одно изъ первыхъ мѣстъ и греки были вообще страстные ея любители: безъ пѣсень у нихъ не обходилось ни единаго торжества, ни единаго обряда. Пѣсня встрѣчала младенца при появленіи его на свѣтъ; она убаюкивала его въ колыбели, учила уму-разуму въ школѣ, смягчала ему нравъ и возносила мысли его къ Богу. Юноша восхищался пѣснопѣніями Гомера и поэтовъ, состязавшихся на играхъ. Вступая въ ряды защитниковъ отечества онъ шелъ на битву при пѣніи гимновъ и молитвъ; сограждане привѣтствовали его пѣніемъ, когда онъ возвращался съ поля битвы, или воспѣвали ему хвалебныя элегіи, если онъ погибалъ съ оружіемъ въ рукахъ!

Называя музъ - сестрами, древніе и къ танцамъ питали точно такое же уваженіе, какъ и къ музыкѣ. Анакреонъ, Эпаминондъ, Сократъ плясали вмѣстѣ съ юношами и никто не

смѣялся надъ этими сѣдовласыми танцорами. Кромѣ **священныхъ** плясовъ, хореграфическій репертуаръ грековъ былъ побогаче нынѣшняго европейскаго. Были пляски одиночныя, парныя, хороводы, особаго рода кадрили. **Пиррики** были пляскою воиновъ, **делика**—дѣвицъ, **гимнопедика**—юношей. На театрахъ трагическія представленія сопровождались **эмеліаннами**, комическія — **сатириками**. Мимическіе балеты и пантомимы давались также на театрахъ.

Гимнастика, изученіе которой было обязательно для каждаго гражданина, принадлежала къ числу изящныхъ искуствъ и дѣлилась на **педагогическую** и **практическую**. Послѣдняя состояла изъ: бѣговъ взапуски, борьбы, метанія дисковъ, прыганья черезъ барьеръ, лазанья на шесты и всякихъ вообще акробатическихъ упражненій, которымъ обучали въ **гимназіяхъ** и **палестрахъ**. Искусные атлеты и гимнасты допускались къ состязаніямъ на играхъ: олимпійскихъ, истмійскихъ, пиѳійскихъ и т. п. и удостоивались призовъ наряду съ пѣвцами и поэтами. Богомъ, покровителемъ гимнастовъ и атлетовъ былъ Геркулесъ. Мѣста для гимнастическихъ представленій назывались **цирками**. Кулачные бои и поединки (мономахіи) атлетовъ, разумѣется, не обходились безъ увѣчья, нерѣдко оканчивались и смертью одного изъ противниковъ; но, при всемъ томъ, кровопролитіе не было непремѣннымъ условіемъ представленій въ греческихъ циркахъ, какъ то было у римлянъ.

Греческій **театръ** былъ храмомъ всѣхъ изящныхъ искуствъ, въ которомъ зодчество, ваяніе, живопись, музыка и хореграфія являлись въ полномъ блескѣ обаятельной красоты. Сцена была осѣнена навѣсомъ, но мѣста для зрителей, расположенныя противъ нея полукругомъ или въ видѣ подковы, были открытыя. На томъ мѣстѣ, гдѣ въ нашихъ театрахъ находится оркестръ, помѣщались **хористы**, пѣніемъ объяснявшіе зрителямъ сюжетъ піэсы и нравоучительный ея смыслъ. Сюжеты выбирались обыкновенно изъ жизни древнихъ, миѳологическихъ героевъ; таковы были безсмертныя произведенія **Эсхила**, **Софокла** и **Эврипида**. Декораціи и машины, введенныя на сценѣ во времена Перикла, конечно, не могли назваться совершенствами своего рода, однако же были

на столько хороши, что много способствовали эфектамъ піэсы. Актеры играли въ маскахъ, соотвѣтствовавшихъ характеру дѣйствующаго лица и его положеніямъ въ разныхъ сценахъ. Такимъ образомъ одному актеру, въ теченіе піесы, приходилось иногда перемѣнять нѣсколько масокъ. Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что актеры, представлявшіе лица историческія, надѣвали маски слѣпленныя съ бюстовъ послѣднихъ. Для приданія себѣ росту, трагическіе герои и героини выходили на сцену въ котурнахъ, т. е. въ сапожкахъ съ высокими каблуками. Женщинамъ выходъ на сцену былъ воспрещенъ закономъ и женскія роли на греческихъ театрахъ всегда исполнялись мужчинами. Званіе актера считалось почетнымъ, первыя мѣста въ амфитеатрѣ раздавались въ видѣ особенной награды воинамъ за ихъ подвиги, гражданамъ — за ихъ заслуги. Законодатели и правители видѣли въ театрѣ огромную каѳедру, съ которой актеры трагедіи и ихъ сотрудники актеры поучали народъ и исправляли нравы путемъ слезъ, или смѣха. Театръ уважали авторы, артисты и зрители; первые не осмѣливались осквернять его пошлостями въ родѣ современныхъ произведеній всѣхъ европейскихъ театровъ; вторые не низводили искуства на степень ремесла или гаерства; третьи умѣли достойно цѣнить и писателей и артистовъ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

Нравы и обычаи.— Сословія.—Аристократія и демократія.—Цари.—Облаченія ихъ.—Воины.—Ихъ бытъ. — Вооруженія.—Оружія. — Стѣнобитныя и осадныя орудія.—Флотъ.—Священный парусъ.—Якорь спасенія.—Обряды при плаваніи и высадкахъ.—Корабль-исполинъ.—Сигналы.—Грубость нравовъ и суевѣріе моряковъ. — Бытъ гражданъ.—Родины.—Принятіе въ семью:—Тессаракостосъ.—Воспитаніе дѣтей. — Образованіе. — Законы. — Казни. — Браки. — Сватовство.—Брачные обряды.—Гамеліи.—Мѣсяцъ гамеліонъ.—Разводъ.—Права замужнихъ женщинъ.—Наряды и туалетъ.—Свобода въ избраніи поприща.—Уваженіе къ наукамъ.—Погребальные обряды.— Агонія.—Погребеніе.—Поминовенія. — Утопленники. — Время для похоронъ. — Могилы.—Памятники.—Эпитафіи и эпиграммы.—Заключеніе.

Хотя греческій народъ никогда не дѣлился на касты, подобно индусамъ или египтянамъ, однако же, издревле, въ Греціи существовали сословія, и общество слагалось слоями, рѣзко отличавшимися другъ отъ друга правами, нравами и обычаями. Цари и жрецы стояли въ главѣ правительства, близкія къ нимъ сословія вождей и судей назывались аристократіею (высокомочными); граждане, купцы, земледѣльцы, ремесленники составляли демократію (народную силу). Рабы и илоты были совершеннымъ подобіемъ индусскихъ парій. О жрецахъ мы уже достаточно разсказывали читателю и потому разсмотримъ теперь права царей греческихъ и ихъ отношеніе къ народу.

Царь, въ древности, соединялъ въ своей особѣ должности правителя и верховнаго вождя, а иногда и первосвященника. Онъ имѣлъ право, не отдавая никому отчета, казнить и миловать; требуя отъ подданныхъ безусловнаго себѣ повиновенія, никому не повиновался. Ведя свой родъ отъ боговъ, или, отъ героевъ, сыновей Юпитера, цари пользовались чуть не божескими почестя-

ми. Волю ихъ возвѣщали народу глашатаи, исправлявшіе должность Меркуріевъ при этихъ самозванныхъ Зевсахъ. Масличная вѣтвь, пурпуровая повязка на головѣ и таковая же хламида на плечахъ были отличительными знаками царскаго достоинства. Впослѣдствіи времени, вѣтвь была замѣнена золотымъ скипетромъ, повязка вѣнцомъ. Головное украшеніе царицъ состояло изъ небольшой діадимы въ видѣ опущеннаго книзу полумѣсяца; бѣлый цвѣтъ былъ преобладающимъ цвѣтомъ ихъ одѣянія. Филиппъ Македонскій образовалъ свой дворъ по образцу царей персидскихъ; при Александрѣ пышность двора превзошла и самый образецъ: серебро, золото, жемчуги и драгоцѣнные камни украшали не только царскую одежду, но даже утварь, мебель и стѣны дворцевъ... Впрочемъ, Македонскій герой, не довольствуясь титуломъ царя, называлъ себя богомъ.

Вожди и воины были сословіями ближайшими къ царю, будучи его постоянными сподвижниками. Іерархія военныхъ чиновъ, составъ войскъ пѣшихъ и конныхъ, были очень похожи на нынѣшніе, европейскіе. Воинская повинность распространялась на всѣхъ гражданъ и, кромѣ постояннаго войска, въ крайнихъ случаяхъ, созывалось ополченіе. Религіозные обряды играли важную роль во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ. Передъ выступленіемъ въ походъ совершались молебствія и приносились жертвы Юпитеру-путеводителю. Жрецъ, пирофоръ (огненосецъ), взявъ съ алтаря горящую головню шествовалъ впереди полковъ, съ хоромъ пѣвшихъ гимны, и доводилъ ихъ до границы. Здѣсь приносили козу въ жертву Марсу. Сражались въ вѣнкахъ надѣтыхъ на шлемы; воинскимъ кличемъ грековъ былъ возгласъ: аталагмосъ! Побѣдителя чествовали и награждали масличнымъ или лавровымъ вѣнкомъ; смерть въ бою называлась славнѣйшею и завидною: убитаго предавали погребенію съ великими почестями, на могилѣ его воздвигали памятникъ, совершали въ его память надгробныя игры и на общественныя суммы содержали его вдову и дѣтей. Неизгладимымъ позоромъ клеймили воиновъ терявшихъ въ сраженіи свои щиты или, еще того хуже, бѣжавшихъ съ поля битвы. Уличенныхъ въ послѣднемъ преступленіи одѣвали въ женское платье и въ немъ сажали на три дня на агоръ (лагерный алтарь), по-

томъ имъ сбривали половину бороды и на всегда запрещали этимъ трусамъ входъ въ храмы. Кромѣ награжденія храбрыхъ вѣнками, имъ дозволялось жертвовать въ храмы трофеи, отбитые у враговъ и собственные доспѣхи, а также занимать первыя мѣста въ театрахъ. Вооруженіе грековъ состояло изъ шлемовъ, латъ, наплечій, налокотниковъ, наколѣнниковъ и щитовъ. Шлемы, кожанные и мѣдные, украшались изображеньями грифовъ, орловъ, змѣй и красными или черными гривами. Латы были грудныя и спинныя (зома и хораксъ); наплечія (птеригіи) налокотники и наколѣнники надѣвались преимущественно всадниками. Щиты—родоначальники европейскихъ гербовъ—украшались изображеньями Медузы или знаковъ зодіака. Иногда, на щитахъ, для устрашенія непріятеля, изображали фурій или адскихъ чудовищъ. Древній греческій арсеналъ изобиловалъ разнообразнѣйшимъ оружіемъ. Мечи, копья, дротики, сѣкиры, бердыши, стрѣлы холодныя и огненныя (скилатиды) и пращи—вотъ перечень оружій, благодаря которымъ Александръ Македонскій поработилъ древній міръ. При осадахъ городовъ употреблялись стѣнобитныя орудія: тараны, подвижныя башни, баллисты (камнеметныя машины) и катапульты (машины для метанія нѣсколькихъ стрѣлъ или горючихъ составовъ). По этому перечню читатель можетъ судить, что артилерія древнихъ за 400—300 лѣтъ до Р. Х. была доведена почти до совершенства. Еслибы имъ извѣстенъ былъ порохъ, то можно сказать почти съ достовѣрностью—что вся Европа была бы теперь необозримою пустынею.

Военный флотъ у грековъ могъ смѣло поспорить съ флотами всѣхъ прочихъ народовъ древности. Походы: Аргонавтовъ и троянскій служатъ доказательствами, что за 2000 лѣтъ до Р. Х. греки были весьма свѣдущи въ кораблестроеніи и мореплаваніи. Ихъ суда были парусныя и гребныя. Между парусами находился главный—священный, подъ сѣнію котораго преступникъ пользовался правомъ неприкосновенности. Точно также самый большой якорь назывался священнымъ или якоремъ спасенія. Спускъ корабля сопровождался молебствіями морскимъ богамъ, жертвоприношеніями и многими суевѣрными обрядами. При выступленіи въ море столархъ (адмиралъ) совершалъ возліянія въ честь Нептуна и вы-

пускалъ со своего корабля бѣлаго голубя, въ предзнаменованіе благополучнаго возвращенія флота къ роднымъ берегамъ. При высадкѣ на чужую землю моряки пѣли благодарственные гимны и приносили жертвы богамъ. Во время безвѣтрія молились Эолу; въ бурю призывали на помощь всѣхъ боговъ и богинь: небесныхъ, морскихъ и сухопутныхъ. Если же за шумомъ волнъ и за ревомъ урагана боги не внимали морякамъ—они кидали жребій, указывавшій на того изъ нихъ, смерть котораго могла утишить бурю и несчастнаго бросали въ море. Спасшіеся при кораблекрушеніи жертвовали въ ближайшій храмъ свои одежды, а за ихъ отсутствіемъ—остриженные свои волосы. Корабль, одержавшій побѣду надъ непріятелемъ, вступалъ въ гавань украшенный лавровыми и сосновыми вѣтвями, ведя за собою на буксирѣ суда, захваченныя въ плѣнъ. Послѣднихъ сжигали, какъ жертвы Нептуну, отрубивъ у нихъ предварительно носы. Этими носами украшали монументы, воздвигаемые въ память побѣды и подобныя колонны назывались ростральными. Мы хвалимся нашими мониторами и броненосными судами исполинскихъ размѣровъ; но подобнаго рода постройки бывали и у грековъ: «Этна», корабль Птоломея Филопатора, умѣщалъ въ своей громадной утробѣ до 7400 человѣкъ экипажа! Во время плаванія, съ адмиральскаго корабля подавались сигналы: днемъ, разноцвѣтными вымпелами, а ночью, зажженными факелами. Точно такіе же телеграфы были въ употребленіи въ военное время и на сухомъ пути, и начало этого изобрѣтенія теряется въ глубинѣ вѣковъ бытія древнѣйшихъ царствъ востока. Сигналы были въ употребленіи и у іудеевъ, во время ихъ странствія по пустынѣ къ землѣ обѣтованной (См. Исхода гл. XIV, ст. 19—20).

Вслѣдствіе частаго отчужденія отъ сообщества съ гражданами, греческіе моряки отличались грубостью нравовъ, невѣжествомъ и суевѣріемъ. Донынѣ у многихъ европейскихъ мореходовъ существуютъ примѣты и повѣрья дошедшія къ нимъ отъ древнихъ грековъ. Сказка о громадномъ морскомъ змѣѣ теперь появляется иногда въ газетахъ, возбуждая полемическіе толки и ужасъ въ легковѣрныхъ... А легенда о Летучемъ голландцѣ, чѣмъ остро-

умнѣе росказней древнихъ моряковъ о странахъ, притонахъ и нереядахъ (¹)?

Перейдемъ теперь къ обзору быта, нравовъ и обычаевъ жителей древней Эллады. Начнемъ съ **родинъ**.

Чувствуя приближеніе родовъ, женщина ложилась въ постель, призывая богинь-помощницъ (см. томъ V гл. VII стр. 58) и осѣняя свое изголовье пальмовою вѣтвію. Это дѣлалось въ память Латоны, которая родила Діану и Аполлона подъ сѣнію пальмы. Тотчасъ по появленіи младенца на свѣтъ его обмывали: въ Спартѣ виномъ, въ прочихъ областяхъ греческихъ—водою, и клали въ колыбель съ изображеніями змѣй (символы мудрости, здравія и знаки воспоминанія о Геркулесѣ). Если младенецъ былъ мужескаго пола, надъ входными дверьми вѣшали масличную вѣтвь; если женскаго—миртовую. На пеленкахъ, въ которыя завертывали младенца и заблаговременно приготовленныхъ, вышивали голову Медузы—для отогнанія порчи, а также и отъ «призору очесъ» т. е. отъ сглазу, въ который древнія греческія женщины вѣрили не хуже нынѣшнихъ итальянокъ и нашихъ родимыхъ мамокъ и кормилокъ... Впрочемъ, не беремъ смѣлости отрицать основательности этого повсемѣстнаго повѣрья: его нелѣпость можетъ быть доказана тогда только, когда наука скажетъ что магнетизмъ— нелѣпость, чего она однако-же донынѣ не дерзаетъ выговорить. На **пятый** день младенца обносили три раза вокругъ домашняго очага, этого алтаря хозяйства и послѣ обряда новорожденный причислялся къ членамъ семьи, съ предоставленіемъ ему всѣхъ дальнѣйшихъ правъ законнаго ребенка. На **восьмой** день роженицу посѣщали родственники и знакомые и приносили ей подарки; на **сороковой** (тессаракостосъ) ей дозволялось, по омовеніи, идти въ храмъ Діаны и въ жертву богинѣ приносить свой поясъ (въ знакъ разрѣшенія).

---

¹) Въ эту сказку вѣрятъ моряки всего свѣта, а сочинена она не болѣе 300 лѣтъ тому назадъ. Голландскій капитанъ, **Ван-дер-Деккенъ**, застигнутый бурею у Мыса Доброй Надежды, въ досадѣ произнесъ страшное богохульство и за это присужденъ былъ скитаться по морямъ, до преставленія свѣта и предвѣщать своимъ появленіемъ крушеніе другимъ кораблямъ. На морѣ этотъ голландецъ то же самое что вѣчный жидъ на сухомъ пути.

Первоначальное воспитаніе дѣтей было тоже самое какое дается и нынѣ у народовъ европейскихъ. Укачивали младенцевъ, распѣвали колыбельныя пѣсни, унылыя, монотонныя. Мать молилась о своемъ дѣтищѣ богамъ и богинямъ покровителямъ дѣтскаго возраста во всѣхъ его фазисахъ. Для острастки дѣтей въ семейныхъ домахъ были маски, которыми пугали капризныхъ. По правамъ своимъ дѣти дѣлились на четыре категоріи: къ первой принадлежали дѣти законныя, отъ жены; ко второй, полузаконныя, отъ рабыни, или, наложницы; къ третьей, незаконорожденныя; къ четвертой, пріемыши и подкидыши. До двѣнадцатилѣтняго возраста одежда мальчиковъ и дѣвочекъ была одинакова и между ними допускалось совершенное сверстничество. Двѣнадцатилѣтнему мальчику брили голову, одѣвали его въ хламиду и отдавали въ школу, затѣмъ въ гимназію. Физическое воспитаніе шло рука объ руку съ нравственнымъ; основою послѣдняго была религія. Молитвою солнцу (филелія) начинался день, молитвою лунѣ (упингія) онъ оканчивался. Повиновеніе родителямъ и наставникамъ, уваженіе къ старшимъ вмѣнялись дѣтямъ въ непремѣнную обязанность. Розги были неизбѣжнымъ атрибутомъ педагога, который сѣкъ учениковъ за каждую бездѣлицу немилосердно. Въ Спартѣ этими экзекуціями пріучали къ терпѣнію и награждали дѣтей, которыя молча переносили стыдъ и боль.

Отъ успѣховъ образованія юноши зависѣло его принятіе въ среду гражданъ, и узаконеннаго совершеннолѣтія въ Греціи не полагалось, хотя въ Спартѣ, для брачнаго сожительства опредѣленъ былъ: мужчинѣ—тридцатилѣтній, а женщинѣ—двадцати четырехлѣтній возрастъ. Принадлежность къ одному сословію не препятствовала гражданину переходить въ другое. Сынъ ремесленника могъ сдѣлаться ученымъ; сынъ художника—гражданскимъ чиновникомъ. Не происхожденіе, не связи—но умъ и дарованія открывали греку всѣ поприща. Бывали примѣры, что даже рабы достигали до почестей и до извѣстности. Не распространяемся о законахъ разныхъ областей, по той причинѣ, что характеръ узаконеній и количество ихъ статей измѣнялись по мѣрѣ умственнаго развитія эллиновъ съ каждымъ вѣкомъ. Поступокъ извинительный во времена героическія назывался преступленіемъ при Солонѣ

и влекъ за собою жестокое наказаніе при Периклѣ. Воровство, напримѣръ, въ глубочайшей древности, въ Греціи почиталось удальствомъ: цари и царевичи уводили другъ у друга коней, угоняли стада и хвалясь этими подвигами ссылались на Аполлона, Меркурія. Геркулеса и Язона. Когда же въ основаніе гражданскаго благоустройства легли законоположенія, когда нравы смягчились— кража была названа преступленіемъ и подобно ей многіе проступки названы были настоящими именами. Въ Греціи, какъ и во всѣхъ государствахъ древняго и новаго міра, были законы вызванные преступленіями, были и преступленія созданныя законами. Чтобы не плутать по извилинамъ юридическаго лабиринта и утомлять читателя перечнемъ статей о тяжбахъ, о духовныхъ завѣщаніяхъ, о торговомъ уставѣ и т. п. мы ограничимся только указаніемъ на тѣ преступленія, за которыя въ Греціи полагалась смертная казнь. Изъ таковыхъ, первое мѣсто занимало убійство; за нимъ слѣдовали святотатство, государственная измѣна, грабежъ, насиліе, сводничество. Наказанія состояли изъ денежныхъ пеней, тюремнаго заключенія, изгнанія, розогъ, батоговъ и смертныхъ казней: чрезъ повѣшеніе на висѣлицѣ или на крестѣ; обезглавленіемъ, побіеніемъ камнями и отравленіемъ цикутою. Рабамъ, за похищеніе вина изъ хозяйскихъ погребовъ, камнями можжили руки и ноги; военноплѣнныхъ топили въ морѣ. Лютѣйшія пытки были введены въ употребленіе въ эпоху персидскихъ войнъ.

Браки, помимо обоюднаго соглашенія, заключались непремѣнно съ дозволенія родителей, или опекуновъ, если дѣвица, которую сватали, была сирота. Обычная формула изъявленія согласія отцомъ на бракъ дочери заключалась въ словахъ обращенныхъ къ искателю ея руки: «даю тебѣ эту дѣвицу, отъ колѣна предковъ моихъ, отъ крови моей». Затѣмъ будущіе зять и тесть уговаривались о приданомъ. Женихъ и невѣста давали обоюдную клятву въ вѣрности; онъ вручалъ ей подарокъ (аррэсъ), она подавала ему руку и этотъ предварительный договоръ скрѣплялся поцѣлуемъ. У эліанъ сговоръ происходилъ въ храмѣ Іоласа, друга и сподвижника Геркулеса. Наканунѣ дня брачнаго торжества, невѣста со своими подругами приносила въ жертву Діанѣ и Минервѣ свои волосы; въ день бракосочетанія сватья (т. е. роди-

тели жениха и невѣсты) приносили жертвы Паркамъ, причемъ печень и желчь зарѣзанныхъ на алтарѣ животныхъ бросались черезъ алтарь. Въ день бракосочетанія невѣсту вели въ домъ родителей жениха, сопровождая ее цѣлой процессіей. Бѣлая одежда, вѣнокъ изъ розъ, маку и миртъ, покрывало и ожерелье—были непремѣнными принадлежностями новобрачной, которую называли нимфою. Ей предшествовали пѣсенники, музыканты, факелоносцы; гимны въ честь Эрота, Венеры и Гименея оглашали воздухъ. Впереди новобрачной, молоденькая дѣвушка несла рѣшето и ткацкій челночекъ; она же сама держала въ рукахъ горшокъ, наполненный ячменемъ. Эти три вещи были символами хозяйства и домоводства. У богатыхъ и знатныхъ людей, новобрачная ѣхала въ колесницѣ, которую по прибытіи въ домъ къ мужу сожигали, въ знакъ того, что изъ этого дома супругѣ уже нѣтъ возврата къ родителямъ. При шествіи новобрачныхъ въ ихъ домъ, мужъ, точно также какъ и жена, былъ увѣнчанъ розами, миртами и маковыми цвѣтами; наружность и внутренность дома была украшена гирляндами и древесными вѣтвями. Брачный пиръ (гамелін) отличался пышностью, обиліемъ и веселостью. Къ молодой во время пиршества подходило дитя, обвѣшанное вѣтвями дуба и шиповника, и поздравляло ее отъ имени всѣхъ присутствовавшихъ съ перемѣною ея участи къ лучшему. По окончаніи гамелій молодыхъ вели въ опочивальню и на ея порогѣ осыпали смоквами, миндальными орѣхами и зерновымъ хлѣбомъ. Каждый гость, въ особенности же гостья, долгомъ считали высыпать свою пригоршню на головы молодымъ [1]). Брачное ложе обыкновенно осыпали шафраномъ и когда молодые ложились въ постель, имъ пѣли эпиталаму и давали съѣдать плодъ айвы (Pirus cydonia L), въ которомъ смѣсь сладости, кислоты и горечи символически изображала наслажденіе и горести супружеской жизни. Цѣломудріе не особенно цѣнилось у эллиновъ, такъ какъ дѣвицамъ сама религія давала право приносить свою невинность въ жертву Венерѣ.

---

[1]) Обычай заимствованный отъ индусовъ (см. томъ I гл. VIII стр. 67) и донынѣ соблюдаемый у многихъ азіатскихъ и европейскихъ народовъ.

У аѳинянъ благопріятнѣйшимъ временемъ для заключенія брачныхъ союзовъ почитались: мѣсяцъ январь (по этому названный гамеліономъ, т. е. брачнымъ), дни новолуній (неоменіи) и праздники бракосочетаній боговъ (ѳеогаміи). Бракъ между кровными родными былъ воспрещенъ, но не возбранялся лицамъ состоявшимъ въ родствѣ по линіи нисходящей. Многоженство было дозволено только царямъ, какъ лицамъ стоявшимъ всегда выше закона: у Александра Македонскаго было двѣ или три жены. Наложницы были непремѣнной принадлежностью богатаго семейнаго дома; въ Греціи, какъ и вездѣ и повсюду, мужчины въ супружествѣ выторговали себѣ у закона широкія права. Поводовъ къ разводу было множество. Мужъ имѣлъ право отпустить отъ себя жену за ея неплодіе, или за излишнюю плодовитость, за вѣтренность или за докучливое постоянство; имѣлъ право уступать жену свою другу, если полагалъ, что самъ виновникъ ея неплодія... Однако же за явный торгъ женою подвергался смертной казни.

Замужняя женщина пользовалась нѣкоторою свободою только тогда когда была матерью уже взрослыхъ дѣтей. Вся ея молодость проходила въ затворничествѣ, къ которому было приспособлено самое расположеніе домовъ у эллиновъ, раздѣленныхъ на двѣ половины: женскую или теремъ (геникей) и мужскую (андронъ). Замужняя женщина, точно также какъ и дѣвушка, выходя на улицу, была обязана закрывать лице свое фатою и имѣть при себѣ для сопровожденія служанку, старика раба или евнуха. Большая или меньшая свита зависѣла разумѣется отъ степени достатка греческой барыни. Бѣдныя женщины и дѣвицы ограждали себя отъ нескромныхъ взоровъ встрѣчныхъ любезниковъ только покрывалами. Затворничество однако же не мѣшало ни женщинамъ, ни дѣвицамъ древней Греціи модничать и кокетничать, чуть-ли не искуснѣе современныхъ барынь и барышень европейскихъ государствъ. Шиньоны, головныя сѣтки и всевозможныя затѣйливыя прически были извѣстны имъ, чуть-ли не со временъ Елены-прекрасной. Серьги, ожерелья, браслеты, перстни древнихъ гречанокъ изяществомъ превосходили издѣлія ювелировъ нашего времени, а таинства косметики и туалета были имъ извѣстны едвали не лучше нежели современнымъ модницамъ. Древняя гречанка съ юныхъ лѣтъ узна-

вала цѣну своей красотѣ и обладала умѣньемъ скрывать физическіе недостатки. Ароматическія ванны придавали нѣжность и бѣлизну ея тѣлу, гибкость ея членамъ. Сурьма, румяна, бѣлила, пудра, духи и помада—составляли лабораторію, въ которой красавица превращалась въ богиню красоты, дурняшка — въ красавицу. Сандаліи открытыя давали возможность обладательницѣ стройной ножки плѣнять ею взоры мужчинъ; ботинки на каблучкахъ придавала стройность и самой нескладной ногѣ. Впрочемъ, древнія гречанки не стыдились носить платье съ тюниками разрѣзанными выше колѣна и корсажи съ обнаженными по плечи руками и грудью... Отчаянная декольтировка не считается за стыдъ и въ наше время. Однимъ словомъ между греческой дамой временъ Перикла и парижанкой XIX вѣка по Р. Х. почти невозможно провести хронологической демаркаціонной линіи. Отраднѣйшимъ явленіемъ въ древней Греціи были права женщинъ заниматься науками и искуствами и слушать лекціи философовъ. Имена Сафо и Коринны на поприщѣ поэзіи, Гипатіи—на поприщѣ наукъ, Аспазіи—на поприщѣ политики и изящныхъ художествъ, служатъ доказательствами, что женщины Эллады не были обречены на обязательную пошлость и жалкое ничтожество, изъ чего впрочемъ еще не слѣдуетъ, чтобы всѣ древнія гречанки были славными поэтессами, учеными, дипломатками или художницами. Спартанки почитали за счастіе, если имъ помогали небеса родить республикѣ нѣсколько человѣкъ здоровыхъ ребятишекъ, будущихъ воиновъ. Аѳинянки (т. е. тѣ изъ нихъ, которыя не чувствовали призванія къ наукамъ или художествамъ) довольствовались скромной долей хозяекъ и ограничивали свою дѣятельность сферой, заключавшей въ себѣ дѣтскую и домашній очагъ. Въ Греціи появлялись даровитыя натуры между женщинами именно потому, что на ученое или артистическое поприще вступали дѣятельницы сознававшія свои силы и способности, а не бездарныя тупицы, хватавшіяся за науку, оригинальности, или скандала ради. У гэтеръ и у диктеріадъ (см. выше главу X стр. 108) была своя профессія; онѣ не лѣзли ни въ лицей, ни въ академію, ни подъ сѣнь портика и служенія наукѣ не осмѣливались смѣшивать со служеніемъ Пріапу.

Окончимъ нашъ обзоръ очеркомъ погребальныхъ обрядовъ Эллады, изъ которыхъ большая часть введена была Платономъ.

При болѣзняхъ, помимо врачей, совѣщались съ знахарями и заклинателями (орфеотелесты). Надъ крыльцомъ дома труднобольнаго обыкновенно вывѣшивали вѣтвь крушины (Rhamnus catharcticus L) или лавра. Чувствуя приближеніе смерти, больной и окружавшіе его одръ молились Минервѣ и Меркурію—душеводителю (психопомпу). Воля умирающаго, предсмертныя слова, почитались священными. Когда онъ испускалъ послѣдній вздохъ присутствующіе ударяли въ мѣдные тазы и бряцали кимвалами, чтобы отогнать невидимыхъ адскихъ духовъ. Затѣмъ трупъ усопшаго обмывали, натирали его благовоніями и одѣвали въ бѣлую тунику (плащъ), а голову покрывали пеленою. Въ ротъ покойнику клали оболъ, для уплаты Харону за перевозъ черезъ адскія рѣки; въ правую руку—медовый пирожокъ для подаянія Церберу. На голову надѣвали вѣнокъ изъ цвѣтовъ, посвященныхъ подземнымъ божествамъ. Остриженные его волосы вѣшали у входа и весь домъ украшали кипарисовыми и еловыми вѣтвями. Потомъ покойника выносили въ сѣни и клали ногами къ выходу, а въ изголовье его ставили сосудъ съ освященною водою. Хоронили обыкновенно, богатыхъ—на восьмой, а—бѣдныхъ на другой день смерти. Погребеніе бывало двухъ родовъ: зарываніе въ землю и сожженіе на кострѣ. Въ послѣднемъ случаѣ золу и пепелъ складывали въ урны, которыя сохранялись въ храмахъ, или въ домахъ семействъ покойныхъ, или, наконецъ, отвозились на родину, если человѣкъ умиралъ на чужбинѣ, ибо хорониться долженъ былъ каждый на родной землѣ. Свѣчи, ѳиміамъ, пѣніе гимновъ и трауръ—были непремѣнными принадлежностями похоронъ. Кромѣ чернаго одѣянія, ближайшіе родственники усопшаго остригали себѣ волосы, а мужчины и бороды. Поминовенія совершались въ девятый, въ сороковой дни и въ день рожденія усопшаго. Оно, какъ и въ день погребенія, сопровождалось пиршествомъ и надгробными играми. Законы строго воспрещали говорить худо объ умершихъ и это обыкновеніе свято соблюдалось, какъ у грековъ, такъ и у римлянъ (De mortuis aut bene aut nihil). Скоропо-

стижно умершихъ мужчинъ называли сраженными стрѣлами Апо лона, женщинъ—стрѣлами Діаны. Убитыхъ громомъ хоронили на самомъ мѣстѣ ихъ убіенія; утонувшихъ—на томъ берегу, на который тѣло ихъ выбрасывало волнами. Этотъ видъ смерти почитался ужаснѣйшимъ, а погребеніе утопленника называли богоугоднѣйшимъ дѣломъ. Отправлявшіеся въ морскія путешествія во время бури нарочно одѣвались въ богатыя платья, надѣвали дорогія ожерелья или перстни, чтобы наградить ими находчика за погребеніе, въ случаѣ ихъ гибели въ волнахъ и принесенія ихъ труповъ къ чужимъ берегамъ. Путникъ, случайно натолкнувшійся на трупъ утопленника, обязанъ былъ кинуть на него три горстки песку, и этимъ подобіемъ погребенія успокоить свою совѣсть и тѣнь усопшаго. Временемъ для похоронъ полагался, для взрослыхъ—непремѣнно день, для дѣтей, юношей и дѣвственницъ—разсвѣтъ. Въ послѣднемъ случаѣ эллины говорили, что это дѣлается для того, чтобы зрѣлищемъ преждевременной смерти не возмущать дневнаго свѣтила. Самоубійцъ хоронили безъ всякихъ почестей; казненныхъ, святотатцевъ и предателей вовсе лишали погребенія. Могилы вельможъ и сановниковъ ненавистныхъ народу, были предметами поруганія, выражавшагося бросаемыми на нихъ комьями грязи и каменьями. Памятники, подобно европейскимъ (или вѣрнѣе сказать европейскіе памятники подобіе греческихъ) состояли изъ мраморныхъ саркофаговъ, колоннъ, тумбъ (киппы) урнъ и плитъ. Кромѣ имени покойнаго, на нихъ изсѣкали эпитафіи и эпиграммы (первоначальное значеніе этого слова: надгробная надпись)...

Окончимъ очеркъ Греціи тѣми же словами, которыми мы его начали: эта великая страна—обширное кладбище, подъ монументами и памятниками котораго покоятся непробудньмъ сномъ—ея величіе, могущество и слава!..

РИМЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вступленіе.—Римъ и міръ.—Три періода.—Постепенное возрастаніе.—Періодъ царей.—Этимологическія догадки.—Эней и его потомки. — Нумиторъ и Амулій.—Рея Сильвія.—Рожденіе Ромула и Рема.—Волчиха и дятелъ.—Пастухъ Фавстулъ и Акка Лауренція.—Арвалы.—Вторичное воцареніе Нумитора.—Берега Тибра.—Семь холмовъ.—Заложеніе Рима.—Священная ограда.—Три имени.—Убіеніе Рема.—Лемуріи.—Азилъ.—Похищеніе сабинокъ. — Герцилія.—Ея обоготвореніе.—Таций. — Матроналіи. — Тубилустріумъ.—Боги сабинцевъ.—Убіеніе Тація.—Патриціи.—Плебеи.—Сенатъ.— Трибы. — Куріи. — Патроны.—Кліенты.—Ликторы. —Поклоненіе Марсу. — Праздники очищенія.—Луперкаліи.—Прокулъ Валезусъ.—Убіеніе Ромула.—Эра римлянъ.—Избраніе Нумы-Помпилія.

Творецъ «послѣдняго дня Помпеи», покойный К. П. Брюлловъ, въ равной степени талантливый художникъ и энциклопедически образованный человѣкъ, говоря о великомъ Римѣ, охарактеризовалъ его, однажды, весьма вѣрно и остроумно: «Языческій Римъ», сказалъ онъ, «обладалъ свѣтомъ, держа въ рукахъ мечь. Римъ христіанскій перевернулъ этотъ мечь крестообразною рукояткою вверхъ и крестъ въ его рукахъ превратился во всемірный скипетръ... Не даромъ же въ имени Рима скрывается анаграмма міръ [1])».

---

[1]) Анаграмма нѣсколько грѣшитъ противъ грамматики: міръ пишет-

Судьбы великихъ и могущественныхъ царствъ древняго міра — одинаковы. Въ первые вѣка бытія рода человѣческаго обладателями всѣхъ царствъ Малой Азіи были цари Вавилона; Вавилонъ палъ, изъ его обломковъ образовались иныя государства и изъ нихъ, на долю Персіи, досталось всемірное владычество. Пало царство персидское, уступивъ свое главенство надъ древнимъ міромъ—Греціи.... пробилъ часъ ея и Римъ, какъ мощный орелъ, сжалъ въ своихъ желѣзныхъ когтяхъ всю южную и среднюю Европу, сѣверныя области Африки и западныя—Азіи. Тысячу двѣсти двадцать девять лѣтъ (съ 753 г. до Р. Х. по 476 г. нашей эры) длилось его могущество, наконецъ и онъ рухнулъ, но изъ каждаго осколка римской державы возникло новое царство. Изъ таковыхъ почти всѣ существуютъ и понынѣ. Которому изъ современныхъ европейскихъ государствъ Богъ судилъ дать въ обладаніе весь міръ это Ему одному вѣдомо; но что и это царство неминуемо постигнетъ участь древнихъ Рима, Греціи, Персіи или Вавилона—въ томъ порукою исторія. Въ библейскомъ сказаніи о столпотвореніи вавилонскомъ (Бытія гл. XI ст. 1—9) скрывается таинственное пророчество о грядущей участи всѣхъ могущественнѣйшихъ царствъ земли: они возрастаютъ, чуть не до небесъ, но достигнувъ высоты свыше предопредѣленной—рушатся, и зодчіе, говоря разными языками, расходятся во всѣ стороны, дѣлаясь родоначальниками новыхъ народовъ и основателями новыхъ царствъ.

Событія римской исторіи группируютъ обыкновенно на три періода, которые можно назвать: младенчествомъ, юностью, зрѣлымъ возрастомъ и дряхлостью Рима. Младенчество объемлетъ періодъ въ 244 года (съ 753 по 509 г. до Р. Х.), впродолженіе котораго семь царей смѣнили другъ друга и монархія была превращена въ республику. Періодъ второй или юность (съ 509 по 30 г. до Р. Х.) длилась 479 лѣтъ. Въ третьемъ періодѣ

ся чрезъ і; но это, впрочемъ, педантическая придирка не умаляющая значенія словъ Брюллова. По приговору современныхъ эстетиковъ, для которыхъ жанръ выше исторической живописи „послѣдній день Помпеи" гроша не стоитъ, точно также какъ: „сапоги — полезнѣе Пушкина".

Римъ достигъ зрѣлаго возраста (съ 30 г. до Р. Х. по 330 г. нашей эры) и затѣмъ началъ дряхлѣть, хирѣть и палъ въ неравной борьбѣ съ новыми свѣжими силами — полчищами иноплеменныхъ варваровъ (330- 476 г.). Съ политической точки зрѣнія, періоды римской исторіи представляются, въ трехъ фазисахъ: царства, республики и имперіи. Римъ, основанный Ромуломъ и Ремомъ, можно сравнить съ желудемъ, брошеннымъ на воспріимчивую почву и давшимъ ростокъ, который, въ теченіе двухсотъ слишкомъ лѣтъ превратился въ стройное деревцо. Поливаемое кровью оно быстро разрослось и развѣтвилось въ продолжительный періодъ республики и когда ширококрылый орелъ имперіи свилъ на этомъ деревѣ свое гнѣздо, дубъ-исполинъ уже осѣнялъ своими вѣтвями три части свѣта... Вѣка уносились за вѣками; дубъ дряхлѣлъ, чревоточина разъѣдала его сердцевину, листья блекли, корни ослабѣвали... Ударилъ громъ и рухнулъ дубъ-исполинъ, но вѣтви его вонзились въ землю, укоренились, и въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ образовали новую дубраву— республикъ, княжествъ, королевствъ, имперій!

Теперь приступимъ къ историческому очерку первобытнаго римскаго царства.

Сказки неразлучны съ дѣтствомъ и повѣствованія римскихъ историковъ о первыхъ двухъ вѣкахъ бытія славной ихъ родины переполнены мишурою фантастическихъ вымысловъ. Тысячи коментаріевъ и дисертацій средневѣковыхъ и новѣйшихъ ученыхъ донынѣ еще не привели къ разрѣшенію вопросовъ о томъ, дѣйствительно-ли существовалъ Ромулъ, или этотъ основатель Рима— лице баснословное; онъ ли далъ свое имя вѣчному городу, или напротивъ собственное имя отъ него заимствовалъ? Нѣкоторые коментаторы утверждаютъ будто за долго до воцаренія основателя Рима, на берегахъ Тибра, въ древности называвшагося Румонъ, существовала колонія троянскихъ переселенцевъ—Рума... Иные, этимологію именъ: Ромы (т. е. Рима) и Ромула производятъ отъ греческаго слова: роми: сила; а имя царя Нумы—отъ нома: законъ. Но если къ личностямъ и событіямъ древней исторіи относиться съ подобнымъ недовѣріемъ, то можно придти къ отрицанію существованія, не только Кира, но и Александра Македонска-

го. Не пускаясь въ дальнѣйшія разсужденія, остановимся на сказаніяхъ историковъ римскихъ.

Изъ нихъ узнаемъ, что Италія въ глубочайшей древности была заселена аборигенами, этрусками, латинами, сабинцами, рутулами, вольсками, эквами, антеннатами и многими другими народами, управляемыми царями, имѣвшими жрецовъ, храмы и рощи, посвященные божествамъ гренонъ, даже можетъ быть, и атлантидовъ (см. томъ IV гл. XXIV стр. 254—258). Послѣ разгрома Трои и паденія царства Пріама, предатель Эней, послѣ долгихъ скитаній, прибылъ въ Лаціумъ, или Латіумъ, область царя Латина, женился на дочери его Лавиніи и основалъ городъ, названный ея именемъ. Сынъ Энея, отъ Креузы, Асканій, основалъ царство Альбанское, существовавшее, по словамъ Діонисія Галикарнасскаго 432 года. Послѣ смерти Асканія народъ возвелъ на престолъ брата его Сильвія или Постумія, рожденнаго Лавиніею послѣ смерти Энея; но чтобы не обидѣть Юлія, сына Асканія, латины провозгласили этого прямаго наслѣдника верховнымъ жрецомъ. Сильвію наслѣдовалъ Эней II; затѣмъ царствовали: Латинъ, Альба, Капетъ, Каписъ, Кальпетъ и Тиберній, утонувшій въ рѣкѣ Альбулѣ, послѣ того названной Тибромъ. Преемниками Тиберія были: Агриппа, прославившійся своимъ нечестіемъ Аллядій; давшій свое имя горѣ,—Авентинъ; за нимъ Прокасъ, оставившій послѣ себя двухъ сыновей: Нумитора и Амулія. Этотъ перечень царей альбанскихъ—присказка, теперь начинается настоящая сказка.

Старшему своему сыну Нумитору, царь Прокасъ завѣщалъ свой престолъ, младшему, Амулію—всѣ свои сокровища. Старшій былъ добръ и кротокъ; младшій золъ и завистливъ; слѣдствіемъ этого несходства характеровъ было сверженіе Нумитора съ престола Амуліемъ и насильственное посвященіе въ весталки дочери царя—Реи-Сильвіи. Однажды ночью, когда она молилась въ храмѣ предъ неугасимымъ огнемъ на алтарѣ, ей явился во всемъ блескѣ своего величія богъ войны, Марсъ, и безъ труда убѣдилъ отречься отъ насильственнаго обѣта безбрачія. Слѣдствіемъ этой интимной бесѣды съ богомъ войны было рожденіе Реею-Сильвіею сыновей-двойней: Ромула и Рема (въ 770 г. до Р. Х.). Царь Амулій,

извѣщенный о преступленіи племянницы велѣлъ одному изъ своихъ служителей убить новорожденныхъ. Вмѣсто того, чтобы исполнить это варварское приказаніе, служитель уложилъ младенцевъ въ крѣпкую корзину, снесъ ихъ на берегъ Тибра и оставилъ здѣсь на произволъ судьбы; но боги невидимо бодрствовали надъ Ромуломъ и Ремомъ. Къ берегу прибѣжала недавно ощенившаяся волчиха: она сжалилась надъ младенцами и покормила ихъ, а во время отлучекъ волчихи должность кормилицы занималъ дятелъ... Чѣмъ онъ могъ кормить дѣтей, объ этомъ исторія умалчиваетъ, но, вѣроятно, птичьимъ молокомъ. Долго-ли продолжалось чудесное кормленіе Ромула и Рема и это съ точностью неизвѣстно; только, въ одинъ прекрасный день, несчастныхъ близнецовъ нашелъ пастухъ Фавстулъ, снесъ ихъ къ себѣ домой и ввѣрилъ попеченіямъ своей жены Акки Лауренціи.

Сказку о волчихѣ объясняютъ обыкновенно такимъ образомъ: Служитель Амулія, вмѣсто убіенія дѣтей, отдалъ ихъ на воспитаніе пастухамъ. Жена одного изъ нихъ, вскормившая малютокъ, за распутное поведеніе была прозвана «волчихою» [1]). Какъ-бы то ни было, древніе римляне были твердо убѣждены, что настоящая волчиха была кормилицею основателей ихъ великаго города. Что же касается до Фавстула и жены его, римляне воздавали ихъ памяти божескія почести: первому на праздникахъ Фавна, второй при Лауренталіяхъ. Ромулъ, послѣ своего воцаренія, желая вознаградить семейство Фавстула, возвелъ двѣнадцать сыновей Акки-Лауренціи въ санъ жрецовъ и они были первыми арвалами.

Ничего не вѣдая о своемъ происхожденіи, Ромулъ и Ремъ выросли въ кругу пастуховъ, помогали имъ въ пасьтбѣ стадъ, оберегая послѣднія отъ хищниковъ, съ которыми имѣли довольно частыя столкновенія. Въ одной изъ схватокъ Ремъ былъ взятъ въ плѣнъ и, какъ человѣкъ давно замѣченный въ буйствахъ, отданъ на судъ Амулію. Узнавъ о несчастіи постигшемъ брата, Ромулъ добровольно послѣдовалъ за нимъ къ царю. Здѣсь оба царевича были узнаны и сами, въ свою очередь, узнали о всѣхъ злодѣй-

---

[1]) По латыни: lupa. Отсюда слово—lupanar: трущоба, домъ распутства.

ствахъ Амулія. Они умертвили его, опять возвели на престолъ Нумитора и, вмѣсто всякой награды, выпросили у дѣда небольшой участокъ земли на берегахъ Тибра, покрытый лѣсами, болотами и довольно значительными холмами, отъ которыхъ Римъ, впослѣдствіи времени, получилъ прозвище семихолмнаго. Надобно замѣтить, что кромѣ семи холмовъ на лѣвомъ берегу Тибра, были еще два—на правомъ: Яникулъ и Ватиканъ. Имена же семи холмовъ слѣдующія: 1) Капитолійскій, 2) Квириналъ, 3) Виминалъ, 4) Эсквилинъ, 5) Коцилій, 6) Авентинъ, 7) Палатинъ. Нѣкоторыя изъ этихъ возвышенностей принадлежали ко владѣніямъ сабинскаго царя Тація; съ юга, къ прибрежьямъ Тибра прилегали горы, заселенныя вольсками, съ сѣвера, ближайшими сосѣдями владѣній Ромула и Рема были этруски. Нумиторъ подарилъ внукамъ землю, которую даже не имѣлъ права назвать своею собственностью. Это не помѣшало однако же юнымъ героямъ приступить къ заложенію города. Не споря о первенствѣ, братья прибѣгнули къ авгурамъ для рѣшенія вопроса, которому изъ двухъ быть главнымъ дѣйствующимъ лицомъ при торжественномъ обрядѣ? Авгуры объявили, что основателемъ долженъ быть тотъ изъ братьевъ, который, первый, увидитъ, сверкнувшую, слѣва отъ себя, молнію и летящаго орла. Эти знаменія воли боговъ первый увидѣлъ—Ромулъ и приступилъ къ заложенію города, въ 11 день майскихъ календъ (21 апрѣля) 753 года, до Р. Х. въ самый праздникъ латинской богини Палесы [2]), покровительницы стадъ, онъ впрегъ въ соху молодаго бычка и телку и означилъ бороздою мѣсто для священной ограды (померіума) будущаго города. Авгуры произнесли надъ нею заклинанія, отъ вражескаго покушенія на ея цѣлость; затѣмъ молили боговъ, чтобы эта ограда, во вѣки вѣчные, пребывала ненарушимою. Новому городу было дано три имени: священное, таинственное и гражданское. Первое—въ честь богинь весны, было: Флора или Анѳуза; второе: Эросъ или Аморъ (любовь); третье—его анаграмма: Рома (Римъ). Когда приступили къ рытью рва,

---

[2]) См. томъ V гл. XIV стр. 119.

братъ Ромула, завидуя ему, сталъ смѣяться надъ малою шириною рва и въ доказательство перепрыгнулъ чрезъ него. Основатель, оскорбленный этой выходкою, убилъ брата ударомъ лопаты по головѣ, сказавъ при этомъ: «такъ да погибнетъ каждый, кто дерзнетъ посягнуть на мой городъ и проникнетъ въ его ограду»! Правдиво ли, нѣтъ ли, это сказаніе, оно во всякомъ случаѣ замѣчательно: первый камень, положенный въ основаніе Рима, будущаго всесвѣтнаго властителя, былъ обагренъ кровью, пролитою братоубійцею... Невольно приходятъ на память Каинъ и Авель—родоначальники людей послѣ грѣхопаденія перваго человѣка. Тѣнь Рема и угрызенія совѣсти не давали покоя Ромулу и для ея успокоенія онъ установилъ пятидневное празднество усопшихъ Ремуріи или Лемуріи (съ 9 по 13 число мая).

Для скорѣйшаго заселенія строившагося Рима, основатель его открылъ на холмѣ Капитолійскомъ, при храмѣ Зевса, убѣжище (азиль) для подданныхъ сосѣднихъ царей, въ которомъ злѣйшіе преступники могли найти совершенную безопасность отъ заслуженной ими кары. Благодаря этому средству, число жителей достигло до 3000 пѣшихъ и 300 конныхъ воиновъ. Однако же совершенное отсутствіе женщинъ, помимо ожесточенія нравовъ римлянъ, угрожало новому городу въ недалекомъ будущемъ совершеннымъ опустѣніемъ; но Ромулъ и тутъ нашелся. Народы Латіума и сопредѣльныхъ ему областей, ежегодно въ 21 день августа мѣсяца праздновали Консуаліи, въ честь бога-союза Консуса [1]. Какъ-бы изъ желанія сблизиться съ сосѣдями, Ромулъ объявилъ имъ, что имѣетъ намѣреніе праздновать консуаліи въ Римѣ и приглашаетъ окрестныхъ жителей на праздникъ, съ ихъ женами и дочерьми. Этимъ приглашеніемъ воспользовались одни сабинцы и жестоко поплатились за опрометчивое довѣріе. Праздникъ прошелъ своимъ порядкомъ, но когда гости собрались домой, хозяева—римляне бросились на нихъ и отнявъ у нихъ дочерей, силою увлекли послѣднихъ въ свои жилища. Всѣмъ хищникамъ достались въ жены дѣвственницы, одному только Ромулу попалась

---

[1]) То же самое божество, которое въ Халдеѣ и въ Сиро-Финикіи называли Ваал-Бериѳомъ (см. томъ IV. Сабизмъ, гл. XI стр. 259).

замужняя сабинка, Герциліа. Долго ли она съ нимъ сожительствовала—неизвѣстно, но послѣ смерти она удостоилась божескихъ почестей подъ именемъ Герты, или Гораты: ей поклонялись какъ богинѣ моложавости и неувядаемой красоты.

Чтобы наказать римлянъ за дерзкое насиліе, сосѣднія племена ходили на нихъ войною, но были отражаемы всѣ, кромѣ сабинскаго царя Тація, которому удалось овладѣть холмомъ Капитолійскимъ. Война готовилась принять угрожающіе размѣры, но жены римлянъ примирили со своими мужьями—сабинянъ, своихъ отцевъ и братьевъ. Въ память этого событія Ромулъ установилъ празднество Матроналій и заключилъ самый дружественный союзъ съ Таціемъ. Свиданіе царей и ихъ обоюдная присяга въ вѣрности происходили въ храмѣ Вулкана. Цари клялись огнемъ, водою и жертвоприношеніемъ рыбъ «вмѣсто душъ человѣческихъ (pro anima humana)». Для ознаменованія этого союза Ромулъ учредилъ, 27 мая, праздникъ Тубилустріумъ (освященіе военныхъ трубъ) и ввелъ въ Римѣ служеніе сабинскимъ богамъ: Санкусу (5 іюня), Суммануcу; Лунѣ, Солнцу, Сатурну, Янусу; богинямъ Вакунѣ и Нерiи (23 марта). Кромѣ того Ромулъ пригласилъ Тація къ себѣ въ соправители, выговоривъ присоединеніе къ Риму областей сабинскихъ, въ случаѣ смерти ихъ царя. Она не замедлила: Тацій былъ предательски умерщвленъ и его могила была звеномъ присоединившимъ его царство къ владѣніямъ Ромула. Съ этого времени основатель Рима сталъ царемъ самодержавнымъ, соединивъ съ этимъ саномъ, въ своей особѣ, званія: полководца и верховнаго жреца. Народъ свой онъ раздѣлилъ на знать (патриціи) и чернь (плебеи). Изъ знати онъ избралъ членовъ сената или отцевъ (patres); чернь раздѣлилъ на трибы (въ числѣ трехъ), каждую трибу на куріи. Каждая курія имѣла въ сенатѣ своего патрона (милостивца, покровителя), который називалъ подвѣдомственныхъ ему членовъ куріи—кліентами. Въ память этой классификаціи Ромулъ приказалъ, при входѣ въ храмъ Квирина (бога войны), посадить два миртовыя дерева; одно было символомъ патриціевъ, другое—плебеевъ. Свиту царя составляли триста всадниковъ (рейтарей, или рыцарей) и двѣнадцать ликторовъ. Послѣдніе исправляли должность палачей, они при

выходахъ Ромула несли впереди его пучки батоговъ, обвязанные вокругъ топора и, по приговору царскому, употребляли въ дѣло то или другое.

Съ дѣятельностью Ромула, какъ верховнаго жреца, мы уже отчасти ознакомили читателя, исчисливъ установленные имъ праздники, скажемъ, въ дополненіе къ сказанному, что мнимаго отца своего Марса онъ призналъ верховнымъ покровителемъ Рима, выше самаго Зевса. Подъ именемъ Квирина, олицетворяя его въ видѣ копья (а впослѣдствіи самого Ромула) римляне поклонялись Марсу, какъ богу войны; имя же его какъ покровителя призывали безразлично воины, граждане, пастухи и земледѣльцы. Новый годъ, въ честь его, Ромулъ повелѣлъ считать съ мѣсяца марта (Марса), хотя въ Италіи повсемѣстно годъ начинали съ января, въ честь Януса. Кромѣ вышеупомянутыхъ праздниковъ Ромуломъ были установлены праздники очищенія (Луперкаліи), неблагопристойные обряды которыхъ [1]) совершались на равнинѣ названной Луперкаль. На ней посажена была священная смоква, которой въ теченіе многихъ лѣтъ воздавали божескія почести.

Въ послѣдніе годы жизни, властвуя уже надъ 40,000 подданныхъ, Ромулъ впалъ въ деспотизмъ, возбудившій негодаваніе патриціевъ. Составился заговоръ и сенаторы рѣшивъ цареубійство, исполненіе его поручили Прокулу Валезусу, изъ ихъ же среды избранному. Лѣтомъ 716 г. до Р. Х. Ромулъ производилъ смотръ войскамъ; внезапно поднялась страшная буря, нагнавшая ужасъ на всѣхъ присутствовавшихъ, кромѣ заговорщиковъ: они умертвили Ромула непримѣтно для воиновъ, ликторовъ и всей его свиты, скрыли его тѣло (изрубивъ его на части) и, затѣмъ, объявили народу, что Марсъ похитилъ своего сына на небо, осѣнивъ его громовой тучею... Народъ повѣрилъ и единогласно призналъ Ромула за божество. Такимъ образомъ, въ теченіе первыхъ тридцати семи лѣтъ своего существованія Римъ занесъ въ свои лѣтописи—третье убійство и земля священной ограды приняла въ свои нѣдра истерзанный трупъ своего основателя! Годъ основанія Рима соотвѣтствовалъ 4 году VI олимпіады греческаго лѣто-

---

[1]) См. томъ V гл. XVIII стр. 158.

счисленія и до послѣдняго года царствованія Александра Севера (235 г. по Р. Х. онъ былъ эрою римлянъ). Вслѣдствіе этого мы, при обзорѣ событій римской исторіи, будемъ показывать годы и ихъ лѣтосчисленія.

Послѣ смерти Ромула, сенатъ былъ правителемъ народнымъ два года (716—714 г. до Р. Х.). Наконецъ на престолъ, по желанію римлянъ, былъ возведенъ зять покойнаго царя Тація, кроткій и мудрый ѳеократъ Нума-Помпилій, преобразователь нравовъ, первый законодатель римлянъ, 44 года блаженствовавшихъ подъ его скипетромъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Нума Помпилій. — Его книги. — Нимфа Эгерія. — Богъ Термъ.—Корпораціи жрецовъ. — Куріоны. — Фламиніи. — Вожди всадниковъ.—Авгуры.—Весталки.—Салійцы.—Феціалы.—Понтифексы.—Праздники. — Законы.—Туллъ Гостилій.—Гораціи и Куріаціи.—Первая казнь.—Вызываніе грома.—Анкъ Марцій.—Тарквиній Древній.—Танаквилія.—Орелъ.—Капитолій. — Аттнусъ Невій.— Оваціи и тріумфы.—Каія Цецилія, ея перстень и поясъ.—Сервій Туллій.—Чудесное рожденіе.—Фортуна.—Храмъ Діаны.—Либитиніи и Компиталіи.—Перепись, цензъ, люстръ. — Кварталы Рима.—Древнѣйшее зданіе въ Европѣ.—Туллія.—Заговоръ.—Убіеніе царя.—Тарквиній Гордый.—Всеобщая ненависть.—Лукреція и Секстъ.—Изгнаніе царя.—Праздникъ его бѣгства.

Нума Помпилій родился въ день основанія Рима и при избраніи своемъ въ цари имѣлъ уже 39 лѣтъ отъ роду (714 г. до Р. Х.). Одаренный всѣми способностями правителя, кромѣ воинственныхъ наклонностей, онъ не домогался и не искалъ верховной власти: она сама его отыскала и Нума Помпилій, избранный въ цари, вполнѣ оправдалъ этотъ выборъ. Численность римскаго

народа простиралась тогда до 50,000 человѣкъ — буйныхъ, заносчивыхъ, суевѣрныхъ, но не религіозныхъ, съ самыми шаткими понятіями о нравственности, полагавшими все свое благополучіе въ стяжаніи чужаго — путемъ душегубства. Этихъ звѣрей, въ образѣ человѣческомъ, надобно было укротить, приручить; необходимо было пробудить въ нихъ чувства человѣческія. Эту трудную задачу, Нума Помпилій, разрѣшилъ какъ нельзя удачнѣе, давъ римлянамъ законы и пріохотивъ ихъ къ земледѣлію. Въ первомъ случаѣ, царь воспользовался суевѣріемъ народнымъ. По примѣру древнихъ законодателей всѣхъ странъ, Нума Помпилій, при каждомъ новомъ постановленіи, объявлялъ, что законъ диктованъ ему однимъ божествомъ, покровительствующимъ Риму и особенно благоволящимъ его царю. Это таинственное, незримое божество — была нимфа Эгерія, съ которою царь совѣщался о дѣлахъ государственныхъ и о пользахъ народа. Чтобы пріохотить римлянъ къ земледѣлію, Нума Помпилій роздалъ имъ участки земли, завоеванной Ромуломъ у сосѣднихъ народовъ и составлявшей царскую собственность. Богомъ покровителемъ земледѣльцевъ царь призналъ Терма или Термина, котораго символически изображали межевыя вехи и столбы. Это разумное соединеніе религіознаго вѣрованія съ мѣрами административными пріучило римлянъ къ уваженію чужой собственности и къ ненарушимости размежевокъ.

Плодомъ бесѣдъ царя Нумы съ нимфою Эгеріею были восемь книгъ законовъ, преимущественно богослужебныхъ уставовъ имъ сочиненныхъ, каждая книга была посвящена которой нибудь изъ корпорацій жрецовъ. Эти корпораціи были слѣдующія: 1) куріоны, 2) фламиніи, 3) вожди всадниковъ или целеровъ, 4) авгуры, 5) весталки, 6) салійцы, хранители анцилій, 7) феціалы, 8) понтифексы.

При Ромулѣ, какъ мы уже говорили выше, народъ дѣлился на 30 курій, управляемыхъ избранными изъ сословія патриціевъ — куріонами. Нума Помпилій установилъ, чтобы куріоны, какъ представители общинъ, въ опредѣленные дни приносили отъ ихъ именъ жертвы у подножія горы Палатина и присутствовали при трапезахъ народныхъ, каждый при своей куріи.

Фламинія—сначала въ числѣ трехъ, впослѣдствіи времени 15, были жрецами верховныхъ боговъ: Юпитера (flaminius dialis), Марса (f. martialis) и Квирина или Ромула (f. quirinalis). Въ зимнее время головной уборъ фламиніевъ состоялъ изъ шлема (apex) съ шерстяною нитью; лѣтомъ изъ покрывала (flaminum), отъ котораго произошло и самое ихъ названіе.

Вожди всадниковъ или целеровъ были жрецами сословія воинскаго и въ древнемъ Римѣ занимали должности полковыхъ священниковъ. Они, въ станахъ, избирали мѣста для постановки алтарей и приносили на нихъ жертвы отъ лица воинскихъ дружинъ.

Въ царствованіе Ромула при каждой трибѣ состоялъ одинъ авгуръ (волхвъ, гадатель, вѣдунъ); при Нумѣ Помпиліи вмѣсто трехъ, ихъ было пять; при слѣдующихъ царяхъ девять и пятнадцать. Должность ихъ состояла въ томъ, что они къ добру или къ худу истолковывали небесныя знаменія, т. е. затмѣнія, явленія кометъ и метеоровъ, грозы, дожди, засухи, полетъ птицъ. Гаданіемъ по внутренностямъ жертвъ занимались авруспиціи, званіе которыхъ было ниже, чѣмъ званіе авгуровъ. Послѣдніе обязаны были жить безотлучно въ Римѣ, какъ посредники между богами и народомъ. Волхвы Этруріи, особенно гадатели по грому (фульгураторы), славились задолго до основанія Рима; они, по словамъ Плинія (Ист. міра кн. II гл. 51—56), умѣли вызывать громовую стрѣлу и направлять ее по своему произволу, и этимъ способомъ умертвили чудовище Вольту, опустошавшее окрестности Вольсиній. Не мы первые удивляемся чудесному сходству именъ: чудовища убитаго громомъ и безсмертнаго физика-электролога, давшаго свое имя изобрѣтенному имъ гальваническому снаряду [1]). Царь Нума Помпилій, посвященный въ таинства науки фульгураторовъ, самъ умѣлъ вызывать молнію и направлять ея удары.

Весталки, какъ мы уже говорили въ миѳологіи (см. томъ V гл. II стр. 16) были жрецами Весты богини огня и земли (такъ

---

1) Вольта родился въ 1745—скончался въ 1826 году.

ней говоритъ Овидій: significant sedem terra, focusque suam). Нума Помпилій, при сооруженіи новаго храма богинѣ, установилъ, чтобы стѣны и куполы ему подобныхъ храмовъ были непремѣнно круглые, для означенія круглоты земли; для поддержанія на алтарѣ неугасимаго огня назначилъ четырехъ дѣвственницъ и учредилъ праздникъ весталій, въ 9 день мая мѣсяца. Права весталокъ, а равно и страшная казнь нарушительницъ обѣта цѣломудрія, были опредѣлены во времена республики.

Учрежденіе жреческой корпораціи салійцевъ было вызвано удивительными событіями. Въ царствованіе Нумы Римъ былъ постигнутъ ужасными засухами, сопровождаемыми сухими же грозами. По совѣту Эгеріи, царь отправился въ лѣсъ—жилище Пика и Фауна; обоихъ ихъ опоилъ виномъ, связалъ и принудилъ вымолить у Юпитера откровеніе великой тайны управлять громами. Богъ обѣщалъ явиться царю. На другой день, когда Нума возсѣдалъ на тронѣ изъ кленоваго дерева, окруженный народомъ, онъ увидѣлъ медленно спускавшійся съ неба мѣдный щитъ (анцилій) и въ то же время объявилъ, что это знаменіе особенной милости Юпитера къ Риму и таинственный блюститель безопасности города. По образцу анцилія, Нума поручилъ кузнецу Матурію выковать еще одиннадцать щитовъ и, довѣривъ храненіе, какъ оригинала, такъ и снимковъ—салійцамъ, установилъ праздники анцилій 1 марта и мамурій — 14 числа того же мѣсяца. Жрецы носили щиты вокругъ города, сопровождая шествіе пѣніемъ гимновъ и особенными плясками. Салійцы дѣлились на два класса: палатиновъ и агоній. Царь Нума, благодаря Юпитера за ниспосланіе анцилія, принесъ ему въ жертву рыбью душу, подавъ при этомъ народу благой примѣръ чуждаться древняго, гнуснаго обычая жертвоприношеній человѣческихъ.

На обязанности феціаловъ лежало: охранять иноземныхъ пословъ, объявлять войну и заключать миръ. При объявленіи войны феціалы призывали боговъ въ свидѣтели уважительности повода къ ней, бросали на непріятельскую землю копья съ окровавленными и закопченными на огнѣ наконечниками. Они же во время войны отворяли двери храма Януса и затворяли ихъ, при

заключеніи мира. Въ царствованіе Нумы Помпилія этотъ храмъ не отворялся ни разу, въ теченіи 44 лѣтъ.

Понтифексы (въ числѣ четырехъ) были блюстителями народнаго повиновенія законамъ и карателями ослушниковъ. Великимъ понтифексомъ (pontifex maximus) былъ самъ царь.

Возобновивъ забытое служеніе Янусу (праздники агоналій 9 января и 21 мая) Нума Помпилій установилъ начало новаго года, вмѣсто марта—съ января мѣсяца, съ предшествующими ему праздниками сатурналій, во время которыхъ старшіе служили младшимъ: господа — рабамъ, патриціи — плебеямъ. Этимъ обрядомъ царь обуздалъ непомѣрную гордость знати и богачей, внушивъ имъ ту мысль, что передъ временемъ и смертію всѣ люди равны. Изъ прочихъ праздниковъ, Нумою установленныхъ, назовемъ: аргеи (14 мая), при которыхъ въ Тибръ бросали куколъ сплетенныхъ изъ тростнику; праздникъ мертвыхъ (приношенія богинѣ Тацитѣ ладону, черныхъ бобовъ и головокъ рыбъ анчоусовъ); праздникъ живыхъ (каристіи) съ возліяніями въ честь ларъ и пенатовъ; Форнакаліи (21 февраля); Фордицидіи (15 апрѣля); сементиніи; терминаліи и робигаліи—были праздниками земледѣльцевъ и пастуховъ [1]). Изъ гражданскихъ установленій Нумы Помпилія достойны вниманія: бракъ съ соотвѣтствующими обрядами; трауръ по усопшимъ; принесеніе жертвъ: въ нечетномъ числѣ—богамъ небеснымъ, въ четномъ — земнымъ; обращеніе, при молитвахъ, лицемъ на востокъ; запрещеніе оглядываться при выходѣ изъ дому.

Оплаканный своими подданными Нума Помпилій скончался 83 лѣтъ въ 640 г. до Р. Х., завѣщая зарыть, вмѣстѣ съ нимъ въ могилу, книги его законовъ. Подобно Ромулу онъ не былъ причисленъ къ богамъ, но память его римляне чтили въ теченіе многихъ десятковъ лѣтъ.

Туллъ Гостилій, преемникъ царя Нумы (670—640 годъ до Р. Х.) велъ постоянныя войны съ фиденетами, сабинцами, лати-

---

[1]) Во избѣжаніе частыхъ выносокъ при именахъ боговъ и названіяхъ праздниковъ, указываемъ читателю на V томъ нашей исторіи, посвященный миѳологіи Греціи и Рима.

нами, вейентами. Для прекращенія распрей между Альбою и Римомъ онъ допустилъ поединокъ между семействами Горацієвъ и Куріаціевъ. Этотъ эпизодъ его царствованія слишкомъ извѣстенъ, чтобы о немъ распространяться: побѣда осталась за Римомъ, представителемъ котораго былъ одинъ изъ Горацієвъ. Осмѣянный похвалами согражданъ и ядовитыми упреками сестры—за убіеніе ея возлюбленнаго Куріація, побѣдитель не пощадилъ и ея, умертвивъ ее на холмѣ, названномъ съ того времени холмомъ сестроубійства (sororium Tigillum). Царство альбанское было на вѣки присоединено къ римскому царству, городъ Альба былъ разрушенъ, а жители его переселены въ Римъ. Одна изъ войнъ съ вейентами была ознаменована измѣною Метія Суффетія, котораго Туллъ Гостилій приговорилъ за нее ужасной казни разсѣченія по суставамъ. «Ты дѣлилъ свое сердце между собратьями и врагами», сказалъ царь при этомъ—«точно также твое тѣло будетъ истерзано на тысячу кусковъ»! Эта казнь произвела тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что она была первою со времени основанія Рима. О смерти Тулла Гостилія существуетъ три сказанія: по словамъ перваго—царь палъ жертвою мороваго повѣтрія, по словамъ втораго—былъ убитъ Анкомъ Марціемъ, внукомъ Нумы Помпилія; наконецъ Титъ Ливій говоритъ, что онъ, при вызываніи громовой стрѣлы не принялъ должныхъ предосторожностей и былъ убитъ ею... Если оно дѣйствительно было такъ, то царь Туллъ Гостилій погибъ смертію профессора Рихмана (друга Ломоносова), въ 1753 году, дѣлавшаго опыты надъ воздушнымъ электричествомъ; ибо не подлежитъ сомнѣнію, что тайна вызыванія громовой стрѣлы заключалась въ громоотводахъ, извѣстныхъ этрускамъ и Нумѣ Помпилію: щитъ анцилій, о которомъ мы упоминали выше, былъ, конечно, одною изъ принадлежностей громоотводнаго снаряда, честь изобрѣтанія котораго могутъ оспаривать у Франклина даже и не этруски. Вотъ что говоритъ Геродотъ (кн. IV гл. 94): «ѳракійцы имѣютъ обыкновеніе во время грозы пускать стрѣлы въ небо, чтобы устрашить его». Въ храмахъ нѣкоторыхъ городовъ Вавилона, Сиро-финикіи и Египта, громоотводы, сквозь куполы проникали въ святилище и соединялись съ алтарями, къ которымъ, безнаказанно, могъ прикасаться

только верховный жрецъ; посторонніе же, осмѣливавшіеся приближаться къ алтарямъ, были поражаемы громомъ. Благодаря громоотводамъ жрецы имѣли возможность, въ случаѣ надобности, низводить небесный огонь на жертвенники и имъ сожигать приношенія.

Четвертый римскій царь Анкъ Марцій (640—614 л. до Р. Х.) былъ внукомъ Нумы Помпилія. Онъ увеличилъ области Рима присоединеніемъ къ нимъ земель завоеванныхъ у латинянъ; завелъ первыя соловарни; построилъ нѣсколько каменныхъ мостовъ чрезъ Тибръ, храмъ Юпитера-Феретрія, большой водопроводъ (Aqua Martia) и зданіе градской тюрьмы. Велъ войны съ сабинцами, вольсками и прочими сосѣдними народами.

Тарквиній-древній (priscus), преемникъ Анка Марція (614—578 г. до Р. Х.), былъ сыномъ Демарата уроженца коринескаго, переселившагося въ Латіумъ и въ юности именовался Лукумономъ. Жена его, Танаквилія, женщина умная, одаренная необыкновенной силой воли, была свѣдуща въ чародѣйствахъ и всякаго рода волхованіяхъ; мужъ слѣдовалъ ея совѣтамъ и повиновался ей безпрекословно. Она уговорила его переселиться въ Римъ и когда супруги, со своими пожитками приближались къ городу, на Лукомона опустился орелъ, снялъ съ его головы—и опять надѣлъ на нее шляпу. По объясненію Танаквиліи это было знаменіемъ грядущей славной участи ея мужа. Царь Анкъ Марцій радушно его принялъ; далъ ему участокъ земли; удостоилъ своей дружбы и умирая завѣщалъ этому переселенцу—назвавшемуся Тарквиніемъ, быть опекуномъ обоихъ своихъ сыновей. Честолюбивая Танаквилія, руководившая мужемъ, указала ему путь къ царскому престолу—обычный путь похитителей власти: усердствуя о благѣ народномъ, Тарквиній привлекъ на свою сторону чернь, занялъ тысячи рукъ постройками, прикормилъ безпріютныхъ пролетаріевъ (безземельниковъ). Заботясь объ украшеніи города онъ, вмѣсто прежнихъ окоповъ, обнесъ Римъ стѣнами изъ шлифованнаго камня; заложилъ храмы: юпитеру Капитолійскому (Капитолій) близъ Тарпейской скалы; Юнонѣ и Минервѣ; построилъ циркъ. При заложеніи Капитолія Тарквиніемъ древнимъ, когда рыли землю для кладки фундамента, была найдена сохранившаяся, безъ всякой пор-

чи, голова нѣкоего Толія (caput Tolii). Авгуры, вслѣдствіе этой находки, назвали будущій храмъ Капитоліемъ, и объявили, что онъ, во вѣки, будетъ главою Рима, точно также какъ Римъ — главою всей Италіи [1]). По мѣрѣ возрастанія любви народной къ Тарквинію, возрастало всеобщее нерасположеніе къ сыновьямъ Анка Марція, наконецъ всенароднымъ голосованіемъ (плебисцитъ) Тарквиній былъ превозглашенъ царемъ. Въ благодарность за это избраніе новый царь произвелъ въ сенаторы сто человѣкъ плебеевъ, бывшихъ родоначальниками худородныхъ патриціевъ, или, дворянъ меньшихъ (patres minores gentium). За тѣмъ, Тарквиній увеличилъ до 1400, число царскихъ всадниковъ. Замѣтивъ въ народѣ ослабленіе довѣрія къ авгурамъ, царь, уговорясь съ однимъ изъ нихъ, Аттусомъ Невіемъ, высоко поднялъ это сословіе въ мнѣніи народномъ. Однажды, въ присутствіи сенаторовъ и черни, царь спросилъ авгура: исполнимо ли то что онъ задумалъ? Авгуръ, сообразуясь съ примѣтами, отвѣчалъ утвердительно. Царь, смѣясь, вынулъ изъ подъ своей тоги бритву, камень— и объявилъ, что онъ задумалъ: возможно-ли разрѣзать его бритвою?—Рѣжь! спокойно сказалъ Аттусъ Невій и царь—ко всеобщему удивленію, разрѣзалъ камень пополамъ, будто ломоть хлѣба. Съ этой поры на пророчества Авгуровъ смотрѣли съ благоговѣніемъ даже отъявленные вольнодумцы. Благодаря побѣдамъ надъ сабинцами, царь овладѣлъ областью Калатіею и покорилъ римской державѣ двѣнадцать сосѣднихъ племенъ. Ему, римляне, были одолжены заведеніемъ первыхъ колесницъ, воинскихъ торжествъ: овацій (пѣшихъ) и тріумфовъ (на колесницахъ), одѣяній сенаторскихъ и курульныхъ сѣдалищъ (троновъ для засѣданій сенаторовъ). Царица Танаквилія пользовалась славою вѣщей при жизни, а послѣ смерти удостоилась обоготворенія подъ именемъ Каіи Цециліи. Ея веретено и поясъ долгое время сохранялись въ храмѣ Санкуса; поясу приписывали чудесную цѣлебную силу, въ особенности при женскихъ недугахъ.

Тарквиній древній былъ убитъ сыновьями Анка-Марція, за это

---

[1]) Нѣкоторые историки относятъ это событіе къ царствованію Тарквинія Гордаго.

злодѣйство приговореными къ вѣчному изгнанію. Царемъ единогласно былъ провозглашенъ другъ и родственникъ Тарквинія— Сервій Туллій (578—534 г. до Р. Х.).

О происхожденіи этого царя существуетъ три разнорѣчивыя преданія. Первое гласитъ, будто супруга царя области Корникулума Окрезія, беременная, была взята въ плѣнъ Тарквиніемъ; родила сына и назвала его Тулліемъ съ прозвищемъ Сервія (раба), въ память его рожденія въ рабствѣ. Другое преданіе, немножко скандалезное, отцемъ Сервія Туллія величаетъ самого Тарквинія. Третье сказаніе—фантастическое, историкъ Діониссій галикорнасскій выдаетъ за истину. Окризія, взятая въ плѣнъ, занималась во дворцѣ самыми черными работами, между прочимъ—стряпней и мытьемъ посуды. Любимымъ ея мѣстомъ для отдохновенія былъ уголокъ у домашняго очага. Здѣсь она какъ-то задремала и тогда изъ огня вышелъ Плутонъ или Домидукусъ (домовой) или Ларъ (богъ хранитель дома) въ видѣ Пріапа и заключилъ спавшую въ свои страстныя объятія. Черезъ девять мѣсяцевъ по пробужденіи, Окризія родила Сервія-Туллія. Ни царь Тарквиній, ни супруга его Танаквилія, всегда ласковые съ Окризіею, не бранила ее за грѣхъ, не пренебрегли ни ею, ни ребенкомъ; послѣ же того, какъ однажды вечеромъ надъ его головою внезапно явилось яркое сіяніе—царь и царица признали чудесное происхожденіе Сервія, а послѣдняя предрекла ему великую будущность. Какъбы въ подтвержденіе своего предсказанія, Танаквилія воспитала Сервія какъ роднаго сына и впослѣдствіи женила на своей дочери Тарквиніи. Отъ этого брака у Сервія было двѣ дочери, выданные имъ за внуковъ Тарквинія древняго, Тарквинія и Арунса, надъ которыми Сервій былъ назначенъ опекуномъ. Облекшись царскимъ саномъ по волѣ народной Сервій Туллій оказался вполнѣ достойнымъ своего избранія, какъ служитель боговъ, какъ мудрый законодатель, какъ военачальникъ. Разсмотримъ подробно его тройственную дѣятельность.

Сынъ рабыни, неисповѣдимой волею судебъ вознесенный на царскій престолъ, Сервій Туллій, не забылъ своего происхожденія и, не величаясь дарованіями, приписывалъ свое возвышеніе единственно особенной милости къ нему боговъ, преимущественно

Фортуны. Богиня счастія, въ жизни Сервія Туллія, играла туже самую роль подательницы благихъ совѣтовъ, которую при Нумѣ Помпиліи играла его Эгерія. Сервій Туллій увѣрилъ народъ, что Фортуна посѣщаетъ его, приходя во дворецъ воротами Фенестеллы; диктуетъ ему законы, даетъ наставленія касающіяся блага римлянъ. Этой богинѣ (Нартіи, этрусковъ) царь воздвигъ храмъ съ ея кумиромъ, завѣшеннымъ покрываломъ и установилъ, въ 11 день іюня, ежегодное празднество. При заключеніи мира съ латинянами, Сервій Туллій, для пущаго его упроченія, построилъ храмъ Діаны на горѣ Авентинѣ для сохраненія договора, начертаннаго на мѣдной доскѣ, и для ежегодныхъ праздниковъ, соединявшихъ всѣ племена Латіума въ одну родственную семью. Имъ же учреждены были праздники Либитиній и Компиталій. Вообще, Сервій Туллій—человѣкъ глубоко религіозный, подавалъ подданнымъ примѣръ уваженія боговъ и служенія имъ.

Какъ законодатель, этотъ царь достоинъ удивленія потомства. Въ его царствованіе населеніе Рима было въ 80,000 душъ. Приказавъ произвести народную перепись для приведенія въ ясность стоимости имущества каждаго изъ своихъ подданныхъ, царь раздѣлилъ ихъ на шесть классовъ, по количеству имѣнія, а классы на центуріи или сотни. Изъ 193 центурій—96 состояли изъ богачей и патриціевъ. Голоса на народныхъ собраніяхъ подавались не поголовно, а по центуріямъ и такимъ образомъ большинство голосовъ было на сторонѣ классовъ привилегированныхъ, платившихъ за то и большія подати. Перепись имѣнія (цензъ) царь повелѣлъ совершать черезъ каждыя пять лѣтъ и время этой переписи называлось люстромъ. Кромѣ податей по центуріямъ царь установилъ налогъ поголовный за каждаго новорожденнаго, за каждаго юношу, облачаемаго въ одежду совершеннолѣтняго, и за каждаго покойника; пригородныхъ жителей раздѣлилъ на 15 трибъ; роздалъ казенные участки земли для обработки пролетаріямъ; ввелъ первую металлическую монету, мѣдную съ изображеніемъ агнца. Кромѣ того, при Сервіи Тулліи въ черту города включены были холмы Виминалъ и Эсквилинъ, самый же Римъ былъ раздѣленъ на четыре квартала: Палатинъ, Субурра, Коллатинъ и Эсквилинъ.

При всемъ своемъ миролюбіи, первыя двадцать лѣтъ царствованія, Сервій Туллій велъ войны съ латинами и этрусскамм, окончившіася выгодныкъ миромъ и приращеніемъ областей римскихъ. За каждаго воина павшаго въ бою, царь могъ дать совѣстливый отчетъ богамъ и народу: онъ жертвовалъ жизнію подданныхъ ради пользы отечества, а не изъ пустаго тщеславія. Предпочитая всегда миръ—войнѣ, царь пріохотилъ подданныхъ къ земледѣлію и къ искусству строительному. Памятникомъ его царствованія осталась тюрьма на холмѣ Капитолійскомъ. Это древнѣйшее зданіе въ Европѣ существуетъ понынѣ: въ немъ помѣщается подземная церковь поклоненія веригамъ св. Петра (San Pietro in carcere), ибо именно въ этой темницѣ былъ заточенъ святый апостолъ.

Выше мы уже говорили, что обѣ дочери Сервія Туллія были выданы за внуковъ царя Тарквинія Древняго—Арунса и Тарквинія. Женою перваго была Туллія—страстная, злая, властолюбивая; вообще на столько порочная, на сколько мужъ ея, Арунсъ былъ добродѣтеленъ. Эта тигрица влюбилась въ своего зятя, Тарквинія, и послѣ преступной съ нимъ связи убѣдила его отравить жену (свою сестру), а сама отравила своего мужа. Скрывъ отъ царя и отъ народа эти преступленія, убійцы сочетались законнымъ бракомъ и, затѣмъ, приступили къ осуществленію злодѣйскаго замысла свергнуть Сервія Туллія съ престола. Любимый плебеями, Сервій Туллій не былъ любимъ патриціями за разумное обузданіе ихъ своеволія и тиранніи надъ народомъ. Пользуясь этимъ настроеніемъ аристократіи, Тарквиній и Туллія привлекли ее на свою сторону и, льстивыми посулами всевозможныхъ льготъ, склонили къ принятію участія въ цареубійствѣ. Заручившись сочувствіемъ патриціевъ Тарквиній сталъ вмѣшиваться въ дѣла правленія и явно присоединился къ опозиціи. Увѣщанія и угрозы царя не привели ни къ чему и зять, безъ зазрѣнія совѣсти, издѣвался надъ своимъ державнымъ тестемъ. Лѣтомъ 534 г. до Р. Х. Тарквиній придя въ сенатъ облекся въ царскую тогу и надѣлъ вѣнецъ Сервія Туллія. Царь, пришедшій туда вслѣдъ за зятемъ, началъ его укорять; назвалъ извергомъ, мятежникомъ и въ запальчивости сорвалъ съ него знаки царскаго достоинства. Злодѣй,

въ свою очередь позабывъ родство, уваженіе къ сану и старости царя—избилъ Сервія Туллія и сбросилъ его съ лѣстницы. Окровавленный, оглушенный, несчастный старикъ поддерживаемый преданными ему вельможами, побрелъ къ себѣ во дворецъ. Въ это время дочь его Туллія, прибывшая въ сенатъ, убѣдила мужа покончить съ отцомъ... Убійцы посланные въ погоню за нимъ, настигли Сервія Туллія въ улицѣ Ципрія, и здѣсь, разогнавъ его спутниковъ, безжалостно умертвили. Торжествующая Туллія, проѣзжая этой улицей въ колесницѣ, нарочно велѣла возничему помять тѣло отца подъ копытами лошадей и возвратилась домой обрызганная его кровью! Съ этого времени улица Ципрія была переименована въ улицу злодѣйства (Via Scelerata).

Тарквиній прозванный Гордымъ (superbus) былъ послѣднимъ царемъ римскимъ. Двадцать пять лѣтъ этотъ деспотъ душилъ народъ въ своихъ желѣзныхъ когтяхъ (534—509 л. до Р. X.); свергнутый съ престола и изгнанный онъ еще одиннадцать лѣтъ подерживалъ пламя войны, льстясь надеждою воцариться снова... Къ счастію для Рима пересталъ наконецъ тяготить собою землю, по его милости пропитанную кровью.

Царствованія тирановъ, всякихъ странъ, почти всѣ на одну стать: Обременительные налоги, шпіонство, доносы, пытки, казни; сооруженіе зданій для занятія рабочихъ рукъ и праздныхъ умовъ, побѣды надъ сосѣдними народами для собственнаго возвышенія въ мнѣніи народномъ: такова вѣчная, неизмѣнная программа политики деспотовъ и Тарквиній былъ ей вѣренъ. При немъ было введено служеніе многимъ божествамъ греческимъ. За громадную цѣну онъ купилъ у Сивиллы ея роковыя книги (libri fatales), о которыхъ мы уже упоминами (см. томъ V гл. XI стр. 87); неоднократно совѣщался съ оракуломъ дельфійскимъ, вѣрилъ гадателямъ, знахарямъ, астрологамъ, будто-бы предугадавшимъ, но не отклонившимъ отъ царя угрожавшую ему участь. Ненависть къ злодѣю и его проклятому племени соединила патриціевъ и плебеевъ въ одну дружную семью. Народъ ждалъ только удобнаго повода къ возстанію и поводъ не замедлилъ. Первая страница исторіи царства римскаго запятнана братоубійствомъ; на послѣднихъ страницахъ ея—отцеубійство и гнусное

изнасилованіе, слѣдствіемъ котораго было самоубійство женщины. Жертва сластолюбиваго Секста, сына Тарквинія, знаменитая Лукреція, можетъ быть названа олицетвореніемъ свободы народа римскаго: поруганная она низошла въ могилу, изъ которой воскресла республика!

Личность Лукреціи, супруги Коллатина, не смотря на ея мученическую смерть, до нынѣ не разгадана. Угрожая красавицѣ клеветою, Секстъ принудилъ ее согласиться на его гнусныя предложенія.—За тѣмъ Лукреція закололась, завѣщая мужу отомстить обидчику. Все это очень странно и загадочно... Какъ бы то ни было Брутъ и Коллатинъ стали въ главѣ народнаго возстанія: Тарквиній со всѣмъ своимъ семействомъ бѣжалъ изъ Рима въ Габію; престолъ его рухнулъ и монархія была превращена въ республику. Въ память этого событія, римляне, ежегодно 24 февраля праздновали бѣгство царя (Regifugium), принося богамъ благодарственныя жертвы за избавленіе отъ злодѣя и ненавистника свободы. По совершеніи обряда жрецъ бѣжалъ отъ алтаря и изъ храма преслѣдуемый бранью и хохотомъ молельщиковъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Очеркъ исторіи республики.—Консулы.—Диктаторы.—Трибуны.—Непрерывныя войны.—Законы.—Децемвиры.—Цензоры.—Галлы.—Капитолійскіе гуси.—Новыя войны.—Первое тріумвирство.—Юлій Цесарь.—Его подвиги.—Второе тріумвирство.—Конецъ республики.—Состояніе религіи.—Суевѣріе.—Игры.—Антропоморфизмъ.—Гражданскіе чины.—Войска.—Орлы.—Лабарумъ.

Первое десятилѣтіе бытія римской республики (508—498 г. до Р. Х. или, съ 245 до 255 года отъ основанія Рима) протекло кровавыми рѣками междоусобій и битвъ съ союзниками Тарквинія: этрусскимъ царемъ Порсенною и латинами. Брутъ,

*

казнившій своихъ сыновей за ихъ участіе въ заговорѣ приверженцевъ царской власти, Горацій Коклесъ, Муцій Сцевола, диктаторъ Ларцій—личности давно знакомыя читателю, еще во времена его пребыванія на школьной скамьѣ. Принимая это въ соображеніе, мы поговоримъ о событіяхъ періода республиканскаго, съузивъ рамки нашего повѣствованія до возможной степени.

Царскую власть, единодержавную—раздѣлили между собою два консула, ежегодно избираемые, сенатъ и (номинально) народъ, которому дозволено было собираться на форумѣ, чтобы тамъ потолковать, поспорить и пошумѣть... покуда его не разгонятъ ликторы своими палками. Консульское правленіе не дало народу того благополучія, которое ему обѣщала республика: по прежнему сильный угнеталъ слабаго, богатый—бѣднаго, сытый патрицій—голоднаго плебея. Для водворенія порядка сенатъ, къ двумъ консуламъ прибавилъ одного диктатора, но и эта мѣра оказалась недостаточною: выше сената, консуловъ и диктаторовъ въ свободномъ Римѣ оказался могучій властитель—деньги: заимодавцы деспотствовали надъ должниками; ростовщики не только заточали несостоятельныхъ въ тюрьмы, но даже наносили имъ побои и увѣчья, обходясь съ ними какъ съ презрѣннѣйшими рабами. Народъ выведенный изъ терпѣнія взбунтовался, взялъ изъ Капитолія знамена и удалясь изъ Рима на священную гору оставилъ его во власть патриціямъ и ростовщикамъ. Правительству пришлось вступить въ переговоры съ начальниками возстанія. По совѣту одного изъ нихъ, Юнія Брута, народъ потребовалъ установленія новыхъ чиновниковъ— трибуновъ, должность которыхъ состояла въ охраненіи народныхъ правъ отъ произвола патриціевъ. На этомъ помирились и народъ возвратился въ Римъ, будто шумный пчелиный рой въ свой улей (260 г. отъ осн. Р.—493 г. до Р. Х.). Въ числѣ прочихъ преимуществъ, каждому трибуну было предоставлено право отмѣнять законы и постановленія сената, единымъ словомъ: «запрещаю» (veto). Демократія возвысилась въ ущербъ аристократіи; патриціи затрепетали предъ плебеями.

Слѣдствіемъ бунта былъ голодъ. Правители выписали хлѣбъ изъ Сициліи, по совѣту побѣдителя вольсковъ, Каія Марція, прозваннаго Коріоланомъ, продавали его по огромной цѣнѣ. За

это народъ потребовалъ Коріолана къ суду и, побуждаемый трибунами, приговорилъ его къ изгнанію. Проклиная согражданъ, герой удалился къ вольскамъ, не давнимъ своимъ врагамъ и предложилъ имъ свои услуги. Вольски разумѣется приняли ихъ и измѣнникъ, во главѣ огромныхъ полчищъ, двинулся къ стѣнамъ Рима. Тогда то сенаторы и трибуны, патриціи и плебеи рѣшились смиренно просить прощенія и убѣдили мать Коріолана Ветурію быть посредницею между Римомъ и ея сыномъ. Старуха, сопровождаемая многими патриціанками, явилась въ станъ вольсковъ и преклонивъ колѣни предъ сыномъ умолила его сжалиться надъ родимымъ городомъ. «Ты спасаешь Римъ и губишь сына», отвѣчалъ ей Коріоланъ и—отступилъ. Въ память спасенія города, римляне воздвигли храмъ женскаго счастія, провозгласили Ветурію спасительницею отечества; что же касается до Коріолана онъ поплатился головою за свое нѣжное сердце: вольски его умертвили. По минованіи угрожавшей опасности со стороны внѣшнихъ враговъ, въ Римѣ опять возникли внутреннія неурядицы. Консулъ Кассій предложилъ законъ о размежеваніи завоеванныхъ полей (lex agraria) и о надѣлѣ плебеевъ участками земли (267 г. Рима, 486 г. до Р. Х.). Этому воспротивились патриціи и своимъ сопротивленіемъ возмутили народъ. Черезъ нѣсколько времени трибунъ Теренцій поднялъ вопросъ о введеніи въ республикѣ общихъ законовъ и объ ограниченіи власти консуловъ (lex Terentilla): новыя столкновенія патриціевъ съ плебеями... Пользуясь внутренними раздорами вѣковые враги Рима: вольски, эквы, этруски вторглись въ области республики. Славный Цинцинатъ, призванный отъ плуга къ диктатурѣ, отразивъ непріятелей, на время водворилъ тишину въ республикѣ. Патриціи, скрѣпя сердце, приняли предложеніе трибуна Теренція: рѣшено было управленіе республики довѣрить децемвирамъ (десяти мужамъ) и составить новый сводъ законовъ, начертанный на двѣнадцати мѣдныхъ таблицахъ, выставленныхъ на площади ко всеобщему свѣденію (302 г. Рима; 451 г. до Р. Х.). Три года народъ терпѣливо сносилъ иго децемвировъ; наконецъ потребовалъ упраздненія этихъ должностей и, въ то же время, отмѣны закона воспрещавшаго патриціямъ вступать въ родственные союзы съ плебеями. Сенатъ и патриціи уступили

желанію народному; но для обузданія неугомонныхъ агитаторовъ расширили права цензоровъ, т. е. чиновниковъ, производившихъ народныя переписи. Имъ поручено было наблюденіе за общественной нравственностью и за ненарушимостью семейнаго согласія. Римъ успокоенный внутри, былъ встревоженъ извнѣ вейенетами и фиденетами (игравшими въ исторіи римской республики туже роль, которую въ нашей исторіи играли печенѣги, касоги, хозары и т. п.). Мамеркъ Эмилій и Камиллъ отразили ихъ; но трибуны, вмѣсто благодарности, обвинили послѣдняго въ самовольномъ принесеніи на жертву богамъ, значительной части военной добычи. Не дожидаясь приговора, спаситель Рима удалился изъ его стѣнъ, моля боговъ, чтобы они не наказали народъ за его неблагодарность. Молитва Камилла, однако же, не была услышана. Набѣги какихъ нибудь вейенетовъ и фиденетовъ были ничто въ сравненіи со вторженіемъ новыхъ, еще невѣдомыхъ варваровъ, именно галловъ предводимыхъ Бренномъ (333 г. Рима 420 г. до Р. Х.). Овладѣвъ Римомъ, Бреннъ принудилъ республику купить постыдный миръ цѣною золота; но во время подоспѣвшій Камиллъ вторично спасъ отечество и изгналъ галловъ изъ Италіи. Въ великомъ дѣлѣ освобожденія Рима, какъ вѣроятно извѣстно читателю, сподвижниками римскихъ орловъ — Манлія капитолійскаго и Камилла были гуси, находившіеся при храмѣ Капитолія: они, пробужденные ночью, при покушеніи галловъ вторгнуться въ городъ, подняли крикъ и тѣмъ извѣстили гарнизонъ объ угрожавшей ему опасности. Басня нашего Крылова обезсмертила капитолійскихъ гусей, а страсбургскіе паштеты съ гусиными печенками можно назвать несокрушимыми памятниками мщенія потомковъ Бренна пернатымъ потомкамъ спасителей Рима!

Камиллъ обновилъ городъ; безуспѣшно пытался обуздать своеволіе трибуновъ и примирить патриціевъ съ плебеями. Къ бѣдствіямъ междоусобій присоединилось новое: моровое повѣтріе, жертвою котораго палъ доблестный диктаторъ. Съ его кончиною, Римъ, по видимому долженъ былъ погибнуть, но ни внутренніе раздоры ни войны съ сосѣдями не ослабили республики; напротивъ — она мужала, крѣпла; она была сильна любовью своихъ дѣтей и, какъ Ахиллъ выкупанный въ струяхъ Стикса, дѣлалась неуязвимою

вслѣдствіе непрерывнаго купанья въ крови человѣческой. Прошла пора войнъ оборонительныхъ и республика занялась войнами наступательными. Первою изъ нихъ была самнитская, продолжавшаяся сорокъ девять лѣтъ (414—463 г. Рима; 359—290 л. до Р. Х.); за нею вскорѣ послѣдовали: Тарентинская и эпирская (471 г. Рима; 282 г. до Р. Х.), а послѣ двадцатилѣтней перемежки, знаменитыя пуническія войны. Изъ нихъ первая длилась 24 года (491—515 г. Рима; 262—238 л. до Р. Х.); вторая—17 лѣтъ (534—551 г. Рима 219—202 г. до Р. Х.); третья—три года (604—607 г. Рима; 149—146 г. до Р. Х.). Самнитская война, ознаменованная подвигами Деція, Курія Дентата и пораженіемъ римлянъ при Каудинскихъ Фуркулахъ, окончилась выгоднымъ миромъ увеличившимъ владѣнія республики. Союзникъ тарентинцевъ Пирръ, царь эпирскій, разбилъ консула Левина при Гераклеѣ, но самъ былъ побѣжденъ великодушіемъ Фабриція и прекратилъ войну, въ которую вмѣшался ради безумнаго славолюбія... Вся южная Италія признала надъ собою владычество римской республики. Изъ за обладанія островомъ Сициліею вспыхнули Пуническія войны между Римомъ и Карѳагеномъ, о которыхъ мы, довольно подробно, бесѣдовали съ читателями [1]). Развалины Карѳагена, сѣверная Африка, часть Малой Азіи, Сицилія и Испанія сдѣлались добычею республики римской; Греція была порабощена еще за 22 года до паденія Карѳагена. Такимъ образомъ вся южная Европа, части Африки и Азіи были окованы цѣпями свободной республики. Подобно счастливому игроку, Римъ срывалъ ставки со всего свѣта: желѣзо доставляло ему груды золота; но золото занесло въ республику и нравственную порчу; оно сдѣлалось кумиромъ алчныхъ потомковъ безкорыстнаго Цинцината, неподкупнаго Фабриція, честнаго Регула, благороднаго Сципіона... Внуки послѣдняго, братья Гракхи (Тиверій и Кай) отважились отстаивать права народа отъ посягательства патриціевъ и оба погибли въ волнахъ крови ожесточеннаго междоусобія. Въ 112 г. до Р. Х. (641 г. Рима) кон-

---

[1]) См. томъ четвертый: Сабизмъ гл. XX, XXI и XXII стр. 329—341.

сулы Метеллъ и Марій завоевали Нумидію, взявъ въ плѣнъ ея царя Югурту, до того времени оберегавшаго свои владѣнія взятками, даваемыми сенату. «О, продажный городъ!» говаривалъ онъ неоднократно про великій Римъ: «чтобы купить тебя—не за деньгами, а развѣ только за покупщикомъ станетъ дѣло!» Въ 105 г. до Р. Х. (648 г. Рима) въ предѣлы республики вторгнулись полчища кимвровъ и тевтоновъ, угрожая и самому Риму; но Марій своими побѣдами при По и Провансѣ принудилъ варваровъ къ отступленію. Въ исходѣ 90 г. до Р. Х. (663 г. Рима) началачь союзническая война. Народы Италіи покоренные республикою требовали себѣ съ оружіемъ въ рукахъ одинаковыхъ правъ съ гражданами римскими. Усмиреніе этого мятежа охватившаго всю Италію поручено было Марію, Силлѣ и Помпею; но союзники были непобѣдимы, именно вслѣдствіе своего единодушія. Чтобы разрушить этотъ союзъ, сенатъ даровалъ права римскихъ гражданъ—сильнѣйшимъ: послѣдніе отстали отъ слабѣйшихъ, смирить которыхъ было уже не трудно. Изъ всѣхъ властителей древняго міра одинъ только Митридатъ VI, царь понтійскій, не преклонялся предъ республикою и она рѣшилась сломить его гордыню. Главное начальство возложено было на Марія—по происхожденію—плебея; Силла, кровный патриціи, рѣшился исхитить диктатуру изъ его рукъ и силою оружія принудилъ Марія бѣжать изъ Рима въ Африку, гдѣ онъ скитался на развалинахъ Кароагена; но отсюда пользуясь отсутствіемъ Силлы возвратился въ Римъ, овладѣлъ городомъ и казнилъ приверженцевъ своего противника. Силла одержавъ надъ Митридатомъ блистательныя побѣды при Херонеѣ и Охроменѣ принудилъ его къ миру; затѣмъ, при содѣйствіи Красса, вытѣснилъ Марія изъ Рима и, въ свою очередь, казнилъ его приверженцевъ. До ста тысячъ гражданъ погибло въ этихъ междоусобіяхъ! Силла былъ провозглашенъ царемъ, подъ псевдонимомъ безсмѣннаго диктатора; однако же пресыщенный почестями оставилъ всѣ государственныя дѣла и скончался въ уединеніи. Его примѣръ не остался безъ подражателей; консулы: Лепидъ и Катуллъ, за ними Серторій дѣятельно раздули угасшее пламя междоусобій. Съ другой стороны Митридатъ, пользуясь этими позорными распрями, грозилъ Риму,

(679 г. Рима; 74 г. до Р. Х.). Побѣды Помпея и измѣна сына Митридата, Фарнака, довели царя понтійскаго до отчаянія, разрѣшившагося самоубійствомъ. Сирію и царство понтійское Помпей превратилъ въ римскія провинціи; предателя Фарнака наградилъ царствомъ Босфорскимъ (нынѣшній Крымъ), Іудею отдалъ Ироду и отягощенный несмѣтными сокровищами возвратился въ Римъ съ истинно царственнымъ тріумфомъ.

По предѣламъ своимъ—необъятная, по силамъ—непреодолимая римская республика—или, правильнѣе царство диктаторовъ, едва не сдѣлалась добычею новаго смѣльчака, составившаго громадный заговоръ къ возстановленію трона и возведенію на него... себя самого, разумѣется. Этотъ заговорщикъ былъ знаменитый Катилина, побѣжденный громовыми рѣчами Цицерона и принужденный бѣжать изъ Рима. Одна изъ этихъ рѣчей: «до коихъ поръ Катилина, будешь ты злоупотреблять нашимъ терпѣніемъ?» (Que usque tandem, Catilina, abutere patientiam nostram) до нынѣ служитъ пробнымъ камнемъ терпѣнія учениковъ старшихъ классовъ гимназій. Сенатъ выслалъ войско противъ Катилины и преданныхъ ему полчищъ; они были разбиты и самъ Катилина смертельно раненъ. Признавая въ Цицеронѣ избавителя Рима отъ угрожавшей ему опасности, сенатъ почтилъ великаго оратора титломъ отца отечества. Для водворенія часто нарушаемаго гражданскаго порядка и для огражденія областей республики отъ покушеній сосѣднихъ народовъ, сенатъ ввѣрилъ ея управленіе тремъ мужамъ (тріумвирамъ), избраннымъ на пять лѣтъ. Этими правителями на первый случай были: Юлій Цесарь, Помпей и Крассъ. Первый назначенъ былъ правителемъ Галліи, второй—Испаніи, третій—провинцій азіатскихъ. Всѣ трое были одинаково честолюбивы; одинаково стремились къ одной и той же цѣли, избравъ къ ней разные пути—цѣлью же этою былъ вѣнецъ царскій. Тѣмъ усерднѣе всѣ трое служили республикѣ, чтобы тѣмъ вѣрнѣе ее задушить, хотя бы подъ гнетомъ трофеевъ и вѣнковъ тріумфальныхъ (693 г. Рима 60 л. до Р. Х.).

Побѣды надъ гельветами, покореніе Бельгіи, превращеніе всей Галліи въ римскую провинцію и прославленіе римскаго оружія на берегахъ Альбіона (Англіи), таковы были первые подвиги безсмерт-

наго Юлія Цесаря. Пользуясь его отсутствіемъ Помпей въ Римѣ прибралъ къ рукамъ верховную власть. Съ быстротою орла Цесарь вступилъ въ Италію, овладѣлъ Римомъ, гналъ Помпея до предѣловъ Греціи и разбилъ его на голову при Фарсалѣ (704 г. Рима, 49 г. до Р. Х.). Помпей бѣжалъ въ Египетъ, но тамошній царь умертвилъ его, боясь навлечь на себя за укрывательство гнѣвъ Цесаря. Прибывъ въ Египетъ онъ рѣшилъ споръ о наслѣдствѣ престола Птоломеевъ возведя на него Клеопатру. Затѣмъ отнялъ у Фарнака его область, увѣдомивъ сенатъ о своей побѣдѣ тремя словами: пришелъ, увидѣлъ, побѣдилъ (veni, vidi, vici!). Приверженцы Помпея, друзья свободы и защитники независимости республики вздумали преградить оружіемъ путь Цесарю къ престолу, но онъ разбилъ своихъ враговъ при Мундѣ (въ Испаніи) и доказалъ имъ, что онъ непобѣдимъ. Пробилъ послѣдній часъ республики римской: Юлій Цесарь былъ провозглашенъ безсмѣннымъ диктаторомъ и верховнымъ вождемъ (императоромъ) всѣхъ военныхъ силъ, ему ввѣрили власть цензоровъ, особу его объявили священною (709 г. Рима, 44 г. до Р. Х.). Далѣе этихъ почестей идти было уже невозможно; безсмертному оставалось только умереть, чтобы удостоиться божескихъ почестей... и смерть не замедлила. Пріемышъ Цесаря Юній Брутъ, которому диктаторъ спасъ жизнь при Фарсалѣ, со многими единомышленниками, составилъ заговоръ на жизнь своего благодѣтеля, выше чувствъ благодарности ставя любовь къ свободѣ и независимости. Убивая человѣка заговорщики воображали убить власть, которою онъ былъ облеченъ; ослѣпленные, они не хотѣли понять той простой, вѣковѣчной истинны, что чѣмъ страна громаднѣе, тѣмъ необходимѣе для нея монархія, правительство единодержавное; что равенство возможно только въ математикѣ, а безусловная свобода немыслима! Заговорщики рѣшили умертвить Цесаря въ сенатѣ. Диктатора предупреждали объ угрожавшей ему опасности и жена, ее предчувствовавшая, и астрологи предостерегавшіе его отъ «идъ марта мѣсяца»; наконецъ, по словамъ лѣтописцевъ и самое небо, въ кровавыхъ дождяхъ, въ кометѣ и въ метеорахъ являвшее знаменія близкой гибели великаго человѣка. Покорный роковому предопредѣленію Юлій Цесарь, однако же, отпра-

вился въ сенатъ. Здѣсь заговорщики окружили его—и герой, покрытый двадцатью тремя ранами, закрывъ лице тогою, палъ къ подножію статуи Помпея. Послѣднія его слова были обращены къ неблагодарному фанатику: «Брутъ — и ты — противъ меня!» (Tŭ quoque, Brute!). Плиній (Ист. міра кн. VII гл. 27), говоря о высокихъ дарованіяхъ Юлія Цесаря упоминаетъ о 50 сраженіяхъ имъ выигранныхъ, о 846 корабляхъ имъ плѣненныхъ, о 1538 городахъ завоеванныхъ и о 12.183,000 человѣкъ—убитыхъ, раненыхъ и взятыхъ въ плѣнъ въ битвахъ Цесаря — и восклицаетъ взаключеніе: «исчисленію всѣхъ его подвиговъ нѣтъ и конца!» Дѣйствительно, одинъ каталогъ біографій этого великаго человѣка составилъ бы цѣлый томъ и довольно объемистый. Изъ современныхъ біографовъ Юлія Цесаря нельзя не назвать бывшаго императора французовъ Людовика Наполеона III.

Мы говорили выше, что исторія республики римской началась дѣтоубійствомъ —(Брутъ казнилъ своихъ дѣтей); теперь, не можемъ не обратить вниманія читателей на послѣднія страницы запятнанныя отцеубійствомъ: Юній Брутъ обагрилъ руки кровію своего благодѣтеля, можетъ быть даже и отца, какъ полагаютъ нѣкоторые историки!

Завѣщаніе Юлія Цесаря было прочитано въ сенатѣ и въ немъ отразилась благородная душа убіеннаго диктатора: часть своего имѣнія онъ завѣщалъ народу и не забылъ убійцъ, которыхъ до послѣдней минуты считалъ за друзей. Народъ взялся за оружіе, чтобы мстить злодѣямъ; они спаслись бѣгствомъ. Сенатъ, для успокоенія мятежа, воздвигъ Цесарю памятникъ съ надписью: отцу отечества. Верховная власть опять была раздѣлена между тріумвирами: Антоніемъ, Лепидомъ и Октавіемъ, внукомъ покойнаго Цесаря, покровительствуемымъ Цицерономъ (710 г. Рима; 43 г. до Р. Х.). Начались междоусобія, ужаснѣе тѣхъ, которыя ознаменовали первое тріумвирство; жертвами ихъ пали, кромѣ многихъ тысячъ гражданъ: братъ Лепида, дядя Антонія, Цицеронъ и 300 сенаторовъ. Враги монархіи предводимые Брутомъ и Кассіемъ бѣжали въ Македонію; ихъ преслѣдовали соединенными силами Октавій и Антоній и побѣдили при Филиппахъ (711 г. Рима 42 г. до Р. Х). «Послѣдніе римляне» Брутъ и Кассій прекратили жизнь

самоубійствомъ. Затѣмъ, недавніе союзники, Антоній и Октавій заспоря о первенствѣ затѣяли усобицу окончившуюся битвою при Акціумѣ (723 г. Рима 30 г. до Р. X), рѣшившею судьбу республики: Антоній бѣжалъ въ Египетъ, гдѣ погибъ смертью самоубійцы; Октавій, присоединивъ къ своему имени прозвище Августа, сдѣлался самодержцемъ римской имперіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и обладателемъ всего древняго міра, царства котораго именовались римскими провинціями.

Пламенная любовь къ отечеству, великодушіе, безкорыстіе римлянъ первыхъ трехъ вѣковъ республики, вошли въ пословицу, и каждая изъ этихъ добродѣтелей имѣла множество представителей, героевъ, мучениковъ. Честное слово римлянина было для него свято и ненарушимо подобно клятвѣ или присягѣ; характеръ великаго народа выковали двѣ мощныя силы: религія и законъ въ равной степени чтимые гражданами республики римской. Въ теченіе этого періода списокъ римскихъ боговъ и богинь, по мимо греческихъ, умножился многими божествами собственно римскаго изобрѣтенія и, большею частью, божествами аллегорическими. Таковыми были: Конкордія (согласіе), Страхъ (тиморъ), Война (Беллона), Свобода, Смѣтливость и т. п. Къ сожалѣнію набожность римлянъ была тѣсно связана съ суевѣріемъ, въ которомъ повѣрья и примѣты всѣхъ странъ древняго міра играли роль догматовъ.

Безъ совѣщанія съ авгурами или астрологами не предпринимали ни одного государственнаго дѣла; въ частномъ быту авгуровъ замѣняли гадальщики, ворожейки, знахари, заклинатели. Читая лѣтописи: Тита-Ливія, Тацита, Діона-Кассія, Діонисія, Галикарнасскаго и прочихъ историковъ республики, мы видимъ, что изъ политическихъ событій нами исчисленныхъ, каждое сопровождалось знаменіями, видѣньями, вѣщими снами, пророчествами и разными чудесами, о которыхъ написаны цѣлые томы на всѣхъ европейскихъ языкахъ. Въ годины бѣдствій каждый народъ особенно суевѣренъ, какъ и отдѣльно взятый человѣкъ во время испытаній. Привычка древнихъ римскихъ историковъ: каждое сказаніе о важномъ событіи приправлять фантастическими прибаутками, была усвоена средневѣковыми лѣтописцами европейскихъ народовъ и въ недавнее время исторія избавилась, наконецъ, отъ этой дурной привычки мно-

го способствовавшей распространенію суевѣрія. Донынѣ повсемѣстно существуетъ предразсудокъ, будто каждому великому событію непремѣнно предшествуютъ затмѣнія, кометы, либо какіе нибудь чудесные метеоры, а между тѣмъ, сколько событій наберется во всемірной исторіи, которыя обошлись безъ астрологическихъ эфектовъ и не сопровождались освѣщеніемъ бенгальскими огнями метеоровъ, сѣверныхъ сіяній и проч. Французская революція 1848 года, воцареніе Наполеона III, послѣдняя прусско-французская война—прошли безъ всякихъ знаменій, а это ли не міровыя событія? Замѣтимъ еще, что историки—любители чудеснаго, въ старину и еще въ весьма недавнее время, не стѣсняясь хронологіей, подгоняли событія къ знаменіямъ и обратно знаменія къ событіямъ. Положимъ, комета явилась въ 462 г. по Р. Х. ничѣмъ особенно важнымъ не ознаменованнымъ: лѣтописецъ безъ околичностей приписываетъ ея явленіе 444 году и называетъ ее вѣстницею появленія Атиллы; подобныхъ примѣровъ можно найдти множество въ старинныхъ хроникахъ.

Возвращаясь къ предмету нашего труда скажемъ, что римляне были суевѣрнѣйшимъ народомъ древней Европы и жители нынѣшней Италіи наслѣдовали эту слабость отъ своихъ славныхъ предковъ. Вѣрованія въ тяжелые и легкіе дни, въ дурной глазъ (джеттатура), въ сны, въ гаданья, въ предчувствія и т. д. донынѣ не искоренились и едвали когда искореняться въ Италіи. Въ этомъ отношеніи тамошніе простолюдины (даже многіе и изъ средняго класса), не смотря на исповѣданіе ими христіанства, чистѣйшіе язычники. Большинство относится къ изображеніямъ святыхъ, точно такъ же, какъ древніе римляне за 400 или 300 лѣтъ до Р. Х. относились съ своимъ идоламъ. Они, вслучаѣ неудачи, бросали объ полъ изображенія своихъ пенатовъ (домашнихъ боговъ), а современные веттурини (извощики), дрягили, рыбаки и земледѣльцы точно такъ же обходятся съ образочками святыхъ за неисполненіе своихъ моленій. Намъ говорилъ очевидецъ, какъ одинъ веттурино, на нѣсколько дней опустилъ въ колодезь эмалевый образокъ своего патрона, за то, что въ день его праздника имѣлъ ничтожную выручку...

По мѣрѣ упадка нравственности въ римской республикѣ (имен-

но послѣ пуническихъ войнъ), ослабѣвала и религія; золото и желѣзо сдѣлались единственными божествами римлянъ. Изъ боговъ и богинь особеннымъ почетомъ пользовались тѣ, служеніе которымъ сопряжено было съ безчинствами и неблагопристойностями (Бахусъ, Церера, Венера, Фаллусъ). Игры взяли перевѣсъ надъ прежними богослужебными обрядами. Словомъ сказать, съ превращеніемъ республики въ имперію, преобразовалась и самая религія. Санъ императора, неограниченныя его права, понятіе о святости его особы вели прямымъ путемъ къ антропоморфизму (обоготворенію человѣка). Подданные Октавія Августа, въ угоду ему, не только признали богомъ Юлія Цесаря, но даже, благодаря астрологамъ, нашли на небѣ новую звѣзду, въ которую будто-бы превратилась душа убитаго диктатора. Мы не отдалимся отъ правды, если скажемъ, что римская имперія создала себѣ новую религію, основою которой былъ, именно, антропоморфизмъ.

Приступая теперь къ обзору послѣдняго періода исторіи римской, считаемъ не лишнимъ сказать еще нѣсколько словъ объ организаціи гражданскаго и военнаго управленій во времена республики и имперіи.

Судопроизводствомъ занимались преторы; сборщиками податей были квесторы; надзоръ за публичными зданіями довѣренъ былъ эдиліямъ. Военные генерал-губернаторы провинцій назывались проконсулами, а гражданскіе пропреторами. Военныя силы дѣлились на полки (легіоны); полки на когорты (баталіоны); когорты на центуріи (сотни, роты) и манипулы. Знамена состояли изъ насажденныхъ на длинныя древки, золотыхъ орловъ, подъ которыми, на золотыхъ-же дощечкахъ, изображены были четыре буквы: S. P. Q. R. senatus populusque romanus (сенатъ и народъ римскій). Эти орлы носились, подобно живымъ, надъ грудами труповъ бранныхъ полей Европы, Азіи и Африки; въ этихъ четырехъ буквахъ многіе царства древняго міра видѣли свой смертный приговоръ...

Въ 324 году языческій орелъ пересталъ осѣнять римскія войска своими крылами, уступивъ свое мѣсто хоругви со знаменіемъ креста (Лабарумъ) подъятой рукою императора Константина святаго.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Римская имперія. — Упадокъ религіи при воцареніи Августа. — Писатели-безбожники. — Обоготвореніе императора.—Рождество Христово.—Пророчества сивиллъ.—Бѣгство въ Египетъ.—Арминій и Варъ.—Жрецы августалы.—Тиверій. — Его характеръ. — Астрологъ Ѳрасиллъ. — Слава Германика. — Тріумфъ и смерть. — Агриппина. — Сеянъ.—Капрея.—Гибель Сеяна.—Тиранства Тиверія.—Акты Понтія Пилата.—Попытка ввести христіанство въ Римъ.—Сказанія Тертулліана.—Сказанія Іосифа Флавія объ Іоаннѣ Крестителѣ и объ Іисусѣ Христѣ.—Годъ распятія и воскресенія.—Убіеніе Тиверія.—Разныя бѣдствія.—Циркъ Фидены.

Третій и послѣдній періодъ исторіи римской объемлетъ пять вѣковъ (30 г. до Р. X. 476 г. по Р. X.). Самый сжатый очеркъ, самый бѣглый обзоръ событій въ римской имперіи, отвлекая насъ отъ предмета нашего труда, заставилъ бы насъ въ то же время, расширить рамки нами предвзятой программы. О царствованіи каждаго, отдѣльно взятаго, императора, написаны многія тысячи книгъ; политическія событія римской имперіи большею частью уже извѣстны просвѣщенному читателю. Чтобы не утомлять его вниманія мы особенно пристально займемся только тѣми изъ нихъ, которыя въ прямой связи съ судьбами религіи, доводя нашъ обзоръ до кончины Юліана-отступника (361—363 г.).

При воцареніи Октавія Августа нравы римлянъ и религіозныя ихъ убѣжденія были совершенно извращены и расшатаны. Весь пантеонъ боговъ греческихъ былъ переселенъ въ Римъ, вмѣстившій въ своихъ стѣнахъ, кромѣ того, исповѣдниковъ и проповѣдниковъ всѣхъ религій древняго міра и послѣдователей всѣхъ философскихъ школъ. Простой народъ еще вѣрилъ въ боговъ и въ богинь, греческихъ и доморощенныхъ; онъ еще совѣщался съ авгурами, нося на алтари послѣднія свои лепты; но средній и

высшій классы, позабывъ религію праотцевъ, не исповѣдуя никакой, глумились надъ язычествомъ не признавая, въ тоже время, бытія и единаго Бога. Жрецы Вавилона и Египта старались вовлекать этихъ отступниковъ въ свои ученія; философы проповѣдывали имъ свои доктрины; послѣдователи закона Моисеева знакомили ихъ съ пятикнижіемъ великаго законодателя народа израильскаго; наконецъ—ученые и поэты исторгали изъ умовъ послѣдніе остатки преданій политеизма, глумясь надъ ними, или анализируя ихъ съ научной точки зрѣнія. Три произведенія славнаго Цицерона: о естествѣ боговъ, о волхованіи и посланія Тускуланамъ разбивали въ пухъ и въ прахъ всѣ миѳологическія бредни. Въ пѣсняхъ Горація, Овидія, Виргилія, Лукреція — звучали насмѣшки надъ олимпійскими богами; Плавтъ издѣвался надъ ними въ своихъ комедіяхъ. Вмѣсто поклоненія богамъ, льстецы-поэты пѣли гимны Августу, буквально превознося его до небесъ.

Императоръ, однако, не на столько былъ упоенъ одуряющимъ ѳиміамомъ лести, чтобы требовать обоготворенія отъ народа. Правда, онъ самъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы вѣрить въ Юпитеровъ, Аполлоновъ, Нептуновъ и т. п., но тѣмъ не менѣе, въ религіи видѣлъ могучую помощницу своей политикѣ. Облеченный саномъ верховнаго первосвященника (pontifex maximus) Августъ возобновилъ служеніе Цибеллѣ, Вестѣ, Ларамъ и Пенатамъ; приказалъ исправить вѣщія книги Сивиллы и построилъ множество храмовъ, въ Римѣ и его окрестностяхъ. Эти разумныя мѣропріятія не воспрепятствовали однако же римскому народу называть Августа богомъ, еще при его жизни, за дарованіе имперіи желаннаго спокойствія, за продолжительный миръ, подъ сѣнію котораго процвѣтали науки, художества; преуспѣвали торговля и промышленность. Въ исходѣ тридцатаго года царствованія Августа, совершилось событіе міровое, въ лѣтописяхъ рода человѣческаго—незабвенное. Въ Виѳлеемѣ родился Спаситель міра, Іисусъ Христосъ, сынъ божій, рождество Котораго пѣніемъ своимъ привѣтствовали силы небесныя; которому поклонился весь родъ человѣческій — въ лицѣ смиренныхъ пастырей и трехъ царей —

волхвовъ, лучезарною звѣздою-путеводительницею приведенныхъ къ яслямъ—въ которыхъ покоился сынъ Царя небеснаго.

Воплощеніе слова божія «чаянія языковъ» предсказано было, кромѣ пророковъ іудейскихъ, многими мудрецами древняго востока; но были-ли пророчества о Немъ въ Греціи и въ Римѣ—отвѣчать положительно на этотъ вопросъ не осмѣливаемся, даже въ виду какъ будто и несомнѣнныхъ тому доказательствъ — въ книгахъ нѣкоторыхъ сивиллъ, которыя можно причислить и къ апокрифамъ, написаннымъ въ первые вѣка христіанства. Воздерживаясь отъ дальнѣйшихъ разсужденій мы только представимъ читателю выдержки изъ книгъ сивиллъ: Ливійской, Дельфійской, Кумской, Эриѳрейской, Самосской, Іонійской, Геллеспонтинской, Фригійской и Тибурской. Первая изъ нихъ говоритъ о рожденіи «святою дѣвою» того, кто будетъ воскрешать мертвыхъ и исцѣлять всѣхъ недужныхъ [1]); тоже сказано о Рождествѣ Дельфійскою и Кумскою сивиллами. Въ книгахъ сивиллы Эриѳрейской встрѣчаются греческіе акростихи, по поводу которыхъ св. Августинъ говоритъ [2]); «сивилла Эриѳрея пророчила весьма явственно объ Іисусѣ Христѣ. Я уже видѣлъ одинъ переводъ, очень невѣрный; но проконсулъ Флавіанъ, человѣкъ ученый, показалъ мнѣ греческій подлинникъ, заключавшій это пророчество, въ видѣ акростиха, изъ заглавныхъ буквъ котораго, составлялись четыре слова: «Іисусъ Христосъ, Сынъ божій, Спаситель». Въ книгахъ сивиллы Самосской, о бытіи единаго Бога сказано такъ ясно и вѣрно, какъ лучше быть не можетъ: «Онъ вмѣщаетъ въ себѣ начало, средину и конецъ всего; все произошло отъ него, онъ—единый Богъ и нѣтъ другаго Бога... Имъ созданъ и существуетъ міръ; Онъ-же единый былъ и пребудетъ во вѣки вѣковъ [3])». Сивилла Іонійская говоритъ о воскресе-

---

[1]) Virgo, nunc sancta, dabit terris...
Ille quidem morbis pressos sanabit, et omnes
Firmos restituet laesos..· etc.

[2]) S. Augustinus: De Civ. Dei: lib, XVIII.

[3]) Principium, finem, media omnia novit: ab ipso
Omnia sunt: solus Deus est, neque est Deus alter!
. . . .
Illum igitur solum existentem colite opificam mundi,
Qui solus è saeculo, et in saeculum fuit estque futurus!

нія Іисуса Христа, о кончинѣ міра, объ огнѣ, которымъ онъ истребится. Въ ея же книгахъ находятся предсказанія о паденіи монархіи Александра Македонскаго и о возникновеніи изъ ея развалинъ могущественной римской имперіи. Геллеспонтинская предрекаетъ грядущее блаженство людей, которое даруетъ имъ пришествіе Іисуса Христа и упоминаетъ о солнечномъ затмѣніи при Его кончинѣ. Сивилла Фригійская говоритъ не только о земной жизни Спасителя и Его воскресеніи, но даже и объ осязаніи божественныхъ Его ранъ сомнѣвающимися учениками [4]). Наконецъ, сивилла Тибуртинская предрекаетъ Рождество Спасителя, именно, въ Виѳлеемѣ... Повторяемъ: приводя эти сказанія мы не осмѣливаемся высказывать о нихъ своего мнѣнія и пускаться въ оцѣнку ихъ правдивости [5]).

Лѣтописи римской исторіи не упоминаютъ ни слова о томъ, какъ было принято Октавіемъ Августомъ извѣстіе объ избіеніи младенцевъ, совершенномъ по повелѣнію царя Ирода, подвластнаго державѣ цесаря... Сопровождаемая нарѣченнымъ супругомъ своимъ Іосифомъ, Святая Дѣва, до времени, укрылась съ Сыномъ божіимъ въ Египтѣ. Подобно Моисею, спасенному дочерью Фараона, будущій Спаситель міра нашелъ пристанище на берегахъ Нила, откуда, въ отроческихъ лѣтахъ, возвратился на берега Іордана, чтобы начать проповѣдывать божественное Свое ученіе.

Тридцать восемь лѣтъ имперія наслаждалась тишиною, нарушенную на тридцать девятый годъ. Владѣя древнимъ міромъ, попирая подъ ногами царства земли, императоръ нашелъ мужественныхъ и гордыхъ противниковъ своему властолюбію въ жителяхъ нынѣшней Германіи, тогда покрытой дремучими лѣсами. Границами этихъ областей и имперіи римской служили, по превосходному выраженію историка: легіоны римскіе и «обоюдный ужасъ (mutuus

---

[4]) Tum Dominus linquet manes, lucemque reviset,
Prima resurgendi lectis vestigia monstrans.
Porrò suis primum Dominus patefiet, eritque
Corporeus, sicut fuit ante, manusque pedesque
Ostendet... etc.

[5]) См. Abbé Banier: La Mythologie et les fables expliquées par l'histoire. Paris in 12° 1748 tome II p. p. 81—99.

terror)». Полководецъ германскій Арминій въ 9 г. по Р. X. хитростью заманилъ вождя римскихъ легіоновъ, Вара, въ чащи и болота Герцинскаго, или, Тевтобургскаго лѣса и здѣсь истребилъ ихъ, загромоздивъ родную землю трупами враговъ ненавистныхъ, дерзавшихъ посягать на независимость племенъ, мужествомъ и любовью къ родинѣ, имѣвшихъ полное право потягаться съ римлянами. Тиверій, пасынокъ Августа, на время усмирилъ воинственныхъ сыновъ Германіи; а внучатый племянникъ императора Германикъ, съ многочисленными полчищами, замѣнилъ бездарнаго Вара, въ охраненіи границъ имперіи отъ дальнѣйшихъ покушеній Арминія и его дружинъ... Но дряхлый Августъ, послѣ извѣстія о гибели своихъ легіоновъ, до самой своей смерти, былъ неутѣшенъ: ему мерещились груды остововъ бѣлѣющіяся въ болотахъ страшнаго лѣса; въ его ушахъ постоянно раздавались вопли римлянъ, гибнущихъ подъ мечами германцевъ и часто, среди ночей, томимый безсонницею императоръ восклицалъ: «Варъ, отдай мнѣ мои легіоны!»

Боготворимый подданными еще при жизни, Августъ, послѣ смерти, былъ признанъ богомъ; въ его память установлены были игры; для служенія въ храмѣ воздвигнутомъ надъ его гробницею были назначены особые жрецы Августалы. Вѣстницею кончины императора была комета съ кроваво-красными лучами. Лежа на смертномъ одрѣ императоръ выказывалъ удивительное присутствіе духа, а въ день смерти (19 августа 14 г. по Р. X.), шутя съ окружающими и сравнивая жизнь съ комедіей, спросилъ ихъ: «хорошо-ли я игралъ мою роль?» Ему отвѣчали похвалами и выраженіемъ напрасной надежды на выздоровленіе... «Рукоплещите-же!» произнесъ онъ—«комедія кончена!» Съ этими словами императоръ испустилъ послѣдній вздохъ. Права на наслѣдство престола могли предъявить пасынокъ Августа Тиверій и внучатый его племянникъ Германикъ, о которыхъ мы уже говорили. Выборъ императора палъ на перваго и Тиверій былъ провозглашенъ его преемникомъ.

Этотъ цесарь (14—37 л. по Р. X.), имя котораго сдѣлалось нарицательнымъ для названія деспота, въ своемъ характерѣ явилъ тѣ же самыя черты, которыя черезъ 1500 лѣтъ явили: Эрикъ XIV

*

въ Швеціи, Христіанъ II въ Даніи, Иванъ IV въ Россіи, Людовикъ XI во Франціи и Филиппъ II въ Испаніи. Умный, превосходно образованный Тиверій въ то же время отличался недовѣрчивостью, скрытностью, ненавистью къ людямъ и звѣрской лютостью. До призванія своего на престолъ онъ пріобрѣлъ извѣстность своими подвигами въ Германіи, но прикрываясь личиною скромности, будто избѣгая почестей, удалился изъ Рима на островъ Родоссъ и проживалъ здѣсь окруженный волхвами и астрологами, съ которыми постоянно совѣщался. Провѣряя ихъ предсказанія онъ, иногда, спрашивалъ: знаютъ-ли они собственную свою судьбу? и за отрицательный отвѣтъ топилъ несчастныхъ въ морѣ. Астрологъ Ѳрасиллъ, не задолго до смерти Августа, предсказывалъ Тиверію вѣнецъ императорскій. — А что тебѣ говорятъ звѣзды о твоей собственной участи? спросилъ злодѣй. «Говорятъ, что мнѣ угрожаетъ великая опасность!» отвѣчалъ находчивый астрологъ и тѣмъ спасся отъ смерти, дѣйствительно угрожавшей ему. Пророчество Ѳрасилла вскорѣ оправдалось: Тиверій былъ усыновленъ Августомъ, принявъ прозвище цесаря, какъ наслѣдникъ престола, и хотя у него уже былъ взрослый сынъ Друзъ, однакоже по требованію Августа, Тиверій своимъ преемникомъ призналъ Германика, женатаго на Агриппинѣ, дочери Агриппы, друга императора. Любимый войсками, Германикъ, во время кончины Августа, со всѣмъ своимъ семействомъ находился въ Германіи. Опасаясь чтобы римляне не отдали предпочтенія этому доблестному и великодушному вождю, Тиверій немедленно по восшествіи на престолъ, щедрыми подарками принудилъ сенаторовъ подтвердить свое избраніе и, за одно съ ними, одурачилъ римскій народъ искусно разыгранною комедіею. Прикидываясь великодушнымъ, Тиверій объявилъ, что онъ намѣренъ отказаться отъ престола: сенаторы, неотступными мольбами, убѣдили его, для пользы отечества, не слагать вѣнца императорскаго и цесарь уступилъ ихъ желанію. Этимъ временемъ Германикъ, вмѣстѣ со своими легіонами, предавалъ погребенію бренные останки воиновъ, перерѣзанныхъ въ Тевтобургскомъ лѣсу дружинами Арменія и этимъ возбудилъ, во всѣхъ своихъ подчиненныхъ, чувства живѣйшей признательности. Почести возданныя убитымъ, глубоко тронуло воиновъ римскихъ,

еще не задолго народъ тѣмъ взволнованныхъ мятежемъ, жертвою котораго едва не сдѣлался Германикъ. Извѣщенный о томъ вліяніи, которое вождь этотъ имѣетъ на свои легіоны, Тиверій отозвалъ его въ Римъ, подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы почтить его тріумфомъ; Германикъ повиновался и дѣйствительно былъ встрѣченъ съ почестями невиданными въ Римѣ со временъ Юлія Цесаря. Побѣдитель, Арминія, ѣхалъ по римскимъ улицамъ въ колесницѣ, осыпаемый цвѣтами, увѣнчанный лаврами, сопровождаемый толпами плѣнныхъ, привѣтствуемый восторженными кликами народа. Тиверій въ его честь приказалъ выбить медали съ его изображеніемъ и надписью: «Фортуѣ возврата». Это воздаяніе герою за его подвиги понравилось народу и онъ видѣлъ въ немъ залогъ правосудія императора. Пребываніе Германика въ Римѣ, послѣ тріумфа, было однако же непродолжительно: пареы угрожали азіатскимъ областямъ имперіи и тому же Германику Тиверій поручилъ усмирить варваровъ. Сопровождаемый неразлучною съ нимъ Агриппиною, Германикъ отправился къ мѣсту своего назначенія; усмирилъ пареовъ, но по возвращеніи въ Антіохію внезапно заболѣлъ и послѣ нѣсколькихъ дней страданій скончался къ безутѣшной горести своей жены и легіоновъ римскихъ. Скоропостижная кончина героя была приписана отравѣ, а подозрѣніе въ этомъ злодѣйствѣ пала на императорскаго правителя Азіи—Пизона и на жену его Планкину. Какъ-бы въ подтвержденіе этой молвы они оба скрылись изъ Антіохіи и бѣжали въ Римъ, ибо дѣйствительно отравили Германика повинуясь тайному повелѣнію Тиверія. Жертва зависти деспота, Германикъ, былъ погребенъ съ царскими почестями: трупъ его былъ сожженъ на кострѣ, а пепелъ съ него собранный заключенъ былъ въ урну для перенесенія въ Римъ. Эту печальную обязанность приняла на себя Агриппина. Жители Антіохіи, въ знакъ траура, остригли себѣ головы и бороды; повыбросили изъ домовъ статуи ларъ и пенатовъ, не внявшихъ ихъ мольбамъ о выздоровленіи Германика... Осиротѣлые легіоны признали его богомъ.

Агриппина, съ урною въ рукахъ, сопровождаемая шестерыми дѣтьми и толпою друзей, немедленно по прибытіи въ Римъ явилась въ сенатъ и въ присутствіи Тиверія требовала казни убійцъ

Германика. Изъ опасенія, что-бы при слѣдствіи Пизонъ не обличилъ его самаго, Тиверій велѣлъ тайно его умертвить и онъ былъ заколотъ рукою подосланнаго убійцы; Планкина избѣгла этой участи благодаря ходатайству Ливіи, матери императора. Оказывая Агриппинѣ знаки глубочайшаго уваженія и сочувствія, Тиверій далъ ей пріютъ во дворцѣ и усыновилъ всѣхъ ея дѣтей... Это было единственное доброе дѣло деспота, но и оно обратилось въ злодѣйство, благодаря проискамъ Сеяна префекта императорскихъ тѣлохранителей (преторіанцевъ), любимца Тиверія. Не вѣдая предѣловъ своему честолюбію Сеянъ устремилъ помыслы свои на императорскій престолъ и шелъ къ своей цѣли путемъ всякихъ злодѣйствъ, попирая подъ ногами слабыхъ, раболѣпствуя предъ сильными. Благодаря лести и наушничеству, ему удалось отдалить отъ Тиверія вельможъ, которые могли быть его соперниками. Друза, своего ненавистника, Сеянъ отравилъ; Агриппину поставилъ къ императору въ самыя непріязненныя отношенія, внушая ей не довѣряться его лицемѣрнымъ ласкамъ; Тиверію-же онъ постоянно твердилъ о ея неблагодарности и о томъ, будто вдова Германика умышляетъ на его жизнь... Императоръ повѣрилъ предателю, сослалъ Агриппину, назначивъ ея мѣстопребываніемъ пустынный островокъ на Средиземномъ морѣ; здѣсь она вскорѣ умерла, изнуренная нищетою, можетъ быть даже отъ голоду, или, отъ яду; оба ея старшіе сына погибли, благодаря навѣтамъ Сеяна. При Тиверіи остались только дочери Агриппины и младшій ея сынъ Кайй, прозванный Калигулою. Такимъ образомъ, путь къ императорскому престолу былъ расчищенъ Сеяномъ и онъ тѣмъ смѣлѣе могъ идти къ нему, что дряхлый Тиверій допустилъ совершенно ослѣпить себя презрѣнному временщику. Сеянъ убѣдилъ императора удалиться изъ Рима на островъ Капрею и здѣсь наслаждаясь всѣми благами жизни, соединяя пріятное съ полезнымъ, управлять имперіею при содѣйствіи надежныхъ министровъ. Тотчасъ по удаленіи Тиверія, Сеянъ прибралъ къ рукамъ верховную власть и сдѣлался императоромъ, хотя еще покуда безъ вѣнца и багряницы. Приказанія его исполнялись безпрекословно; его окружала толпа льстецовъ; въ его честь воздвигли статуи на форумѣ и нашлись даже презрѣнные людишки, признав-

шіе Сеяна—богомъ и сожигавшіе оиміамъ предъ его изображеньями. Извѣщенный матерью своею Ливіею о продѣлкахъ временщика, Тиверій послалъ приказъ сенату казнить его, какъ измѣнника—и Сеянъ, закиданный грязью, осыпанный насмѣшками былъ обезглавленъ, истерзанный его трупъ—брошенъ въ Тибръ. Повинуясь императору палачи не пощадили даже малолѣтнихъ дѣтей временщика: сыновья и дочь его были зарѣзаны. За этими казнями послѣдовалъ указъ «объ оскорбленіи величества», въ силу котораго обвиненные въ произнесеніи дерзкихъ рѣчей объ императорѣ подвергались изгнанію или смертной казни, а часть ихъ имѣнія отобранная въ казну отдавалась доносчикамъ. Благодаря этому указу весь Римъ превратился въ вертепъ шпіонства и грабежа, узаконенныхъ самимъ правительствомъ. Щадя простой народъ, Тиверій былъ немилосердъ къ патриціямъ: они гибли цѣлыми семьями; ихъ казни и истязанія въ Капреѣ доставляли кровожадному деспоту величайшее наслажденіе. Тиверій заплакалъ только однажды; именно при полученіи вѣсти о самоубійствѣ приговореннаго къ смерти Карнутія... Капрейскій тигръ жалѣлъ, что эта добыча выскользнула изъ его когтей!

Всѣ эти звѣрства не только не мѣшали, а напротивъ—способствовали всеобщему раболѣпству предъ императоромъ. Въ азіатскихъ областяхъ въ его честь воздвигали храмы, въ которыхъ бюсты Тиверія замѣняли кумировъ боговъ. Какъ деспотъ, Тиверій былъ доволенъ этими выраженьями покорности; какъ человѣкъ умный, онъ смѣялся надъ ними. Надобно замѣтить, что этотъ людоѣдъ, прикидываясь благочестивымъ, любилъ вести диспуты со жрецами, какъ римскими, такъ и иноземными, но, при всемъ томъ, выказывалъ самую разумную вѣротерпимость. Здѣсь мы не можемъ не сказать нѣсколько словъ о великихъ событіяхъ, которыми ознаменовано было девятнадцатое лѣто царствованія Тиверія.

Правитель Іудеи Понтій Пилатъ, осенью 786 г. отъ основанія Рима (33 г. по Р. Х.) увѣдомилъ Тиверія о волненіяхъ, бывшихъ въ этой области; волненіяхъ, для усмиренія которыхъ, онъ былъ вынужденъ: «выдать іудеямъ для казни, чрезъ распятіе на крестѣ—человѣка праведнаго, кроткаго, именовавшагося

Христомъ и проповѣдывавшаго новое, еще невѣдомое ученіе [1]). Проповѣдуя его іудеямъ и язычникамъ, Онъ исцѣлялъ недужныхъ, возвращалъ зрѣніе слѣпымъ, воскрешалъ мертвыхъ и творилъ многія чудеса; скончался на крестѣ, но согласно пророчествамъ, бывшимъ о Немъ, воскресъ въ третій день, явился многимъ ученикамъ и послѣ сорокодневнаго пребыванія на землѣ—вознесся на небо». Акты присланные Пилатомъ произвели на Тиверія глубокое впечатлѣніе и по словамъ Тертулліана, онъ предложилъ сенату обратить вниманіе на новую религію и обсудить вопросъ о томъ, возможно-ли ея введеніе въ имперіи? но, какъ говоритъ упомянутый авторъ: «Богъ въ Римѣ не можетъ быть богомъ, если онъ не угоденъ сенату».Тиверій, при которомъ имя: христіанинъ, начало входить въ извѣстность, извѣшенный изъ самой Палестины о событіяхъ, ознаменовавшихъ божественность Христа, передалъ сообщенные ему свѣденія сенату, выразивъ, при этомъ, свое одобреніе. Сенатъ отвергъ это предложеніе за то, что императоръ съ нимъ предварительно не совѣщался. Императоръ настаивалъ и грозилъ наказаніемъ обвинителямъ христіанъ. Справьтесь въ вашихъ архивныхъ спискахъ и вы увидите, что Неронъ былъ первымъ гонителемъ этой религіи» (Tertulliani Apologetica cap. 5). Не менѣе этихъ сказаній, намъ, христіанамъ, драгоцѣнны одобрительные отзывы о Спасителѣ міра и о Его Предтечи—лѣтописцевъ, ихъ современниковъ. Вотъ что говоритъ объ Іоаннѣ Крестителѣ іудейскій историкъ Іосифъ Флавій (Antiquti judaic. Lib. XVIII cap. 7): «онъ былъ человѣкъ благочестивый, убѣждавшій іудеевъ идти стезями добродѣтели, быть справедливыми, принимать омовеніе (крещеніе), соединяя чистоту тѣлесную съ душевною... Такъ какъ за нимъ слѣдовало множество народа, слушавшаго его поученія, то Иродъ опасаясь его вліянія, заточилъ его въ темницу Махеру и тамъ казнилъ». Тотъ же Іосифъ Флавій (lib. XVIII cap. 4) гово-

[1]) О реляціяхъ Пилата Тиверію упоминаютъ: св. Іустинъ (Apologia §§ 35 et. 48) Евсевій (Hist. eclesiast. Lib. II 2) и Тертулліанъ (Apologetica § 21). До Пилата, объ Іисусѣ Христѣ писалъ въ Римъ проконсулъ Лентулъ, посланіе котораго послужило иконописцамъ руководствомъ для изображенія божественнаго лика Спасителя. Мы представимъ это посланіе въ концѣ нашей исторіи.

ритъ объ Iисусѣ Христѣ: «въ это время появился Iисусъ, человѣкъ мудрый, если только возможно назвать Его человѣкомъ, ибо Онъ совершилъ множество чудесъ и проповѣдывалъ истинну всѣмъ желавшимъ ее слышать. У Него было много учениковъ, изъ іудеевъ и язычниковъ, принявшихъ Его ученіе. Это былъ Христосъ. Пилатъ, по обвиненію старѣйшинъ народа нашего, распялъ его, но это не воспрепятствовало первымъ Его послѣдователямъ пребыть Ему вѣрными. Онъ явился имъ живой, черезъ три дня послѣ своей смерти, согласно пророчествамъ о Его воскресеніи и о многомъ до Него касающемся, и еще понынѣ существуетъ секта христіанъ, носящая Его имя». Скажемъ въ заключеніе, что распятіе, крестная кончина и воскресеніе Iисуса Христа происходили 30, 31 марта и 1 апрѣля 786 года отъ основанія Рима, отъ воплощеніяже Спасителя въ 33 годъ.

Тиверій, ненавистный олигархамъ, былъ задушенъ Макрономъ, префектомъ преторіанцевъ, который превозгласилъ императоромъ Каія Калигулу—сына Германика (37 г. по Р. Х.). Вмѣсто стараго тигра на престолъ взошелъ бѣшеный вепрь, въ теченіе шести лѣтъ своего царствованія, купавшійся въ крови и въ грязи, которыми и запятналъ страницы лѣтописей. Въ дополненіе ко всему нами сказанному о царствованіи Тиверія, замѣтимъ, что оно было обильно многими бѣдствіями, явленіемъ метеоровъ и кометъ, всегда ужасающихъ близорукихъ суевѣровъ. Въ 17 году повсемѣстно свирѣпствовали моровыя язвы; въ Азіи землетрясеніемъ разрушено было 12 городовъ, въ томъ числѣ Эфезъ, Магнезія и Сардесъ. Хотя лѣтописи утверждаютъ будто убіенію Тиверія предшествовала комета, однако же, по вычисленіямъ Пенгре [1]), она явилась черезъ два года. Разрушеніе цирка въ Фиденѣ, подъ развалинами котораго погибло до 50,000 зрителей, было ужаснѣйшимъ изъ всѣхъ бѣдствій: римляне ставили его на ряду съ позорнымъ пораженіемъ ихъ легіоновъ при Каннахъ и въ лѣсу Тевтобургскомъ.

Само собою разумѣется, что обоготвореніе Тиверія и служеніе

---

[1]) Pingré: Comètograhie, Paris 1782 II vol in 4° Tome I, Section II p.p. 283—287.

ему въ храмахъ—окончились вмѣстѣ съ его смертью: послѣдній вздохъ тирана погасилъ огни на его алтаряхъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Кай Калигула. — Обоготвореніе сестеръ. — Собственная апоѳеоза. — Юпитеръ латинскій. — Алхимія. — Потитій. — Казни. — Любимый конь. — Петроній въ Іудеѣ. — Цесарь и Іегова. — Убіеніе Калигулы. — Цесари и громъ. — Клавдій. — Мессалина. — Сатира Ювенала. — Религіозныя постановленія. — Бунтъ Камилла. — Петъ и Аррія. — Голодъ. — Убіеніе Мессалины. — Агриппина. — Пророчество о Домитіи. — Неронъ. — Локуста. — Отравленіе Клавдія. — Апоѳеоза. — Воцареніе Нерона. — Обоготвореніе Агриппины. — Британникъ. — Потѣха Нерона. — Аникетъ. — Убіеніе Агриппины. — Смерть Октавія. — Поппея. — Комета. — Новый видъ казни. — Разбои. — Пожаръ Рима. — Сказаніе Тацита о первыхъ христіанскихъ мученикахъ. — Указъ о чародѣяхъ. — Обновленіе Рима. — Золотой дворецъ. — Заговоръ. — Эпихарида. — Смерть Сенеки. — Убіеніе и похороны Поппеи. — Актэ. — Гальба и Виндексъ. — Смерть Нерона. — Сирійская богиня. — Куколка. — Безвѣріе Нерона.

Преемнику Тиверія, Каію Калигулѣ [1]), при восшествіи его на престолъ, было не болѣе двадцати трехъ лѣтъ. Сенатъ, войско и народъ, видя въ немъ сына доблестныхъ Германика и Агриппины, были увѣрены, что императоръ наслѣдовалъ отъ отца и отъ матери ихъ добрыя качества. Разочарованіе было тѣмъ ужаснѣе, что Калигула, въ первые два года своего воцаренія, какъ будто и оправдалъ возлагаемыя на него надежды. Онъ отмѣнилъ законъ

---

[1]) Прозвище Калигулы Кай получилъ еще въ младенчествѣ за то, что обувался въ такіе же сапожки (калиги) которые носили римскіе воины.

объ оскорбленіи величества; освободилъ изъ тюремъ томившихся тамъ узниковъ; перенесъ въ Римъ и похоронилъ въ гробницѣ Августа прахъ матери и старшаго брата, умершихъ въ ссылкѣ. Эти дѣянія были послѣдними человѣческими поступками Калигулы; за ними слѣдовалъ длинный рядъ злодѣйствъ, звѣрскихъ и сумасбродныхъ выходокъ и всякаго рода гнусностей. У Калигулы было три сестры: Агриппина, Друзилла и Юлія. Страстно любя ихъ императоръ приказалъ вычеканить медали съ ихъ изображеньями, ежедневно совершать молебствія о ихъ благополучіи и принудилъ сенаторовъ принести присягу въ томъ, что его сестры, для нихъ, дороже всего на свѣтѣ. Когда Друзилла скончалась, Калигула причислялъ ее къ богинямъ, посвятилъ ей храмъ, въ которомъ, вмѣстѣ со жрецами воскурялъ ей ѳиміамъ и приносилъ жертвы. Эти почести памяти усопшей, по его повелѣнію признанной безсмертною, вскружили голову самому императору. По примѣру Александра Македонскаго (которому только и могъ подражать въ сумасбродствахъ) Калигула превозгласилъ себя богомъ подъ именемъ Юпитера Латинскаго. Нѣкоторые снисходительные историки говорятъ, будто эта мысль свела его съ ума и дѣйствительно, по нѣкоторымъ его поступкамъ можно было бы усомниться въ его разсудкѣ, еслибы они не были запечатлѣны ироніей и какимъ-то злорадостнымъ глумленіемъ надъ богами и надъ людьми. Такимъ образомъ, Калигула повелѣлъ поставить свои бюсты во всѣхъ храмахъ; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, отпиливъ головы идоламъ припаялъ къ ихъ туловищамъ отлитыя изъ золота, серебра или бронзы изображенія своей собственной головы; приказалъ, чтобы ему лично, ежедневно приносили на жертву куръ, фазановъ, павлиновъ и вообще всякую живность, до которой былъ большой охотникъ. Посѣщая храмъ Капитолійскій императоръ взбирался на пьедесталъ статуи Юпитера, шептался съ нею и подставлялъ ухо къ ея устамъ будто-бы разговаривая и совѣщаясь. Иногда, въ дни полнолуній онъ приказывалъ ставить въ комнатѣ дворца, освѣщенной луною, великолѣпное ложе и приглашалъ Діану пожаловать на ночлегъ къ нему... Луна, разумѣется, не сходила съ неба къ этому новому Эндимі-

ону [1]) но это не мѣшало ему, на другой день, говорить придворнымъ, будто богиня ночевала во дворцѣ, въ чемъ, разумѣется никто не осмѣливался ему противорѣчить: Сенатъ и народъ раболѣпствовали и молчали; жрецы храмовъ морщились отъ неудовольствія и... приносили жертвы богинѣ Друзиллѣ и новому богу, Юпитеру Латинскому.

Пренебрегая государственными дѣлами, Калигула посвящалъ цѣлые дни пиршествамъ, или забавлялся битвою гладіаторовъ и звѣриными травлями въ циркахъ. Плиній говоритъ (Ист. міра кн. XXXIII гл. 4) будто Калигула, нѣкоторое время, занимался алхиміею и умѣлъ выдѣлывать золото, истрачивая на матеріалы несравненно болѣе настоящаго золота, нежели добывалъ искуственнаго. Всѣ эти сумасбродства не только никого не возмущали, но даже для многихъ вельможъ служили источниками для возвышенія и обогащенія: толпы льстецовъ окружали императора, выражая ему самую раболѣпную преданность. Однажды онъ опасно заболѣлъ и царедворецъ Потитій, моля боговъ о его выздоровленіи, изъявилъ желаніе отдать за жизнь императора свою собственную. Калигула выздоровѣлъ и по его собственному выраженію «чтобы Потитій не былъ клятвопреступникомъ» приказалъ сбросить его съ Тарпейской скалы. Это безчеловѣчное приказаніе было исполнено и Потитій погибъ увѣнчаный, подобно жертвѣ, цвѣточными вѣнками и опутанный гирляндами. За первой жертвою не замедлили многіе десятки другихъ; разъ отвѣдавъ крови человѣческой Юпитеръ Латинскій (т. е. Калигула) вошелъ во вкусъ и предался запою. Онъ приказалъ предать смерти обоихъ внуковъ Тиверія и одинъ изъ нихъ заколо лся, другой былъ отравленъ. Затѣмъ императоръ возстановилъ отмѣненный имъ законъ объ оскорбленіи величества и, какъ во время Тиверія, опять начались въ Римѣ доносы, аресты, пытки, казни, изгнанія; имущества осужденныхъ отбирались въ императорскую казну; она богатѣла, а знатнѣйшія семейства нищали и сиротѣли...

Возведя себя на степень бога, Калигула вздумалъ возвести любимаго своего коня на степень сановника. Помѣщенный въ мра-

---

[1]) См. Томъ V гл. VIII стр. 63.

морномъ стойлѣ, съ яслями изъ слоновой кости, этотъ конь былъ выводимъ на показъ народу въ пурпуровой попонѣ, съ жемчужнымъ ожерельемъ на шеѣ. Для ухода за нимъ была назначена цѣлая свита, ему прислуживали рабы; иногда императоръ приглашалъ коня къ своему столу и изъ собственныхъ рукъ угощалъ виномъ и пшеницею... Знатнѣйшіе сенаторы, въ угоду Калигулѣ, посѣщали его коня и освѣдомлялись о здоровьѣ четвероногаго любимца двуногаго звѣря.

Быть богомъ въ Римѣ показалось Каллигулѣ недостаточнымъ; онъ пресытился почестями, которыя воздавали ему подданные соотечественники и появленіе его на римскихъ улицахъ въ костюмѣ Юпитера съ громами и молніями въ рукахъ уже не производило прежняго эфекта... онъ рѣшился ввести служеніе своей особѣ во всѣхъ областяхъ имперіи и, на первый случай, обратилъ вниманіе на Іудею. По его повелѣнію Петроній отправился въ эту страну съ грузомъ идоловъ Калигулы и оставивъ ихъ въ Птолемаидѣ прибылъ въ Іерусалимъ, для предварительныхъ переговоровъ со священниками о помѣщеніи этихъ кумировъ въ храмѣ. Глубоко оскорбленные предложеніемъ Петронія, іудеи отвѣчали ему, что они всегда готовы молиться Іеговѣ за императора римскаго и за его народъ, но ему самому покланяться никогда не будутъ. Эти-же самыя слова они повторили Петронію и на съѣздѣ въ Тиверіадѣ. Посланный Калигулы, чтобы не раздражать іудеевъ, согласился до времени отложить исполненіе даннаго ему приказанія и возвратясь въ Римъ обо всемъ доложилъ императору. Взбѣшенный Калигула едва не казнилъ Петронія за ослушаніе, а бывшаго тогда во дворцѣ Ирода-Агриппу осыпалъ упреками и ругательствами. Мысль ввести язычество въ Іудеѣ долгое время не давали покою Каллигулѣ; но мало по малу ее вытѣснили изъ его головы другія сумасбродныя фантазіи. Злодѣй неоднократно выражалъ сожалѣніе, что въ его царствованіе не было еще ни одного народнаго бѣдствія, подобнаго гибели легіоновъ Вара— при Августѣ, или разрушенія цирка въ Фиденѣ--при Тиверіи. Однажды въ порывѣ сладострастія лютости, Калигула воскликнулъ: «какъ бы я желалъ, чтобы у римскаго народа была одна голова!.. Тогда я могъ-бы отмахнуть ее однимъ ударомъ!» Этому желанію

вскорѣ суждено было исполниться: единственною главою народа былъ онъ же самъ и, такимъ образомъ, кровопійца призвалъ гибель на собственную свою голову.

Въ послѣдніе годы его царствованія, частые заговоры на его жизнь, доказала этому чудовищу, что онъ достигъ своей цѣли, возбудивъ во всѣхъ римлянахъ непримиримую ненависть. Окруживъ себя преторіанцами, шпіонами и палачами, Калигула началъ, по подозрѣнію, преслѣдовать правыхъ и виноватыхъ: сестеръ своихъ Юлію и Агриппину онъ сослалъ въ Галлію; казнилъ побѣдителя Гетуловъ, Косса Корнелія Лентула; тотъ самый Макронъ, которому Калигула былъ обязанъ возведеніемъ своимъ на престолъ, принужденъ былъ прекратить свою жизнь самоубійствомъ... Мысль поразить народъ какимъ нибудь огромнымъ бѣдствіемъ не покидала императора и, наконецъ, онъ придумалъ произвести въ Римѣ голодъ, скупивъ весь хлѣбъ и спрятавъ его въ собственныхъ своихъ житницахъ. Тогда мѣра народнаго терпѣнія переполнилась; преторіанцы, подъ предводительствомъ рѣшительнаго Хереи, умертвили Каллигулу въ театрѣ, 24 января 43 г. [1]) и затѣмъ зарѣзали его жену и дочь (невинныя поплатились за виноватаго).

Здѣсь, къ біографіи Калигулы мы прибавимъ замѣтку, достойную вниманія читателя. Въ исторіи трехъ первыхъ царей римскихъ громъ игралъ не послѣднюю роль: Ромулъ исчезъ во время грозы; Нума Помпилій наученный этрусками умѣлъ управлять громовыми стрѣлами; Туллъ Гостилій палъ жертвою своего неумѣнья убитый громомъ. Совсѣмъ въ иныхъ отношеніяхъ къ воздушному электричеству были три первые императора римскіе. По свидѣтельству Светонія, Августъ, Тиверій и Калигула—боялись грома, и эта боязнь доходила до смѣшнаго. Во время грозы, Августъ прятался въ подвалъ и постоянно носилъ нагрудникъ изъ тюленьей кожи, которую древніе почитали неподверживою ударамъ молніи. Тиверій покрывалъ голову лавровымъ вѣнкомъ, вѣруя, что громъ никогда не ударяетъ въ лавръ. Что-же касается до

---

[1]) Числа показаны нами по Кометографіи Пенгре, который въ своей хронологіи руководствовался астрономическими вычисленіями. Большая часть историковъ относитъ убіеніе Калигулы къ 41 году.

Калигулы, наряжавшагося Юпитеромъ и собственноручно метавшаго перуны изъ смолы или сѣры—онъ смертельно боялся настоящихъ и чтобы не видѣть ихъ, забивался подъ перины!

Убіеніе Калигулы произвело смуты въ Римѣ, а въ людяхъ благомыслящихъ пробудило заботу о томъ, кто будетъ правителемъ имперіи? Одинъ изъ преторіанцевъ, Гратъ, отыскалъ во дворцѣ одурѣлаго отъ старости и полумертваго отъ страха—Клавдія, дядю убитаго Калигулы и привѣтствовалъ его какъ императора. Примѣру Грата послѣдовали остальные преторіанцы; за ними—сенатъ, за сенатомъ—народъ и Клавдій взошелъ на престолъ цесарей римскихъ.

Робость и тупоуміе были отличительными чертами характера Клавдія еще въ дѣтствѣ и въ своемъ семействѣ бѣднякъ былъ посмѣшищемъ даже для родной своей матери. Женившись на знаменитой Мессалинѣ, Клавдій прижилъ съ нею сына Британника и дочь Октавію; затѣмъ, предоставивъ этой развратницѣ полную свободу жить согласно гнуснымъ ея наклонностямъ, посвятилъ свою жизнь гастрономіи, ѣлъ, пилъ, спалъ и жирѣлъ ни о чемъ другомъ не заботясь, ни о чемъ не думая, кромѣ яствъ и напитковъ. За него думали его вольноотпущенники: Нарциссъ и Палласъ, а Мессалина повелѣвала надъ нимъ какъ надъ самымъ ничтожнымъ рабомъ. Эта женщина, имя которой донынѣ служитъ браннымъ словомъ, въ любовныхъ своихъ неистовствахъ превзошла развратницъ древнѣйшихъ и позднѣйшихъ временъ. Не довольствуясь мужскимъ гаремомъ, набраннымъ изъ сильныхъ, здоровенныхъ гуртовщиковъ и гладіаторовъ; не насыщаясь ласками фигляра Мнестера, которому она воздвигла статуи и чуть-ли не алтари—Мессалина, подъ именемъ Лизики ходила по лупанарамъ и въ этихъ грязныхъ трущобахъ не пренебрегала объятьями пьяныхъ солдатъ и простолюдиновъ. На принадлежащей ей дачѣ Лукулла, эта тигрица, одержимая нимфоманіей, разыгрывала вакханаліи, при видѣ которыхъ и самыя отчаянныя жрицы Бахуса могли покраснѣть отъ стыда... Она была первымъ лицемъ на празднествахъ Озириса, введенныхъ въ Римѣ и сопровождавшихся процесіями, въ которыхъ знатнѣйшія матроны носили на рукахъ Фаллуса—бывшаго при первыхъ цесаряхъ чуть-ли не верховнымъ божествомъ, и ихъ самихъ

и народа. Дополнимъ характеристику Мессалины переводомъ ядовитыхъ строфъ Ювенала: «Взгляни на императора Клавдія: лишь только безстыдная его супруга замѣчала, что онъ погрузился въ сонъ, она, державная куртизанка, переодѣвалась въ простое платье и прикрывая черные свои волосы бѣлокурымъ парикомъ, уходила въ лупанаръ и здѣсь, подъ именемъ прелестницы Лизики обнажала ложе сна, носившія великодушнаго Британника! Увлекательная и сладострастная она не отвергала ни чьихъ объятій... не принимала даже и платы! Наконецъ, утомленная, но не сытая возвращалась съ омертвѣлымъ лицомъ, примѣшивая къ ароматамъ изголовья вонь лупанаровъ [1])». Такова была Мессалина, правнука Октавіи, сестры Августа!

Щедро наградивъ преторіанцевъ, которымъ онъ былъ обязанъ своимъ восшествіемъ на престолъ, Клавдій однако же казнилъ Херею и прочихъ убійцъ Калигулы, карая ихъ не за убіеніе злодѣя, но за цареубійство. Эта казнь не помѣшала ему, однако же, отмѣнить многія постановленія своего предшественника, переплавить всѣхъ его идоловъ и даже перечеканить монету съ его изображеніемъ. Желая явить народу свое благочестіе, Клавдій возстановилъ многіе древніе обряды и между прочими вѣковыя игры (ludi seculari). По праву первосвященника (pontifex maximus) повелѣлъ совершать общественныя молебствія послѣ землетрясеній, бурь, грозъ, метеоровъ и появленій зловѣщихъ птицъ надъ Капитоліемъ, или надъ дворцомъ. Въ послѣднихъ случаяхъ самъ Клавдій читалъ молитвы, удаливъ, изъ толпы слушателей, рабовъ и ремесленниковъ. Приращеніе имперіи римской, вслѣдствіе завоеванія нѣкоторыхъ областей Британіи, было радостно привѣтствуемо сенатомъ и народомъ и вообще въ первые годы царствованія Клавдія онъ былъ. любимъ и уважаемъ подданными.

Племянницы императора, Юлія и Агриппина были возвращены изъ ссылки и съ подобающими имъ почестями помѣщены во дворцѣ. Первая изъ нихъ вскорѣ навлекла на себя ненависть Мессалины,

---

[1]) Et lassata viris, sed non satiata, recessit;
Obscurisque geris turpis, fumoque lucernae.
Foeda lupanaris tulit ad pulvinar odorem.

и снова удаленная изъ Рима была тайно умерщвлена; осталась одна только Агриппина, бывшая тогда за вторымъ мужемъ патриціемъ Пассіеномъ. Вкрадчивая, лукавая, она умѣла угождать Мессалинѣ и своему державному дядѣ. Бунтъ Камилла, начальника римскихъ легіоновъ въ Галліи, едва не свергъ Клавдія съ престола, но по счастію былъ усмиренъ и всѣ сообщники Камилла подверглись казни. Одинъ изъ нихъ, Петъ, занялъ страницу въ исторіи, благодаря геройскому самоотверженію жены своей Арріи. Не желая пережить мужа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, уговаривая его предупредить казнь самоубійствомъ, она закололась и передавая ему кинжалъ произнесла, испуская послѣдній вздохъ: «возьми... это не больно!»—Покуда Клавдій занятъ былъ казнями мятежниковъ, Мессалина, обезумѣвшая отъ распутства, желая пополнить свои сокровищницы, скупила весь хлѣбъ и жизненные припасы, чтобы перепродавать ихъ народу но непомѣрной цѣнѣ. Слѣдствіемъ этого былъ голодъ, жертвами котораго пали тысячи. Для пресѣченія бѣдствія, Клавдій былъ принужденъ назначить таксу на предметы народнаго продовольствія. Затѣмъ императоръ, поручивъ управленіе Римомъ сенату, отправился въ Остію. Не стѣснявшаяся его присутствіемъ Мессалина только развратничала; пользуясь его отъѣздомъ она формально взяла себѣ другаго мужа, Силлана, отпраздновавъ свое бракосочетаніе чудовищной вакханаліей. Нарциссъ довелъ объ этомъ до свѣденія Клавдія и убѣдилъ полоумнаго старика казнить преступницу: она была зарѣзана ликторами. Вѣсть о ея смерти застала супруга Мессалины за столомъ и, погруженный въ это любимѣйшее свое занятіе, онъ отнесся къ ней съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. На другой день онъ очень наивно спросилъ: гдѣ Мессалина? Ему отвѣчали молчаніемъ; дня черезъ два онъ забылъ жену. Убійца Нарциссъ надѣялся овладѣть императоромъ и его именемъ властвовать въ Римѣ, но его предупредила Агриппина.

Пассіенъ, какъ мы уже говорили, былъ ея вторымъ мужемъ; послѣ перваго—Домитія Энобарба, у нея остался сынъ Домитій, котораго она обожала до безумія. Когда Домитію было года три, Агриппина совѣщалась съ волхвами о будущей его участи. Ей отвѣчали, что Домитій будетъ императоромъ, но вмѣстѣ

съ тѣмъ и ея убійцею. «Пусть убьетъ меня» отвѣчала Агриппина— «лишь-бы царствовалъ!» Любимая дядею еще при Мессалинѣ, она послѣ ея убіенія отравила Пассіена и вышла за Клавдія, который, женивъ Домитія на дочери своей Октавіи, усыновилъ его назвавъ Нерономъ; роднаго же сына своего Британника отстранилъ отъ престолонаслѣдія. Нарциссъ, по проискамъ Агриппины, былъ изгнанъ. Такимъ образомъ, до воцаренія изверга рода человѣческаго—Нерона, на престолѣ римскомъ находился старый крокодилъ, опутанный кольцами ядовитой змѣи. Ласки Агриппины погасили въ Клавдіи послѣднія искры разсудка и остатки дней онъ проводилъ только за столомъ и въ своей опочивальнѣ... Но этотъ остатокъ показался императрицѣ слишкомъ долгимъ. Она приказала отравительницѣ Локустѣ придумать приправу къ кушанью Клавдія, отъ которой онъ могъ-бы заболѣть неизлечимымъ воспаленіемъ желудка... Локуста повиновалась и посовѣтовала Агриппинѣ угостить супруга блюдомъ грибовъ (по всей вѣроятности мухоморовъ—Agaricus muscarius L.). Откушавъ съ обычнымъ апетитомъ, Клавдій погрузился въ усыпленіе, перешедшее въ непробудный сонъ (13 октября 54 г.). Скрывъ, до времени, отъ народа смерть Клавдія, супруга его удержала Британника во дворцѣ, а наставник у Нерона, Бурру, поручила идти, вмѣстѣ съ нимъ, въ лагерь преторіанцевъ и не жалѣя золота убѣдить ихъ превозгласить Нерона императоромъ римскимъ. Подъ ихъ восторженными кликами, замолкли голоса справедливости и совѣсти: Неронъ воцарился (54—68 л. 807—821 г. Рима). Клавдій, удостоенный пышнаго погребенія и апоѳеозы, былъ признанъ богомъ; сама Агриппина пожелала быть его верховною жрицею. Храмы въ его память были сооружены въ Римѣ и во многихъ областяхъ имперіи. Храмъ въ Прузѣ въ Виѳиніи существовалъ пятьдесятъ лѣтъ и разрушился въ царствованіе Траяна (99—118 г.). Тогдашній правитель Виѳиніи, Плиній-младшій намѣревался построить на его мѣстѣ термы (бани), но императоръ запретилъ ему, поставивъ на видъ, что мѣсто храма, хотя бы и разрушеннаго, должно быть на вѣки свято и неприкосновенно.

Неронъ, воспитанный Бурромъ и Сенекою, но развращенный родною матерью, въ отроческихъ и юношескихъ лѣтахъ

обнаруживалъ богатыя способности и прекрасныя чувства. Желая властвовать надъ сыномъ, Агриппина, задушивъ въ себѣ чувства человѣческія, была его первою руководительницёю на поприщѣ разврата, распаляя въ немъ чувственность кровосмѣсительными ласками. Оставивъ свою супругу Октавію, Неронъ привязался къ Поппеѣ, и Агриппина, ревнуя сына, соперничала съ этой презрѣнной женщиной, будучи сама тысячу разъ ея презрѣннѣе. Семнадцатилѣтній Неронъ, въ первые два года царствованія, снискалъ благословеніе подданныхъ. Когда ему принесли для подписи первый смертный приговоръ онъ, заплакавъ, произнесъ: «какъ бы я желалъ не умѣть писать!...» И этотъ самый человѣкъ, черезъ четырнадцать лѣтъ послѣ того—кровью вписалъ свое имя на страницахъ исторіи!—Отдавая справедливость матери за ея содѣйствіе его воцаренію, Неронъ призналъ ее богинею: разрѣшилъ ей, подобно кумиру, или верховному жрецу, въѣзжать въ Капитолій на священной колесницѣ (Карпентумъ); установилъ праздники въ ея честь; во многихъ храмахъ поставилъ ея изображенія... Мы поговоримъ объ этомъ подробнѣе, при обзорѣ состоянія религіи въ Римѣ, въ царствованіе Нерона; сперва окончимъ обзоръ историческій.

Воздавая матери столь великія почести, Неронъ въ тоже время, по совѣту Бурра и Сенеки, отстранялъ эту злодѣйку отъ правительства: она постоянно вмѣшивалась въ государственныя дѣла, онъ—еще того постояннѣе, отвлекалъ ее отъ нихъ и не слѣдовалъ ея наставленіямъ. Однажды Агриппина вздумала сѣсть на тронъ рядомъ съ сыномъ, но онъ, осыпая мать ласками и поцѣлуями, ловко выпроводилъ ее изъ троннаго чертога. Оскорбленная Агриппина напомнила ему о правахъ Британника и этимъ словомъ произнесла смертный приговоръ несчастнаго. Опасаясь, чтобы Агриппина не возвела Британника на престолъ, Неронъ потребовалъ у Локусты самого быстраго яду и, за пиршествомъ, тайно влилъ его въ кубокъ своего шурина. Британникъ въ жесточайшихъ мученіяхъ скончался чрезъ нѣсколько минутъ и Неронъ, оплакивая притворными слезами его преждевременную кончину, отклонилъ отъ себя, до времени, всякое подозрѣніе въ убійствѣ. Локусту онъ щедро наградилъ деньгами и помѣстьями, давъ ей

вмѣстѣ съ тѣмъ, привилегію на поставленіе и продажу всевозможныхъ ядовъ. Это было первое злодѣйство Нерона, за которымъ слѣдовала тысяча прочихъ, одно другаго ужаснѣе.

Вслѣдствіе разлада между сыномъ и матерью, всѣ льстецы и приспѣшники послѣдней отшатнулись отъ нея; единственнымъ ея другомъ и собесѣдницей была Октавія, супруга Нерона, имъ забытая для Поппеи. Этотъ демонъ въ образѣ женщины, развилъ въ Неронѣ страсть къ поэзіи, къ музыкѣ, къ сценическимъ представленіямъ. Онъ самъ писалъ очень дрянненькіе стихи превозносимые льстецами; игралъ на лирѣ, пѣлъ, выходилъ на арену цирка и на театральные подмостки... Раболѣпный Римъ, тогда городъ лести и холопства, рукоплескалъ цесарю, вѣнчая его лаврами—какъ поэта, цвѣтами—какъ артиста. Эти вѣнки, скоморохъ кровопійца цѣнилъ выше императорской короны. Переходя изъ человѣчьей породы въ звѣриную, Неронъ соблюдалъ систематическую постепенность: сначала онъ превратился въ обезьяну; потомъ въ медвѣдя; затѣмъ—въ тигра и наконецъ въ звѣря чудовищнаго, подобнаго допотопному птеродактилю, или, ихтіозавру. Поппея потребовала у него голову Агриппины, которую ненавидѣла вдвойнѣ: какъ женщину и какъ соперницу, и Неронъ не задумался. Вольноотпущенникъ Аникетъ, посовѣтовалъ ему приказать изготовить галеру съ опускнымъ днищемъ и предложить ее къ услугамъ Агриппины для морской прогулки. Императрица мать приняла роковой подарокъ и лишь только отплыла отъ берега, какъ галера погрузилась въ воду. Агриппинѣ удалось доплыть подъ водою до берега, откуда сострадательные рыбаки проводили ее о дворца. Собравшись съ силами она отправилась къ сыну и застала его за пиршествомъ. Сначала онъ принялъ ее за призракъ; потомъ, опомнясь, лицемѣрными ласками надѣялся увѣрить свою мать въ непричастности своей къ гнусному покушенію на ея жизнь. Выигравъ, такимъ образомъ, время злодѣй далъ приказъ тому же Аникету, умертвить Агриппину, но уже безъ промаха. Взявъ съ собою ликторовъ, вольноотпущенникъ вошелъ въ покои матери Нерона и первый нанесъ ей ударъ, дубиною по головѣ... Она же, обнаживъ грудь и утробу, сказала ему: «рази въ животъ

(ventrem ferri!) за то, что онъ выносилъ чудовище!» На этотъ разъ она дѣйствительно была убита.

Смерть Агриппины была праздникомъ для Нерона. Сенаторы и народъ поспѣшили въ храмы благодарить боговъ за спасеніе императора отъ угрожавшей ему опасности; память его матери всѣ проклинали единогласно. Служеніе ей было, разумѣется, отмѣнено Нерономъ; храмы были упразднены; день рожденія и дни торжествъ въ ея честь были признаны роковыми, проклятыми и только день смерти повелѣно было праздновать играми и всенародными пиршествами. За Агриппиною вскорѣ послѣдовала Октавія и на престолѣ, рядомъ съ Нерономъ, возсѣла Поппея; и воцарилась воплощенныя злость и сладострастіе. Императоръ повелѣлъ причислить къ богинямъ, какъ Поппею, такъ и ея новорожденную дочь. Въ честь беременной супруги Неронъ соорудилъ храмъ Плодородія, и установилъ молебствіе о благополучномъ ея разрѣшеніи отъ бремени. Чего не былъ способенъ сдѣлать народъ римскій для своего повелителя, осыпавшаго его золотомъ, разыгрывавшаго лотереи безплатныя и безпроигрышныя, забавлявшаго римлянъ своими артистическими способностями на сценѣ и кучерскими при гонкѣ колесницъ въ циркахъ... Тщетно Бурръ и Сенека пытались образумить Нерона: онъ уже не внималъ ихъ совѣтамъ! Разыгрывая комедіи и пантомимы на сценѣ онъ разыгрывалъ кровавыя трагедіи въ дѣйствительной жизни, рѣдкій день не знаменуя страшными казнями. Въ 64 году явилась комета, не первая и не послѣдняя въ царствованіе Нерона. Разумѣется суевѣры тотчасъ-же принялись толковать, что явленіе лучезарной скиталицы вселенной, предвѣщаетъ какое нибудь бѣдствіе народное; нашлись смѣльчаки, предрекавшіе близкую гибель Нерону. За это, всѣ эти пророки были казнены, ибо Неронъ, пожаловавшій себя въ боги, установившій игры въ свою честь (Tacit. Annal. LXIV c. 15 L. XV c. 33), былъ увѣренъ, не только въ неизмѣнномъ своемъ благополучіи, но и въ безсмертіи. Комета, однако же, дѣйствительно оказалась вѣстницею великихъ народныхъ бѣдствій; она ознаменовала начало эпохи лютѣйшихъ казней и мономаническихъ припадковъ императора. Казни сдѣлались его насущной потребностью; недовольствуясь прежними ихъ видами, Неронъ изобрѣталъ новыя... Самой

модной казнію для опальныхъ патриціевъ было погруженіе въ теплую ванну, въ которой осужденный, открывъ себѣ кровь изъ рукъ и изъ ногъ, погружался въ смертный сонъ безъ всякихъ страданій... Пріятно и комфортабельно! Вообще почиталось хорошимъ тономъ, не отдаваясь въ руки палачей, по приговору императора, прекращать жизнь самоубійствомъ; самъ подсудимый бывалъ собственнымъ же своимъ палачемъ. Не довольствуясь казнями, Неронъ, съ цѣлой шайкою придворныхъ, занимался ночными разбоями и грабежами. Въ одной изъ подобныхъ экспедицій онъ былъ побитъ сенаторомъ, его не узнавшимъ. Побѣдитель цесаря осмѣлился на другой день извиниться предъ вчерашнимъ атаманомъ разбойниковъ и за это немедленно былъ казненъ.

Ужасъ, наведенный на Римъ злодѣйствами Нерона, былъ поглощенъ страшнымъ бѣдствіемъ, постигшимъ городъ: онъ сдѣлался добычею пламени. Пожаръ этотъ былъ произведенъ самимъ Нерономъ, который находясь на терассѣ загороднаго дворца любовался пылающимъ городомъ и пѣлъ строфы о пожарѣ Трои, акомпанируя себѣ на лирѣ. Вдохновенный чтеніемъ Иліады императоръ пожелалъ иллюстрировать безсмертную поэму Гомера, и надобно отдать ему справедливость, иллюстрація вышла на славу! По окончаніи пожара, Неронъ приказалъ авгурамъ посовѣщаться съ книгами сивиллъ, и по ихъ приговору принесъ жертвы Вулкану, Церерѣ и Прозерпинѣ; полилъ морскою водою храмъ Юноны и приказалъ знатнѣйшимъ гражданкамъ Рима совершать въ немъ бдѣнія, длившіяся цѣлыя ночи. Боги, можетъ быть, были умилостивлены этими обрядами, но не умилостивилась и не умолкла молва, называвшая Нерона зажигателемъ... Тогда злодѣй, для своего оправданія, прибѣгнулъ къ средству вполнѣ его достойному, и вотъ что, по этому случаю, говоритъ Тацитъ въ своихъ лѣтописяхъ.[1]): «чтобы утишить эту молву, Неронъ нашелъ за себя подставныхъ; утонченными истязаніями онъ наказалъ ненавистныхъ за ихъ преступленія людей, называвшихся въ простонародьи христіанами. Имя это происходитъ отъ Христа, въ царство-

---

[1]) Tacit: Annal Lib. XV cap. 44.

ваніе Тиверія приговореннаго къ смерти Понтіемъ Пилатомъ. Ихъ суевѣріе усмиренное сначала, возникло опять, не только въ Іудеѣ, гдѣ оно родилось, но и въ Римѣ, въ которомъ всякія гнусности находятъ притонъ и послѣдователей. Называвшіеся христіанами были схвачены; по слѣдствію, произведенному надъ множествомъ изъ нихъ, они были уличены не столько въ поджогахъ Рима, сколько во всеобщей къ нимъ ненависти. Надъ ними наругались, предавая ихъ смерти: ихъ одѣвали въ звѣриныя шкуры, чтобы травить собаками; ихъ распинали на крестахъ, предварительно обливъ горючими веществами, дабы они ночью замѣняли факелы. Для этого позорища, Неронъ отдалъ свои сады, присоединивъ къ нему игры: онъ, при этомъ, явился народу на колесницѣ, въ одеждѣ возничаго. Но, хотя варварства эти были совершаемы надъ преступниками достойными смерти, о нихъ однако же жалѣли, потому что ими жертвовали лютости государя, а не общественному благу!»

Такъ въ 65 году по Р. X. совершилось въ Римѣ первое гоненіе христіанъ и были принесены въ жертву язычеству—первые мученики. Почитая ихъ колдунами и чернокнижниками Неронъ издалъ указъ объ изгнаніи таковыхъ, вмѣстѣ съ христіанами изъ Рима, не смотря на то, что самъ вѣрилъ въ магію и, до того времени глубоко уважалъ чародѣевъ, даже учился магіи у Тиридата арменійскаго, но безуспѣшно, ибо лице его было покрыто веснушками а, по ученію маговъ, это было важнымъ препятствіемъ къ успѣшному властвованію надъ духами (Плиній: Ист. міра кн. XXX гл. 6).

Дѣятельно занялся Неронъ возобновленіемъ Рима, большая часть зданій котораго была обращена въ развалины. Заботясь о народѣ, онъ не забылъ и себя и увеличилъ свой золотой дворецъ многочисленными пристройками. Въ это же время на императора напала неукротимая щедрость; вознаграждая погорѣльцевъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ осыпалъ драгоцѣнными подарками каждаго, кто попадалъ ему подъ руку; жаловалъ помѣстья рабамъ, гладіаторамъ, музыкантамъ. Эта расточительность была по сердцу плебеямъ, но ею оскорбились патриціи и вскорѣ составился заговоръ къ убіенію Нерона; заговоръ, въ которомъ приняли участіе нѣсколько сотъ человѣкъ. Эпихарида имѣла неосторожность сообщить о томъ одному изъ прето-

ріанцевъ; этотъ донесъ на нее Нерону... Ее и многихъ заговорщиковъ схватили, допрашивали съ жесточайшими пытками. Эпихарида, боясь, чтобы жестокія муки не вынудили у нея признанія—удавилась. Ярости Нерона не было предѣловъ, онъ казнилъ заговорщиковъ, ихъ сродниковъ и знакомыхъ; казнилъ виноватыхъ, оговоренныхъ, заподозрѣнныхъ и совершенно невинныхъ... Погибъ и Сенека, по повелѣнію Нерона, пустившій себѣ кровь въ теплой ваннѣ! Въ послѣдніе три года своего царствованія Неронъ окончательно утратилъ чувства человѣческія, даже въ любви искалъ наслажденій противуестественныхъ, чудовищныхъ. Умертвивъ Поппею ударомъ ноги въ животъ, императоръ взялъ себѣ въ наложницы рабыню Актэ. Любитель всякаго рода зрѣлищъ онъ, изъ погребенія своей жены, сдѣлалъ великолѣпный спектакль. По словамъ Плинія (Ист. міра кн. XII гл. 41) ладану, мирры и разныхъ благоуханій было сожжено болѣе нежели ихъ можетъ дать вся Аравія въ одинъ годъ. «Сочтите теперь ежегодныя погребенія всего міра» заключаетъ онъ—и громадное количество ладану, которымъ чествуютъ мертвыхъ, того самого ладану, который при богослуженіи употребляютъ самыми малыми крупицами». Поппею Неронъ приказалъ признать богинею и въ память ея построилъ храмъ...

Наконецъ, Гальба, предводитель римскихъ легіоновъ въ Испаніи, соединивъ свои силы съ полчищами галльскаго бренна (военачальника) Виндекса, поднявъ знамя мятежа, двинулся къ Риму. Вѣсть о его приближеніи застала Нерона за ужиномъ. Одурѣлый отъ ужаса онъ началъ плакать и стенать; когда же ему объявили, что преторіанцы приняли сторону Гальбы, а сенатъ провозгласилъ послѣдняго императоромъ, Нерона же врагомъ отечества—онъ убѣжалъ въ небольшой загородный дворецъ сопровождаемый вольноотпущенникомъ Фаономъ. Въ погоню за нимъ посланы были ликторы и отрядъ всадниковъ. Заслышавъ конскій топотъ Неронъ рѣшился убить себя и, дрожащей рукой, занося кинжалъ надъ своимъ каменнымъ сердцемъ, жалобно воскликнулъ: «какой великій художникъ гибнетъ! (Qualis artifex pereat)!». Однако же этотъ художникъ, или вѣрнѣе «кровавыхъ дѣлъ мастеръ» не съумѣлъ ни зарѣзаться, ни заколоться и

Фаонъ былъ принужденъ оказать ему эту последнюю услугу. Такъ погибъ Неронъ въ 68 г. и вѣчное проклятье человѣчества отяготѣло надъ его памятью.

Жалуя въ богини свою мать и обѣихъ женъ, а себя самого—въ боги, Неронъ, глумясь надъ отечественной миѳологіей, вѣрилъ только въ два божества: въ богиню сирійскую (поклоненіе которой занесено было въ Римъ бродягами жрецами) и въ куколку (icuncula puellaris), подаренную ему какимъ-то простолюдиномъ и рекомендованную имъ какъ вѣрнѣйшее средство отъ злыхъ чаръ и всякихъ навожденій. Къ этой куколкѣ Неронъ питалъ глубочайшее благоговѣніе: трижды въ день приносилъ ей жертвы и разъ въ годъ чествовалъ ее праздниками и играми. Первый гонитель христіанъ, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ ненавистникомъ и всѣхъ религій древняго міра, замѣняя богослуженіе комедіями и предпочитая храмамъ цирки и театры.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Гальба, Оттонъ, Вителлій.—Фортуна и сновидѣніе Гальбы.—Призракъ старика.—Оттонъ и Изида.—Вителлій.—Бунтъ.—Стая вороновъ.—Веспасіанъ.—Разрушеніе Іерусалима.—Пророчества и знаменія. — Богъ горы Кармила. — Сераписъ. — Возобновленіе Капитолія. — Новые храмы.— Сабинъ и Эпонина. — Комета. — Смерть Веспасіана. — Титъ.—Извержение Везувія, гибель Геркуланума, Помпеи и Стабіи.—Плиній.—Извлеченія изъ его исторіи.—О Богѣ.—О человѣкѣ.—О душѣ и будущей жизни.—Христіанство и вѣрованія языческія. — Милосердіе Тита. — Заговоръ.—Береника.—Колизей.—Умствованія Плинія и мученики.—Домиціанъ.—Его пороки.—Ханжество и самообожаніе.— Второе гоненіе христіанъ. — Страшный пиръ. — Домитія.—Убіеніе Домиціана.—Нерва. — Апостолы и чародѣи.—Источники ересей.—Аполлоній Тіанскій.

Впродолженіе года истекшаго со дня убіенія Нерона (68—69 г.), на престолѣ императорскомъ смѣнились три цесаря: Гальба, Оттонъ и Вителлій. Первый былъ убитъ преторіанцами за то,

что не уплатилъ имъ денегъ, обѣщанныхъ за свое избраніе; второй, другъ Нерона, былъ свергнутъ и закололся послѣ своего пораженія германскими легіонами; третій, избранный ими, прославился обжорствомъ и былъ истерзанъ во время мятежа, неистовыми преторіанцами... при немъ же Капитолій сдѣлался добычею пламени. Не распространяясь о событіяхъ политическихъ годичнаго періода этого несчастнаго тріумвиратства, мы займемся только религіозными вѣрованіями каждаго изъ трехъ эфемерныхъ императоровъ.

Гальба, за нѣсколько лѣтъ до своего избранія, видѣлъ сонъ, въ которомъ ему явилась Фортуна, требуя настоятельно, чтобы онъ взялъ мѣдную ея статуйку, положенную у его дверей. Тотчасъ по пробужденіи, Гальба, еще не совсѣмъ очнувшійся отъ чудеснаго сна, бросился за двери и у порога, дѣйствительно, нашелъ мѣдную статую Фортуны, въ шесть локтей вышиною, невѣдомо кѣмъ и откуда и когда принесенную. Съ этой минуты онъ не разставался со своимъ кумиромъ и Фортунѣ отдалъ предпочтеніе передъ всѣми прочими богинями Рима и Греціи. Избранный на престолъ, Гальба соорудилъ ей храмъ въ Тускулумѣ и установилъ въ ея честь ежегодныя празднества; намѣревался украсить статую драгоцѣннымъ жемчужнымъ ожерельемъ, найденнымъ въ сокровищницѣ Нерона, однако передумалъ и пожертвовалъ его въ храмъ Венеры. На слѣдующую же ночь, Фортуна опять приснилась ему и, осыпая упреками, предсказала Гальбѣ близкую гибель. Надѣясь умилостивить свою покровительницу, императоръ приказалъ принести въ храмѣ Тускулума искупительныя жертвы разгнѣванной богинѣ, самъ горячо ей молился... но, въ ту самую минуту, какъ онъ приблизился къ алтарю, огонь погасъ на немъ и Гальбѣ предсталъ—неизвѣстно откуда взявшійся, старикъ въ черной тогѣ, со стеклянною тарелкою ладану и съ глиняною чашею вина въ рукахъ [1]). Фортуна его покинула и самъ онъ вскорѣ покинулъ свѣтъ, обезглавленный однимъ изъ своихъ воиновъ. Послѣднія слова дряхлаго Гальбы, были достойны истиннаго героя: «убивай, если это необходимо для счастія имперіи!»

[1]) Suetonii: Galba. cap. 18.

Любимѣйшимъ божествомъ Оттона, смѣнившаго Гальбу, была египетская Изида: онъ самъ назвался ея верховнымъ жрецомъ, поставивъ ея статуи въ римскихъ храмахъ. Уважая память Нерона, котораго онъ былъ постояннымъ собутыльникомъ и прихлебателемъ, Оттонъ возобновилъ служеніе кумирамъ Нерона и Поппеи. Авгуровъ ненавидѣлъ и издѣваясь надъ ихъ прорицаніями, совершенно отдалилъ ихъ отъ богослуженія.

Обжорливый Вителлій, суевѣрный до крайней степени, принявъ вмѣстѣ съ императорскимъ вѣнцомъ санъ верховнаго понтифекса, вздумалъ также обогатить римскій календарь новыми праздниками, но навлекъ на себя всеобщія насмѣшки и негодованіе. Въ календарѣ были дни роковые и тяжелые; именно въ нѣкоторые-то изъ нихъ Вителлій и назначилъ новые свои праздники. Кромѣ того, страдая гастроманіей, не имѣя терпѣнія и одного часа пробыть безъ ѣды, или безъ питья, Вителлій, присутствуя при богослужебныхъ обрядахъ, безъ околичностей бралъ съ алтарей жертвенные хлѣбы и части мяса, къ крайнему соблазну жрецовъ и народа. Вождь римскихъ легіоновъ, находившійся въ Александріи — Веспасіанъ былъ превозглашенъ ими императоромъ и отправился оттуда въ Италію для занятія престола. Начальникъ войскъ Вителлія, Примъ передался Веспасіану — и римскій императоръ былъ принужденъ отстаивать свои права съ помощью народнаго ополченія, на скорую руку вооруженнаго. Когда онъ говорилъ рѣчь народу, надъ нимъ появилась цѣлая туча вороновъ, въ которой и самъ Вителлій и немногіе его приверженцы видѣли ужасное, зловѣщее предзнаменованіе. Начались битвы, сначала подъ стѣнами города, наконецъ и въ самомъ Римѣ; Капитолій запылалъ и въ нѣсколько часовъ превратился въ груды развалинъ! На этотъ разъ, предзнаменованіе могло быть страшно и всей имперіи... Затѣмъ, Вителлій, какъ мы уже говорили, былъ истерзанъ мятежниками въ Гемоніяхъ, на мѣстѣ казней преступниковъ. Императоромъ римскимъ былъ признанъ сенатомъ и народомъ, уже избранный своими войсками — благородный Веспасіанъ. Бѣдствія Рима окончились.

Между тѣмъ, въ другой части свѣта, на юго-западѣ Азіи, происходили событія достопамятныя: тамъ рѣшалась участь царства

іудейскаго и надъ Іерусалимомъ совершался приговоръ, произнесенный надъ нимъ тридцать шесть лѣтъ тому назадъ, устами Сына Божія. Непрерывные мятежи іудеевъ противъ римлянъ требовали окончательнаго усмиренія и Веспасіанъ, до своего избранія, осадилъ святой городъ, съ твердымъ намѣреніемъ не оставить на немъ камня на камнѣ. Отправляясь въ Италію, онъ довѣрилъ окончить имъ начатое старшему сыну своему Титу и палъ Іерусалимъ послѣ отчаяннаго сопротивленія и 1.100,000 его жителей разсѣялись по лицу земли, чтобы вѣчно оплакивать горькую участь ихъ родимаго, святаго города! Іудейскій историкъ Іосифъ Флавій, кровью и слезами описалъ событія въ Іерусалимѣ въ послѣдній годъ его существованія [1]). Мечевидная комета (ксифія) пылала надъ городомъ, казалась жителямъ пламеннымъ мечемъ того ангела, который преградилъ обратный путь въ рай изъ него изгнаннымъ прародителямъ. Іерусалимъ палъ въ сентябрѣ 69 года по Р. Х. или въ 5577 году отъ сотворенія міра; или наконецъ въ 822 годъ основанія Рима.

Воцареніе Веспасіана въ тѣсной связи съ древними пророчествами о судьбахъ царства іудейскаго. Переводъ Библіи Семидесяти толковниковъ и книги пророковъ, были извѣстны римлянамъ; предсказанія о томъ, что властителемъ всемірнымъ будетъ человѣкъ исшедшій изъ Іудеи, они примѣнили къ Веспасіану и были убѣждены, что онъ будетъ обладателемъ всего міра. Новый императоръ, проведшій всю юность и годы зрѣлаго возраста въ Малой Азіи и въ Египтѣ, былъ почти чуждъ вѣрованіямъ грековъ и римлянъ, поклоняясь богамъ тѣхъ странъ востока, въ которыя его заносила судьба. Въ бытность свою въ Палестинѣ, онъ поклонялся Незримому богу горы Кармила и совѣщался съ его жрецомъ Василидомъ [2]); въ Египтѣ посѣщалъ храмы Сераписа. Здѣсь, однажды, онъ пожелалъ совѣщаться съ оракуломъ и остался въ капищѣ одинъ: ему явился Василидъ съ вѣтвію желѣзняка (Verbena officinalis L) жертвенными хлѣбами и вѣнками въ рукахъ. Съ этого времени Веспасіанъ слѣпо вѣрилъ въ Сераписа

---

[1]) Josephus Flavius: Da bello Judaico. lib. V cap. 12.
[2]) Tacit Hist. II. 78; Sueton. Vespasianus cap. 5.

египетскаго и призналъ его своимъ верховнымъ покровителемъ. Съ его помощію, по словамъ Светонія и Тацита, онъ даже творилъ чудеса [1]): возвратилъ зрѣніе слѣпому и исцѣлилъ разслабленнаго. Сдѣлавшись императоромъ Веспасіанъ ввелъ служеніе Серапису въ Римѣ и у новаго иноземнаго божества явились многочисленные поклонники.

Стараясь вознаградить римлянъ за всѣ бѣдствія ими испытанныя въ предъидущія царствованія, Веспасіанъ не щадилъ ни трудовъ, ни средствъ. Чрезвычайно умѣренный, почти скупой въ собственномъ образѣ жизни, онъ не жалѣлъ денегъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о пользѣ гражданъ. Приступилъ къ возобновленію Капитолія, поручивъ его постройку Луцію Вестину. Закладка, съ великими церемоніями, происходила въ 11 календы іюля мѣсяца 71 года. Кромѣ того, Веспасіанъ возобновилъ храмы: Клавдія на горѣ Целія и Мира. Этотъ императоръ, особенно послѣ своихъ предшественниковъ — звѣрей, могъ-бы назваться прекраснѣйшимъ человѣкомъ, если бы чувства правосудія не увлекали его до жестокости; но онъ былъ неумолимъ, какъ законъ. Галльскій вождь Сабинъ составившій заговоръ противъ Веспасіана и поднявшій знамя бунта, былъ побѣжденъ, бѣжалъ и скрылся въ подземельи. Только жена его Эпонина и двое вѣрныхъ слугъ знали тайну его убѣжища, а для пущей безопасности Сабина, послѣдніе распустили слухъ о его смерти. Къ несчастію, слѣдившіе за ними шпіоны открыли пріютъ Сабина, который по повелѣнію Веспасіана былъ казненъ вмѣстѣ съ женою и добрыми слугами. Это была строгость напрасная и неумѣстная; она тѣмъ болѣе набросила неблаговидную тѣнь на Веспасіана, что императоръ этотъ умѣлъ бывать и великодушнымъ.

Весною 79 года въ созвѣздіи тельца появилась копьевидная комета (акontія); на островѣ Кипрѣ три города разрушены были землетрясеніемъ и жестокое моровое повѣтріе опустошало Римъ и его окрестности. Во всѣхъ этихъ бѣдствіяхъ видѣли знаменіе

---

[1]) Suet. ibid. cap. 7 Tacit. lib. IV cap. 81. Тотъ и другой очевидно заимствовали свои разсказы о Веспасіанѣ изъ сказаній евангельскихъ о божественныхъ чудесахъ Іисуса Христа.

близкой кончины императора. Дѣйствительно онъ видимо клонился къ гробу, но перемогаясь не хотѣлъ ложиться въ постель, говоря, что цесарь долженъ умереть стоя. Такъ и скончался Веспасіанъ—24 іюня 79 года, за нѣсколько минутъ передъ тѣмъ, сказавъ окружающимъ: «мнѣ кажется, что я становлюсь божествомъ!» Эти слова были только сознаніемъ того безмятежнаго, ничѣмъ невозмутимаго блаженства, которое императоръ предвкушалъ въ великую минуту разлуки души съ тѣломъ; но, принятыя за завѣтъ, они заставили римлянъ признать Веспасіана богомъ и почтить его память апоѳеозою.... Впрочемъ его боготворили еще при жизни за высокія душевныя качества.

Ему наслѣдовалъ старшій сынъ его Титъ, прозванный «утѣхою рода человѣческаго»; кроткій, милосердый, оплакивавшій и называвшій потеряннымъ тотъ день, въ который ему не приходилось сдѣлать добраго дѣла. Но, подобныхъ дней было очень мало въ его кратковременное, благословенное царствованіе. Черезъ два мѣсяца послѣ его воцаренія (въ августѣ того же 79 года) новое, еще не бывалое бѣдствіе постигло Италію: страшное изверженіе Везувія истребило въ Кампаніи нѣсколько деревень и похоронило подъ дождемъ пеплу, золы, обломковъ пемзы и подъ волнами лавы города: Геркуланумъ, Помпею и Стабіи. Изъ жителей многіе успѣли спастись, но въ Помпеѣ—въ наше время отрытой изъ ея восемнадцати вѣковой могилы, погибъ жертвою своей любознательности славный Кайй Плиній Секундъ—прозванный «старшимъ» для отличія отъ своего племянника, жившаго въ царствованіе Траяна. Такимъ образомъ царствованіе Веспасіана было ознаменовано въ своемъ началѣ и въ концѣ двумя великими событіями: паденіемъ Іерусалима и гибелью Помпеи и остальныхъ двухъ городовъ... Какъ будто провидѣнію угодно было явно доказать роду человѣческому, что іудейство отжило свое время, что язычеству пробилъ послѣдній часъ и что настала пора распространенія по лицу земли новаго ученія—христіанскаго! Плинія погибшаго въ Помпеѣ можно назвать представителемъ язычества, или, вѣрнѣе сказать убѣжденій религіозныхъ изъ язычества выработанныхъ, и вотъ, представляемъ читателю образцы этихъ убѣжденій, передавая ихъ словами самого Плинія:

— Малодушный ищетъ бога олицетвореннаго, Богъ же весь — чувство, око, слухъ, душа, жизнь, все! Многобожіе превосходитъ крайніе предѣлы безумія. Кромѣ божествъ сопменныхъ добродѣтелямъ, богами называютъ и самыя болѣзни. Императоры воздвигли на горѣ Палатинѣ—храмъ «Горячки»; подлѣ храма домашнихъ боговъ — храмъ Орбоны (хранительницы дѣтей) и алтарь «Неудачи» въ Эсквиліяхъ. По языческимъ понятіямъ боги влюбляются, боги женятся, боги родятся; боговъ больше чѣмъ людей. Но этимъ безуміе человѣческое не ограничивается: нѣкоторые народы поклоняются звѣрямъ, всякой нечистотѣ, клянутся вонючимъ лукомъ. Смертный, ищущій Бога на землѣ, боготвори своихъ благодѣтелей и вотъ тебѣ самое лучшее олицетвореніе бога! Таковы были герои Рима, таковъ нынѣ царствующій императоръ (Веспасіанъ). По моему мнѣнію міромъ управляютъ два могущественнѣйшія божества: Счастье (Fortuna) и Случай или Судьба (Fatum). Нынѣ существуетъ вѣрованіе будто у каждаго человѣка своя предопредѣленная судьба и своя звѣзда и это вѣрованіе укореняется. Не одни простолюдины вѣрятъ въ примѣты и знаменія. Августъ цесарь сокрушался о томъ, что въ день военнаго мятежа обулся съ лѣвой ноги... Эти повѣрья мучатъ и тревожатъ людей. Вѣрно только то, что на свѣтѣ нѣтъ ничего вѣрнаго; человѣкъ—самое гордое ничтожество; жизнь—тяжкая цѣпь страданій, а смерть, эту цѣпь расторгающая, конечно прекраснѣйшій даръ божій [1])!

Такъ Плиній говоритъ о Богѣ; послушаемъ его рѣчи о человѣкѣ:

— Деревья одѣты корой, звѣри — шерстью, птицы — перьями, рыбы — чешуей; изъ всѣхъ животныхъ одинъ только человѣкъ родится нагимъ и одѣвается въ ущербъ всѣмъ прочимъ. Жизнь свою онъ начинаетъ слезами; улыбка на его лицѣ появляется не ранѣе, какъ на сороковой день рожденія... Взгляните на младенца и скажите, есть-ли существо въ мірѣ, которое болѣе новорожденнаго было бы достойно жалости? Связанный пеленками, съ утра до вечера плачетъ и воетъ будущій властитель земли. Медленно онъ

---

[1]) Плиній Исторія міра кн. II гл. 5.

развивается; учится жевать, ходить, говорить; послѣднее не ранѣе покуда не заростетъ его бьющееся темя, и эта медленность въ развитіи—знакъ величайшей слабости существа. Каждое животное при появленіи своемъ на свѣтъ что нибудь да умѣетъ и знаетъ, а человѣкъ, этотъ владыка міра, умѣетъ только плакать. Глядя на это жалкое созданіе невольно скажешь: «лучше бы тебѣ и не родиться!» Слаба природа человѣка, жалокъ и бѣденъ человѣкъ; за то щедро одаренъ пороками, другимъ животнымъ невѣдомыми. Звѣри одной породы ладятъ между собою: львы не пожираютъ львовъ, змѣи не язвятъ змѣй; даже въ морскихъ пучинахъ рыбы нападаютъ на рыбъ только другихъ породъ, но человѣкъ — изъ всѣхъ животныхъ наиболѣе дѣлаетъ зла себѣ подобному [1]).

Этотъ ядовитый взглядъ на человѣка и на его бытіе, весьма естественно велъ Плинія къ грубѣйшему матеріализму и къ такого рода воззрѣніямъ:

— Теперь, говоритъ Плиній,—вопросъ объ усопшихъ. Для всѣхъ животныхъ безъ изъятья, состояніе души послѣ послѣдняго дня тоже что было и до перваго. Послѣ смерти, какъ и до рожденія, у тѣла съ душой нѣтъ—да и не можетъ быть—ничего общаго. Загробное бытіе—мечта, порожденная человѣческимъ тщеславіемъ. Одни толкуютъ о безсмертіи души, другіе вѣрятъ въ ея переселенія въ адъ; всѣ оказываютъ усопшему какія-то божескія почести; будто человѣкъ нѣчто выше животнаго, будто въ мірѣ нѣтъ существъ гораздо его долговѣчнѣе, которыхъ однако-же никто не жалуетъ въ безсмертные. Что будетъ съ душой? Какая у нея будетъ оболочка? Въ чемъ будетъ заключена мысль? Будетъ-ли душа слышать, осязать? Что она будетъ дѣлать? Какія страны заселены миріадами душъ, усопшихъ съ начала вѣка? Мечты, мечты человѣчества, жаждущаго безконечности. Демокритъ обѣщалъ ожить, однако-же не ожилъ... И не безуміе-ли, не жалкое-ли безуміе, желать жить послѣ смерти? Тогда, можетъ-ли быть покой смертнымъ, если они, послѣ смерти, опять возродятся: душами на небесахъ, или тѣнями въ преисподней? Эта мысль можетъ отравить человѣку прекраснѣйшій даръ природы—его послѣднюю минуту...

[1]) Онъ-же, тамъ-же: кн. VII гл. 1.

Эта мысль, будто за гробомъ есть иная, безконечная жизнь, удвоиваетъ предсмертныя муки! Не легче-ли, не основательнѣе-ли намъ думать, согласно опыту, что послѣ смерти мы будемъ тѣмъ-же, чѣмъ были до рожденія [1])?

Такъ, устами Плинія, говорило умирающее язычество и слова великаго естествоиспытателя были отголоскомъ вѣрованій развитаго большинства. Со временъ Августа, въ Римъ стеклись вѣрованія всего свѣта, но все что было въ нихъ разумнаго, высокаго, чистаго — все это сосредоточилось въ христіанствѣ будто въ фокусѣ зажигательнаго стекла. Именно ученія евангельскаго и чуждались римляне, и, точно испытывая вѣроисповѣданія языческія, отъ отечественныхъ боговъ переходили къ алтарямъ боговъ иноземныхъ, воскуряя ѳиміамъ Астартѣ сирійской, Серапису египетскому, Миѳрѣ персовъ, или усопшимъ цесарямъ.... Самъ императоръ Титъ чтилъ Аписа и поклонялся этому символу производительныхъ силъ природы, хотя чистая душа государя, чуждаясь заблужденій языческихъ, была щедро одарена истинно христіанскими добродѣтелями. При восшествіи на престолъ, милосердый Титъ далъ обѣтъ никого не казнить и пребылъ ему вѣренъ. Изгналъ шпіоновъ, сыщиковъ и упразднилъ эти должности. Получивъ извѣстіе о заговорѣ на его жизнь, онъ призвалъ виновныхъ къ себѣ, кротко усовѣстилъ, и объявивъ имъ прощеніе, пригласилъ къ обѣденному столу. Мать одного изъ заговорщиковъ сокрушалась о его участи, и императоръ, чрезъ нарочнаго, увѣдомилъ ее о совершенной безопасности ея дѣтища. Страстно любя плѣнную іудейскую царевну Беренику, Титъ имѣлъ намѣреніе жениться на ней, но видя, что бракъ этотъ не угоденъ сенату и народу, пожертвовалъ имъ своимъ сердцемъ—и разстался съ Береникою. Онъ жилъ для блага подданныхъ и кратковременное его царствованіе было непрерывнымъ рядомъ благодѣяній. При немъ была окончена постройка громаднаго цирка Колизея или Колоссея, начатая при Веспасіанѣ. На аренѣ этого цирка происходили звѣриныя травли; давались представленія гладатіоровъ и цѣлыя піэсы, изображавшія морскія сраженія, для чего обширная арена

---

[1]) То-же, кн. VII гл. 56.

наполнялась водою и превращалась въ огромное озеро... Въ этомъ же Колизеѣ, при безчеловѣчныхъ преемникахъ, кроткаго, незлобиваго Тита, происходили истязанія христіанъ, предаваемыхъ на растерзаніе звѣрямъ. Эти звѣри, собранные со всѣхъ странъ свѣта, были союзниками язычниковъ въ ихъ борьбѣ съ христіанствомъ и, при всемъ томъ, мученики гибли тысячами, въ твердомъ упованіи на воскресеніе и непоколебимо вѣруя въ жизнь будущую... Какъ, при этомъ, не сдѣлать сопоставленія: Плиній, посвятившій многіе годы жизни естествознанію; Плиній, одинъ изъ умнѣйшихъ и ученѣйшихъ людей своего времени, отрицалъ тѣ великія истинны, за которыя христіанскіе мученики жертвовали жизнію, испуская духъ подъ когтями львовъ, тигровъ, подъ клыками вепрей, подъ ногами слоновъ! Безсмертный духъ торжествовалъ надъ бренною перстію и надъ грубою, животною силою. Если-бы Плиній могъ быть свидѣтелемъ этого торжества христіанства надъ язычествомъ, олицетворенымъ звѣрями, изъ которыхъ многіе были посвящены—или служили символами богамъ, онъ бы понялъ, что съ уничтоженіемъ тѣла не может уничтожиться душа; онъ бы повѣрилъ, что ея безсмертіе не «мечта порожденная человѣческимъ тщеславіемъ!»

Титъ скончался, имѣя отъ роду не болѣе 43 лѣтъ (въ 81 году), завѣщая престолъ младшему своему брату Домиціану (81—96 г.), пятнадцатилѣтнее царствованіе котораго напомнило римлянамъ времена Тиверія, Нерона и Калигулы.

Его самолюбіе могло потягаться развѣ только съ его лютостью; доходя до ребячества въ первомъ, Домиціанъ превосходилъ, во второй, злѣйшихъ кровопійцъ. На всѣхъ зданіяхъ Рима сооруженныхъ его предшественниками онъ приказалъ замѣнить своимъ именемъ имена настоящихъ строителей; самъ себя пожаловалъ въ «боги», приказавъ начинать указы сената такого рода формулою: «нашъ повелитель и богъ хочетъ и приказываетъ»... Установилъ игры (квинкатріи) въ честь Юпитера и Минервы; соревнуя о соблюденіи благочестія безъ милосердія, казнилъ за всякое нарушеніе уставовъ религіозныхъ... Такъ весталка Корнелія, за нарушеніе обѣта цѣломудрія, была заживо замурована въ склепъ; такъ трупъ сына одного вольноотпущенника былъ вырытъ изъ могилы

и брошенъ въ Тибръ за то, что отецъ его поставилъ надъ нимъ гробницу, сложенную изъ камней, назначенныхъ для постройки храма. Христіане, въ царствованіе Домиціана были гонимы немилосердно и въ лѣтописяхъ церкви эти гоненія составляютъ вторую эпоху послѣ нероновскихъ [1]). Казня виновныхъ (по его мнѣнію) Домиціанъ потѣшался, пугая правыхъ и невинныхъ: ихъ блѣдность радовала тирана, точно также, какъ кровь первыхъ. Однажды, онъ пригласивъ нѣкоторыхъ вельможъ на пиръ, во дворецъ, помѣстилъ ихъ въ столовой, обтянутой черными тканями и установленной погребальными принадлежностями; блюда подаваемыя на столъ имѣли видъ гробницъ, чаши и сосуды—урнъ и намогильныхъ столбовъ. Пѣвцы и пѣвицы, въ траурныхъ одеждахъ, пѣли похоронныя пѣсни, и нагоняли ужасъ на всѣхъ присутствующихъ, кромѣ Домиціана, катавшагося со смѣху. Въ досужее время онъ любилъ ловить мухъ и пронзать ихъ иглою... То же очень милая забава!

Трусливый и недовѣрчивый, какъ всѣ тираны, Домиціанъ во всѣхъ своихъ приближенныхъ видѣлъ измѣнниковъ и предателей. Опасаясь даже супруги своей Домитіи, онъ имѣлъ намѣреніе тайно ее умертвить, но она избавилась сама и избавила Римъ отъ изверга, убѣдивъ преторіанцевъ убить Домиціана. Стефанъ, одинъ изъ нихъ, отважился на это преступленіе и императоръ былъ убитъ въ 96 г., оставивъ по себѣ страшную память, хотя легіоны римскіе, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ послѣ его смерти, еще признавали его «богомъ».

Престарѣлый, добродѣтельный Нерва былъ его преемникомъ. Онъ царствовалъ только три года (96—99 г.), но снискалъ благословенія подданныхъ за свое кроткое правленіе, главное же за назначеніе своимъ наслѣдникомъ Трояна (99—117 г.). Здѣсь въ историческомъ нашемъ обзорѣ мы сдѣлаемъ небольшой перерывъ, чтобы посвятить нѣсколько страницъ біографіи человѣка

---

1) Всѣхъ гоненій христіанъ, со времени появленія ученія Евангельскаго, въ римской имперіи было одиннадцать и вотъ имена императоровъ гонителей: 1) Неронъ, 2) Домиціанъ, 3) Троянъ. 4) Маркъ—Аврелій, 5) Септимій-Северъ, 6) Максиминъ. 7) Децій, 8) Валеріанъ, 9) Авреліанъ, 10) Діоклитіанъ и 11) Юліанъ-Отступникъ.

*

замѣчательнаго, въ которомъ язычники видѣли защитника ихъ вѣрованій противъ торжествующаго христіанства.

Намъ извѣстно изъ Дѣяній святыхъ апостоловъ (гл. VIII ст. 9—13 и гл. XIX ст. 14—19), что волхвы и чародѣи, всячески препятствуя распространенію Евангелія, смущали народъ своими мнимыми чудесами. Таковыми были: Симонъ уроженецъ Самаріи (въ 34 г.), Кериноъ (54 г.), Эвіонъ (72 г.) и Менандръ, ученикъ Симона (73 г.). Подобно волхвамъ фараона, состязавшимся съ Моисеемъ и Аарономъ, эти чародѣи отважились вступить въ состязаніе со святыми апостолами, собирая вокругъ себя многочисленныя толпы легковѣрныхъ. Хотя подробности этой борьбы тьмы со свѣтомъ, лжи съ правдою и принадлежатъ къ исторіи христіанства, мы однако же не можемъ не упомянуть о нихъ. Кромѣ чародѣевъ, названныхъ нами, одновременно съ апостолами, въ каждомъ городѣ Азіи и Африки появлялись и проповѣдники язычества, если не совсѣмъ отвлекавшіе людей отъ ученія Христова, то, по крайней мѣрѣ, способствовавшіе превратнымъ толкованіямъ его догматовъ и этимъ самымъ — распространенію ересей. Таковымъ, между прочими, былъ прославленный и превознесенный язычниками—Апполоній Тіанскій, о которомъ его біографъ Филостратъ, разсказывалъ таинственныя, необыкновенныя вещи, правдивость которыхъ подлежитъ сильному сомнѣнію; въ чемъ самъ читатель легко можетъ убѣдиться изъ нижеслѣдующаго біографическаго очерка [1]).

---

[1]) Матеріалами намъ служили, кромѣ извлеченій изъ Филострата, лѣтописи Тацита и Светонія. Съ большею подробностью мы договоримъ объ Аполлоніи Тіанскомъ въ Исторіи ересей, которою закончимъ нашъ обширный трудъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Образованіе Аполлонія.—Храмъ Эскулапа. — Исцѣленія. — Приношенія по обѣту.—Увертки жрецовъ.—Змѣя Эскулапа.—Пятилѣтнее молчаніе.—Бунтъ въ Аминдѣ. — Странствія.—Тѣнь Ахиллеса.—Прибытіе въ Римъ.—Воскресшій юноша. — Объясненіе мнимаго чуда. — Пріязнь императоровъ.—Смерть Домиціана.—Легенды о смерти Аполлонія.—Почести.—Траянъ. — Памятники. — Надпись на золотыхъ воротахъ.—Адріанъ.—Окопъ въ Каледоніи.—Тиволи.—Гробница Адріана.—Его пороки.—Антиной.—Элій Веръ.—Новые храмы.—Разореніе Іерусалима.—Мнимое чудо.—Апоѳеоза. — Антонинъ. — Его кротость. — Арены и Гардскій мостъ. — Маркъ-Аврелій и Веръ. — Фаустина. — Стоикъ Эпиктетъ.—Отвѣтъ христіанина язычнику.—Стоицизмъ и христіанство.—Бѣдствія и войны.—Суевѣріе Марка Аврелія.—Астрологъ Арнуфій.—Библіомансія.—Злодѣйства Коммода.—Страшныя жертвы.— Убіеніе Коммода.— Пертинаксъ.—Продажа императорскаго вѣнца съ публичнаго торга.—Дидій Юліанъ.—Казни.—Боги преисподней. — Гаданіе зеркаломъ.— Нигеръ, Альбинъ, Септимій Северъ.—Его воцареніе и подвиги.—Бракъ вслѣдствіе пророчества.—Смерть Септимія.—Каракалла.—Гета.—Каракалла и Александръ Македонскій.—Обоготвореніе Аполлонія Тіанскаго.—Позоръ имперіи.—Геліогабалъ и Макринъ.—Превозглашеніе Геліогабала.—Вступленіе въ Римъ.

Аполлоній родился въ Тіанѣ (Каппадокія) въ 1 или во 2 г. по Р. X. и былъ сыномъ достаточнаго тамошняго гражданина. Четырнадцати лѣтъ отправился въ Тарсъ для изученія грамматики и риторики у Эвѳидема, но въ этомъ городѣ пробылъ недолго, возмущенный его роскошью и изнѣженностью жителей. Удалясь въ Эгею онъ слушалъ поученія философовъ пиѳагорейской школы, усвоилъ ихъ правила и строго имъ слѣдовалъ: одѣвался въ льняныя ткани, питался плодами, пилъ чистую воду и большую часть

времени проводилъ въ глубокомысленномъ безмолвіи. Жилищемъ своимъ онъ избралъ храмъ Эскулапа, съ которымъ (т. е. съ Эскулапомъ) вошелъ въ самыя дружескія сношенія. Являясь Аполлонію во снѣ, богъ медицины сообщалъ ему рецепты лекарствъ и давалъ разные совѣты по части гигіены, а съ ними вмѣстѣ и возможность помогать больнымъ, приходившимъ въ храмъ и обращавшимся къ Аполлонію съ просьбами о помощи. Храмами Эскулапа, въ древности, назывались нынѣшнія лечебницы для приходящихъ и полуклиники: жрецы подавая ручную помощь, или предписывая внутренее употребленіе лекарствъ больнымъ, всегда говорили, что они совѣтуютъ то или другое средство по внушенію и приказанію Эскулапа, и что больные, повинуясь имъ, повинуются богу медицины. Внушая это паціентамъ, жрецы-доктора, съ тѣмъ вмѣстѣ, внушали имъ полное довѣріе къ себѣ и надежду на исцѣленіе. Случалось, разумѣется, что больной и умиралъ; но въ такихъ случаяхъ увертливые жрецы сваливали всю вину на ихъ патрона и выходили сухи изъ воды... За то, сколько чести, славы, а главное—прибыли пріобрѣтали они самі и ихъ храмъ въ случаѣ удачнаго исцѣленія какого нибудь знатнаго и богатаго паціента! Послѣдній, по обычаю перешедшему въ Грецію и Римъ — изъ Индіи, жертвовалъ въ храмъ отлитое изъ золота или изъ серебра изображеніе болѣвшей и исцѣленной части тѣла: головы, груди, живота, руки, ноги (иногда и въ настоящую величину), которое вѣшалось на стѣну храма. У римлянъ эти изваянія назывались приношеніями по обѣту (ex voto) и въ нѣкоторыхъ храмахъ Эскулапа изъ нихъ составлялись цѣлыя гирлянды.

Возвращаясь къ герою нашего повѣствованія скажемъ, что онъ, живя въ храмѣ Эскулапа, занимался врачебною практикою весьма успѣшно и, въ короткое время, снискалъ всеобщее уваженіе и репутацію человѣка особенно угоднаго богу покровителю врачей. Въ наше время докторъ, прописывая больному какой нибудь декоктъ или минеральную воду, прямо называетъ ему лекарство; у древнихъ жрецовъ Эскулапа это дѣлалось иначе. Назвавъ траву, изъ которой нужно было выварить декоктъ, жрецъ приказывалъ больному сорвать ее непремѣнно въ такой-то день, въ такой-то часъ и въ томъ-то, а не въ другомъ мѣстѣ; варить при чтеніи

опредѣленнаго числа молитвъ (ими измѣрялось время); пить, взявъ сосудъ—смотря по болѣзни—лѣвою или правою рукою, а потомъ ходить, сдѣлавъ опредѣленное количество шаговъ. Посылая больнаго къ минеральному источнику, ему точно также приказывали соблюсти нѣсколько обрядовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ чисто гигіеническую цѣль. Аполлоній Тіанскій придерживался методы леченія діетой (Hungerkur), которую называлъ «постомъ», а она во всѣхъ желудочныхъ болѣзняхъ несомнѣнно полезна и весьма часто спасительна. Однажды, при огромномъ стеченіи народа въ храмѣ, Аполлоній показалъ присутствующимъ яйцо, въ которомъ, по его словамъ, находился самъ Эскулапъ въ образѣ змѣи и когда разбилъ, изъ яйца дѣйствительно выползъ небольшой ужъ и скрылся въ складкахъ одежды чародѣя. Съ этого времени этотъ ужъ сдѣлался его постояннымъ собесѣдникомъ и когда обвивался вокругъ его шеи, Аполлоній говорилъ, что онъ шепчетъ ему на ухо рецепты. Возвратясь въ Тіану и схоронивъ отца, чудодѣй рѣшился открыть школу, давъ предварительно обѣтъ пятилѣтняго молчанія. Путешествовалъ по Киликіи и по Памфиліи; былъ въ Аминдѣ и утишилъ бунтъ по случаю голода, давъ коноводамъ мятежниковъ прочитать нѣсколько словъ начертанныхъ на дощечкѣ... вѣроятно заключавшихъ въ себѣ извѣстіе о скоромъ привозѣ въ Аминду съѣстныхъ припасовъ. По окончаніи срока даннаго обѣта Аполлоній былъ въ Антіохіи, въ Эфезѣ, знакомясь съ жрецами и собирая учениковъ, число которыхъ, на первый случай ограничилось семью. Когда Аполлоній объявилъ имъ о намѣреніи отправиться въ Вавилонъ и въ Индію, они отказались ему сопутствовать и укоряя ихъ за малодушіе онъ пустился въ путь сопровождаемый двумя рабами и другомъ своимъ Дамисомъ, считавшимъ Аполлонія за божество. Въ богатомъ великолѣпномъ Вавилонѣ философъ даже и взглядомъ не удостоилъ знаменитый дворецъ; за то въ Индіи былъ очень хорошо принятъ тамошнимъ царемъ Фраортомъ, который ввелъ его въ общину гимнософистовъ, посвятившихъ Аполлонія въ свои таинства. У нихъ онъ пробылъ четыре мѣсяца и затѣмъ возвратился въ Вавилонъ; отсюда отправился въ Эфезъ. Прибывъ въ Пергамъ, Аполлоній посѣтилъ гробницу Ахиллеса, провелъ на ней цѣлую ночь, бесѣдуя съ вызван-

вою имъ, тѣнью героя Иліады. Тѣнь явилась въ воинскихъ доспѣхахъ, съ оружіемъ въ рукахъ и, будучи исполинскаго роста, говорила громовымъ голосомъ: она скрылась, сообщивъ Аполлонію разныя новости изъ преисподней. Изъ Пергама чародѣй отправился на Лесбосъ, затѣмъ въ Аѳины, гдѣ его, какъ чародѣя, не очень-то скоро и неохотно посвятили въ таинства. Послѣ того, путешествуя по Греціи, онъ лечилъ, прорицалъ и показывалъ разныя чудеса бѣлой магіи и экспериментальной физики; судя по сказаніямъ онъ обладалъ даромъ духовидѣнія, не хуже Юма, или братьевъ Давенпортъ, подобно имъ счастливо нападая на суевѣровъ или на легковѣрныхъ... Наконецъ Аполлоній явился въ предѣлахъ римской имперіи, не смотря на недавній указъ царствовавшаго тогда Нерона объ изгнаніи колдуновъ. Изъ 34 учениковъ Аполлонія, только восемь человѣкъ послѣдовали за нимъ. Консулъ Телезинъ выхлопоталъ ему разрѣшеніе видѣть храмы, прося при этомъ чародѣя, для его же собственной безопасности, не давать лишней воли языку и не волновать народъ опытами спиритизма. Живя въ Римѣ Аполлоній только лечилъ, во славу Эскулапа, исцѣляя множество больныхъ; но не смотря на громкую репутацію ко двору Нерона приглашенъ не былъ... Пришлось, ради сближенія съ цесаремъ, подняться на хитрости, и въ одно прекрасное утро, по всему Риму разнеслась молва, будто Аполлоній воскресилъ какого-то юношу, чтó подтвердили многіе очевидцы. Знакомый съ употребленіемъ наркотическихъ снадобьевъ Аполлоній легко могъ усыпить какого нибудь сговорчиваго малаго на извѣстный срокъ и произнеся въ моментъ пробужденія свои заклинанія, обморочить присутствующихъ... Дайте склянку хлороформу ловкому пройдохѣ, пошлите его — не говоримъ уже въ деревню, а просто въ какой нибудь захолустный, уѣздный городишко и онъ такихъ чудесъ надѣлаетъ, что прослыветъ за первостатейнаго чернокнижника. За мнимое свое чудо Аполлоній былъ высланъ изъ Рима. Изъ Италіи онъ отправился въ Египетъ и здѣсь подружился съ Веспасіаномъ и его сыновьями. Титъ разгромивъ Іерусалимъ отказался отъ тріумфа и за это Аполлоній писалъ ему: «взамѣну вѣнка тріумфальнаго, прими отъ меня вѣнокъ, сплетенный скромностью и великодушіемъ». Въ кратковременное свое

царствованіе Титъ весьма часто совѣщался съ Аполлоніемъ. При Домиціанѣ, послѣдній былъ заподозрѣнъ въ соучастіи съ заговорщиками, приверженцами Нервы, и хотя оправдался, но былъ удаленъ въ Эфезъ. Здѣсь онъ безпрепятственно проповѣдывалъ ученіе пиѳагорейцевъ, удивляя народъ мнимыми чудесами. Въ день убіенія Домиціана, Аполлоній на эфезской площади говорилъ поученія народу. Внезапно онъ умолкъ — вперивъ глаза въ даль, воскликнулъ: «Мужайся Стефанъ... бей, бей смѣлѣе! Вотъ, тиранъ падаетъ... кончено... онъ умеръ!» Вскорѣ пришла вѣсть о смерти Домиціана, въ тотъ самый день и въ тотъ самый часъ, въ которые Аполлоній произносилъ вышеупомянутыя слова. О собственной его кончинѣ существуютъ многія сказанія. По одному — онъ умеръ въ царствованіе Нервы въ 97 году; по другому—пропалъ безъ вѣсти; по третьему, обладая философскимъ камнемъ и элексиромъ безсмертія жилъ многія вѣки. Иллюминаты XVII и XVIII столѣтій увѣряли, что Аполлоній живъ и будетъ жить до скончанія міра. Основанная имъ секта довольно распространенная, держалась, и имѣла послѣдователей, до временъ неоплатоника Плотина (205—270 г.), потомъ, первоначальныя ея основы исказились и она внѣдрилась въ нѣкоторыя ереси. Храмы въ честь Аполлонія были сооружены въ Тіанѣ, въ Эфезѣ и во многихъ другихъ городахъ Азіи, ему воздавали божескія почести, обожая его подъ именемъ Геркулеса-Алексикака. О поклоненіи ему въ Римѣ мы поговоримъ ниже.

Преемникъ Нервы Траянъ былъ превозглашенъ въ бытность свою въ Германіи, гдѣ охранялъ границы отъ набѣговъ воинственныхъ племенъ Дакіи, надъ которыми будучи уже императоромъ одержалъ многія побѣды, усмирилъ парѳовъ, завоевалъ Месопотамію и вообще прославился какъ полководецъ и завоеватель. Для увѣковѣченія своихъ подвиговъ онъ воздвигалъ многіе памятники, изъ которыхъ знаменитая траянова колонна въ Римѣ и золотыя ворота въ Беневентѣ сохранились донынѣ. Первый винтообразно обведенъ барельефами, изображающими тріумфы Траяна; во вторыхъ сохранилась надпись, которую приводимъ читателю въ подлинникѣ и въ переводѣ, чтобы дать ему понятія о римскихъ монументныхъ надписяхъ: Imp(eratori) Caesar(i) divi Nervae

filio, Nervae Trajano optimo, aug(usto), Germanico, Dacico, pont(ifici) max(imo) (ex) trib(unicià) potest(atae): XIX, imp (eratori): VII, cons(uli): VII, p(atri) p(atriae) Fortissimo principi S. P. Q. R. (Senatus popolus que romanus): Государю императору сыну божественнаго Нервы, Нервѣ Траяну, добрѣйшему, великому, германскому, дакійскому, великому понтифексу, трибуну 19 лѣтъ, императору—7, консулу—7, отцу отечества, повелителю могущественнѣйшему (посвящаютъ) сенатъ и народъ римскій [1]).

Грозный врагамъ, Траянъ былъ истиннымъ благодѣтелемъ своихъ подданныхъ, въ чемъ достойною его сотрудницею была его супруга Плотина. Хотя царствованіе его было омрачено гоненіемъ, подвигнутымъ на христіанъ, однако же императоръ предлагалъ проконсуламъ провинцій щадить ихъ по возможности и кроткими мѣрами убѣждать отступиться отъ религіи, враждебной язычеству. Письма Плинія-младшаго и инструкціи Траяна о христіанахъ Виѳиніи дѣлаютъ въ одинаковой степени честь уму одного и сердцу другаго. Траянъ тѣмъ болѣе заслуживалъ любовь римлянъ, что былъ иноземецъ, уроженецъ Испаніи. Память о немъ донынѣ сохраняется между румынами, потомками даковъ, въ древности заселявшихъ Молдавію и Валахію.

Траянъ скончался въ Селинонтѣ (Малая Азія) шестидесяти девяти лѣтъ въ 118 г. по Р. Х. или въ 871 отъ основанія Рима. Благодаря хитрости Плотины, ему наслѣдовалъ любимый ею племянникъ Траяна, Адріанъ, человѣкъ очень развращенный, злой и завистливый, что не мѣшало ему однако-же быть любимымъ римлянами при жизни, а послѣ смерти удостоиться апоѳеозы. Въ одномъ изъ предыдущихъ томовъ нашей исторіи мы говорили, что многіе тираны древности, какъ будто возрождались въ тиранахъ позднѣйшихъ вѣковъ: въ Филиппѣ II, въ Людовикѣ IX, въ Иванѣ

---

[1]) Памятники временъ Траяна встрѣчаются въ изобиліи въ южной и средней Европѣ, а также и въ другихъ частяхъ древняго свѣта. Ими особенно богаты Сорія и Сеговія въ Испаніи; Эвора въ Португаліи; Римъ, Падуа, Верона, Сиракузы и Агригентъ—въ Италіи; Румелія (въ Турціи), Молдавія, Валлахія и т. д. Въ послѣднихъ областяхъ каждую древнюю развалину относятъ къ временамъ Траяна.

Грозномъ легко было узнать Тиверія; также, между Генрихомъ III французскимъ и Адріаномъ—можно найдти огромное сходство... Совершенная метампсихоза!

Обладая дарованіями хорошаго полководца, Адріанъ былъ сподвижникомъ Траяпа. Отразивъ отъ предѣловъ Каледоніи ихъ тревожившихъ Пиктовъ и Скоттовъ, Адріанъ для безопасности этой области на сѣверѣ ея воздвигъ окопы, остатки которыхъ находятся донынѣ, между берегами залива Сольуэй и устьями рѣки Тайнъ, въ Великобританіи. При восшествіи же своемъ на престолъ, преемникъ Траяна, пренебрегая воинскими подвигами, занялся внутреннимъ государственнымъ благоустройствомъ; покровительствовалъ ученымъ и художникамъ; заботясь о народномъ образованіи образовывался самъ; до страсти любилъ строиться. Его загородный дворецъ въ Тиволи, близъ Рима, съ прекрасными садами и водопадами рѣки Аньо, его гробница—нынѣшняя крѣпость св. Ангела на берегу Тибра будутъ предметами удивленія даже нашихъ правнуковъ. Въ неурожайные годы Адріанъ, для безплатнаго продовольствія народа, открывалъ собственныя свои житницы; во время моровыхъ повѣтрій, самоотверженно, дѣлилъ съ народомъ труды и опасности; воздвигалъ цѣлые города, разрушенные землетрясеніемъ... Такова лицевая сторона двадцатилѣтняго его царствованія; посмотримъ изнанку.

Завистливый и злопамятный, Адріанъ въ 130 году казнилъ талантливаго зодчаго Аполлодора за неосторожное слово. Пресыщенный наслажденіями чувственными, Адріанъ питалъ гнусную, противоестественную страсть, къ двумъ красавчикамъ, сперва къ Антиною, потомъ къ ЭліюВеру. Когда Антиной, 132 году, утонулъ въ Нилѣ, Адріанъ былъ неутѣшенъ: почтивъ память любимца заложеніемъ въ Египтѣ города Антинополя, Адріанъ приказалъ причислить его къ сонму боговъ, т. е. жечь ѳиміамъ, приносить жертвы предъ его бюстомъ и совершать ежегодныя празднества. Придворные льстецы-астрологи нашли новую звѣздочку въ созвѣздіи Ганимеда (очень кстати!) и увѣривъ императора, что это душа покойнаго его любимца, назвали звѣздочку его именемъ. Въ Ланувіумѣ (въ Италіи) основалось цѣлое общество поклонниковъ новаго «бога», назвавшееся общиною Діаны и Антиноя...

За исключеніемъ превращенія въ звѣзду, точно такого же обоготворенія удостоился и Элій-Веръ, послѣ своей смерти. Храмъ въ Римѣ и базилика въ Немаузусѣ (нынѣшній Нимъ) въ честь императрицы Плотины, тоже, произведенной въ «богини» въ одно и тоже время свидѣтельствовали и о признательности Адріана и о его дикихъ понятіяхъ о божествѣ! Этимъ императоромъ было еще построено въ Римѣ нѣсколько храмовъ, съ алтарями, но безъ идоловъ... Злые языки говорили, будто онъ хотѣлъ посвятить ихъ себѣ самому; нѣкоторые же историки утверждаютъ, что эти храмы онъ назначалъ для служенія Іисусу Христу, предъ ученіемъ котораго онъ благоговѣлъ, что̀ весьма сомнительно: грязной душѣ Адріана, въ послѣдніе годы его жизни очерствѣлой до лютости, не могли быть понятны правила ученія христіанскаго! Этому человѣку въ одинаковой степени ненавистны были, какъ послѣдователи Евангелія, такъ и послѣдователи закона Моисеева. Въ 134 году совершилось второе, послѣднее разореніе Іерусалима римлянами, при которомъ погибло, обоего пола, свыше 500.000 человѣкъ. Отстроенный и заселенный въ теченіе 65 лѣтъ, послѣ перваго разрушенія своего Титомъ, на этотъ разъ святой городъ явилъ своими развалинами предрѣченную ему пророками окончательную «мерзость запустѣнія».

Самъ Адріанъ, въ послѣдніе годы жизни, былъ живою развалиною. Снѣдаемый недугомъ, разочарованный, выжившій изъ ума, онъ медленно угасалъ на попеченіи Тита-Антонина, котораго избралъ себѣ въ преемники. Этотъ кроткій, добродѣтельный и уже не молодой сенаторъ римскій, заботился о больномъ съ истинно сыновнею нѣжностью и съ удивительнымъ терпѣніемъ. Когда Адріанъ задумалъ прекратить свои страданія самоубійствомъ, Антонинъ, чтобы чѣмъ нибудь скрасить ему ненавистную жизнь, поднялся на хитрость. Онъ уговорилъ какую-то старуху притвориться слѣпою, придти къ императору и просить, чтобы онъ исцѣлилъ ее, такъ какъ она (будто бы) видѣла сонъ, въ которомъ невѣдомый голосъ говорилъ ей, что императоръ выздоровѣетъ непремѣнно; она усомнилась и за это наказана слѣпотою, отъ которой никто кромѣ императора исцѣлить ее не можетъ. Въ подтвержденіе истинны своихъ словъ, старуха спросила воды, вымыла

ею глаза въ присутствіи Адріана—и прозрѣла!.. Больной, такъ чудесно обманутый, вооружился терпѣніемъ, въ твердой надеждѣ на скорое выздоровленіе; съ этою надеждою и умеръ 72 лѣтъ отъ роду (138 годъ, 881 отъ основ. Рима).

Обрядъ его апоѳеозы состоялъ въ томъ, что на трехэтажномъ кострѣ сожгли его восковую куклу и въ ту минуту, когда огонь добирался до верхняго этажа, съ него поднялся орелъ и исчезъ въ синевѣ небесной. Тысячамъ зрителей объявили, что душа императора, въ видѣ орла, вознеслась на небо, въ чемъ, разумѣется, никто не смѣлъ сомнѣваться. Настоящій же трупъ Адріана былъ погребенъ, какъ мы уже говорили, въ громадной башнѣ, нынѣшней цитадели св. Ангела (Sant Angelo).

Антонинъ, уроженецъ Галліи, принадлежалъ къ знатной и старинной патриціанской фамиліи Піевъ, почему и прозывался Піемъ; это имя въ смыслѣ прилагательномъ (pius) значило «благочестивый» и тѣмъ болѣе приличествовало Антонину. Миролюбіемъ, кротостью, набожностью, этотъ цесарь былъ совершеннымъ подобіемъ царя Нумы-Помпилія. Возвратилъ сенату его прежнее значеніе; издалъ многіе благодѣтельные указы и, между прочими, одинъ, воспрещавшій преслѣдовать христіанъ, если только вся вина ихъ въ томъ, что они исповѣдуютъ Евангеліе; заботился о счастіи народа и народъ, дѣйствительно, былъ счастливъ; наконецъ, Антонинъ украсилъ Римъ и города многихъ областей великолѣпными зданіями и памятниками. Изъ нихъ особенно замѣчательны арены (цирки) и Гардскій мостъ близъ Рима. Онъ умеръ 73 лѣтъ (въ 161 г.) оплаканный своими подданными, причисленный къ богамъ, оставивъ по себѣ благословенную память, для увѣковѣченія которой его преемники замѣнили прежнее прозвище «цезарей» именемъ Антонина. По желанію Андріана, Антонинъ, восходя на престолъ усыновилъ сына Элія Вера, Луція, и родственника своего Марка-Аврелія; они же были и его преемниками. Луцій Веръ былъ олицетвореніемъ всѣхъ пороковъ; Маркъ Аврелій — всѣхъ добродѣтелей; а между тѣмъ они явили на престолѣ рѣдкій примѣръ согласія, выражавшагося, главнымъ образомъ, тѣмъ, что одинъ не мѣшалъ другому... Даже супругѣ своей, Фаустинѣ, кроткій Маркъ-Аврелій предоставилъ совер-

шенную свободу, а она точно на столько-же была распутна, на сколько онъ, благоразумный стоикъ, былъ нравственъ и воздерженъ. Ученіе стоиковъ, въ царствованіе Домиціана, занесено было въ Римъ Эпиктетомъ и нашло многихъ послѣдователей. Біографія Эпиктета довольно любопытна, но мы, избѣгая отступленій, приведемъ изъ нея одинъ только эпизодъ. Эпиктетъ былъ рабомъ грубаго, скотообразнаго вольноотпущенника. Однажды, ради забавы, этотъ господинъ, призвавъ къ себѣ Эпиктета, вздумалъ схватить его за ногу и сталъ крутить ее во всѣ стороны. Преодолѣвая боль, бѣдный рабъ молчалъ, сказавъ своему мучителю только четыре слова: «ты мнѣ сломаешь ногу!» Дѣйствительно подъ сильною рукою разжирѣвшаго холопа, кость хрустнула и Эпиктетъ былъ искалѣченъ. «Я говорилъ, что ты мнѣ ее сломишь?» повторилъ онъ, лишаясь чувствъ. Одинъ изъ злѣйшихъ враговъ христіанскаго ученія, диспутируя съ послѣдователемъ Евангелія, дерзко спросилъ его: «основатель вашей вѣры, говорилъ-ли когда нибудь что либо подобное?» — «Ничего подобнаго не говорилъ», отвѣчалъ христіанинъ—«но Онъ молился о прощеніи своихъ мучителей!» Такъ сравниваемый съ христіанствомъ стоицизмъ оказался несостоятельнымъ. Безропотное перенесеніе страданій, которымъ хвалились стоики, было основано на суетномъ тщеславіи; сила воли стоиковъ затрачивалась непроизводительно; ихъ доктрина не говорила имъ, что страданіе — путь ко спасенію и ни одинъ изъ ея проповѣдниковъ не выразилъ святой высокой идеи—любить ближняго какъ самаго себя, самую-же любовь измѣрять самопожертвованіемъ, полагая душу за друзей своихъ. Если бы Маркъ-Аврелій, при высокихъ качествахъ души, былъ просвѣщенъ свѣтомъ ученія Христова, онъ былъ бы истиннымъ благодѣтелемъ всего свѣта; но, исповѣдникъ язычества, онъ былъ добрымъ геніемъ для своихъ только единовѣрцевъ и врагомъ христіанъ. Голодъ, моровыя язвы, наводненія, пожары, нашествіе варваровъ тревожили обширныя области его имперіи: Маркъ-Аврелій не щадилъ ни своихъ трудовъ, ни казны, чтобы отстранять эти бѣдствія, заглаживать самые ихъ слѣды. Почти всю свою жизнь онъ провелъ въ войнахъ съ пареами, квадами, маркоманами и прославилъ оружіе римское ратными подвигами на бере-

гахъ Дуная. Проливалъ кровь враговъ; но жалѣя своихъ подданныхъ запретилъ кровавыя побоища въ циркахъ — и въ то же время издавалъ указы о преслѣдованіи христіанъ, а уличенныхъ въ распространеніи Евангелія казнилъ безъ милосердія. Марка-Аврелія оправдываютъ тѣмъ, будто онъ въ подобныхъ случаяхъ слѣдовалъ внушеніямъ сената, жрецовъ и философовъ; но можетъ ли это служить ему оправданіемъ? Съ другой стороны, если бы онъ щадилъ христіанъ и сочувствовалъ имъ, то нѣтъ сомнѣнія, палъ бы жертвою ярости народной, разожженной жрецами-фанатиками. Въ угоду язычникамъ Маркъ-Аврелій почтилъ апоѳеозою Луція Вера и супругу свою Фаустину. При всемъ своемъ умѣ, какъ истый язычникъ суевѣрный, онъ совѣщался съ астрологами, вѣрилъ въ сны, въ примѣты. Кромѣ астролога, египтянина Арнуфія, при дворѣ Марка Аврелія находились волхвы и чародѣи. Между многими способами гаданья, особеннымъ довѣріемъ императора пользовалась библіомансія (гаданіе книгою). Для этого брали обыкновенно «Энеиду» Виргилія, и, открывъ на удачу, читали попавшіяся на глаза строки. Такъ изрекалъ свои прорицанія и оракулъ Фортуны Пренесты....

Маркъ-Аврелій скончался послѣ девятнадцати-лѣтняго царствованія въ 180 году, завѣщая престолъ сыну своему, Коммоду— звѣрю той же самой породы, къ которой принадлежали Калигула, Неронъ, Домиціанъ и проч. Четырнадцатилѣтнее его царствованіе (180—194 гг.), рядъ гнусностей, злодѣйствъ и сумасбродствъ, самыхъ возмутительныхъ. Мы не будемъ распространяться о нихъ, потому что описаніе подвиговъ Коммодовъ и имъ подобныхъ животныхъ, къ какому вѣку и къ какой націи они не принадлежали-бы, такой же непріятный трудъ какъ раскопка какой нибудь клоаки или помойной ямы. Мы разсмотримъ это чудовище только съ точки зрѣнія религіозныхъ его убѣжденій. Во первыхъ, онъ возобновилъ давно оставленныя, человѣческія жертвоприношенія; при немъ алтари Беллоны, Изиды, Миѳры (въ подземельяхъ Капитолія) и Геркулеса обагрялись кровью людей, которыхъ онъ нерѣдко зарѣзывалъ собственноручно, или можжилъ имъ головы палицей, воображая себя Геркулесомъ. Неронъ былъ убѣжденъ, что онъ отличный актеръ музыкантъ, а Коммодъ почиталъ себя

первымъ въ имперіи непобѣдимымъ гладіаторомъ. Въ доказательство тому онъ сражался въ циркахъ, причемъ его противнику давался мечь со свинцовымъ лезвіемъ а Коммодъ былъ вооруженъ мечемъ настоящимъ, превосходно отточеннымъ. При подобномъ неравенствѣ оружій онъ, разумѣется, зарѣзывалъ своихъ противниковъ на вѣрняка! Наконецъ Коммодъ насытился и, подобно сытому удаву, погрузился въ дремоту, въ объятьяхъ Марціи. Эта женщина съумѣла подчинить своему вліянію этого изверга; онъ слушался ея совѣтовъ и на нѣкоторое время казни затихали; даже христіане вздохнули свободнѣе; но эта тишина была не продолжительна и Коммодъ снова сдѣлался Коммодомъ. Желая вознаградить себя за воздержаніе отъ звѣрскихъ неистовствъ, злодѣй выразилъ Марціи намѣреніе перерѣзать всѣхъ сенаторовъ и замѣнивъ императорскую багряницу, одеждою—или, правильнѣе наготою гладіатора царствовать самодержавно. На этотъ разъ мольбы и слезы Марціи не смягчили изверга, а въ длинныхъ спискахъ приговоренныхъ къ смерти она нашла даже свое имя. Сообщивъ о намѣреніяхъ Коммода одному изъ вельможъ, Электу и префекту преторіанцевъ Лету, Марція составила съ ними заговоръ, имѣвшій цѣлію избавленіе имперіи отъ кровопійцы путемъ убійства. Долго не откладывая, Марція опоила Коммода отравленнымъ виномъ; но видя, что ядъ дѣйствуетъ слишкомъ медленно, она ввела въ столовую атлета Нарцисса, который, схвативъ Коммода за горло, удавилъ его. Трупъ вынесли ночью изъ дворца и мѣсяца черезъ два удостоили погребенія въ гробницѣ Андріана, въ которой покоились Антонинъ и Маркъ-Аврелій.

Кромѣ преторіанцевъ и воиновъ объ убитомъ Коммодѣ никто не жалѣлъ; народъ и сенаторы ликовали, Летъ и Эклектъ принудили престарѣлаго префекта Пертинакса принять императорскій вѣнецъ. Преторіанцамъ этотъ выборъ не понравился; они умертвили его, послѣ восьмидесяти шести-дневнаго царствованія и объявили, что престолъ продается съ публичнаго торга!! Буйная казарменная сволочь располагала судьбами имперіи и далѣе этого, кажется, не могло идти ея униженіе. На торги явились два охотника: Помпеянъ, родственникъ Пертинакса и Дидій-Юліанъ, сенаторъ. Первый обязывался уплатить

преторіанцамъ по восшествіи на престолъ; второй, увеличивъ сумму, предложилъ вручить ее наличными и немедленно... Разумѣется его и превозгласили императоромъ!

Пользуясь своими правами, Дидій-Юліанъ казнилъ убійцъ Коммода: Лета и Марцію; Эклектъ, избѣгая казни, убился. Затѣмъ покупщикъ престола занялся приведеніемъ въ порядокъ государственныхъ дѣлъ, обративъ, между прочимъ, вниманіе и на религіозные обряды. Благоговѣя предъ волхвами и чародѣями онъ возвысилъ ихъ въ ущербъ жрецамъ, а признавая могущество однихъ только боговъ преисподней, ихъ особенно чествовалъ празднествами и таинственными церемоніями. Заклинанія замѣняли, Дидію-Юліану, молитвы; вмѣсто благовонныхъ частей онъ жегъ на алтаряхъ одуряющія травы, сквозь клубы дыму отъ которыхъ надѣялся прозрѣть будущее. Особенно вѣрилъ въ гаданіе зеркаломъ (катоптромансія). Гаданіе это состояло въ томъ, что передъ зеркаломъ сажали ребенка и заставляли его не спускать глазъ съ блестящей поверхности: утомленному взору представлялись въ туманной перспективѣ разныя видѣнія, о которыхъ онъ говорилъ присутствовавшимъ. Однажды, по сказаніямъ историковъ, ребенокъ при подобномъ опытѣ увидѣлъ въ зеркалѣ толпу воиновъ, предводимыхъ вождемъ иллирійской арміи, Септиміемъ Северомъ и это предзнаменованіе близкаго сверженія Дидія Юліана вскорѣ оправдалось.

Съ трехъ сторонъ угрожала опасность этому арендатору имперіи: Нигеръ вождь легіоновъ, расположенныхъ въ Сиріи, Альбинъ, вождь легіоновъ британскихъ и Септимій Северъ — иллирійскихъ, стремились къ Риму, а съ нимъ и къ вѣнцу императорскому. Септимій опередилъ своихъ соперниковъ; Дидій Юліанъ былъ убитъ; иллирійскіе легіоны истребили дружины преторіанцевъ, этихъ римскихъ янычаровъ, которыхъ Септимій замѣнилъ болѣе надежными и вѣрными тѣлохранителями. Воздавъ памяти Пертинакса божескія почести, Септимій сразился съ Нигеромъ, провозглашеннымъ императоромъ въ Византіи. Рѣшительная битва между соперниками произошла при Иссѣ: Нигеръ былъ убитъ; жители Византіи перерѣзаны, самый ихъ городъ былъ разграбленъ и превращенъ въ простое поселеніе. Избавясь отъ Нигера, Септимій

разбилъ Альбина въ Галліи близъ Лугдунума (Ліона) и взявъ его въ плѣнъ казнилъ, а отрубленную его голову прислалъ въ сенатъ римскій. Этой же участи подверглись въ числѣ 29 человѣкъ сенаторы, его приверженцы. Обагривъ такимъ образомъ ступени престола кровью жертвъ своего честолюбія, Септимій взошелъ на него, въ угоду войскамъ признавъ Коммода «богомъ». Послѣднею жертвою новаго императора былъ атлетъ Нарциссъ, отданный на растерзаніе звѣрямъ на аренѣ Колизея... Такъ началъ Септимій Северъ свое царствованіе (194—212 г.). Походы въ Британію и сооруженіе новой пограничной стѣны, для охраненія тамошнихъ владѣній римскихъ, отъ набѣговъ каледонійцевъ, были важнѣйшими дѣяніями этого императора.

Въ одинаковой степени честолюбивый и суевѣрный, Септимій женился на Юліи, дочери патриція, единственно потому, что колдуны предсказали ей будто мужемъ ея будетъ обладатель имперіи римской. Отъ этого брака, въ которомъ сама судьба играла роль свахи, у императора было два сына: Маркъ-Аврелій-Антонинъ, прозванный Каракаллою и Гета; Каинъ и Авель. Каракалла, ненавистникъ отца, въ послѣдніе годы его царствованія, составлялъ непрерывные заговоры къ его сверженію; наконецъ отважился на отцеубійство. Преступное его покушеніе не удалось, но нравственно онъ убилъ отца, вскорѣ послѣ этого сошедшаго въ могилу... На смертномъ одрѣ, Септимій убѣдился въ суетности земныхъ почестей и взявъ въ руки урну, предназначенную для сохраненія его пепла, отчаянно произнесъ: «какъ ты мала!... А между тѣмъ скоро въ тебѣ умѣстится тотъ, кому и весь міръ былъ тѣсенъ!»

Каракалла царствовалъ только шесть лѣтъ (212—218 г.), но этого было слишкомъ много, такъ какъ каждый день его царствованія былъ ознаменованъ всякими злодѣйствами. Уступивъ брату Азію и Египетъ, Каракалла оставилъ себѣ европейскія области. При немъ Римъ былъ превращенъ въ бойню и въ лупанаръ. Императрица Юлія, заботясь о цѣлости имперіи, попыталась объединить ее примиривъ братьевъ, но вмѣсто этого накликала гибель на голову Геты, который, по повелѣнію Каракаллы былъ зарѣзанъ въ объятьяхъ матери. За его убіеніемъ слѣдовали казни

и страшная рѣзня въ Александріи, ради потѣхи Каракаллы, который сравнивалъ себя съ Александромъ Македонскимъ! Это сравненіе было далеко не такъ дико и смѣшно, каковымъ оно, съ перваго взгляда, намъ кажется. Каракалла покушался на отцеубійство, а герой Македоніи и его родительница были не чужды убіенію Филиппа; Каракалла убилъ Гету, Александръ — Каллисѳена; римскій императоръ залилъ кровію Римъ и Александрію, а царь македонскій — сжегъ дворецъ Персеполиса, кромѣ Тира и Сидона разрушилъ десятки городовъ и выцѣдилъ кровь не изъ одной сотни тысячъ людей... Оба кровопійцы и изверги; только Александръ Македонскій, упивался кровью какъ напиткомъ безсмертія; онъ отнялъ жизнь у милліона людей, чтобы жить въ потомствѣ; а тупоумный Каракалла пилъ кровь, единственно ради забавы и, хоть для проклятій потомства, но все-таки занялъ страничку въ исторіи... Онъ былъ зарѣзанъ преторіанцемъ Марціаломъ, возведшимъ на престолъ своего префекта Макрина. Этотъ казарменный императоръ продержался не долго и, въ свою очередь, палъ съ окровавленнаго престола, убитый преторіанцами.

Для исторіи религіи царствованіе Каракаллы замѣчательно, во первыхъ тѣмъ, что онъ питалъ особенное уваженіе къ божествамъ египетскимъ: Изидѣ, Серапису и Пооху (лунѣ), во вторыхъ, что онъ призналъ за бога Аполлонія Тіанскаго и многіе римскіе храмы украсилъ его бюстами и портретами.

Жалкую картину представляла громадная римская имперія! Смрадно разлагалась она и, съ этого времени, каждый новый ея повелитель напоминалъ червя, копошащагося на трупѣ. Было время, на престолѣ возсѣдали кровные римляне; за ними слѣдовали иноземцы: Траянъ, Адріанъ были уроженцы Испаніи, Антонинъ — Галліи; иноземцевъ смѣнили императоры-преторіанцы, изъ казармъ попадавшіе на престолъ, товарищи которыхъ избирали ихъ какъ вахмистровъ или фельдфебелей... Дошло, наконецъ, до продажи короны императорской съ публичнаго торга; но и этимъ позоръ имперіи не ограничился: были на престолѣ солдаты, были на немъ чудовища и звѣри; но вотъ, послѣ убіенія Макрина, на немъ появился цѣлый гаремъ женщинъ подъ предводительствомъ

гермафродита и идіота — Геліогабала вывезеннаго изъ Азіи своею маменькою Соэмидою и бабушкою Мезою.

Этотъ уродъ, которому настоящее мѣсто съ минуты рожденія было бы въ банкѣ со спиртомъ, назывался первоначально Вассіаномъ и съ отроческихъ лѣтъ былъ посвященъ въ жрецы эмезскаго храма Эласа-ваала или Геліо-ваала, т. е. господа-солнца, или царя небеснаго. Въ этомъ храмѣ поклонялись и приносили жертвы аэролиту (веѳилю) [1]. Вассіанъ, двоюродный братъ Каракаллы, былъ очень похожъ на него лицемъ и нравомъ. Войска, избалованныя тираномъ, не переставали жалѣть о немъ и эта жалость дала Соэмидѣ и Мезѣ несчастную мысль возвести Вассіана на римскій престолъ. Щедрыми подкупами и всякими распутствами имъ удалось привлечь на свою сторону начальниковъ легіоновъ, которые одинъ за другимъ отложились отъ Макрина, находившагося тогда въ Азіи и подняли наконецъ знамя мятежа, въ которомъ онъ погибъ. Провозглашенный императоромъ сирійскими легіонами, Вассіанъ, принявшій имя Элаг-ваала или Геліогабала, увѣдомилъ римскій сенатъ о своемъ избраніи, вмѣстѣ съ посланіемъ отправилъ въ Римъ и свой портретъ въ одѣяніи верховнаго жреца храма солнца. При этомъ онъ самъ, и маменька и бабушка питали скромное желаніе, что Геліогабалъ будетъ немедленно провозглашенъ «богомъ», подобно ѳеократамъ Индіи и Тибета. Сенатъ призналъ Геліогабала императоромъ, такъ какъ его окружалъ частоколъ изъ нѣсколькихъ сотъ тысячъ пикъ и мечей римскихъ легіоновъ... Аргументъ внушительный! Сопровождаемый Соэмидою, Мезою и огромной свитою мужчинъ и женщинъ, Геліогабалъ прибылъ въ Римъ (218 г.) и вступилъ во всемірную столицу съ церемоніаломъ, ослѣпившимъ народъ своею истинно азіатскою роскошью... Черная смерть, чума, или холера, могли только, въ физическомъ отношеніи принести Риму тотъ вредъ, который, въ отношеніи нравственномъ принесло ему появленіе Геліогабала.

---

[1]) О значеніи слова ваалъ въ царствахъ древней Азіи мы говорили въ исторіи сабизма: Томъ IV гл. IV, V, XI, XIV, XX.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Геліогабалъ. — Попытка объединенія языческихъ вѣрованій. — Идолъ Элагабаала. — Человѣческія жертвоприношенія. — Новыя одѣянія. — Древнія одежды римлянъ. — Женскій сенатъ. — Замужство Геліогабала. — Сумасбродства. — Предсказаніе волхва и Фортуны-Пренесты. — Смерть Геліогабала. — Александръ Северъ. — Уваженіе къ закону христіанскому. — Максиминъ. — Своеволіе преторіанцевъ. — Смѣны императоровъ. — Плотинъ и неоплатоники. — Рогатіанъ. — Эдизій. — Оденатъ. — Царица Зиновія. — Лонгинъ. — Побѣды Авреліана. — Разрушеніе Пальмиры. — Тѣнь Аполлонія Тіанскаго. — Тріумфъ. — Тацитъ. — Провъ. — Каръ, Каринъ и Нумеріанъ. — Аперъ. — Пророчество друидиссы о кабанѣ. — Діоклитіанъ. — Гоненіе христіанъ и мученики. — Августы и цесари. — Констанцій Хлоръ. — Шесть императоровъ. — Междоусобія. — Константинъ и Максенцій.

Вассіану, Геліогабалу или Элагабаалу, при его воцареніи было только четырнадцать лѣтъ. Мать и бабка, предоставивъ ему совершенную свободу предаваться всякимъ распутствамъ и сумасбродствамъ, его именемъ правили имперіею. На первый случай, онѣ вздумали произвести религіозную реформу; слить во едино всѣ вѣрованія подданныхъ римской имперіи, сосредоточивъ ихъ въ храмѣ солнца, котораго верховнымъ жрецомъ долженъ былъ быть императоръ. Единство религіи, безспорно, надежный залогъ могущества каждаго государства, если только это единство не хаотическая смѣсь самыхъ противурѣчивыхъ догматовъ. Въ III вѣкѣ по Р. X., какъ мы уже говорили, въ Римѣ находились исповѣдники всѣхъ религій древняго міра. Кромѣ язычниковъ были тутъ іудеи, послѣдователи закона Моисеева и разныхъ сектъ; были и христіане, какъ апостольской церкви, такъ и еретики. Меза и Соэмида, подъ кровлею одного храма, рѣшились собрать язычниковъ, іудеевъ и христіанъ. Храмъ этотъ воздвигли на горѣ Палатинѣ, и въ него были перенесены главнѣйшіе идолы всѣхъ прочихъ хра-

мовъ. Главнымъ божествомъ, которому объявлены были подвластными всѣ прочія, имѣлъ быть Элагаваалъ, т. е. аэролитъ храма эмезскаго. Эту драгоцѣнность перевезли изъ Азіи въ Римъ и съ торжествомъ доставили въ храмъ палатинскій на колесницѣ, запряженной шестью бѣлыми конями, управляемыми Вассіаномъ. Шествіе медленно двигалось по дорогѣ, усыпанной золотымъ пескомъ, цвѣтами, ладаномъ. Принеся жертву Элагаваалу, императоръ объявилъ, что отнынѣ, поклоняясь ему одному, онъ будетъ носить и его имя; что поклоняющіеся лично ему воздаютъ поклоненіе самому солнцу, и на оборотъ... Жертвоприношенія новому богу не ограничивались елеемъ, хлѣбомъ, виномъ, или животными: императоръ присоединилъ къ нимъ и людей. Онъ собственноручно зарѣзывалъ дѣтей на алтарѣ Элагаваала и гадалъ по ихъ внутренностямъ. Во дни служенія чудовищному божеству по скатамъ горы Палатинской, на которой находился его храмъ, струились ручьи крови, елея и вина; цѣлыя тучи дыму, отъ сожигаемыхъ благовоній и жертвенныхъ туковъ, носились въ воздухѣ. Черезъ нѣсколько времени императоръ вывезъ изъ Карѳаина кумиръ Астарты и праздновалъ ея бракосочетаніе съ Элагавааломъ! Вмѣстѣ съ обрядами восточнаго язычества онъ ввелъ въ Римѣ моды и обычаи Сиріи: одежду цесарей замѣнилъ облаченіемъ жрецовъ, изъ шелковыхъ тканей вышитыхъ золотомъ; голову покрывалъ тіарою, шею обвѣшивалъ ожерельями, руки унизывалъ браслетами и въ видѣ набѣленнаго и нарумяненнаго чучела являлся народу. Въ угоду Элагаваалу начали и римляне наряжаться въ восточные костюмы, тогда какъ по древнимъ узаконеніямъ и уставамъ, каждому сословію и возрасту опредѣленъ былъ особый нарядъ изъ тканей шерстяныхъ или льняныхъ. Въ семьнадцать лѣтъ гражданинъ римскій имѣлъ право облачаться въ тогу; воины носили особаго покроя плащъ (палліумъ); консулы и сенаторы носили претексты и латиклавы, окрашенные пурпуромъ; граждане, стоявшіе на очереди къ замѣщенію государственныхъ должностей одѣвались въ бѣлое и потому именовались бѣльцами (кандидатами, отъ слова candidus: бѣлый). При Элагаваалѣ въ одеждахъ, въ нравахъ и обычаяхъ произошелъ хаотическій сумбуръ и Римъ сталъ похожъ на какую-то персидскую сатрапію.

Меза и Соэмида, бабка и мать императора, предсѣдательствовали въ сенатѣ и кромѣ этого были первоприсутствующими лицами въ сенатѣ женскомъ, нарочно для нихъ учрежденномъ. Здѣсь обсуждались вопросы о нарядахъ и разныхъ туалетныхъ таинствахъ... Въ лицахъ Мезы и Соэмиды для несчастнаго Рима воскресли двѣ Іезавели, двѣ блудницы, въ грязныхъ своихъ рукахъ державшія участь великой имперіи! Элагаваалъ, имѣвшій сначала четырехъ женъ, окончилъ тѣмъ, что самъ облачился въ женское платье и вышелъ за мужъ за какого-то сенатора.... Государственной казны этотъ презрѣнный гермафродитъ не щадилъ: онъ безумно расточалъ ее, точно черпалъ изъ баснословнаго Пактола; пиры, праздники, игры, забавы поглощали безвозвратно громадныя суммы! Однажды, съ похмѣлья, Элагаваалъ почувствовалъ припадокъ меланхоліи и задумался о самоубійствѣ; затрудняясь выборомъ рода смерти и не зная, что лучше: заколоться, или разбить голову объ мостовую, онъ велѣлъ приготовить нѣсколько кинжаловъ съ золотыми лезвіями, а мостовую подъ окнами дворца вымостить драгоцѣнными камнями... Дня два, или три, идіота тѣшила эта мысль; потомъ онъ передумалъ. Судьба готовила ему конецъ достойный—и мѣсто его убіенія, какъ увидимъ, было самое приличное!

У Мезы, кромѣ Соэмиды, была еще дочь—Маммеа, а у этой дочери былъ сынъ—Александръ, мальчикъ съ отличными способностями и съ прекраснымъ сердцемъ. Нѣжно любящая его мать вопрошала волхва о его будущности и получила въ отвѣтъ, что «онъ будетъ обладателемъ неба, земли и морей». Этого Александра, Меза избрала въ преемники Элагаваалу, убѣдивъ милѣйшаго своего внука усыновить двоюроднаго брата; тотъ сперва согласился, но потомъ, опасаясь, чтобы Александръ его не свергъ, сталъ всячески притѣснять Маммею и ея сына. Послѣдній, страшась ярости сумасброда, прибѣгнулъ къ оракулу Фортуны-Пренесты, который отвѣтилъ ему стихомъ изъ VI книги Энеиды:

Если возможешь одолѣть враждебную судьбу.
Ты Марцелломъ будешь! [1])

[1]) Si qua fata aspera rumpas
Tu Marcellus eris!..

Эта «враждебная судьба» явилась Александру въ видѣ жаркой бани (терма), въ которой Элагаваалъ велѣлъ-было его задушить, но онъ счастливо избѣжалъ почти неминуемой смерти. Вѣсть объ этомъ злодѣйствѣ возмутила преторіанцевъ: Соэмида была убита, а Элагаваалъ, спрятавшійся въ ретирадникѣ, былъ здѣсь умерщвленъ и тѣло его истерзанное въ клочья бросили въ Тибръ, предавъ имя Элагаваала вѣчному безславію. Александръ былъ провозглашенъ императоромъ (222 г.), подъ опекою матери своей Маммеи и бабки, Мезы. При восшествіи на престолъ онъ принялъ прозвища Севера и Марка-Аврелія.

Царствованіе его достопамятно во многихъ отношеніяхъ. Онъ отмѣнилъ служеніе Элагаваалу и Астартѣ, отославъ ихъ кумировъ въ Эмезу и Карѳагенъ; не только запретилъ преслѣдовать христіанъ, не только благоволилъ имъ, но даже въ дворцовой своей молельнѣ (ларарiумъ) помѣстилъ изображеніе Іисуса Христа, которому поклонялась императрица Маммея. Въ послѣдніе годы царствованія своего Александръ имѣлъ намѣреніе ввести христіанство въ римской имперіи, но жрецы тому воспротивились, а супруга его Юлія особенно чтила Аполлонія Тіанскаго... Она восхищалась его афоризмами, Александръ, въ свою очередь, повторялъ правило христіанское и слѣдовалъ ему: «не дѣлай другому того, чего не желаешь самому себѣ!» Кротость и милосердіе были отличительными чертами его царствованія; простота въ образѣ жизни, презрѣніе къ роскоши и щедрость при награжденіи заслугъ снискали Александру всеобщія похвалы и уваженіе. За блистательныя побѣды, одержанныя надъ персами въ Мессопотаміи, императоръ, по возвращеніи въ Римъ, былъ удостоенъ тріумфа. При всемъ томъ, буйные преторіанцы не любили Александра: они обижались на то, что онъ не награждаетъ ихъ достаточно, будучи обязанъ имъ престоломъ; водворяетъ дисциплину, запрещаетъ грабежи и безчинства... Вліяніе Маммеи на сына, хотя и благотворное, было также положено на вѣсы и дерзкая солдатчина, смотря на нее съ негодованіемъ, считала за позоръ повиноваться ей.

Въ рядахъ легіоновъ расположенныхъ на Рейнѣ находился тогда Максиминъ, уроженецъ Ѳракіи, изъ пастуховъ попавшій въ воины. Это былъ великанъ, силачь и обжора; лютый, какъ мед-

вѣдь и глупый невообразимо... Лучшаго предводителя мятежникамъ не было и нужно! Александръ Северъ прибылъ на берега Рейна для смотра тамошнихъ легіоновъ. Внезапно вспыхнулъ бунтъ, въ которомъ погибли подъ мечами злодѣевъ Маммея и сынъ ея (235 г.), которому было только 26 лѣтъ... Императоромъ своимъ цареубійцы провозгласили Максимина, но съ этого времени имперію можно было бы, и правильнѣе было бы, назвать республикою, такъ какъ въ теченіе тридцати пяти лѣтъ у каждаго легіона являлся свой императоръ—бывшій батальонный или ротный командиръ. Вѣсть о его избраніи не успѣвала достигнуть въ отдаленныя области, какъ воины уже срывали съ него императорскій вѣнецъ, вмѣстѣ съ головою, и повергая ее къ ногамъ новаго властителя возлагали окровавленный знакъ царскаго достоинства на его голову... Черезъ нѣсколько дней его постигала участь предшественниковъ. Такъ на престолѣ римскомъ промелькнули: Максиминъ, три Гордіана, Максимъ и Бальбинъ, арабъ Филиппъ, Децій, Гостиліанъ, Галлусъ, Эмиліанъ, Валеріанъ, Галліанъ, Оденатъ, Клавдій II и Авреліанъ. Эта неурядица продолжалась съ 235 по 270 годъ! Само собою разумѣется, что иноземныя провинціи отложились отъ имперіи, а разныя племена варваровъ: готѳы, аллеманы, франки, сарматы и персы начали тревожить своими вторженіями ея области, въ Европѣ и въ Азіи.

При Филиппѣ имперія праздновала свое тысячелѣтіе (247 г.). Валеріанъ велъ несчастную войну съ Сапоромъ I, царемъ персидскимъ, окончившуюся плѣненіемъ императора. Послѣ страшныхъ униженій и наругательствъ, измыслить которыя могъ только варваръ подобный Сапору (см. Томъ III Персія Гл. IX стр. 79—80) съ Валеріана была содрана кожа, изъ которой персіяне выдѣлали чучело. При Галліанѣ въ Римѣ явился основатель школы неоплатониковъ—Плотинъ и проповѣдуя свое ученіе пріобрѣлъ громкую репутацію мудреца и преобразователя нравовъ. Язычники съ гордостью указывали на него христіанамъ, превознося его доктрину въ ущербъ Евангелію и не принимая въ соображеніе того, что все хорошее въ неоплатонизмѣ было заимствовано у христіанства. Плотинъ просилъ у императора Галліана разрѣшенія осно-

вать въ Римѣ общину, однако же Галліанъ не изъявилъ на то согласія, изъ опасенія, чтобы эта община не сдѣлалась разсадникомъ идей республиканскихъ, опасныхъ правительству монархическому. Ревностнѣйшимъ послѣдователемъ неоплатонизма явился патрицій Рогатіанъ, раздавшій все свое имѣніе бѣднымъ и обрекшій себя на добровольное скитальчество. Кромѣ неоплатониковъ, тогда же возникла въ Римѣ секта послѣдователей Эдизія ученика Ямвлиха, пытавшагося воскресить въ умахъ прежнее уваженіе къ богамъ языческимъ. Обуянные какимъ-то духомъ уединенія, принимая за образецъ христіанскихъ отшельниковъ, многіе жители Рима, провинцій Африки и Азіи удалялись въ пустыни, чтобы проводить дни въ благоговѣйномъ созерцаніи и въ занятіяхъ естественными науками. При всемъ отчужденіи отъ суеты мірской, каждый пустынникъ утѣшался мыслію прослыть въ народѣ человѣкомъ особенно угоднымъ небу и привлечь къ себѣ толпы слушателей и учениковъ.

Оденатъ царь Пальмиры сирійской, соправитель Галліана, одержалъ блистательныя побѣды надъ персіянами и оттѣснилъ ихъ за Эвфратъ. Убитый однимъ изъ своихъ вельможъ онъ завѣщалъ престолъ своей супругѣ, знаменитой Зиновіи, которая объявила свое царство независимымъ отъ Рима и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самовольно объявила себя императрицею востока. Женщина ума необыкновеннаго, Зиновія сочетала въ своемъ лицѣ дарованія мудраго правителя и храбраго полководца. Завоевала Египетъ, заключила союзъ съ персидскимъ царемъ Сапоромъ II и угрожала самому Риму. Преемникъ Клавдія II — Авреліанъ, усмиривъ дикарей Германіи и прибережьевъ Дуная, рѣшился положить предѣлъ честолюбію Зиновіи. Съ многочисленными войсками онъ вступилъ въ Сирію и приближаясь къ областямъ Пальмиры, дерзкимъ посланіемъ потребовалъ отъ царицы покорности и выдачи ему всѣхъ ея сокровищъ. Бывшій наставникъ и секретарь Зиновіи, Лонгинъ, отъ ея имени и по желанію героини, отвѣчалъ Авреліану отказомъ и выраженіемъ готовности защищать неприкосновенность своихъ правъ оружіемъ, до послѣдней крайности. Послѣ первыхъ, неудачныхъ попытокъ римлянъ овладѣть Пальмирою она была взята голодомъ; Зиновія по-

пыталась бѣжать, но захваченная въ плѣнъ была приведена къ Авреліану. Великодушно прощая ей подвиги, которые назвалъ «мятежемъ», императоръ римскій потребовалъ у нея выдачи Лонгина и этотъ добродѣтельный и ученый мужъ, послѣ лютѣйшихъ пытокъ, былъ казненъ въ 273 году. Зиновія со всѣмъ семействомъ была отправлена въ Римъ...

Лишь только римляне выступили изъ предѣловъ Пальмирены, оставивъ въ ея столицѣ незначительный гарнизонъ, жители Пальмиры взбунтовались и перерѣзавъ ненавистныхъ имъ блюстителей ихъ покорности, опять объявили себя независимыми. Авреліанъ, на этотъ разъ неумолимый, возвратился въ Пальмиру и разрушилъ этотъ великолѣпный городъ, судя по развалинамъ, уцѣлѣвшимъ до нашего времени — богатый прекраснѣйшими образцами зодчества и ваянія! Та же участь угрожала и Тіанѣ, родному городу Аполлонія, но она была пощажена Авреліаномъ, благодаря сновидѣнію, въ которомъ чародѣй явился императору, убѣждая его преложить гнѣвъ на милость... Панегиристы Аполлонія Тіанскаго утверждали будто бы его тѣнь бесѣдовала съ Авреліаномъ на яву; но вѣрить этому мы уже предоставляемъ современнымъ спиритамъ и столовращателямъ.

Вступленіе Авреліана въ Римъ, по усмиреніи Пальмиры, сопровождалось пышнымъ тріумфомъ. Въ числѣ множества плѣнныхъ, шествовавшихъ за колесницей, находилась Зиновія въ золотыхъ кандалахъ... Испивъ чашу уничиженія до послѣдней капли, она поселилась въ загородномъ дворцѣ въ Тиволи, гдѣ мирно окончила дни. Дочери ея вышли за римскихъ вельможъ; сынъ получилъ въ потомственное владѣніе небольшой удѣлъ. Авреліанъ, прозванный великимъ, былъ убитъ, благодаря предательству своего раба Мнесѳея, котораго (весьма удивительно!) преторіанцы за это не возвели на престолъ, въ теченіе шести мѣсяцевъ остававшійся празднымъ (275 г.). Затѣмъ опять пошли неурядицы, рѣзня правителей и мятежи солдатчины. Тацитъ (изъ семейства великаго историка) царствовалъ двѣсти дней и былъ убитъ; та же участь постигла и его преемника Прова или Проба, вытѣснившаго изъ Галліи франковъ, бургундовъ; насадившаго въ этой области первые виноградники и воздвигшаго каменную стѣну ме-

жду Рейномъ и Дунаемъ, для огражденія Германіи отъ набѣговъ варваровъ. Послѣ Прова одновременно царствовали три императора: Каръ и сыновья его, Каринъ и Нумеріанъ. Отецъ сгорѣлъ въ шатрѣ, сожженномъ молніею; Нумеріанъ былъ убитъ префектомъ преторіанцевъ—Аперомъ. Злодѣй обманулся въ расчетѣ: преторіанцы не только не провозгласили его императоромъ, но чуть не умертвили и Аперъ спасся подъ сѣнію знаменъ, которая пользовалась правами неприкосновенности настоящаго азиля. Этимъ онъ, однако же, не на долго уберегъ свою жизнь; его умертвилъ Діоклитіанъ, раскроивъ ему черепъ (284 г.), а преторіанцы отрубивъ голову Карину поднесли ее убійцѣ, вмѣстѣ съ вѣнцомъ императорскимъ.

Діоклитіанъ изъ простыхъ воиновъ, дослужившійся до званія начальника манипулы (роты), участвовалъ въ походахъ противъ германскихъ и галльскихъ варваровъ, отличаясь храбростью, распорядительностью и прямизною характера. Въ бытность свою въ Галліи, онъ однажды, въ присутствіи хозяйки корчмы, пересчитывалъ свои деньги, свѣряя расходъ съ приходомъ. «Какой же ты скупой!» сказала ему хозяйка,—буду щедрѣе, отвѣчалъ Діоклитіанъ — когда попаду въ императоры!... Хозяйка (занимавшаяся колдовствомъ и посѣщавшая сходки друидессъ) произнесла очень серьезно: «ты будешь императоромъ, когда убьешь кабана (cum aprum occideris)!» Это предсказаніе запало въ душу Діоклитіана и онъ, съ этого времени, сталъ усердно заниматься охотою на кабановъ; билъ ихъ немилосердно, однако же на избраніе его въ императоры не было даже и ничего похожаго. Когда Аперъ, преслѣдуемый воинами, бѣжалъ подъ знамена, тогда Діоклитіанъ вспомнилъ, что имя его значитъ кабанъ (aper), а умертвивъ этого двуногаго звѣря вскорѣ удостовѣрился, что колдунья не обманула его [1]).

---

1) Этотъ странный, необъяснимый случай напоминаетъ намъ разсказъ о смерти князя Понятовскаго въ 1813 году. Ему въ молодости, предсказывала какая-то цыганка, что виновницею его смерти будетъ сорока. Вслѣдствіе этого у Понятовскаго явилось непреодолимое отвращеніе къ этимъ птицамъ. Человѣкъ храбрости испытанной, онъ блѣднѣлъ при видѣ сороки. Однако же въ его памяти изгладилось воспоминаніе

Съ именемъ этого императора, въ исторіи церкви, неразлучны сказанія о лютѣйшихъ гоненіяхъ, воздвигнутыхъ имъ на христіанъ, и конечно, ни въ одно царствованіе не было казнено такого великаго множества мучениковъ и мучениць. Подстрекаемый своимъ зятемъ и соправителемъ Галеріемъ, Діоклитіанъ далъ повелѣніе исторгать христіанъ изъ катакомбъ, въ которыхъ они совершали богослуженіе и предавать ихъ на растерзаніе звѣрямъ, или на невыносимыя пытки. Оракулъ, спрошенный Діоклитіаномъ, назвалъ христіанъ «праведными» и этимъ еще пуще прежняго распалилъ ярость язычника! Онъ повелѣлъ разрушить христіанскую церковь въ Никомидіи, сжечь богослужебныя книги, казнить священниковъ и, при всемъ томъ, ученіе христіанское, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе распространялось: мученики, умирая съ молитвою на устахъ, лучше всякихъ проповѣдей доказывали язычникамъ высокое совершенство своей вѣры и случалось, что ихъ кровь, для самыхъ палачей, превращалась въ купель крещенія... Думая искоренить христіанство, Діоклитіанъ только способствовалъ его распространенію.

При немъ императорскую власть раздѣляли между собою четыре правителя, два Августа: онъ (Діоклитіанъ) и Максиміанъ-Геркулесъ и два цесаря: Констанцій-Хлоръ и Галерій. Резиденціею Максиміана былъ Медіоланъ; Діоклитіана—Никомидія. Послѣ двадцати лѣтъ царствованія (284—304 г.) Діоклитіанъ добровольно сложилъ съ себя вѣнецъ и пурпуръ и удалился на родину, въ Салону, городокъ на берегу Адріатическаго моря. Здѣсь, недавній обладатель великой имперіи занялся огородничествомъ и умеръ въ 313 году послѣ тяжкихъ, невыносимыхъ страданій. Существуетъ сказаніе будто онъ уморилъ себя голодомъ, но это подлежитъ большому сомнѣнію. Въ 306 году имперіею управляли опять два августа: Галерій и Констанцій-Хлоръ и два цесаря: Максиминъ и Северъ.

о цыганкѣ и ея пророчествѣ, а слѣдуя за наполеоновскими орлами Понятовскій позабылъ и о сорокѣ. Въ 1813 году подъ Лейпцигомъ, преслѣдуемый непріятельскимъ отрядомъ Понятовскій на конѣ бросился съ крутаго берега въ рѣку—и утонулъ. Рѣка называлась Эльстеръ (Elster) а имя это, по нѣмецки, значитъ сорока.

Констанцій, за блѣдность своего лица прозванный «Хлоромъ», царствовалъ не долго, однако же оставилъ по себѣ славную память, какъ храбрый вождь и какъ покровитель христіанъ, ибо супруга его Елена была послѣдовательницею ученія евангельскаго. Констанцій умеръ въ городѣ Эборакумѣ (Йоркъ) и войска его единогласно провозгласили преемникомъ, сына его Константина, прибывшаго изъ Никомидіи. Скрѣпя сердце Галерій призналъ его избраніе, но назвалъ Константина не августомъ, а только цесаремъ. Тогда Максиміанъ-Геркулесъ, сошедшій съ престола въ одно время съ Діоклитіаномъ, опять взошелъ на него вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Максенціемъ, зятемъ Галерія. Такимъ образомъ въ имперіи явилось шесть правителей, именовавшихся императорами: Галерій—въ Азіи; Константинъ—въ Галліяхъ (т. е. въ нынѣшней Франціи и Великобританіи); Максиминъ—въ Египтѣ; Северъ — въ Равеннѣ; Максиміанъ и Максенцій въ прочихъ *областяхъ* Италіи. Разумѣется, начались страшныя междоусобія! Максиміанъ побѣдивъ и взявъ въ плѣнъ Севера, принудилъ его открыть себѣ кровь на рукахъ и на ногахъ; послѣ того, самъ гонимый своимъ сыномъ бѣжалъ къ Константину. Уличенный въ преступныхъ умыслахъ свергнуть своего защитника и зятя (Константинъ былъ женатъ на дочери его Фаустѣ) Максиміанъ удавился... Галерій умеръ своею смертію въ 311 году, отмѣнивъ всѣ указы и постановленія противъ христіанъ и разрѣшивъ имъ строить по прежнему свои храмы и явно исповѣдывать законъ Іисуса Христа. Преемникомъ своимъ онъ назначилъ Лицинія.... Новыя усобицы между Лициніемъ и Максиминомъ. Разбитый подъ Аквилеею этотъ послѣдній бѣжалъ въ Никомидію, гдѣ вскорѣ умеръ; его сынъ и дочь, взятые въ плѣнъ Лициніемъ, были зарѣзаны. Между тѣмъ ожесточенная борьба кипѣла въ Италіи между Константиномъ и Максенціемъ. Права и силы противниковъ были равныя; римская пѣхота стоила галльской конницы; судьбы имперіи были брошены на вѣсы вмѣстѣ съ мечами Максенція и Константина...

Крестъ, упавшій въ чашку этихъ вѣсовъ, принадлежавшую Константину, рѣшилъ въ его пользу вопросъ о первенствѣ!

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Знаменіе креста.—Побѣда надъ Максенціемъ.—Принятіе вѣры христіанской. — Ереси. — Никейскій вселенскій соборъ.— Символъ вѣры. — Праздникъ Воздвиженія. — Казнь Криспа и Фаусты.—Константинополь.—Раздѣленіе имперіи.—Смерть Константина.—Распри его сыновей.—Констанцій. — Цесарь Галлъ. — Юліанъ.— Ненависть къ христіанству.—Подвиги.—Лютеція.—Избраніе въ императоры. — Возстановленіе язычества. — Прозвище: Отступника.— Обновленіе Іерусалима.—Чудеса.—Походъ въ Персію.—Черный всадникъ.—Битва при Маранѣ.—Смерть Юліана.—Конецъ язычества. — Христіанство. — Посланіе проконсула Лентула объ Іисусѣ Христѣ.—Заключеніе.

Елена, родительница Константина, какъ мы уже говорили, была христіанкою. Благодаря ея внушеніямъ, сынъ, съ юныхъ лѣтъ, уважалъ ученіе евангельское и питалъ живѣйшую пріязнь къ его послѣдователямъ. Во время борьбы съ Максенціемъ Константинъ неоднократно вспоминалъ о Томъ, который училъ людей молиться и призывать святое имя Свое въ минуты скорби и напастей. Отправляясь на битву съ противникомъ, собравшимъ свои войска на берегахъ Тибра, Константинъ (по сказаніямъ христіанскихъ лѣтописцевъ) увидѣлъ на небѣ лучезарный крестъ съ надписью: «симъ знаменіемъ побѣдишь! (Hoc signo vinces!)» Пораженный этимъ видѣніемъ онъ далъ обѣтъ: въ случаѣ побѣды принять христіанскую вѣру и, въ то же время, приказалъ изобразить на своихъ знаменахъ крестъ и имя Іисуса Христа... Побѣда надъ Максенціемъ была совершенная; войска его легли костьми и самъ онъ утонулъ въ вязкой тинѣ, бѣгствомъ спасаясь съ поля сраженія. Такъ избавленный отъ опаснаго совмѣстника, Константинъ упрочилъ за собою власть императорскую и, вѣрный своему обѣщанію, обратился ко Христу, объявивъ Его законъ владычествующимъ вѣроисповѣданіемъ въ имперіи, приказавъ раз-

рушить многіе языческіе храмы, капища, и замѣнить ихъ храмами Бога живаго, хотящаго отъ людей милости, но не жертвы. Нѣкоторые изъ вельможъ послѣдовали примѣру Константина; что же касается до войскъ они пребывали въ язычествѣ и хотя не осмѣливались обижать христіанъ, однако же, принося жертвы своимъ богамъ, празднуя игры въ ихъ честь, совѣщаясь съ авгурами и чародѣями, какъ будто глумились надъ новою религіею. Подобно солнцу, заслоняемому тучами, первоначальное апостольское ученіе было тогда затмѣваемо многочисленными ересями, изъ которыхъ наиболѣе распространенною былъ аріанизмъ, или ученіе Арія, отрицавшаго божественность происхожденія Іисуса Христа. Для догматическаго опроверженія этой доктрины, Константинъ повелѣлъ христіанскимъ епископамъ собраться въ Никеѣ (325 г.). На этомъ первомъ вселенскомъ соборѣ для поученія христіанъ, для отвращенія чадъ церкви апостольской отъ ложныхъ мудрствованій и превратныхъ толкованій догматовъ—былъ составленъ Символъ вѣры. Въ слѣдующемъ 326 году, въ 14 день сентября произошло событіе незабвенное: Константинъ и матерь его, царица Елена, воздвигли на поклоненія всему міру честный и животворящій крестъ Христовъ, обрѣтенный въ Іерусалимѣ и воскрешеніемъ усопшаго, убѣдившій людей въ несомнѣнной своей подлинности. Этотъ достопамятный день Воздвиженія до нынѣ празднуется и во вѣки вѣковъ будетъ праздноваться христіанскою церковью, которая причислила Константина и Елену къ лику святыхъ.

Избѣгая распрей и междоусобій, Константинъ раздѣлилъ верховную власть съ Лициніемъ и нѣкоторое время они жили въ добромъ согласіи. Затѣмъ, Лициній вздумавъ отложиться, поднялъ знамя мятежа, но побѣжденный императоромъ и сосланный въ Ѳессалонику, тамъ былъ удавленъ. Съ этой минуты Константинъ сталъ единодержавнымъ обладателемъ римской имперіи. По могуществу, равнаго ему не было на землѣ; какъ супругъ и отецъ онъ могъ назваться несчастнѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Старшій сынъ его отъ перваго брака, Криспъ, воспитанный ученымъ и добродѣтельнымъ Лактанціемъ, по закону долженъ былъ наслѣдовать отцу. Его свѣтлый умъ, прекрасные способности и доброе сердце были надежными залогами грядущаго счастія

имперіи. Богъ судилъ иначе. Императрица Фауста, мачиха Криспа, радѣя о своихъ родныхъ сыновьяхъ, оклеветала пасынка передъ супругомъ въ небывалыхъ умыслахъ на низложеніе и даже убійство Константина... Императоръ казнилъ Криспа, невинность котораго была доказана — вскорѣ послѣ казни. Неумѣстная строгость императора возбудила всеобщій ропотъ; онъ же самъ, поправляя одну ошибку другою, приказалъ задушить Фаусту въ жаркой банѣ. Она погибла, оставивъ послѣ себѣ трехъ сыновей: Константа, Констанція и Константина-младшаго, наслѣдовавшихъ отъ матери всѣ ея пороки, отъ отца же не наслѣдовавшихъ ни одной его добродѣтели. Послѣ всѣхъ этихъ семейныхъ несчастій, престарѣлому Константину пребываніе въ Римѣ сдѣлалось невыносимо. Онъ рѣшился перенести столицу имперіи на рубежъ Европы и Азіи и выборъ его палъ на Византію, болѣе двухъ вѣковъ тому назадъ разрушенную Септиміемъ Северомъ. Украсивъ этотъ городъ великолѣпными зданіями, и назвавъ его въ свою честь Константинополемъ, императоръ назначилъ его своею резиденціею (330 г.). Обширную свою имперію онъ раздѣлилъ на четыре префектуры: Восточную, Иллирійскую, Итальянскую и Гальскую, а каждую префектуру на епархіи и провинціи.

Непріязненныя дѣйствія персидскаго царя Сапора II принудили Константина, для его усмиренія, прибѣгнуть къ оружію. Предводительствуя своими войсками императоръ отправился въ Азію, но достигнувъ Никомидіи тяжко заболѣлъ и скончался здѣсь въ день св. Троицы 22 мая 337 года, принявъ предъ кончиною св. крещеніе. Прозвище великаго, данное ему потомствомъ, можетъ служить мѣриломъ его достоинствъ и заслугъ въ глазахъ человѣчества, изъ нихъ же главнѣйшая: принятіе вѣры христовой и миръ дарованный Его святой церкви.

Раздѣливъ между собою имперію, будто какую наслѣдственную усадьбу, сыновья Константина затѣяли между собою кровавыя распри. Возмутивъ константинопольскую чернь они перерѣзали сродниковъ императорскаго дома, изъ которыхъ спаслось только два внучатые племянника покойнаго Константина: Галлъ и Юліанъ, бѣжавшіе въ Аѳины. Послѣ того, Константъ и Константинъ

младшій сами погибли въ междоусобной битвѣ, а старшій ихъ братъ **Констанцій** остался самодержцемъ и единымъ повелителемъ имперіи (337—361 г.). Царствованіе его было однимъ изъ несчастнѣйшихъ. Слабый, нерѣшительный, неопытный, онъ напоминалъ своимъ правительствомъ ребенка, которому довѣрили кормило корабля во время страшной бури. Громадные валы—полчища варваровъ—грозили конечнымъ разрушеніемъ имперіи — кораблю, 360 лѣтъ тому назадъ построенному Октавіемъ Августомъ и хотя флагъ его былъ знаменованъ крестомъ, но бури рвали его въ клочья, а мачты и снасти надломленныя, подгнившія готовы были рухнуть ежеминутно... Римъ отжилъ свое время и христіанство въ этой языческой имперіи было «новымъ виномъ влитымъ въ старый мѣхъ».

Сознавая свое безсиліе и неспособность, Констанцій, въ качествѣ соправителя, пригласилъ Галла, давъ ему титулъ цесаря; но этотъ его помощникъ своимъ упрямымъ и свирѣпымъ характеромъ возбудилъ въ Констанціи боязливыя подозрѣнія. Опасаясь, чтобы Галлъ не свергъ его съ престола, недостойный сынъ Константина-великаго, заманивъ цесаря въ городъ Петовіумъ, въ Пеннонія (нынѣшняя Венгрія) отрубилъ ему голову. Совершивъ этотъ подвигъ Костанцій, вызвалъ въ Миланъ младшаго брата казненнаго — **Юліана**. Историки первыхъ вѣковъ христіанства предаютъ это имя позору незаслуженному и проклятьямъ слишкомъ пристрастнымъ.

Погрѣшности и заблужденія Юліана не умаляютъ его заслугъ и не затмѣваютъ его достоинствъ. Правда, онъ былъ врагомъ ученія евангельскаго; правда и то, что онъ ненавидѣлъ христіанъ; но судя безпристрастно: его ли это была вина? Сыновья Константина-святаго, исповѣдывавшіе законъ Христовъ поступали хуже закоснѣлыхъ язычниковъ. Спаситель завѣщалъ любить враговъ, а здѣсь братья единокровные ненавидѣли другъ друга и какъ лютые звѣри терзали своихъ родныхъ. Юліану было шесть лѣтъ, когда онъ бѣжалъ въ Аѳины, однако же воспоминанія о бѣдственныхъ дняхъ дѣтства, до преклонныхъ лѣтъ не изгладились изъ его памяти. Въ Аѳинахъ онъ посвятилъ себя изученію естествознанія, философіи и, мало по малу, отклонился отъ христіанства тѣмъ же

самымъ—только обратнымъ путемъ, какимъ до святыхъ истинъ ученія Христова доходили язычники. Отъ многобожія люди перешли къ монотеизму; отъ монотеизма къ усвоенію многихъ правилъ чисто христіанскихъ... Юліанъ родился христіаниномъ; потомъ сдѣлался послѣдователемъ доктринъ философскихъ; затѣмъ, впалъ въ грубое идолопоклонство. Чуждый всякихъ честолюбивыхъ видовъ Юліанъ желалъ посвятить всю жизнь свою наукамъ и философіи; даже облекся въ коричневую мантію философа, но, по волѣ Констанція, принужденъ былъ промѣнять ее на пурпуръ цесаря. Немедленно по прибытіи ко двору онъ снискалъ отъ христіанъ прозвище чародѣя и чернокнижника. Причинами тому были, во первыхъ, обширныя его познанія въ естественныхъ наукахъ во вторыхъ —его невѣріе, склонность ко всякаго рода гаданіямъ и къ бесѣдамъ съ волхвами. Онъ посѣщалъ храмы христіанскіе явно; а между тѣмъ тайно приносилъ жертвы идоламъ и бывалъ на ночныхъ сходкахъ жрецовъ Изиды, Цереры, Діаны и Миѳры.

Констанцій поручилъ ему очистить Галлію отъ вторгнувшихся въ нее варваровъ и Юліанъ, какъ нельзя успѣшнѣе, исполнилъ возложенное на него порученіе. Восхищенные его мужествомъ, распорядительностью и прямодушіемъ легіоны провозгласили Юліана императоромъ, поднявъ его на щитѣ и вмѣсто вѣнка возложивъ ему на голову воинское ожерелье. Мѣстопребываніемъ своимъ въ Галліи новый императоръ избралъ Лютецію (нынѣшній Парижъ), которую украсилъ многими зданіями; изъ которыхъ, между прочими, донынѣ уцѣлѣли развалины теплыхъ бань (термовъ) названныхъ Юліановыми. Здѣсь онъ оставался до кончины Констанція (361 г.) и прибывъ въ Римъ немедленно приступилъ къ осуществленію давнишняго своего замысла, именно—къ возстановленію древняго идолослуженія. Отмѣнилъ всѣ указы и постановленія Константина святаго въ пользу христіанъ, запретилъ имъ строить новыя церкви и школы для дѣтей; далъ язычникамъ обширнѣйшія права и преимущества и самъ облекся саномъ великаго понтифекса... Прозвище отступника, данное ему христіанами, было отвѣтомъ на эти безумства, за то воины и чернь въ восторгѣ отъ Юліана называли его мудрымъ и великимъ. Явныхъ гоненій христіанъ въ его царствованіе не было, но притѣ-

спеніе всякаго рода они терпѣли отъ фанатиковъ жрецовъ и развратныхъ преторіанцевъ. Христіанинъ судившійся, съ язычникомъ, при очевидной своей правотѣ, могъ быть увѣренъ, что проиграетъ свое дѣло. Издѣваясь надъ послѣдователями ученія христіанскаго и всячески стараясь опровергнуть пророчества о бѣдственной участи евреевъ, пророчества уже сбывшіяся, Юліанъ обнародовалъ манифестъ, разрѣшавшій евреямъ возобновить Іерусалимъ и, придавъ этому городу его прежній блескъ—заселить его. Со всѣхъ концевъ имперіи стеклись евреи на развалины ихъ святаго города и оросивъ ихъ слезами приступили къ работамъ.... Трудились всѣ, безъ различія пола, возраста и состоянія: женщины въ одеждахъ изъ драгоцѣнныхъ тканей, въ золотыхъ браслетахъ, серьгахъ и ожерельяхъ, почитали за счастье свозить мусоръ и щебень съ расчищаемыхъ развалинъ; дряхлые старцы истощали послѣднія *силы*, разгребая груды обломковъ и камней!.. При всемъ томъ дѣло не богоугодное не увѣнчалось успѣхомъ: стѣны и окопы, возведенные втеченіе дня, разрушались ночью, будто опрокидываемые незримыми руками; струи пламени и клубы дыму вылетали изъ подъ лопатъ работниковъ; землетрясеніе колебало почву подъ ихъ ногами и страшные призраки отнимали бодрость и охоту у отважнѣйшихъ. Приписывая всѣ эти явленія чародѣйствамъ христіанъ, разгнѣванный императоръ, принужденный отказаться отъ дальнѣйшихъ попытокъ обновить Іерусалимъ, сталъ пуще прежняго угнетать ихъ.

Завоеванія царя персидскаго Сапора II (см. Томъ III гл. IX стр. 86) побудили Юліана отправиться въ походъ въ Ассирію. Предъ отбытіемъ изъ Рима онъ далъ клятву въ храмѣ Марса, въ случаѣ побѣды—всѣ христіанскіе храмы обратить въ языческіе, самихъ же христіанъ отдать на избіеніе войскамъ и народу. Не смотря на неблагопріятные предзнаменованія и, между прочимъ, на комету, въ которой приближенные Юліана видѣли вѣстницу его кончины, онъ отправился въ походъ, изъ котораго ему уже не суждено было воротиться. Недостатокъ жизненныхъ припасовъ замедлилъ военныя дѣйствія и отступивъ къ Кордуэни Юліанъ расположился укрѣпленнымъ лагеремъ. Это было лѣтомъ 363 года. Надъ станомъ римлянъ носился какой-то ужасъ; воины и ихъ

вожди, изнуренные голодомъ и зноемъ, роптали на Юліана, и самъ онъ сознавалъ необдуманность экспедиціи, и его душу волновали мрачныя предчувствія; но непомѣрная гордость запрещала ему со стыдомъ возвратиться во свояси. Будто повинуясь таинственному предопредѣленію императоръ отдалъ приказаніе двинуться къ Марангѣ. Наканунѣ этого роковаго дня Юліанъ былъ необыкновенно задумчивъ и озабоченъ. Ночью къ его шатру подъѣхалъ какой-то черный всадникъ и встрѣченный Юліаномъ пробылъ у него до зари. Въ отвѣтъ приближеннымъ на вопросъ: Кто былъ его собесѣдникъ? императоръ говорилъ:

— Со мною бесѣдовалъ духъ имперіи римской!..

Легіоны двинулись къ Марангѣ и неподалеку отъ этого города натолкнулись на сильный отрядъ персовъ, предводимый Мереномъ. Завязалась битва жаркая, отчаянная; обѣ стороны дрались съ одинаковымъ мужествомъ.. наконецъ, подъ дружнымъ натискомъ римлянъ, персы поколебались и въ самую эту рѣшительную минуту, всадникъ на бѣломъ конѣ метнулъ дротикъ въ грудь Юліана. Почувствовавъ рану, въ сознаніи, что она смертельна, Юліанъ яростно взглянулъ на небо и скрежеща зубами воскликнулъ:

— Ты побѣдилъ, Галилеянинъ (Vicisti, Galileae)!

Воины вынесли императора изъ свалки и онъ прожилъ нѣсколько часовъ, въ теченіе которыхъ еще на столько обладалъ присутствіемъ духа, что самъ читалъ свое духовное завѣщаніе. Въ немъ, милостями императора, не былъ обойденъ ни одинъ изъ его сподвижниковъ; все свое имущество онъ завѣщалъ въ раздѣлъ воинамъ. Юліана похоронили въ Тарсѣ на берегахъ рѣки Кидна, струи которой были такъ гибельны Александру Македонскому.

Юліанъ былъ послѣднимъ императоромъ изъ рода Констанція Хлора; преемникъ его Іовіанъ, провозглашенный легіонами, былъ простаго происхожденія. Царствовалъ онъ не долго, но какъ возстановитель христіанскаго богослуженія въ имперіи римской заслуживаетъ признательность потомства. Вѣсть о кончинѣ отступника громовымъ ударомъ поразила язычниковъ; за то христіане вздохнули свободнѣе. Въ его лицѣ умерло язычество; въ возгласѣ Юліана: «Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!» звучалъ предсмертный вопль идолопоклонства. Рухнули храмы, угасли алтари,

попадали со своихъ пьедесталовъ и въ дребезги разбилiсь кумиры, умолкли оракулы и надъ развалинами древняго міра, надъ обломками вѣрованій языческихъ возсіялъ крестъ—святой символъ прощенія и спасенія... Солнце Правды разсѣяло мракъ лжи; при немъ померкли звѣзды, которымъ поклонялись язычники, «воскресъ Богъ и расточились враги Его!»

Желая достойнымъ образомъ заключить нашъ историческій очеркъ, мы представляемъ читателю переводъ посланія проконсула Лентула, бывшаго въ Іудеѣ въ 31 или 32 году и видѣвшаго Іисуса Христа. Когда, гдѣ и кѣмъ было обрѣтено это посланіе; чѣмъ доказана его подлинность? Чтобы отвѣтить на всѣ эти вопросы потребно употребить многіе годы на розысканія и изслѣдованія, которыя мы предоставляемъ другимъ. Что касается до насъ, мы возьмемъ только смѣлость заявить, что если посланіе Лентула даже апокрифъ, то несомнѣнно—апокрифъ современный Спасителю. Описать Его наружность такими свѣжими красками, могъ только человѣкъ, имѣвшій счастіе лицезрѣть Его. Посланіе Лентула, переведенное на всѣ европейскіе языки, во многихъ тысячахъ изданій, распространилось по всѣмъ государствамъ, было напечатано и у насъ. Мы слышали отъ очевидцевъ, что оно было даже выставлено въ рамкахъ для чтенія прихожанамъ въ нѣкоторыхъ церквахъ Москвы и Петербурга. Вотъ его содержаніе:

— Великому и почтенному Сенату римскому Публій Лентулъ правящій Іудеею [1]) здравія (желаетъ).

Въ настоящее время явился у насъ въ Іудеѣ и еще понынѣ живъ человѣкъ весьма добродѣтельный, именуемый Іисусомъ Христомъ. Народъ почитаетъ Его великимъ пророкомъ, а ученики признаютъ Его Сыномъ Божіимъ. Онъ воскрешаетъ усопшихъ и исцѣляетъ всякаго рода недуги единымъ словомъ. Этотъ человѣкъ имѣетъ высокій и стройный станъ; видъ его исполненъ величія и

---

[1]) Правителемъ Іудеи съ 27 по 40 годъ былъ Понтій-Пилатъ. Патриціанское семейство Лентуловъ пользовалось извѣстностью въ періодъ имперіи отъ Августа до Каракаллы, многіе изъ его членовъ занимали важныя должности въ военной и гражданской службѣ, но ни одинъ изъ нихъ не былъ правителемъ Іудеи... Не Понтіемъ-ли Пилатомъ написано было это посланіе?

производитъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ, такъ что взирающіе на Него не могутъ не чувствовать къ нему любви и вмѣстѣ съ тѣмъ не ощущать нѣкотораго страха. Волосы Его цвѣта орѣха созрѣлаго, безъ блеска и гладки до ушей; а отъ ушей до плечъ и ниже, кудрявы, блестящи и посрединѣ головы прямымъ проборомъ раздѣлены на обѣ стороны, по обычаю Назарянъ. Чело гладкое и чистое; на всемъ лицѣ нѣтъ никакого пятна и оно озарено легкимъ румянцемъ; носъ и уста правильны; бороду имѣетъ такого же цвѣта какъ и волосы, густую, но не долгую и раздвоенную на концѣ. Взглядъ Его тихъ, величественъ и пріятенъ; глаза цвѣта небеснаго, проницающіе въ душу, блестящіе. Онъ весьма ласковъ и обходителенъ когда учитъ и увѣщеваетъ; строгъ и страшенъ когда обличаетъ. Черты Его лица соединяютъ удивительную привлекательность съ величіемъ. Никто не видалъ Его смѣющимся, но часто видятъ Его плачущимъ... Ростомъ Онъ высокъ; руки у Него прямыя и Онъ часто воздѣваетъ ихъ; плечи стройныя. Говоритъ не много, но съ достоинствомъ и каждое слово Его взвѣшено. По истиннѣ человѣкъ этотъ прекраснѣйшій изъ людей и въ Немъ видна правдивость, чуждая лести».

Такъ отзывался объ Іисусѣ Христѣ видѣвшій Его язычникъ, угадывавшій въ Немъ основателя новой вѣры, краеугольными камнями которой были—любовь и самопожертвованіе; вѣры—требующей отъ человѣка только добрыхъ дѣлъ, а не кровавыхъ приношеній. На алтаряхъ языческихъ въ угоду бездушнымъ истуканамъ рѣзали людей; божественный же основатель христіанства, какъ непорочный агнецъ, Самъ Себя отдалъ на закланіе людямъ, спасая ихъ души Своею кровью и крестною смертію Своею, даровавшей имъ жизнь вѣчную!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Науки и художества въ древнемъ Римѣ. — Астрономія и космографія. —Годъ.—Календы.—Ноны.—Иды.—Дни.—Созигенъ.—Юліанскій календарь.—Старый и новый стиль.— Естественныя науки. — Плиній. — Содержаніе исторіи міра.—Географія.—Исторія.—Краснорѣчіе. — Правовѣдѣніе.—Философія. — Поэзія.—Изящныя художества.—Витрувій и Фронтинъ. — Театръ. — Плавтъ и Теренцій.— Цирки.—Кровожадность.—Бои гладіаторовъ.—Разряды.— Ретіаріи. — Мирмиллоны. — Лакеваторы.—Гипломахи.— Димахаріи.—Андэмиты.—Меркурій и Плутонъ.—Нравы и обычаи. — Родины. — Воспитаніе. — Совершеннолѣтіе.— Бракъ. — Разводъ. — Погребальные обряды. — Похороны и сожженіе.

Науки и художества, пересажденныя съ плодоносной эллинской почвы на жесткую—римскую, туго принялись, медленно развивались, никогда не достигли того роста и цвѣтущаго состоянія, которыми отличались въ Греціи и дали плоды, сравнительно говоря, довольно скудные. Въ римлянахъ, народѣ воинственномъ, кровожадныя и звѣрскія стремленія поглотили умственныя способности и въ теченіе первыхъ трехъ вѣковъ своего существованія Римъ, не смотря на старанія своихъ законодателей, стремившихся къ благой цѣли смягченія нравовъ—Римъ, былъ сборищемъ душегубцевъ и мясниковъ, полагавшихъ славу въ рѣзнѣ, въ умѣньи убивать другихъ и умирать самому. Мало по малу науки проникли въ этотъ вертепъ, но и тутъ религія наложила на нихъ печать своего суевѣрія: астрономія и космографія смѣшались съ астрологіей, естественныя науки и медицина—съ магіей; даже исторія, подъ перомъ любителей чудеснаго и сверхъестественнаго, переполнилась сказками и разными фантастическими прикрасами... Географы, вмѣстѣ съ дѣльными разсужденіями о чужихъ странахъ, съ дѣтскимъ легковѣріемъ писали о безголовыхъ людяхъ, о кино-

кефалахъ, струтіоподахъ, арамаскахъ и имъ подобныхъ племенахъ, порожденныхъ досужимъ воображеніемъ сказочниковъ. Изъ изящныхъ художествъ, водчество и ваяніе достигли совершенства, но почти всѣ ихъ произведенія носятъ на себѣ отпечатокъ духа народнаго, созданы же они были руками греческихъ художниковъ. Тріумфальныя арки, тюрьмы и цирки—были любимѣйшими зданіями римлянъ и зданія эти можно назвать памятниками гордости, жестокости и кровожадности великаго народа. Любимѣйшею его музыкою была музыка военная съ ревущими трубами, звонкими кимвалами; гимнастику, вольтижировку, кривлянья фигляровъ и борьбу гладіаторовъ онъ ставилъ выше искуства сценическаго. Принимая все это во вниманіе довольно трудно (чтобы не сказать невозможно) представить читателю послѣдовательный очеркъ умственнаго развитія римлянъ и успѣховъ ихъ въ цивилизаціи.

Астрономія и космографія, со временъ основанія монархіи до послѣдняго вѣка бытія республики, было достояніемъ жрецовъ, т. е. авгуровъ и, какъ священныя науки, были недоступны людямъ; не принадлежавшимъ къ этой привиллегированной кастѣ. При императорахъ, начиная съ Юлія Цесаря, всѣ астрономы и астрологи римскіе были родомъ изъ Халдеи, изъ Греціи, или, изъ Египта; между ними не находимъ ни одного чистокровнаго римлянина. То же можно сказать и о математикѣ. Славные: Птоломей и Созигенъ—были египтяне и только римскіе подданные. Къ слову объ астрономіи поговоримъ о лѣточисленіи римскомъ. О раздѣленіи года на двѣнадцать мѣсяцевъ и о названіяхъ ихъ, мы уже упоминали [1]); здѣсь объяснимъ значеніе словъ: календы, ноны и иды, употреблявшихся у римлянъ. Календами назывался первый день каждаго мѣсяца [2]), въ который народъ собирался на форумъ, что бы услышать отъ жреца распредѣленіе дней праздничныхъ, будничныхъ, постныхъ и тяжелыхъ. Нонами называли 5 день января, февраля, апрѣля, іюня, августа, сентября, ноября, декабря и 7 день — марта, мая, іюля и

---

[1]) См. Томъ V Гл. XXXV, стр. 285.

[2]) Отсюда слово календарь; въ буквальномъ переводѣ латинское calenda: призывъ.

октября; идами—15 число этихъ четырехъ мѣсяцевъ и 13 число вышеупомянутыхъ восьми. Дни раздѣлялись на праздничные (fasti), роковые (nefasti, nefasti ex parte priori, arti), постные (comitales, nundinales) и полупостные (intercisi); на тяжелые и легкіе. Рабочая недѣля полагалась: въ семь дней; восьмой былъ днемъ отдохновенія. Сутки отъ полуночи до полуночи дѣлились первоначально на 16 или на 17 частей; впослѣдствіи, при введеніи въ Римѣ солнечныхъ и песочныхъ часовъ, а равно и водяныхъ (клепсидровъ) было узаконено считать сутки въ 24 часа. Юлій Цесарь поручилъ астроному Созигену заняться провѣркою календаря и опредѣлить точный годичный періодъ. Созигенъ опредѣлилъ годъ въ 365 дней и 6 часовъ (по настоящему 5 часовъ 48 минутъ и 46 секундъ); образующіеся изъ часовъ сутки, черезъ три года на четвертый положено было прибавлять къ февралю мѣсяцу и годы эти назывались (високосными bissextilis). Это лѣтосчисленіе, называемое Юліанскимъ, донынѣ въ употребленіи у насъ въ Россіи, въ Греціи и въ нѣкоторыхъ графствахъ Шотландіи; во всей же Европѣ его придерживались до 1582 года, а затѣмъ замѣнили болѣе правильнымъ лѣтосчисленіемъ, Григоріанскимъ (по имени папы Григорія XIII). Въ теченіе вѣковъ минуты и секунды образовали полные 12 сутокъ, которыя и составляютъ разность между обоими лѣтосчисленіями, или старымъ и новымъ стилемъ. 1 января — стараго, соотвѣтствуетъ 13 января новаго стиля.

Съ естественными науками римляне ознакомились путемъ занятія сельскимъ хозяйствомъ. Кромѣ перевода Магона, кареагенскаго агронома о разныхъ отрасляхъ ботаники и зоологіи въ ихъ примѣненіи къ хозяйству писали: Катонъ-цензоръ, Варронъ, Палладій, Колумелла, Фенестелла, Виргилій (Георгики). Кромѣ того о естествознаніи писали: Сенека и славный Кай Плиній Секундъ, авторъ первой энциклопедіи, написанной имъ подъ именемъ «Исторіи міра». Онъ составилъ ее по выпискамъ, какъ изъ отечественныхъ, такъ и изъ иноземныхъ авторовъ, число которыхъ, свыше 500 человѣкъ. Исторія міра произведеніе драгоцѣнное; въ достоинствахъ ему не откажетъ и позднѣйшее потомство. Къ сожалѣнію, Плиній, не подвергая своихъ

выписокъ строгому, научному анализу, компилировалъ ихъ безъ разбору, не отдѣляя басни отъ исторія, лжи отъ правды. Сынъ своего времени, легковѣрный и суевѣрный Плиній, питалъ одинаковое уваженіе къ предразсудкамъ и повѣрьямъ какъ и къ самой наукѣ. Исторія его раздѣлена на тридцать шесть книгъ, изъ которыхъ первая содержитъ оглавленіе остальныхъ 35 и именные списки авторовъ; содержаніе же ихъ слѣдующее: 2) Космографія, астрономія, метеорологія, геологія, гидрографія; 3—6) географія, 7) антропологія, біографія, физіологія, частію и этнографія; 8) зоологія; 9) ихтіологія; 10) орнитологія, амфибіологія; 11) инсектологія и сравнительная анатомія; 12—27) ботаника, агрономія, паталогія, терапія; 28—30) зоопатія, магія; 31) гидропатія, минеральныя воды; 32) ихтіопатія (леченіе мясомъ морскихъ животныхъ и рыбъ); 33—36) минералогія, металлургія, ведчество, ваяніе, живопись, технологія [1]). Изъ ботаниковъ римскихъ назовемъ еще: Антонія Кастора, Цельза и Музу, врача императора Августа; Діоскоридъ, современникъ Плинія былъ грекъ и писалъ по гречески.

Народъ, положившій цѣлію своего бытія завоеванія чужихъ земель, не могъ не заниматься географіею. Въ исторіи этой науки не могутъ быть забыты: Энній, Юлій Цесарь, Педо Альбинованусъ, Помпоній Мела, Страбонъ, Амміанъ Марцеллинъ Луціанъ. Но изъ всѣхъ наукъ, наибольшее число почетнѣйшихъ дѣятелей принадлежитъ исторіи. Въ этой отрасли древній Римъ богатствомъ и обиліемъ превзошелъ Грецію. Тацитъ, Титъ Ливій, Саллюстій, Светоній, Юстинъ, Квинтъ Курцій, Корнелій Непотъ, Плутархъ, Веллеій Патеркулъ, Авлъ-Геллій, Юлій Цесарь, Валерій Максимъ, Плиній младшій, Помпоній Мела, Лампридій, Флавій Вопискъ, Макробій, Солинъ, Сульпицій Галлъ, Флоръ, Фенестелла, Фанній,

---

[1]) Переведенная на всѣ европейскіе языки, Исторія міра, вполнѣ никогда не была переведена на русскій языкъ. Предпринявъ этотъ трудъ мы его успѣшно окончили нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Подержавъ подъ спудомъ онъ былъ брошенъ нами въ огонь, по той причинѣ, что подобныя произведенія еще рано или ужъ поздно читать нашей публикѣ, во всякомъ случаѣ не любопытно.

Фабій Пикторъ, Діогенъ Лаэрцій, Діонъ Кассій, Діедоръ Сицилійскій, Капитолинъ, Трогъ Помпей, Квадригарій, Діонисій Галикарнасскій, Варронъ, Іосифъ Флавій.

Изъ историческаго очерка монархіи и республики римской мы видимъ, что великому народу было «некогда» заниматься науками; но въ замѣну этого риторика процвѣтала въ Римѣ съ давнихъ временъ: консулы, трибуны, диктаторы, цензоры были въ то же время и превосходными ораторами. Нерѣдко одно слово сказанное кстати утишало мятежъ, рѣшало участь цѣлаго царства; такъ Цицеронъ за избавленіе Рима отъ Катилины снискалъ прозвище «отца отечества». Достойнымъ его преемникомъ былъ Квинтиліанъ. Также достойны упоминанія: Луцій Плотій, Маркъ Гнифо, Вивій Галлъ, Оскъ, Пакотъ, Касторъ; Сенека, Монтанусъ Юлій Флоръ, Клавдій Квиринались, Урсулъ, Аферъ, Габіанъ, Юлій Секундъ, Аперъ, Сальвій Руфъ, Агрикола, Руфинъ, Сальвій Либералисъ, Фаворинъ, Маркъ Корнелій Фронто.

Чему ораторы изустно поучали народъ, то самое составляло предметъ юриспруденціи. Сводъ законовъ древняго Рима, или, такъ называемое римское право послужило руководствомъ для законодателей почти всѣхъ европейскихъ государствъ и его изученіе обязательно для каждаго посвящающаго себя поприщу правовѣдѣнія. Глубокая нравственность и здравый смыслъ составляютъ основные элементы римскаго права, что, по истиннѣ, достойно удивленія въ народѣ, питавшемъ особенное уваженіе къ праву кулачному.

Философія проникла въ Римъ черезъ 500 лѣтъ послѣ его основанія. Изъ всѣхъ сектъ древней Греціи только четыре привились къ нравамъ римлянъ, которые усвоили (и при этомъ исказили) доктрины: стоиковъ, циниковъ, эпикурейцевъ и платониковъ. Во время имперіи одна изъ четырехъ доктринъ была замѣною религіи у высшихъ классовъ. Катонъ и Ѳразей, отчасти Цицеронъ и Сенека были послѣдователями стоицизма; Димитрій и Максимъ (наставникъ Юліана отступника)—цинизма; Котта, Веллей, Панса, Аттикъ, поэтъ Луканъ—эпикуреизма; Варронъ, Пизонъ, Маркъ Брутъ, Галлъ—неоплатонизма.

Поэзія процвѣтала въ Римѣ въ царствованіе Августа, кото-

рое, по справедливости названо «золотымъ вѣкомъ». Еще при диктаторахъ славились: Силій Италикъ, Варронъ, Проперцій, Лэвій, Манилій; но славу ихъ затмили: Катуллъ, Виргилій, Горацій, Лукрецій, Тибуллъ. Овидій, Апулей, Авзоній; баснописецъ Федръ. Сатиры Ювенала, Персія были самыми энергическими протестами на развращеніе нравовъ при преемникахъ Августа; но и эти протесты были безсильны предъ геніальными неблагопристойностями въ родѣ искуства «любить» (Ars amandi) Овидія и «золотаго осла» Апулея. Томныя элегіи Катулла, Проперція и Тибулла, эти страстныя воркованья голубковъ, не удовлетворяли извращенному вкусу народа, который въ самой чувственности любилъ только чудовищное и противуестественное; народъ, которому вакханки и Фаллусъ замѣняли музъ и Аполлона. Въ изящныхъ художествахъ, какъ мы уже говорили, римляне предпочитали громадность изяществу, грубую силу — граціи. Отпечатокъ этого вкуса находимъ на всѣхъ произведеніяхъ римскаго зодчества и ваянія. Желающимъ изучать исторію римской архитектуры не можемъ не указать на сочиненія Витрувія и Фронтина.

Хотя римляне и смотрѣли на театръ какъ на школу нравовъ, хотя они и говорили что, «смѣхъ исправляетъ нравы» (ridendo castigat mores), однако же благодѣтельнаго вліянія на нихъ театръ не оказалъ и великій народъ, довольствуясь произведеніями Плавта и Теренція, высоко цѣнилъ только комедію и грубый фарсъ, не уважая трагедій... Да и къ чему было любоваться трагедіями народу, который на аренахъ цирковъ проливалъ ручьями настоящую кровь; котораго звѣриныя травли и бои гладіаторовъ тѣшили лучше всякихъ театральныхъ представленій? Колизей — самый приличный каменный вѣнецъ имперіи, населенной людьми съ каменными сердцами, не вѣдавшими ни жалости ни состраданія къ ближнему, считавшими за стыдъ всякія человѣческія чувства! «Хлѣба и зрѣлищъ» (Panem et circenses!) ревѣла чернь въ первые годы республики... прошли вѣка и она неистово рукоплескала, когда сотни гладіаторовъ умирали ради ея потѣхи, обагряя кровію арены цирковъ. Эти зрѣлища заслуживаютъ подробнаго описанія.

Благодаря вѣчнымъ своимъ войнамъ, Римъ не терпѣлъ недостатка въ плѣнныхъ. Не довольствуясь душегубствомъ на поляхъ сраженій онъ, какъ сытый волкъ, угонялъ въ свое логовище непріятелей, захваченныхъ живьемъ, чтобы растерзать ихъ на потѣху своимъ волченятамъ. Изъ этихъ плѣнниковъ составлялись цѣлые легіоны гладіаторовъ, обрекаемыхъ на смерть въ циркахъ, между прочими въ Колизеѣ, вмѣщавшемъ въ своихъ стѣнахъ до 80,000 зрителей обоего пола; прекраснаго—половина на половину съ непрекраснымъ. Почтенная матрона (мать семейства) отправлялась въ Колизей со своими дочерьми, какъ въ наше время благовоспитанная дама отправляется во французскій театръ, или, въ итальянскую оперу. Тутъ собиралея цвѣтъ аристократіи: императоръ, сенаторы, весталки. Они занимали такъ называемый подіумъ; гладіаторы входили чрезъ ворота—вомитарію [1]), уносили же ихъ въ споліарій (погребъ) или они сами уходили (изъ тысячи одинъ) сквозь дверь помилованныхъ (Sana vivaria). При звукахъ трубъ входили гладіаторы и преклоняясь предъ подіумомъ говорили: «Здравствуй государь императоръ, мертвецы тебя привѣтствуютъ (Ave, domine caesar, morituri te salutant!)». Эти «мертвецы» дѣлились на группы; программа этихъ танцевъ смерти, отъ которыхъ у Гольбейна, или, у Клаубера, волосы на головахъ поднялись-бы дыбомъ въ видѣ щетинистой кисти, программа ихъ—говоримъ мы, была составлена по образцу нынѣшнихъ балетовъ. Танцоры дѣлились: 1) на ретіаріевъ, 2) на мирмиллоновъ, 3) на лаквеаторовъ, 4) на гиплomaxовъ, 5) на димахаріевъ, 6) на андамитовъ.

Ретіаріи были вооружены сѣтями и трезубцами; мирмиллоны, въ шлемахъ, украшенныхъ рыбками, были вооружены серпами. Первые, будто рыбаки закидывали сѣти, а вторые должны были ловко увертываться отъ поимки, перерубая сѣть косами. Запутавшагося въ сѣтяхъ мирмиллона ретіарій пронзалъ трезубцемъ и

---

[1]) Vomitaria, слово въ слово: изрыгальница: ворота будто изрыгивали гладіаторовъ на арену,.. Какая картинность выраженія была въ древнемъ Римѣ!

предсмертный трепетъ несчастнаго напоминалъ зрителямъ судороги пойманной рыбы и для вящшаго очарованія, кровь замѣняла воду... «подхватилъ (hic habet!)» вопили зрители и ревъ 80,000 людей, и аплодисменты 160,000 рукъ напоминали дѣйствительно ревъ и плескъ волнъ морскихъ!... «Великій народъ!!»...

Лаквеаторы ловили другъ друга арканами, какъ у насъ

Отцу новорожденнаго вмѣнялось въ непремѣнную обязанность осмотрѣть его, чтобы признать или нѣтъ своимъ и рѣшить его судьбу: жить, или, не жить ребенку. Отвергнутыхъ и непризнанныхъ отцомъ, или уродовъ, уносили изъ дому и оставляли на произволъ судьбы гдѣ нибудь на распутіи, послѣднихъ, чаще всего, умерщвляли. Въ случаѣ рожденія ребенка въ отсутствіе отца, его воспитали въ ожиданіи возвращенія. Рожденіе сына было радостнымъ событіемъ въ семьѣ: двери украшали цвѣтами; въ случаѣ траура—смѣняли черныя одежды на цвѣтныя; роднымъ задавали пиръ, на которомъ присутствовала и роженица съ грудью украшенною лентами и перевязями, вышитыми въ храмахъ. Благодарственныя жертвы Юнонѣ и богинямъ родовспомогательницамъ были непремѣннымъ условіемъ празднованія родинъ. Дѣтей, во времена республики, (когда нравы еще не были испорчены) вскармливали сами матери, во времена имперіи это было возложено на кормилецъ, наемныхъ, или рабынь. Суевѣріе охраняло младенца въ колыбели: богъ Фасцинусъ отклонялъ отъ него порчу; отъ дурнаго глаза кормилица или мать трижды плевали на грудь младенца. На восьмой день (dies lustricus) очищали новорожденныхъ дѣвочекъ; на девятый — мальчиковъ. Вынувъ младенца изъ колыбели старшая въ семействѣ —теща или свекровь, мазала ему своею слюною губы и лобъ, слегка ударяла по рукамъ и давала ему имя, которое вписывалось въ городскіе реэстры. Этотъ день каждый римлянинъ обязанъ былъ чествовать пиромъ и жертвоприношеніями ларамъ и пенатамъ и непремѣнно быть облаченнымъ въ бѣлое одѣяніе. Въ этотъ день, имянинника дарили; дѣвица его любящая имѣла право прислать ему отъ себя подарокъ, что во всякое другое время почиталось неприличнымъ.

Гражданамъ бездѣтнымъ разрѣшалось брать пріемышей отъ ихъ родныхъ отцевъ и матерей. Бравшій младенца дарилъ его родителямъ монету и ударялъ по вѣсамъ въ присутствіи либрипенса (городоваго маклера). Этотъ обрядъ возобновлялся трижды и на третій разъ ребенокъ дѣлался членомъ новой семьи. Усыновленіе взрослыхъ происходило въ присутствіи жрецовъ и народа, не иначе какъ съ ихъ разрѣшенія.

Съ шестнадцати лѣтъ гражданинъ долженъ былъ облечься въ

тогу и это празднество совершалось обыкновенно въ 16 календы марта мѣсяца въ день Либералій (праздника Бахуса). Тогу на юношу надѣвалъ дѣдъ, или отецъ и ее называли: мужественною, чистою, свободною. По совершеніи этого обряда все семейство шло въ Капитолій и здѣсь новый гражданинъ приносилъ жертвы богамъ и медовую лепешку Бахусу. Игрушки свои совершеннолѣтній вѣшалъ на шею своимъ пенатамъ. На другой же день онъ обязанъ былъ избрать себѣ родъ жизни, посвятивъ себя гражданской или военной службѣ.

Брачные обряды у римлянъ были почти тѣ же что и у грековъ. Помолвка, сговоръ и обрученіе сопровождались пирами; женихъ надѣвалъ невѣстѣ на безымянный палецъ лѣвой руки гладкое желѣзное кольцо; съ будущимъ тестемъ заключалъ контрактъ. Браки праздновались въ особые дни, причемъ принимались во вниманіе разныя предзнаменованія. Май мѣсяцъ (по случаю бывшаго въ немъ праздника Лемурій) и первые—13 дней іюня почитались неблагопріятными для брачныхъ союзовъ; только бѣдныя вдовы не обѣгали этихъ дней. Предъ бракосочетаніемъ женихи и невѣсты приносили жертвы Юнонѣ, Венерѣ и Граціямъ. Наканунѣ свадьбы будущіе зять и тесть заключали еще одинъ контрактъ, касавшійся приданаго; невѣста, проводя послѣднюю ночь въ домѣ родительскомъ, обязывалась быть въ бѣломъ платьѣ и въ покрывалѣ, окрашеномъ шафраномъ. Браки раздѣлялись на три разряда: 1) сожительство (usucapio), которое узаконялось по прошествіи годичнаго срока, въ теченіе котораго сожительница была вѣрна своему сожителю; 2) обоюдная покупка (coemptio) и 3) бракъ духовный (confarreatio). Для обоихъ этихъ разрядовъ существовали особыя церемоніи.

При обоюдной покупкѣ невѣста приходила въ храмъ съ тремя асами (мелкая монета), одинъ изъ которыхъ клала въ башмакъ. За эту монету она покупала право молиться пенатамъ чужой семьи; за вторую покупала мужа; за третью — домъ. При этомъ бракосочетавшіеся размѣнивались слѣдующими вопросами и отвѣтами: «жена, желаешь ли быть матерью моего семейства?—«Желаю, а ты, мужъ желаешь ли быть отцомъ моего семейства?»—«Желаю». Тѣмъ и оканчивался весь обрядъ.

Бракъ духовный сопровождался моленіями въ храмѣ, совершаемыми верховнымъ жрецомъ и фламиніемъ въ присутствіи десяти свидѣтелей. При этомъ приносили въ жертву богамъ лепешку изъ ячменя, называвшуюся фаръ (откуда и имя обряда: конфарреація). Продолжительную эту церемонію слѣдовало начинать сызнова, если ее прерывалъ ударъ грома. Жениха и невѣсту приносили на однѣхъ носилкахъ, покрытыхъ руномъ отъ овцы, заколотой передъ алтаремъ. Одежда и уборъ невѣсты составляли: 1) огненнаго цвѣта вуаль (фламмеумъ), подобный носимымъ женами фламиніевъ, браки которыхъ были нерасторжимы; 2) бѣлая туника—символъ невинности; 3) прическа подобная прическѣ весталокъ, заколотая стрѣлою (въ память битвы при похищеніи сабинокъ); 4) вѣнокъ изъ желѣзняка (Verbena officinalis L), символъ плодородія—и 5) шерстяной поясъ—символъ цѣломудрія. По принесеніи жертвъ верховный жрецъ, читая молитвы, давалъ съѣдать жениху и невѣстѣ по половинѣ священной лепешки (far) и соединялъ ихъ руки. По окончаніи обряда молодые шествовали въ свой домъ. Выходя изъ дома родительскаго, молодая была сопровождаема тремя дѣтьми, изъ которыхъ двое держали ее за руки, а третій, для отогнанія чаръ, несъ впереди зажженный факелъ изъ терновника. За нею слѣдовали еще двое дѣтей, несшихъ въ рукахъ веретено и разныя орудія женскаго хозяйства; шествіе же замыкали четыре замужнія женщины съ факелами въ рукахъ. Участвовавшіе въ процессіи молодые люди забавляли невѣсту шутками, заставлявшими ее улыбаться, а всего чаще и краснѣть, ибо шутки эти бывали весьма неблагопристойны. На порогѣ своего дома новобрачную встрѣчалъ мужъ и спрашивалъ: кто она?—Гдѣ ты будешь Каіемъ, тамъ я буду Каіею (Ubi tu Caius, ego Caja!), отвѣчала она. Послѣ того, на порогѣ же, ей подавали факелъ и воду: она прикасалась къ факлу и омочивъ руку окропляла себя водою; эти дѣйствія изображали символически готовность жены слѣдовать за мужемъ «въ огонь и въ воду». Черезъ порогъ ее проносили подруги, мужъ же ея въ эту минуту бросалъ орѣхи дѣтямъ, въ знакъ того, что онъ прощается съ рѣзвостью и шалостями, свойственными холостяку. Выслушавъ хоръ пѣвчихъ, сидя на овечьемъ рунѣ, молодая изъ рукъ старѣйшаго родственника

принимала ключъ—символъ хозяйства и домоводства. Празднество оканчивалось пиромъ, послѣ котораго гостямъ раздавали пирожки изъ тѣста на сладкомъ винѣ, начиненные лавровыми листьями (mustacea)... Факелъ, которымъ освѣщали дорогу новобрачной, свято сохраняли. Молодую вели въ спальню пожилыя замужнія женщины и укладывали ее на богато убранное ложе, окруженное шестью статуями боговъ и богинь. На другой день молодые супруги давали пиръ всей роднѣ (repotia).

Въ случаѣ несогласнаго житья супругамъ дозволялось расходиться. Разводъ бывалъ офиціальный и простой; первый происходилъ при полицейскомъ чиновникѣ и при свидѣтеляхъ; второй — безъ всякихъ церемоній: мужъ говоритъ женѣ: «жена,

СОДЕРЖАНІЕ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Стран.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Стран.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ГЛАВА ОДИНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Стран.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

Стран.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Стран.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ.

РИМЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Стран.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

АЛФАВИТНЫЙ АНАЛИТИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ СОДЕРЖАНІЯ ШЕСТИ ТОМОВЪ „ИСТОРІИ РЕЛИГІЙ ДРЕВНЯГО МІРА“

Томъ I: *Индія. Буддизмъ.* Томъ II: *Китай. Японія. Іезуиты въ Китаѣ.* Томъ III: *Персія.* Томъ IV: *Египетъ. Сабизмъ.* Томы V и VI: *Греція и Римъ.*

Въ оглавленіи томы означены римскими — а страницы арабскими цифрами.
Курсивъ означаетъ приложенный къ статьѣ рисунокъ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Ж.

З.

Знаки царской власти:

Зодіакъ:

Зодчество:

І.

И.

К.

Л.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Примѣчаніе. Символы, аллегеріи и эмблемы составляютъ одинъ изъ

Т.

Ф.

X.

Ц.

Царицы:

Ч.

Э.

Я.

Ѳ.

КОНЕЦЪ.